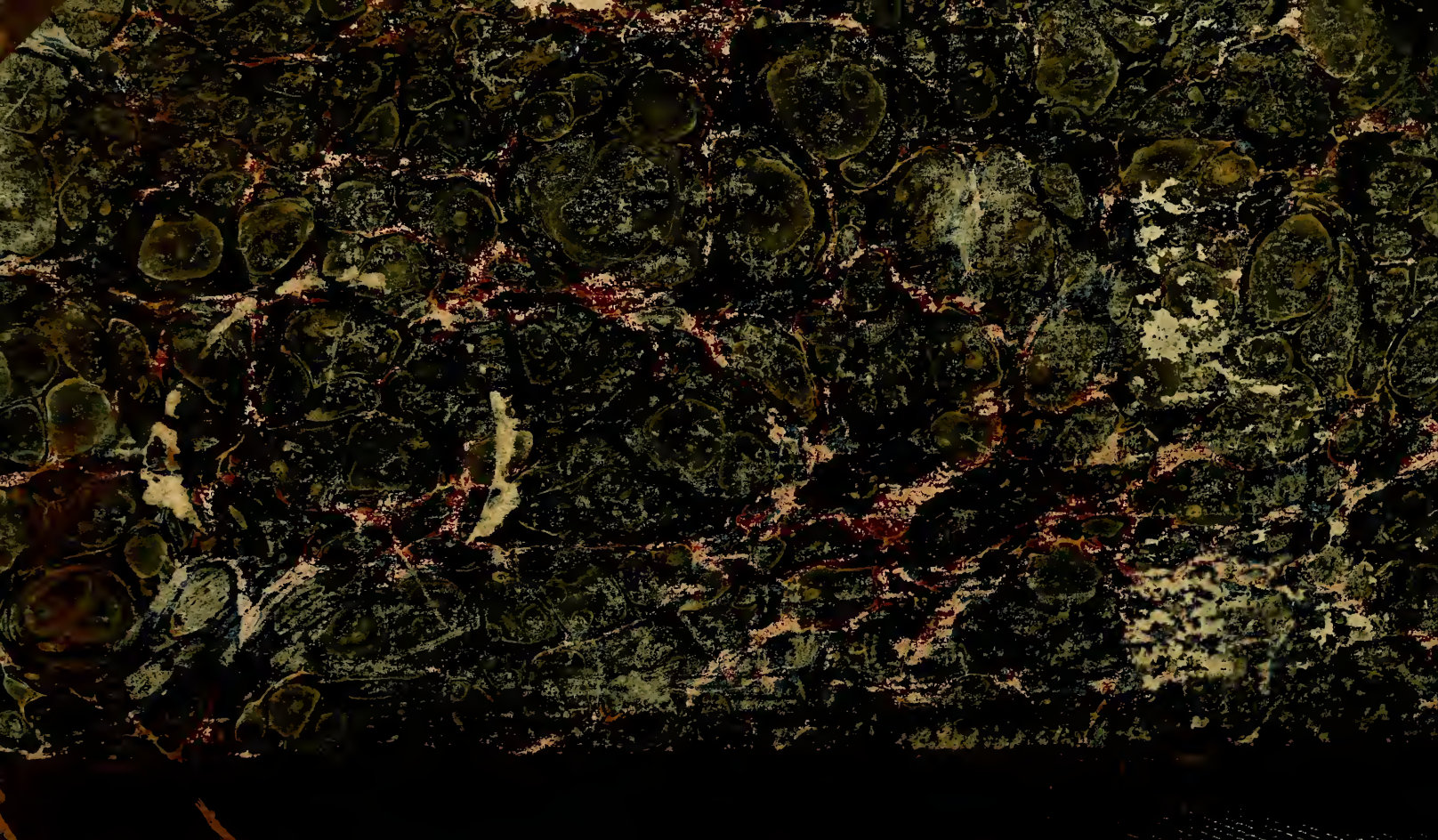


БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

X.

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/bibliotekadliach102senk

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Роскошный садъ. Небо ясно. Легкій, утренній вѣтерокъ разметаетъ благоуханіе цвѣтовъ и пѣніе птицъ. Со всѣхъ сторонъ столы, обремененные яствами и винами. Вокругъ столовъ — множество людей обоего пола. Вдали виднѣются городъ, нѣсколько деревень и поля покрытыя жатвою.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ПИРА.

Ну, Эмма, спой намъ что нибудь!
При пѣсняхъ какъ-то веселѣе
И говоришь, и ѣшь, и пьешь.
Смотри, еще едва свѣтаетъ,
А мы всѣ дремлемъ, словно ночь
Насъ убаюкала, какъ няня.

Между-тѣмъ какъ Эммѣ подаютъ арфу, одинъ изъ пирующихъ хочетъ встать; его удерживаютъ, и слышны —

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Куда? — Домой. — Пустое! — Нѣтъ,
Позвольте! Скоро день. — Не смѣйте
О томъ и думать! — У меня
Жена и дѣти; надо вспомнить....
— Вотъ глупости еще!.... Жена!
Ну, ну, сидите же, сидите!
— Я на минуточку схожу! —
Вотъ вамъ вино! — Сижу, сижу!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Ну, Эмма, другъ мой, поскорѣе!

Смотри, какъ смирно всѣ сидятъ.
Вина! Напѣнивайте чаши!

Эмма (поетъ).

Друзья, прекрасенъ солнца свѣтъ,
Еще прекраснѣй вдохновенье;
Прекрасна слава прежнихъ лѣтъ, —
Всего прекраснѣй наслажденье.

Не вѣчно жизнь для насъ цвѣтетъ:
О, запасемтесь же цвѣтами!
Не то, ихъ вѣтеръ разнесетъ,
И мы жъ растопчемъ ихъ ногами.

Жизнь не заботится объ насъ,
Летитъ стрѣлой. Скорѣй, ловите!
Друзья, проснитесь: дорогъ часъ!
Пройдетъ, умретъ.... не возвратите!

голоса гостей.

Прелестно! — Браво! браво! — Фора!
Не вѣчно жизнь для насъ цвѣтетъ!....
Здоровье Эммы! — Ваше! — Пейте!
Друзья, проснитесь! Дорогъ часъ! —
Вина! — Я веселъ, какъ ребенокъ....
Еще! Еще! Скорѣй.... Бокалъ! —
Что жъ наша музыка умолкла?....
Гей, музыканты!... Ну, живѣй!

(Музыка издаетъ тихіе плѣнительные звуки. Веселье собранія усиливается.)

председатель.

Теперь опять все закипѣло;
Мы встрѣтимъ солнце за столомъ.
Пусть намъ завидуетъ, и съ неба
На землю злится, а завтра
Я угощу васъ новымъ пиромъ,
Еще неслыханнымъ нигдѣ.

(Вдали слышенъ звонъ колоколовъ, и за садомъ, на возвышеніи показывается погребальное шествіе.)

Вотъ очень кстати!

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Похороны? —

Кто это умеръ?

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА.

Нашъ бѣдный Іорикъ,
Говорятъ, боленъ былъ крѣпко:
Не вздумалъ ли ужъ онъ направду
Облечься въ праздничный колпакъ,
Чтобъ легче до земли добраться, —
И тамъ на счетъ нашъ погулять!

ПЕРВЫЙ СТАРИКЪ.

Какъ, неужели бѣдный Іорикъ
Скончался? — Вотъ что значитъ жизнь!
Давно ли, кажется, межь нами
Онъ здѣсь сидѣлъ и говорилъ,
Что если вздумаетъ «разжиться»,
То цѣлый свѣтъ переживетъ!

ВТОРОЙ СТАРИКЪ.

А сколько плановъ, сколько бредней
Кипѣло въ этой головѣ!
Какое сердце!... Вотъ что значитъ
На этомъ свѣтѣ человѣкъ!

ПЕРВЫЙ СТАРИКЪ.

Я что-то чувствую ужасный
Припадокъ боли въ головѣ!...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Пройдетъ! — Не бойтесь! — Такъ, простуда! —
Рѣшительно здоровыхъ нѣтъ
Во всей вселенной, и не будетъ!
Гримъ вѣчно болѣнъ, да живетъ. —
Старикъ нашъ струсилъ не на шутку!...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Я замѣчаю, господа,
Что нашъ нежданый посѣтитель
Встревожилъ нѣкоторыхъ здѣсь.
Напѣньте чаши пополнѣе,
Пусть снова кубокъ круговой
Всѣхъ обойдетъ! Вино затопитъ
Какую бъ ни было хандру.
А чтобъ очистить совершенно
Вниманье наше, мы займемъ
Его какимъ-нибудь веселымъ
Разсказомъ. Вспомнимъ старину!
А то всѣ эти восклицанья
Лишь только на вѣтеръ летятъ
И послѣ насъ же разслабляютъ.
Вотъ такъ, пусть каждый изъ гостей
Разскажетъ намъ, — когда бъ съ судьбою
Онъ былъ въ особенномъ ладу,
Что сдѣлалъ бы? чѣмъ былъ бы счастливъ?

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Прелестна мысль! — Прелестна! — Да! —
Ну, начинайте жъ, господа! —
Начните вы! — Нѣтъ вы! — Извольте! —
Мы слушаемъ! — Вина!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Позвольте!
Мы здѣсь всѣхъ возрастовъ почти:
И такъ пусть начинаетъ младшій.

ПЕРВЫЙ ЮНОША:

Я не знаю,
Что зовете
Вы всѣ счастьемъ.

Я доволенъ
И собою,

И судьбою;
Не забочусь
Ни о правѣ,
Ни о славѣ;
Все имѣю,
Что мнѣ надо;
И покоенъ,
И свободенъ;
Ѣмъ прекрасно,
Сплю, какъ мертвый....
А о счастьи
Съ колыбели
И доселѣ
Я не думалъ!

Пью здоровье
Всѣхъ счастливцевъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Урокъ прекрасный, господа,
Намъ всѣмъ, поклонникамъ веселья!

ВТОРОЙ ЮНОША.

Поклонникамъ веселья, — да!
Но я жалѣю человѣка,
Который приметъ тотъ урокъ.
Одно здѣсь счастье — слава!
Тамъ, гдѣ огонь
Съ черной бѣдою;
Гдѣ кипитъ бой
Бурной волною;
Гдѣ онъ сильнѣй,
Гдѣ разрушенье,
Гибель и смерть
Въ сѣчѣ сраженья;
Тамъ, гдѣ гроза
Споритъ съ грозою, —

Я у себя,
Счастье со мною!
Дайте мнѣ мечь и броню стальную,
Дайте мнѣ лукъ, стрѣлу каленую:
О какимъ соколомъ туда бъ я помчался,
И какъ бы леталъ, и какъ бы сражался!

ТРЕТІЙ ЮНОША.

Неужели наше счастіе
Такъ зависитъ отъ другихъ?
Неужели безъ погибели
Нашихъ ближнихъ и родныхъ
Не возможно быть счастливыми?
Какъ хотите, господа,
Я не вѣрю въ это счастіе!
Быть любиму и любить
Друга нѣжнаго и вѣрнаго; —
Съ этимъ другомъ все дѣлить,
И печаль, и наслажденіе,
И заботы, и мечты, —
Вотъ что счастьемъ называю я
Нашей жизни-суеты!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЮНОША.

Любовь и дружба — вздоръ!
Безсмысленный наборъ
Фантазій, чувствъ и словъ!
Пустой кумиръ глупцовъ!
Безъ денегъ счастья нѣтъ;
То знаетъ цѣлый свѣтъ.
Какъ славно ни мечтай,
Какъ ни кричи, что рай
Любить, любиму быть, —
Безъ денегъ плохо жить!

ПЯТЫЙ ЮНОША.

Всѣ ваши богатства,
Весь пышный вашъ вздоръ, —

Одно святотатство,
Одинъ лишь позоръ
Святаго кумира!
Не здѣшняго міра,
Не нашей земли
Жилецъ это счастье;
И развѣ вдали,
Сквозь дождь и ненастье,
Какъ солнце съ луной,
Блеснетъ намъ порою:
Въ поэзьи одной
Святою струею
Сбѣжитъ иногда, —
И то не на долго,
И то не всегда;
И этого много!

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Взгляните, что это такое!
— Заря! — На западѣ? — Ну, да! —
Теперь заря? Давно свѣтаетъ!...
— Что тамъ? — Взгляните, господа!

(шумъ усиливается).

Ахъ, что это? — Пожаръ! Пожаръ! —
Какой пожаръ! Не можетъ статься! —
Прелестная картина! — Да! —
И тутъ и тамъ заря! Однако,
Ей Богу, странно! Никогда
Такого чуда не видали! —
Никто не слыхивалъ, ей ей!
— Смотрите, какъ вдругъ побагровѣлъ
Весь западъ!.. Зарево! — Нѣтъ, нѣтъ! —
Какъ будто огненное море
По небосклону разлилось! —
Какая тишина! — Взгляните,
Весь западъ въ пламени, горитъ.....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Пустое! Успокойтесь! — Туча,
И больше ничего..... Пройдетъ!

ОДИНЪ ИЗЪ ПИРУЮЩИХЪ.

Помилуйте! А это пламя?

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Ну, отраженье отъ лучей.....!
Отъ солнца.....

ДРУГОЙ.

Гдѣ жъ оно?

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Взойдетъ!

ПЕРВЫЙ.

Теперь же нѣтъ его...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Тѣмъ лучше!
Какое дѣло! объяснится
Само собою наконецъ.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА.

Что касается до счастья,
То, я право, никогда
И не знала, что за счастье!
Развѣ, развѣ иногда
Что-то схожее мелькало,
Да и то уже съ тѣхъ поръ
Какъ я за мужемъ, — пропало....
И доселѣ и на дворъ
Къ намъ съ супругомъ не влетало.
Несмотря на то, что мы
Любимъ искренно другъ друга;
Несмотря, что я — жены,
А мой добрый мужъ — супруга
Образцами здѣсь слывемъ.
Всѣмъ извѣстно безъ изъятья,

Какъ мы мирно съ нимъ живемъ!
Грѣхъ сказать, — и насъ бы счастье
Свѣтлой радугой своей
Осѣнило, можетъ статься,
Если бъ не было — дѣтей...

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА.

Откровенно вамъ признаться,
Этого нельзя понять!
Чтобъ дѣтей имѣть, — какъ можно, —
Я готова все отдать.
Вы не знаете, какъ много
Счастья матерію быть, —
Нѣжить, нянчиться съ ребенкомъ,
Всей душой его любить,
Прыгать съ нимъ самой, рѣзвиться,
И учиться, и играть,
И смотрѣть, — и веселиться,
Какъ онъ будетъ лепетать!
И потомъ съ нимъ вѣкъ дѣлиться
Всею жизнію своей!
О, друзья, какъ я несчастна,
Что Богъ не далъ мнѣ дѣтей!
Для чего я создана?

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА (самодовольно).

И что жъ это, другъ любезной!
Все заботливость одна!
Вотъ что счастье: — быть прелестной!....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (Эммѣ).

Милы льстящія мечты!....
А у тебя что счастье?

ЭММА (нѣжно).

— Ты!

(онъ въ восторгѣ жметъ ея руку.)

МУЖЧИНА СРЕДНИХЪ ЛѢТЪ (наливая стаканъ вина)

Всѣ вы, всѣ чудаки!
Врутъ себѣ пустяки,
Сказки!
Счастье имъ и вздыхать,
И острить, такъ-сказать,
Глазки!
И рѣками лить кровь,
И страдать за любовь —
Чудо!
Право, счастье — вино!
Если бы не оно,
Худо!
Да! пришлось бы всему,
И счастливѣйшему,
Жутко!
Посвистали бы вы
Безъ вина, соловьи!
Нутка!..

ГОЛОСА ВЪ СОБРАНІИ.

Вина! Вина!... Да здравствуетъ.....

(къ пирующимъ подходитъ старецъ въ рубищѣ. Нѣкоторое время всѣ въ изумленіи).

ОДИНЪ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Подайте милостыню. Нищій!

ДРУГОЙ.

Гоните прочь! И такъ ихъ много.

СТАРЕЦЪ ВЪ РУБИЩѢ.

Не подаянья я прошу!
Къ иному Богъ меня назначилъ.
Покайтеся! Ужъ близокъ часъ!
Приспѣлъ день жатвы, и сѣкира
При корнѣ дерева лежитъ.....
Оставьте ваши ликованья!...

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Нельзя ль не много поучтивѣй! —

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Позвольте!..
Видите ль, отецъ
Святой, что здѣсь слова напрасны.
Давать совѣты хорошо,
Когда ихъ просятъ.

СТАРЕЦЪ ВЪ РУБИЩѢ.

Нечестивцы!
Богъ говоритъ вамъ чрезъ меня:
Откройте вѣжди; пробудитесь
Отъ сна грѣховнаго. Еще ль
Вы раболѣпствовали мало
Предъ нимъ?

ОДНИЪ ЮНОША.

Оставьте насъ, отецъ
Святой, какъ недостойныхъ, въ жертву
Грѣху и прихоти: а то
Мы слишкомъ веселы сего дня!

СТАРЕЦЪ ВЪ РУБИЩѢ.

О, родъ невѣрный!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

До свиданья!
Прощайте!

(толпа служителей выгоняетъ старца въ рубищѣ).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (послѣ нѣкотораго молчанія).

И такъ, вотъ сколько ни толкуемъ,
А все вертимся, какъ на зло,
Вокругъ одной и той же мысли.
Сложите весь нашъ разговоръ
И вычтите все пустословье,
Какой получите итогъ?

У всякаго свое здѣсь счастье;
И — счастья нѣтъ ни у кого!

И тамъ, гдѣ огонь
Съ свирѣпой бѣдою,
И гдѣ кипитъ бой
Кровавой волною, —
Бывалъ я;
И все блаженство скоротечное
Кипучей, пламенной любви,
И все святое, все сердечное
Холодной грѣшницы земли
Знавалъ я!

А счастье все меня бѣжало.
Сначала я его искалъ
Въ бреду, мучительномъ томленьѣ
И взрывахъ бѣшеныхъ любви.
И мнѣ казалось, что блаженство,
Само блаженство, обняло
Меня волшебными крылами.
Я спалъ, я грезилъ, я мечталъ...
Но что же было все блаженство,
Весь этотъ длинный, чудный сонъ? —
Минута буйнаго восторга
И цѣлый день потомъ тоски.
И то прошло; настала скука...
Но предо мной еще вдали
Тянулось будущее свѣтлой,
Очаровательной мечтой.....

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Солнце! Солнце!

Всѣ смотрятъ на востокъ и любуются на восходящее солнце. Глубокое молчаніе.

Въ городѣ мало-по-малу начинается движеніе; по горамъ видны идущіе пастухи; поля наполняются жнецами. Все оживаетъ. Заря на западѣ становится часъ отъ часу багровѣе.

ЭММА (смотря на солнце.)

Быть можетъ, такъ оно взойдетъ
Въ послѣдній разъ!

ЮНОША.

Скажите лучше,
Такъ въ первый разъ оно взошло.

СТАРИКЪ.

Въ послѣдній — да! Куда ни взглянешь,
Все говоритъ намъ о концѣ.

ЮНОША.

Охъ, эти мнѣ предвѣстники!

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА (старику.)

Однако, что же напримѣръ?

СТАРИКЪ.

Все, все, другъ мой, куда ни взглянешь!
Возьмемъ, хоть наши времена:
Кругомъ развратъ, кругомъ соблазны,
Кругомъ безстыдство и позоръ;
Нѣтъ ни религіи, ни чести;
Законы попраны; судьи
Торгуютъ властью, правосудьемъ;
Повсюду бунты, возмущенья,
Раздоръ въ семействахъ; все живетъ
Однимъ грабительствомъ, насильемъ,
Одною гибелью, бѣдой!
Повсюду мерзость, запустѣнье,
Кумиры злату и грѣху.
Богатый тонетъ въ пресыщеньѣ,
Солдатъ купается въ крови,
Бѣднякъ дѣтей ведетъ въ продажу,
Братъ возстаетъ на брата, и
Сынъ на отца, отецъ на сына.....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Повѣрьте мнѣ, все то же было
И прежде. Разница лишь въ томъ
Что то прошло давно, въ туманѣ,
А это все у насъ въ глазахъ.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Дряхлѣетъ этотъ свѣтъ,
Дряхлѣетъ тѣломъ и душою.....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Все тотъ же онъ; дряхлѣемъ мы
Съ своими мнѣньями и знаньемъ!

(Пирующіе громогласно одобряютъ мнѣніе предсѣдателя, и въ изступленіи веселости поютъ всѣ вмѣстѣ:)

ХОРЪ.

Мы всѣ люди, — и земное
Намъ дороже всѣхъ надеждъ!
Пиръ нашъ — море разливное!
Мы живемъ.....

Вдругъ раздается ужасный ревъ. Со всѣхъ сторонъ появляются дикіе звѣри и, повѣсивъ головы, взрывая когтями землю, бѣгутъ къ пирующимъ. Гимнъ прерывается. Всѣ въ ужасѣ соединяются въ одну безпорядочную групу. Крикъ, шумъ, суматоха.

Звѣри, подбѣжавъ къ людямъ, начинаютъ ласкаться къ нимъ. Ужасъ переходитъ въ изумленіе.

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Смотрите! — Что это? — Гіенна.....
Ахъ, прочь, прочь! — Львица! Барсъ!....— Не бойтесь
Они ручные! — Чудеса! —
Какъ смиренъ тигръ! — О, нѣтъ! Взгляните,
Глаза какъ кровью налились
И шерсть стоитъ щетиной. — Дальше! —
Ахъ, ахъ! Онъ лижетъ руку мнѣ.....
Какъ-будто молитъ о пріютѣ.....
— Сюда! сюда! — Смотри, шакалъ! —
Вотъ жалко, нѣтъ у насъ тенетовъ!
Мы ихъ забрали бы теперь.....
— Нѣтъ, это что-нибудь не даромъ! —
Предчувствіе? — Не такъ ли? — Ну,
Не смѣйтесь!.....
— Что жъ нашъ пиръ? — Довольно!
Прощайте! — Я домой! — И я! —

И я! — И мы! — Еще хоть чашу
Осушимъ вмѣстѣ!
— Посмотри! —
— Ну, что еще? — Взгляни на небо!

Солнце начинаетъ меркнуть; на западѣ появляется другое, необыкновенной величины, — тусклое, багровое, — и идетъ прямо къ первому. Повсюду водворяется необыкновенная тишина. Пирующіе, блѣдные, совершенно разстроенные, стоятъ неподвижно на мѣстѣ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Комета, больше ничего!
Не бойтесь! Гей, вина скорѣе!....
Не стыдно ль трусить такъ! — Вина!
Опомнитесь!..... Вина, живѣе!

Его никто не слушаетъ. Все приходитъ въ ужасное смятеніе. Между-тѣмъ окрестныя поля, горы и долины наполняются народомъ. Звѣри мѣшаются съ людьми. Вода превращается въ кровь. Небо багровѣетъ. Оба солнца, сошедшись вмѣстѣ, сливаются въ одно, и вдругъ раздвинувшись огненною полосою по всему небу, разрѣзываютъ его отъ одного конца до другаго. Скоро огненная полоса исчезаетъ, и небесный сводъ становится чернымъ какъ смоль.

Съ земли начинаютъ подыматься густыя облака чернаго тумана и наполняютъ всю атмосферу. Повсюду глубокій мракъ и торжественная тишина, прерываемая стонами, ревомъ и скрежетомъ зубовъ. Гробы раскрываются съ трескомъ; мертвые встаютъ и присоединяются къ живымъ.

Земля колеблется. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхиваютъ волканы.

Пирующіе разбѣжались въ разныя стороны. Предсѣдатель пира и Эмма спасаются на утесъ. Она плачетъ. Въ блѣдномъ лицѣ его отражается ожесточеніе сердца.

ЭММА.

О Генрихъ мой! ужасенъ часъ
Разлуки съ жизнью и тобою!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ. (разсѣянно.)

Забудь объ немъ! Взгляни сюда,
На эту дивную картину!
Смотри, какъ закипѣлъ хаосъ,
Взрывая бурными волнами
Воздушный, страшный океанъ,
И вдругъ, разсыпавшись горами,

Какъ безконечный ураганъ,
Взревѣлъ, взмахнулъ, возсталъ, и гордо
Уперся въ грозный сводъ небесъ.
Смотри, какъ небо въ напряженьи,
Скрѣпясь, багровое, какъ кровь,
Налегши всей своей твердыней
На этотъ страждущій хаосъ,
Его сдавило мѣдной крышей!...
И вотъ онъ борется, реветъ,
Крутится, рвется, бьетъ валами,
Клокочетъ, ползаетъ, дрожитъ,
То вдругъ раздвинется стѣнами;
То весь осядетъ и кипитъ;
То вдругъ, смотавшись пеленою,
Несется, стелется; то вдругъ,
Поднявшись страшною скалою,
Съ презрѣньемъ смотрится вокругъ
Въ сѣдое зеркало тумана....
Смотри, смотри! Кругомъ темно;
Надъ нами горы облаками
Нависшихъ въ воздухѣ паровъ;
Кругомъ безбрежный океанъ
Густыхъ тумановъ.... Вотъ живые
Утесы, села, города
Средь черной мглы идутъ, кружатся,
Летятъ, спираются, трещатъ; —
Вотъ вдругъ блеснуло гдѣ-то пламя,
Взвилось, мелькнуло полосой!
И вдругъ разсыпалось наметомъ
Алмазно-бирюзовыхъ искръ!
Вотъ заиграли водометы
Блестящихъ, радужныхъ цвѣтовъ!...
И вотъ межъ черными скалами,
Среди безбрежной, мутной мглы,
Кровавой лентой покатились!...
А тамъ?... Тамъ грозное чело

Изнемогающаго неба.
Еще мгновенье, и — оно
Все въ дребезгахъ!

О Эмма, Эмма!
Поди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ!
Пусть міръ разрушится: мы вмѣстѣ!...

Смотри! Что тамъ чернѣется вдали
И копошится словно черви?....
А! Это люди. Вотъ они!
Герои — въ праздничныхъ кафтанахъ,
И трусы жалкіе — въ бѣдѣ!
Ты слышала, какъ за мгновенье,
Когда былъ ясенъ сводъ небесъ,
Они клялись имъ и ругались....
Теперь, смотри, мой другъ, смотри!
Вотъ всѣ они предъ тѣмъ же небомъ
Ползутъ, глотая прахъ и пыль,
И въ униженьи просятъ жизни.

ЭММА

О Генрихъ!... Милый, добрый Генрихъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Чего страшишься ты?

ЭММА.

Кругомъ
Все гибнетъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Что жъ? Пускай все гибнетъ.

ЭММА.

А мы?

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

И мы погибнемъ! Смерть
Не пощадитъ тебя за то,
Что ты трепещешь передъ нею.

ЭММА.

Я не могу владѣть собой!

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ, сама природа
Противъ меня!... Не ужасъ, нѣтъ, —
Тоска въ моей душѣ....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Тѣмъ хуже!
Для ужаса разсудокъ врачъ;
Противъ тоски нѣтъ врачеванья.

ЭММА.

Какъ мы предстанемъ предъ Творца!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Съ покорной волей, съ чистымъ сердцемъ!
Ты каждый день предъ нимъ была.

ЭММА.

Я за тебя страшусь, мой Генрихъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Я погибъ, Эмма!... какъ и всѣ!...

Волосы у него становятся дыбомъ; въ безмолвномъ изступленіи онъ кусаетъ свои пальцы; потомъ страшно хохочетъ.

Смотри! Когда бы намъ дождаться
Такой картины!... Никогда!
И если бы имѣлъ я силы,
То эту сумрачную мглу
Осыпалъ бы звѣздами. Къ черной
Одеждѣ золото идетъ!

ЭММА.

Утесъ колеблется!...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Не бойся!
Когда воскресли мертвецы,
Живые не погибнутъ!
Эмма!
Ты вся дрожишь! — Сойдемъ!... Оттоль...

Вѣтръ порываетъ ихъ съ утеса. Они кружатся нѣсколько времени въ туманѣ и исчезаютъ.

Съ земли начинаетъ подниматься кровавый столбъ. Кругомъ столба летаютъ огни въ видѣ огромныхъ молній. Далѣе со всѣхъ сторонъ черный мракъ.

ХОРЪ ОГНЕНЫХЪ ДУХОВЪ.

Богъ правосудный,
Духъ безкопечный,
Трижды святый!
Мы — порожденье
Сѣмени древа,
Зла и огня,
Молимъ, — надъ нами
И человѣкомъ
Судъ сотвори!

ХОРЪ ОГНЕННЫХЪ ДУХОВЪ ВЪ КРОВАВОМЪ СТОЛБѢ.

Мы — кровь невинныхъ,
Кровь убіенныхъ,
Слезы сиротъ,
Скорбь безпріютныхъ,
Плачь угнетенныхъ,
Стоны рабовъ, —
Богъ милосердый,
Богъ правосудный
Молимъ Тебя!
Призри несчастныхъ
И отъ гоненья
Насъ защити!

ХОРЪ ЧЕРНЫХЪ ДУХОВЪ ВО МРАКѢ.

Господи, Боже,
Духъ Всемогущій,
Трижды святый!
Мы — порожденье
Сѣмени древа,
Крови и зла,
Молимъ, — межь нами
И человѣкомъ
Судъ сотвори!

Земля трещитъ страшно и раскалывается въ разныхъ мѣстахъ. Изъ огромныхъ разсѣлинъ начинаютъ вспыхивать массы огня съ сѣрнымъ удушливымъ дымомъ и повременамъ освѣщаютъ толпы народа, скопившіяся во мракѣ. Изъ толпъ слышны смѣшанные голоса хулы и отчаянія.

ГОЛОСА.

Обрушьтесь на меня утесы!
— Разверзнись подо мной земля!
— Зачѣмъ ты, мать, меня родила?....
Зачѣмъ не умеръ я, когда
Увидѣлъ въ первый разъ вселенну!....
Молитесь грѣшники! — Весь адъ
Въ груди моей! — О, лопни сердце!....
Изсохни мозгъ въ моихъ костяхъ! —
Проклятье! — Нѣтъ нигдѣ отрады!
— Гори, гори моя душа!.....
— Кляну тебя мой день рожденья!
Кляну и адъ, и небеса! —
Молитесь, грѣшники, молитесь!
— А?..... Прочь! Исчезните! Прочь, прочь!
Я знаю васъ..... Бѣгите! Знаю, знаю,
Вы тѣни обиженныхъ слугъ!
— Прощенье!..... Гибель!..... Умоляю!
— Скорѣй, терзайте!.... Смерть! скорѣй!
— Отдайте мнѣ мою могилу!
— Не проклинай меня отецъ!
— Возьми назадъ свое проклятье!
— Разбейте молніи меня!
— Бушуйте яростные вѣтры!
— Кипи безсмысленный хаосъ!
— О, скрой меня мракъ черной ночи! —
Готовьтесь грѣшники! — Прочь! Прочь! —
Не скрежещите такъ зубами!..

Кровавый столбъ, поднявшись до самаго неба упирается въ него. Земля загарается. Небо разверзается, и сокрушенный сводъ его сыплется съ страшнымъ звономъ по воздуху хрустальными осколками. Сквозь отверзтія пробивается ослѣпительный свѣтъ.

ХОРЪ ПРАВЕДНИКОВЪ.

Свѣте нашъ тихій,
Богъ и Владыка
Неба, земли!

Дверь милосердья
Намъ — недостойнымъ,
Грѣшнымъ рабамъ,
Въ небѣ отверзи,
И покаянье
Наше прими!

Небо падаетъ цѣлою пеленою. Со всѣхъ сторонъ необыкновенное сіяніе. Земля разрушается въ одно мгновеніе ока и милліонами пылающихъ обломковъ летитъ въ преисподнія бездны. Въ свѣтломъ воздухѣ завѣшены миріады людей, и съ громовымъ эхомъ раздаются въ пространствіе уничтоженной вселенной —

ЗВУКИ СТРАШНОЙ ТРУБЫ.

ТИМОѲЕЕВЪ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ужъ не цвѣсть цвѣтку въ пустынѣ,
Въ клѣткѣ пташечкѣ не пѣть!
Ужъ на горькой на полынѣ
Сладкой ягодкѣ не зрѣть!

Ясну солнышку въ ненастье
Въ синемъ небѣ не сіять!
Добру молодцу въ несчастьѣ
Дней веселыхъ не видать!

Какъ, во той ли тяжкой долѣ,
Русы кудри разовью?
Ужъ какъ, выйду ль въ чисто поле
Разгулять тоску мою?

Можетъ, вѣтеръ на долину
Грусть злодѣйку разнесетъ;
Можетъ, рѣчка злу кручину
Быстрой струйкой разобьетъ.

Не сходить туману съ моря,
Не сбѣжать тѣнямъ съ полей!
Не разбить мнѣ люта горя,
Не разнесть тоски моей!

П. ЕРШОВЪ.

МАЛЬВИНА.

Цвѣла лилея полевая:
Какъ яркій снѣгъ бѣла, нѣжна;
Красой душистою плѣняя,
Цвѣткомъ любви наречена.

Долина ею любовалась;
Журчалъ привѣтно свѣтлый токъ,
Пчела къ цвѣтку не прикасалась,
Ее лелѣялъ вѣтерокъ.

Но буря вдругъ, вдали чернѣя,
Одѣла мракомъ небеса, —
И съ корнемъ вырвана лилея, —
Поляны милая краса.

Веселье взоровъ миновалось.
Уже лилеи не видать!
Листочка даже не осталось
Ея удѣлъ намъ разсказать!

Цвѣла Мальвина молодая,
Яснѣй лилеи полевой,
Въ красѣ воздушной дѣвы рая,
Любви плѣнительной звѣздой.

Въ прелестномъ образѣ свѣтлѣло
Душѣ понятное въ мечтахъ,
И сердце нѣжное горѣло
Въ ея задумчивыхъ очахъ.

Но тщетно витязи искали
Соединиться съ ней вѣнцомъ;

Какой-то дивный мракъ печали
Таится въ сердцѣ молодомъ.

Она, какъ-будто жить не смѣя,
Простяся съ радостью земной,
Сама прекрасная лилея
Уже встревожена грозой.

Иль грудь, предчувствіемъ тѣснима,
Бѣдой ли призракъ ей грозилъ?
Измѣной ли какой крушима?
Но свѣтлый умъ въ ней страхъ затмилъ?

И ей ужасна тѣнь ночная;
Она забыла сладкій сонъ,
И все, тоскуя и мечтая,
Глядитъ на лунный небосклонъ.

И бѣдную тоска убила!
И ужъ прелестной дѣвы нѣтъ!
Взяла холодная могила
Младаго сердца нѣжный цвѣтъ.

И что безмолвный гробъ скрываетъ,
Чѣмъ жизнь была отравлена,
Увы, быть-можетъ только знаетъ
Одна полночная луна!

И. КОЗЛОВЪ.

ПРИЗРАКИ.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

I.

Сколько дѣвъ, и юныхъ, и прекрасныхъ
Тлѣетъ тамъ, — подъ кровомъ гробовымъ!
Смерть добычи проситъ, — и напрасны
Жалобы! А рокъ неумолимъ!

Серпъ жнеца, сверкающій и острый,
Коситъ злакъ на бархатныхъ лугахъ —
Средь потѣхи, рой танцоровъ пестрый
Раздавляетъ розы на балахъ; —

Ручеекъ въ долинахъ пробѣгаетъ,
Зной его и сушитъ, и палитъ, —
Въ черныхъ тучахъ молнія сверкаетъ,
И одно мгновеніе блеститъ; —

Въ майски дни поля опустошаетъ
Холода нечаянный набѣгъ:
Имъ сраженъ цвѣтъ яблони душистый,
Весны теплой благовонный снѣгъ, —

Это жизнь!... Угаснетъ день прекрасный,
Ночь разстелетъ мглу по небесамъ;
Все пройдетъ! Намъ должно пробудиться:
Радости иль скорби встрѣтимъ тамъ?

Пиръ гремитъ торжественный и пышный;
За столомъ веселый кругъ гостей:
Сколько, не допраздновавъ, уходитъ
Изъ среды пирующихъ друзей!

II.

Гдѣ жъ онѣ?... Вотъ та — цвѣтокъ прелестный!
Щеки — розы, грудь — лебяжій пухъ;
Голосъ звучалъ музыкой небесной, —
И все это превратилось въ духъ!

А другая, грустію убита!
Взоръ потухшій, блѣдность на щекахъ!...
И угасла, ото всѣхъ съ забытымъ
Именемъ въ трепещущихъ устахъ.

Та исчезла, тихо увядая,
Какъ на лирѣ умираетъ звукъ;
Та съ улыбкой ангела, играя,
Жизнь скончала безъ страстей и мукъ.

Всѣ цвѣты, что, не цвѣтя, увяли
Утромъ, жизни въ безразсвѣтной мглѣ!
Голубицы, посланныя небомъ
Въ даръ грѣхомъ колеблемой землѣ!

Всѣ прешли!... Какъ! столько дѣвъ прелестныхъ
Подъ могильнымъ камнемъ? Ихъ глаза
Не горятъ уже огнемъ небеснымъ?
Сладкіе ихъ смолкли голоса?

Столько звѣздъ безвременно потухшихъ?
Столько розъ поблекнувшихъ въ веснѣ?
Ахъ, пойду топтать сухія листья,
И блуждать въ лѣсахъ, тамъ, гдѣ онѣ!

Тѣни милыя, вашъ миръ нарушить
Прихожу я въ темнотѣ ночной!
Тамъ онѣ меня приходятъ слушать
И въ тиши бесѣдовать со мной.

Вижу ихъ разсѣянныхъ въ дубравахъ;
Но число ихъ сумерки таятъ, —
Лишь межъ листьевъ и вѣтвей кудрявыхъ
Очи ихъ, какъ звѣздочки, горятъ.

О, прекрасный сонмъ видѣній милыхъ!
Онъ съ моей сродняется душой....
Нѣтъ границъ межъ жизнью и могилой, —
И покровъ разверзся гробовой.

Тамъ брожу съ подругами моими,
Иль во тмѣ блуждаю съ ними я;

Какъ онѣ, я — мертвый между ними;
А онѣ живыя, какъ и я.

Произвольно образы тѣлесны
Имъ мои мечтанья придаютъ.
Вотъ ихъ рой воздушный и чудесный!
Вотъ онѣ!... Меня къ себѣ зовутъ.

На могилахъ, таинственнымъ кругомъ,
Тѣни рѣзво пляшутъ въ тишинѣ;
И потомъ уходятъ другъ за другомъ,
И исчезнутъ въ мрачной глубинѣ.

III.

Ахъ, одна, Испанка молодая!
Ручки — снѣгъ, и черная коса,
Долгая, волнистая, густая,
И полудня страстные глаза;

Вздохами колеблемыя перси,
И невинности румяный цвѣтъ,
И вѣнецъ, что на челѣ блистаетъ
Дѣвушки четырнадцати лѣтъ!

Не любовь свела ее въ могилу;
Не любовь въ ней волновала духъ:
Всѣ ее увидѣвъ, — Ангелъ милый!
Съ умиленьемъ говорили вслухъ.

Балъ ее увлекъ подъ сѣнь гробницы.
И теперь ея трепещетъ прахъ,
Въ ночь, когда вокругъ луны-царицы
Пляшутъ облака на небесахъ.

Если гдѣ затѣянъ балъ, бывало,
Очи дѣвы не сомкнутся сномъ.

О, три дня она объ немъ мечтала,
И три ночи думала объ немъ!

И тогда, въ ночныхъ ея мечтаньяхъ,
Возмутивъ души ея покой,
Музыканты, кавалеры, дамы,
Проходили шумною толпой;

А потомъ узоры одѣяній,
И жемчугъ въ извитіяхъ косы,
Перья, токи, разноцвѣтны ткани,
Тонкія, какъ крылышко осы.

Шумный балъ ужъ начался. Толпами
Рѣзвыми подругъ окружена,
Мило вееръ свой вертя руками,
Въ пышный залъ вбѣгаетъ вотъ она.

И бѣжитъ, садится: рядъ прекрасный
Платьевъ, лентъ пестрѣетъ и блеститъ;
Загремѣлъ оркестръ тысячегласный, —
Въ звукахъ сердце дѣвушки дрожитъ.

Восхищенье — пляски дѣвъ прелестныхъ!
Какъ люблю тогда смотрѣть на нихъ!
Какъ на ихъ одеждахъ разноцвѣтныхъ
Искрится рой блестокъ золотыхъ!

Черныя и огненныя очи
Подъ прической черною блестятъ:
Такъ межь мрачныхъ тучь, въ часы полночи,
Двѣ звѣзды сверкаютъ и горятъ!

Все въ ней было, — легкость, смѣхъ и радость.
Милая! О, какъ досуга въ часъ,
Рѣзвая ея, живая младость
Пріунывшихъ забавляла насъ.

Сердце счастье не въ пирахъ находитъ,
Жизнію живетъ не на балахъ:
Тамъ съ утѣхой вмѣстѣ скука бродитъ,
Вкругъ кадрилей вьется ѣдкій прахъ.

Но она, забывшись, въ упоеньѣ
Котильона облетала залъ,
И садилась, — а, посмотришь, снова
Вальса вихрь ее по залу мчалъ.

Все въ ней сладко душу сотрясало, —
Звуки флейты, пестрота цвѣтовъ,
И въ огняхъ сверкающая зала,
Шумъ шаговъ и звуки голосовъ.

Балъ блистательный — очарованье!
Какъ вкругъ насъ все весело шумитъ!
Какъ душа, средь плясокъ, въ ликованьѣ,
Радостно трепещетъ и кипитъ!

Какъ, танцуя, мы не знаемъ сами,
Носимся ль въ воздушныхъ облакахъ,
Волны ли клубятся подъ ногами,
Или мы летаемъ въ небесахъ!

Но пора! Блѣднѣютъ въ небѣ звѣзды,
Осушенъ веселія сосудъ:
Ждетъ она, пока ей у подъѣзда
Шелковый мантò не подадутъ;

Между-тѣмъ, склонившись, утомленной
Головою, на крыльцѣ дрожитъ;
Грудь ея и плечи обнаженны;
Предразсвѣтный вѣтеръ холодитъ.....

И потомъ, какое пробужденье
Послѣ шумныхъ пиршества утѣхъ!.....

О, простите, музыка и пѣнье,
Игры, танцы и безпечный смѣхъ!

Уже свѣтлымъ, какъ вчера, сіяньемъ
Взоръ ея унылый не горитъ;
И недуга пламенникъ багровый
Сжегъ румяный цвѣтъ ея ланитъ.

IV.

Нѣтъ ея! Увялъ цвѣтокъ нашъ милый
Майскій цвѣтъ прекрасный и живой!
Кто изъ насъ, скорбя, ея могилы
Раннія не окроплялъ слезой!

Не совлекшую одежды свѣтлой,
Смерть ее, холодною рукой,
Вырвала изъ пламенныхъ объятій
Матери растерзанной тоской.

Рѣзвая! она была готова
На другихъ еще балахъ плясать, —
Такъ спѣшила смерти длань сурова
У печальныхъ насъ ее отнять!

И ея вѣнокъ изъ розъ прелестный,
Что вчера еще благоухалъ,
Въ глубинѣ ея могилы тѣсной,
Цвѣтъ любви безвременно увялъ!

V.

Мать ея, у милой колыбели
Утомленныхъ не смыкавъ очей,
Столько скучныхъ, долгихъ и безъ цѣли
Надъ малюткой провела ночей!

И зачѣмъ? Труды напрасны были!
Ужъ червей голодная семья

Въ мрачной, глубинѣ, сырой могилы
Жадно точитъ бѣлу плоть ея.

И когда полночи часъ унылый,
Прозвенѣвъ въ стѣнахъ темныхъ гробовъ,
Позоветъ и трупъ ея застылый
На веселый праздникъ мертвецовъ, —

Съ ней не мать сидитъ у туалета,
А мертвецъ съ безжизненнымъ челомъ, —
И съ ужаснымъ хохотомъ скелета
Говоритъ: — Красавица, пойдемъ!

И потомъ, холодными губами,
Прикоснется онъ къ губамъ ея!
И рукою съ длинными ногтями
Обовьетъ изсохшій станъ ея!

И могильный камень поднимаетъ!
И она, дрожащая, идетъ!.....
Духи пляшутъ, — и она вступаетъ
Въ ихъ воздушный, страшный хороводъ!

Полный мѣсяцъ таинственно блещетъ,
И ныряетъ въ мутныхъ небесахъ!
И сіянье радуги трепещетъ
Въ серебристыхъ, влажныхъ облакахъ!.....

М. СОРОКИНЪ.

ВЕСНА.

Весна! И солнце запылало
Въ прозрачныхъ майскихъ небесахъ;
Все жизнью въ полѣ заиграло,
И цвѣтомъ вспыхнуло въ лѣсахъ!

Пойдемъ, въ часъ утренній, Мальвина,
Смотрѣть на счастье, на красу, —
Какъ улыбается долина,
Какъ пташки празднуютъ въ лѣсу.
Поздравимъ юную природу
Съ вновь возрожденнымъ бытіемъ;
Она изъ смерти въ жизнь, въ свободу
Зовется солнечнымъ лучемъ.
О благородное свѣтило,
Какой скрытъ рай въ твоихъ лучахъ!
Какая жизненная сила
Лiется съ ними въ мертвый прахъ!
Смотри, Мальвина: возрожденье
Ты въ каждой травкѣ видишь вновь;
И жизни каждое движенье
Благовѣствуетъ намъ любовь.

Мой другъ! твои краса и младость,
Улыбка, вздохъ, огонь въ крови,
И сердца бой, и думы сладость,
Есть также даръ святой любви!

Смотри, какъ здѣсъ ростокъ отпрыскнулъ
Отъ оживленнаго пенька!
Чу, соловей, какъ громко свиснулъ,
И трелью стихъ въ нѣдрахъ лѣска!
Какъ пташки пламенно щебещутъ,
Свивая гнѣзда средь вѣтвей!
Какъ рѣки солнцемъ пышно блещутъ,
И шепчетъ сладостно ручей!
Какую роскошь навѣваетъ
Воскресшій съ гроба вѣтерокъ!
Какъ весело въ лугу порхаетъ
Цвѣтку товарищъ, мотылёкъ!
Какою жизнью счастьедатной
Планета вся оживлена!

И эта жизнь душѣ понятна, --
Она любовью создана.

Мальвина, другъ мой, милый, нѣжный!
Вотъ Божій міръ передъ тобой,
Диковинный и безмятежный,
Съ своею райской красотой.
Взгляни на міръ умильнымъ окомъ,
Забывъ и шумъ, и суету,
И въ созерцаніи высокомъ
Любви проникни красоту.
Съ весною весело играя,
Природа тайну скажетъ намъ, —
Какъ достигать изъ скорби рая,
Парить изъ тлѣнья къ небесамъ.
Но я замолкну: сердца трепетъ
Въ тебѣ — Божественный пророкъ;
Онъ объяснитъ мой слабый лепетъ,
Мой недосказанный урокъ.

Вотъ холмъ увѣнчанный цвѣтами
Чело взнесъ къ горней высотѣ.
Онъ какъ алтарь предъ небесами
Стоитъ въ священной красотѣ.

Пойдемъ! И тамъ благодаренье
Творцу міровъ мы воздадимъ,
За эту жизнь, за наслажденье,
За то, что — міръ Имъ такъ любимъ!

АЛЕКСѢЙ ЗИЛОВЪ.

=

ПРОЗА.

БѢДА, ЕСЛИ БЪ НЕ МЕДВѢДЬ!

Была половина іюня. Вечерняя заря, какъ самолюбивая красавица, долго любовалась румянцемъ своимъ въ зеркалѣ спокойной Невы, и наконецъ разлеглась тонкой нитью по горизонту. Время близилось къ полуночи. Полная луна висѣла серебрянымъ шаромъ на темносинемъ сводѣ, и жители Петербурга, счастливые какъ Елисейскія тѣни, когда въ холодномъ и темномъ Эребѣ на тѣни неба настанетъ тѣнь весны, быстро мелькали въ этомъ волшебномъ полусвѣтѣ между зеленью деревъ, красиво перемѣшанною воздушными жилищами лѣта. Строгоновскій Садъ былъ еще окруженъ темнымъ вѣнцемъ изъ экипажей, но изъ сада тянулись уже разноцвѣтною гирляндою гуляющіе и разсыпались по всему протяженію Невскаго берега. Вы знаете, куда они шли изъ сада! Тоненькія ножки красавицъ охотно оставляютъ бархатную зелень садовъ, чтобъ пройти по колѣно въ пескѣ по улицѣ Новой Деревни, — гдѣ..... ну, гдѣ стоитъ кавалерія! Да еще какая! Воображеніе Петербургскихъ матерей и невѣстъ такъ тѣсно соединило съ именемъ кавалергарда пятьдесятъ тысячъ годоваго дохода, что и самый опытъ не можетъ переувѣрить искательницъ богатыхъ женіховъ въ ошибочности этого расчета вѣроятій. Пусть ихъ идутъ въ Новую Деревню! Междутѣмъ пробило двѣнадцать часовъ. Толпы начинали примѣтно уменьшаться; стукъ экипажей разносился по разнымъ направленіямъ острововъ рѣже и рѣже;

всюду раздавались прощальныя восклицанія; эхо смѣшанныхъ привѣтствій, каламбуровъ, признаній, хохота, вздоховъ, поцѣлуевъ, пробѣгало по гладкимъ водамъ и замирало въ отдаленіи. Эхо поцѣлуевъ замирало дальше всѣхъ, — въ Крестовскомъ лѣсу.

Почти послѣдній оставилъ гуляньe Евгеній Рамирскій, гвардейскій прапорщикъ, только-что опереннный офицерскимъ султаномъ. Безъ родныхъ и близкихъ, онъ началъ и кончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ военныхъ учебныхъ заведеній, а на девятнадцатомъ году перешагнулъ изъ рекреаціонной залы корпуса на поприще свѣта, предоставленный рѣшительно самъ себѣ. Онъ не имѣлъ и поверхностнаго понятія о томъ, что происходитъ за кулисами свѣта, и принималъ представленіе за дѣйствительность; его чистая душа, какъ полированное стекло, отражала всѣ эти деревья, дачи, дорожки, экипажи, шляпы, шлянки, ноги, ножки, косынки, ленты, движенія, кривлянья, спѣси, расчеты, — всю эту довольно натуральную игру безчисленныхъ актеровъ, не теряя своей свѣтлости, не обременяясь ни какимъ пятномъ. Онъ былъ скроменъ, и эта скромность была въ немъ такъ же неподдѣльна, какъ маленькіе, молодые усы, какъ прекрасное лицо съ черными, огненными глазами, какъ стройность ловкаго стана и благородство въ пріемахъ, чуждое всякаго жеманства. Прибавьте къ тому совершенное незнаніе противоположнаго пола.

Упоенный цѣлительною прохладой ночи, медленно всходилъ онъ на крутизну Каменно-островскаго Моста; все его существо было надушено радостью; онъ готовъ былъ броситься первому встрѣчному на шею и разцѣловать его, не умѣя дать себѣ отчета въ своемъ самодовольствіи; ему нравились люди, — они въ первый разъ всегда нравятся. Передъ нимъ лежало широкое зеркало Невы; небо вверху, небо внизу; звѣзды на небѣ и звѣзды на землѣ; двѣ прекрасныя

луны, — и луна, плававшая въ Невѣ, была еще краснѣе той, которая скользила по тверди. Однимъ словомъ свѣтъ, казалось, былъ чудо-свѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ восхитителенъ ночью. Прапорщикъ остановился. Картина природы восхитила юношу; къ довершенію очарованія, подъ мостъ незамѣтно подплыла шлюпка съ гуляющими; одинъ акордъ роговой музыки, какъ голосъ небожителей, пролетѣлъ по воздуху, и Евгеній зарыдалъ ребенкомъ; всѣ мысли его слились въ теплую, святую молитву, и воспарили къ стопамъ Того, Кто всемощною десницею, какъ горсть алмазнаго песку, бросилъ въ безпредѣльность эти милліоны живыхъ и блестящихъ міровъ.

Мостъ задрожалъ отъ стука экипажа, когда восхищенный юноша готовъ былъ броситься на колѣни отъ умиленія.

Рамирскій обернулся. Мимо его, запряженная парою сѣрыхъ лошадей, неслась щегольская коляска, съ двумя дамами. Евгеній не успѣлъ еще окинуть ее глазами, какъ прямо къ ногамъ его упалъ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Экипажъ вскорѣ остановился. Рамирскій поспѣшилъ возвратить потерю. Одна изъ дамъ привстала и протянула руку; Евгеній, отдавая букетъ, взглянулъ въ лицо его владѣтельницы, ясно озаренное луною, — и приросъ къ мѣсту. «Есть великолѣпіе природы, котораго я еще не постигъ!» подумалъ онъ. Дама поблагодарила услужливаго кавалера; онъ низко поклонился; застучались возжи, и лошади понеслись стрѣлою.

Онъ долго слѣдовалъ взоромъ за коляской, постепенно утопавшей въ облакѣ пыли. Ему показалось, что она остановилась; но сумракъ мѣшалъ съ точностью опредѣлить мѣсто; къ счастью, оно лежало на его пути, и Евгеній непремѣнно желалъ узнать, подъ какой кровлею живетъ существо, которое такъ мило теряетъ свои цвѣты на мосту. Приближаясь къ за-

мѣченной точкѣ, онъ очутился подлѣ растворенной въ садъ калитки. Сквозь густую зелень акаціи мелькалъ яркій свѣтъ. Вскорѣ послышалась арфа. Евгеній не могъ превозмочь любопытства, вошелъ въ садъ, и началъ неслышимо пробираться къ свѣту. Наконецъ онъ могъ разсмотрѣть широкій балконъ, уставленный цвѣтами и освѣщенный нѣсколькими лампами; посерединѣ стоялъ накрытый столъ съ тремя приборами. Дама въ бѣломъ пеньуарѣ, перехваченномъ голубою лентою, сидѣла за арфой, и разсѣянно перебирала струны; вблизи были брошены шляпка и букетъ цвѣтовъ. Евгеній, едва переводя дыханіе, подвинулся шага на два впередъ. За стуломъ дамы въ тѣни, стоялъ массивный болванъ, – положимъ, что это было существо,–стояло существо, безмолвное, толстое, пожилое, лысое, въ темномъ фракѣ. Юноша узналъ владѣтельницу букета, и, несмотря на завтрашнее раннее выступленіе въ лагерь, готовъ былъ любоваться на нее цѣлую ночь.

– Что вы молчите, храбрый маіоръ? сказала дама, оборотясь къ своему сосѣду. Промолвите что-нибудь!

– Что угодно будетъ скомандовать вашему сіятельству? сказалъ маіоръ, нѣсколько запинаясь.

– Развѣ я вашъ командиръ?

– Нѣтъ, княгиня, но....

Тутъ маіоръ крѣпко запнулся, и сдѣлалъ такую длинную паузу, что дама, не дождавшись ея окончанія, пересѣла къ столу, предлагая мѣсто маіору.

– Какъ можно прежде Даріи Климовны! Она такая взыскательная, такая.....

– Какая? закричалъ другой болванъ, по повидимому болванъ женскаго рода, отворяя другую половинку стеклянныхъ дверей, чтобы пролѣзть на балконъ.

Маіоръ при этомъ возгласѣ отступилъ назадъ; а до-

родная Дарія Климовна хлопнулась на стулъ такъ что стекла зазвенѣли. Вслѣдъ за нею придвинулся къ столу и маіоръ, осторожно помѣстивъ салфетку въ третьей петлицѣ своего фрака.

– Замѣтили вы, тетушка, офицера, который подалъ мнѣ букетъ? спросила княгиня толстую собесѣдницу, разсматривая что-то на тарелкѣ.

– Я вѣдь не сычиха, матушка, чтобы видѣть ночью.

«Не лучше!» подумалъ Евгеній. Онъ подвинулся еще на шагъ, наткнулся носомъ на цвѣтокъ акаціи и чихнулъ во весь садъ.

Княгиня устремила сокольи очи въ ближнюю зелень. Маіоръ хотѣлъ крикнуть, разинулъ ротъ, и закинулся. Дарія Климовна хотѣла взвизгнуть, и проглотила комара. Такъ первая минута прошла безъ суматохи, а во вторую Рамирскій былъ уже внѣ сада.

Княгиня Марья Александровна Златопольская, вдова двадцати лѣтъ, стройная, высокая, полная, румяная, постигшая въ совершенствѣ искусство нравиться, позабывшая счетъ своимъ поклонникамъ, приковала къ себѣ мысли неопытнаго Евгенія. На семнадцатомъ году перешла она, съ рукъ на руки, отъ начальницы пансіона къ князю Златопольскому съ титуломъ его жены, не понимая ни важности, ни даже обязанностей новаго званія. Достопочтенный супругъ, занятый счетомъ банковыхъ билетовъ, никогда не имѣлъ времени посчитать свои годы: съ семидесятилѣтнею опытностью, можно было бы ему предвидѣть неумѣстность женитьбы на ребенкѣ; но князь крѣпко надѣялся на свое богатство. Оно произвело желаемое дѣйствіе, то есть, склонило Марію къ замужству. Однако природа взяла свое. Едва передъ юной княгинею открылась долина свѣтской жизни, какъ она, подобно мотыльку, вспорхнула со ста-

раго репейника, и понеслась кружиться вокругъ цвѣтовъ, привлекавшихъ ея вниманіе своею свѣжестью.

Имѣя обширныя средства удовлетворять порывамъ вѣтреной души и прикрытая отъ притязаній сплетницъ званіемъ жены почтеннаго человѣка, она дѣйствовала произвольно на сценѣ большаго свѣта, но отнюдь не была безнравственна. Многіе говорили объ ней съ невыгодной стороны, но никто не могъ придумать имени, которое бы поставить подлѣ имени Маріи, для ея безславія. Она кружила головы многимъ, и оставалась сама непобѣдимою. Молодежь боготворила ее. Она это знала, и всегда являлась подобною лучезарной звѣздѣ; возбуждая злобу матушекъ и тетушекъ, зависть дочекъ и племянницъ, восторгъ и отчаянье поклонниковъ ея пола. Двухлѣтнее упражненіе въ кокетствѣ довело въ ней эту невинную страсть до утонченнаго искусства. Она была одинаково очаровательна и въ утреннемъ неглиже, и осыпанная брилліантами. Каждое положеніе ея было пріятно до изящества, каждое движеніе выражало краснорѣчивую мысль для ея обожателя. О глазахъ я не говорю: это былъ полный Энциклопедическій Лексиконъ любви, — въ двадцати четырехъ томахъ.

Супругъ Маріи наравнѣ съ прочими издали любовался ею, — что жъ ему оставалось дѣлать болѣе въ семьдесять лѣтъ! — раскупоривая завѣтные сундуки и дочитывая послѣднюю страницу черновой приходо-урасходной книги, называемой жизнію; страницы, на которой, кромѣ итоговъ женскихъ издержекъ, ничего особеннаго не имѣлось.

Князь заболѣлъ. Ему присовѣтовали ѣхать на воды. Марія увѣрила князя, что она можетъ его выручить, поѣхавъ сама вмѣсто его въ Карльсбадъ, и что это будетъ очень полезно для его здоровья.

И уѣхала, оставивъ больнаго мужа на руки ста-

ринной пріятельницы дома своихъ родителей, умершихъ въ бытность ея въ пансіонѣ.

Эта пріятельница была Дарія Климовна Борщъ, чиномъ капитанша, званіемъ вдова, пережившая двухъ мужей, имѣвшая еще притязаніе на третьяго, и особенно на красоту тѣлесную, — о душевной Дарія Климовна не слыхала. Въ ожиданіи вожделѣннаго третьяго супружества, капитанша, отъ нечего-дѣлать, присоединилась къ комитету сѣдоволосыхъ блюстительницъ правовъ, которыя, съ утратою надежды имѣть когда-нибудь въ жизни поклонниковъ, вмѣняютъ себѣ въ священную обязанность мѣшать благополучію слѣдующаго поколѣнія. Ревностно подвизаясь на поприщѣ сплетней и злословія, добродѣтельная капитанша также долгомъ почитала управлять домашними дѣлами своихъ знакомыхъ, и ни кого не оставляла въ покоѣ. Человѣкъ значительный не зналъ куда дѣваться отъ ея просьбъ: будучи чрезвычайно обязательною, она просила за всякаго; человѣкъ средняго состоянія былъ жертвою ея пересудовъ, а бѣдный подвергался ея бранному деспотизму.

При выходѣ Маріи за богатаго князя, капитанша отъявилась къ ней въ званіи тетки, подробно исчисляя свою родословную: пылкая княгиня не дослушала и утвердила Дарію Климовну во всѣхъ званіяхъ, на которыя имѣла она документы, то есть, теткою, въ такомъ колѣнѣ, какомъ ей было угодно, совѣтницею при выборѣ лентъ и матерій и, главное, домоправительницею.

У капитанши былъ родной племянникъ, по ея заключенію превеликой умница. Онъ уже нѣсколько лѣтъ зѣвалъ на чужіе краи, и прозѣвалъ не одну тысячу изъ заповѣднаго капитала тетушки. Она, какъ появленія краснаго солнышка, ждала своего Платоши; однако жъ не говорила объ немъ ни слова.

Отъѣздъ княгини на воды былъ совершенно по

сердцу корыстолюбивой капитанши. Она безъ помѣхи овладѣла больнымъ княземъ, не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью. Старикъ умеръ на ея рукахъ, оставивъ ее, вмѣстѣ съ другими, своею душеприкащицею.

Она получила значительную награду по духовному завѣщанію князя, который отказалъ женѣ своей милліонъ двѣсти тысячъ, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, если она, выходя вторично замужъ, изберетъ себѣ супруга по совѣту и одобренію почтенной Дарьи Климовны; въ противномъ случаѣ сумма эта будетъ принадлежать законнымъ его наслѣдникамъ. До замужества, она имѣла право взять себѣ изъ его наслѣдства только сто тысячъ, которыя князь полагалъ достаточнымъ капиталомъ на короткое время ея вдовства.

Завѣщаніе было утверждено законнымъ образомъ.

Отставной маіоръ Фролъ Силычъ Торопенко, сослуживецъ покойнаго послѣдняго мужа капитанши, былъ свидѣтелемъ при завѣщаніи и, по милости Даріи Климовны, остался постояннымъ жителемъ дома княгини, какъ человѣкъ нужный для справокъ. А въ самомъ дѣлѣ, капитанша имѣла особенные виды на маіора. Капитанша была женщина дѣловая.

Фролъ Силычъ былъ человѣкъ степенный, страстный любитель животныхъ, неутомимый разскащикъ о военныхъ дѣйствіяхъ и своей храбрости, хотя, служа за косноязычіемъ квартермистромъ, онъ не видалъ ни разу, какъ заряжаютъ ядромъ пушку.

Капитанша часто его бранила, и любила безъ памяти. Лестная мысль быть со временемъ штабшей занимала все пространное существо Дарьи Климовны.

Княгиня не застала мужа въ живыхъ.

Она, какъ водится, нарядилась въ черное платье, и многимъ показалась въ немъ очаровательнѣе прежняго. О завѣщаніи она не заботилась. И можетъ ли

заботиться о будущемъ молодая вдова, когда сто тысячъ готовы къ ея услугамъ! Княгиня объявила, что она рѣшительно не пойдетъ въ другой разъ замужъ. Опытная капитанша столько же не довѣряла этому обѣщанію, сколько вѣровала въ скорый конецъ стотысячнаго капитала, и своего драгоцѣннаго Платошу мысленно предназначала Маріи, которая, къ удивленію своему, только теперь узнала о существованіи Платоши.

Уже траурное время кончилось, уже на разныя необходимости было ею вытрачено болѣе пятидесяти тысячь, когда букетъ цвѣтовъ упалъ къ ногамъ Рамирскаго, и видъ невиннаго, прекраснаго юноши мгновенно положилъ печать на беззаботное сердце кокетки.

Евгеній жилъ двѣ недѣли подъ холстинною кровлей: ни на минуту не покидалъ его образъ прелестной княгини. Засыпая, онъ воображалъ ее передъ собою; потомъ сонъ осуществлялъ думу, и восхитительный призракъ до утра носился надъ усыпленымъ, какъ это водится въ лагерѣ, гдѣ такіе призраки очень обыкновенны. Задумчивость замѣнила веселый нравъ Рамирскаго: онъ сталъ искать уединенія; что-то непонятное тѣснило грудь его и прерывало дыханіе; по всему составу его разлился томительный жаръ, который не простывалъ и при умѣренной температурѣ іюльской ночи. Евгеній казался изнуреннымъ и жаловался товарищамъ, не открывая тайныхъ своихъ помышленій. Однажды полковой докторъ пощупалъ пульсъ страдальца и улыбнулся. Старшіе офицеры перешепнулись съ медикомъ, и капитанъ сказалъ Рамирскому: — Пришла пора голубчику! — Прапорщикъ не понялъ капитана.

Наканунѣ перваго іюля, одинъ изъ сослуживцевъ

предложилъ ему мѣсто въ коляскѣ до Петергофа и удобное помѣщеніе на время наступающаго праздника. Предложеніе было принято съ благодарностью.

Рамирской, въ день гулянья, сдѣлался хозяиномъ двухъ прекрасныхъ комнатъ, потому что знакомцы его товарища, по болѣзни, не пріѣхали. Ему было предоставлено полное право распоряжаться квартирою.

Пусть небо хмурится, пусть вѣтеръ срываетъ крыши, пусть море потопляетъ государства, земля трясется, солнце, мѣсяцъ и звѣзды валятся съ неба,—что за надобность до этого жителю Петербурга! Онъ ѣдетъ перваго іюля на Петергофскій праздникъ, — не то идетъ пѣшкомъ. Шоссѣ между столицею и Петергофомъ наканунѣ праздника уже не проходимо. Кареты, коляски, колымаги всѣхъ возможныхъ фасоновъ, начиненныя людьми, обвязанныя стульями, столами, картонками, кульками, тянутся въ нѣсколько рядовъ непрерывною процессіей между двумя потоками пѣшеходовъ, съ праздничнымъ нарядомъ за плечами прыгающихъ черезъ кучи камней, сложенныхъ по сторонамъ дороги. Въ самомъ Петергофѣ, въ этотъ день, каждый домъ, домикъ, домишко, съ фундамента до кровли, набитъ посѣтителями; чердаки, сараи, чуланы завалены странствующимъ любопытствомъ; въ каждомъ стоилъ стоитъ почтенное семейство, каждая щель, въ которую, немножко сгорбясь, можно влѣзть на мѣсто изгнаннаго таракана, чтобъ переодѣться, отдана за дорогую цѣну. Тамъ, пришлецы разныхъ половъ и возрастовъ, готовясь къ торжественному наслажденію, сперва церемонятся, прицѣпляютъ простыни и рогожи къ стропиламъ для защиты своей стыдливости; потомъ этикетъ исчезаетъ, и круговая услуга начинаетъ дѣйствовать съ неутомимостью: парикмахеръ завиваетъ перчаточницу, модистка разглаживаетъ манишку башмачнику, сидѣлецъ портерной

лавочки въ потѣ лица стягиваетъ корсетъ двоюродной сестрицѣ хлѣбницѣ, тогда какъ хлѣбникъ..... Я хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все это уже описано Поль-де-Кокомъ. Но вотъ что еще ни кѣмъ не описано:

Отобѣдавъ, въ день гулянья, Рамирскій сидѣлъ задумавшись передъ раствореннымъ окномъ своей квартиры, и машинально смотрѣлъ на улицу, кипящую народомъ, какъ вдругъ его развлекъ пронзительный крикъ женщины, разразившейся гнѣвомъ на полупьянаго лакея. Онъ узналъ Дарію Климовну, и сердце его затрепетало. Капитанша, высунувъ голову изъ каретнаго окна, кричала на слугу, почтительно обнажившаго передъ нею голову: – Мошенникъ ты! Пьяница ты! Негодяй! Что ты напималъ? Самъ не знаешь что!.... Постой уже!.... Да отвози по зубамъ этого мерзавца, Фролъ Силычъ! – Маіоръ высунулъ лысую голову, хотѣлъ страшно разругать лакея, – и запнулся. Онъ нырнулъ въ карету, и, форменнымъ тономъ, присовѣтовалъ обратиться лучше къ будочнику.

– Провались ты съ будочниками! заревѣла капитанша. А еще былъ военной! Боится треснуть по харѣ дурака! Если бъ не столько народу, я бы сама, средь улицы, налощила ему щеки. Да, молчи ты!..... Будешь, въ другой разъ, патрескиваться, да прогуливать барскія квартиры!

Между-тѣмъ, карета загородила дорогу другимъ экипажамъ, ее стѣснили кругомъ, и вся масса остановилась, сцѣпясь колесами и постромками. Капитанша задыхалась отъ досады. Увидѣвъ вышедшаго на улицу Рамирскаго, она закричала во все горло: – Господинъ офицеръ, прикажите, Бога ради, посторониться этой колясѣ! Помогите намъ выбраться изъ кутермы.

Евгеній, подойдя къ каретѣ, увидѣлъ княгиню, и насилу собрался съ духомъ, чтобы сдѣлать неловкій поклонъ. Княгиня, довольно важно, отвѣтивши ему движеніемъ головы, оборотилась въ противоположную сторону и стала лорнировать групу народа.

О женщины! говоритъ Цицеронъ. Марія узнала Евгенія, и тогда какъ притворялась хладнокровною, она едва могла перевести духъ отъ внутренняго волненія.

Рамирскій обратился къ капитаншѣ.

– Сколько я понимаю, человѣкъ вашъ не нанялъ квартиры?

– Какое не нанялъ, батюшка! Нанялъ и далъ задатокъ, да, вишь, не достало мозгу сказать, что мы будемъ сегодня не очень рано: хозяева прождали насъ цѣлое утро, да и пустили другихъ. – Молчи ужъ ты, разбойникъ! прибавила она, ощетинясь на лакея.

– Ежели бы я былъ такъ счастливъ, отвѣчалъ, потупя глаза Евгеній, чтобъ мое предложеніе было принято.... Въ моемъ распоряженіи двѣ чистенькія комнаты: вы ихъ можете осмотрѣть изъ кареты. Вотъ онѣ!... И, ежели угодно, онѣ къ вашимъ услугамъ.

– Благодѣтель! Ѳомка, оселъ, вели въѣзжать на дворъ! Вотъ одолжили, батюшка! Дуракъ! Да поворачивайся, болванъ!...

Карета остановилась у подъѣзда, указаннаго Рамирскимъ. Растворились дверцы, прежде всѣхъ выскочилъ тощій маіоръ, и вытянулся въ струнку для поддержанія Даріи Климовны. Рамирскій осмѣлился помочь выйти княгинѣ. Она милостиво оперлась на руку своего плѣнника, и примолвила, остановясь на минуту: – Я уже два раза обязана вамъ благодарностью. При вашей любезности, не мудрено сдѣлаться ужасною должницей.

Княгиня раскраснѣлась при видѣ милой застѣнчивости Евгенія, и, съ пылающими удовольствіемъ глазами, взошла въ его комнату.

Вскорѣ, по всемощному голосу капитанши, карета разродилась кастрюлями, тарелками, ножами, вилками и разными яствами. Послѣ закуски, дамы присвоили себѣ одну комнату, оставивъ кавалерамъ другую. Капитанша крѣпко притворила смежную дверь, и повѣсила на мѣдную ручку чепецъ, въ отвращеніе всякаго покушенія на любопытство черезъ замочную скважину.

Рампрскій, оставшись глазъ-на-глазъ съ маіоромъ, долженъ былъ выслушивать длинныя исторіи, сперва о военныхъ дѣйствіяхъ и храбрости разскащика, послѣ о воспитаніи и образованіи разныхъ животныхъ, способныхъ привыкнуть къ человѣку. Капитанша избавила наконецъ петерпѣливаго юношу отъ скучныхъ повѣствованій. Она явилась въ коридорѣ, разряженная впухъ: огромный чепецъ, похожій на клумбу цвѣтовъ, осѣнялъ ея широкое лицс; платье, шумя, топырилось вокругъ жирныхъ членовъ. По мнѣнію Фрола Силыча, Дарія Климовна никогда еще не была одѣта съ такимъ вкусомъ.

– Княгиня еще не готова, сказала она, обратясь къ Рампрскому. Если вамъ угодно, я пойду съ Фроломъ Силычемъ, а вы будьте кавалеромъ моей плсмянницы; ей будетъ очень пріятно.

Евгеній поклопился.

Маіоръ, согнувшись съ пріятностью въ видъ литеры S, повѣсилъ на одну руку шаль, а другую подалъ капитаншѣ, – хотѣлъ сказать ей привѣтствіе, – но запнулся, и продолжалъ шествіе безъ комплимента. Они вышли на улицу.

Едва дружелюбная чета очутилась за воротами, какъ Дарія Климовна почувствовала давленіе снуров-

ки, и вернула маіора за стклянночкой спирта, на случай дурноты.

Въ домѣ, гдѣ они помѣстились, осталась одна комнатка незанятою, – напявшіе се не пріѣхали. Расчетливый хозяинъ, бывшій нѣкогда дворникомъ въ Петербургѣ, подумалъ ссбѣ, что не худо было бы отдать эту комнатку другому, и изготовилъ ярлыкъ съ надписью крупными буквами – Сія (слогъ дворниковъ) комнатка отдается въ наймы. Чтобы приклеить его къ косяку порожней комнаты, онъ намазалъ лѣвую сторону крахмаломъ; но, внезапно призванный голосомъ хозяйки, оставилъ объявленіе у воротъ, на лавочкѣ, которая, на бѣду, была бѣлая. Капитанша, ничего не подозрѣвая, разсѣлась на ней въ ожиданіи маіора. По его прибытіи со спиртомъ, она преспокойно встала, и начала расхаживать передъ воротами дома. Толпа народа съ хохотомъ окружила се, указывая пальцами на прильнувшую къ платью бумагу. Она вертѣлась и выходила изъ себя, не понимая причины всеобщей веселости. Хозяинъ вертѣлся вокругъ нея, стараясь сорвать ярлыкъ. Маіоръ хотѣлъ объяснить Даріи Климовнѣ, въ чемъ состоитъ дѣло, и впопыхахъ сталъ заикаться пуще обыкновеннаго. Смѣхъ, шумъ, суматоха и брань капитанши раздавались вокругъ дома. Евгеній могъ бы смѣяться вмѣстѣ съ прочими, но ему было не до смѣха. Онъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, собираясь съ силами предстать безъ смущенія передъ княгинею. Она явилась. Воображеніе поэта не придумало бы наряда прелестнѣе: она казалась мечтою, взвивающеюся на воздухъ, въ лучезарномъ вѣнцѣ свѣтлой и торжественной мысли.

Марія подала руку Евгенію.

– Я вамъ ввѣряю себя, быть-можетъ на цѣлый день, сказала она, бросивъ небрежно на юнаго прапорщика одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые разлива-

ютъ вокругъ человѣка свѣтъ десяти Петергофскихъ иллюминацій.

Рамирскій, почувствовавъ руку ея такъ близко, зыпылалъ какъ зарево, и неловкимъ движеніемъ, похожимъ на поклонъ, заплатилъ ей за довѣренность.

Они пошли. Лампы пылали. Они восхищались лампами. Фонтаны играли. Они восхищались фонтанами. Потомъ лампы начали гаснуть..... Болѣе ничего не было.

Только на разсвѣтѣ четыремѣстная карета стояла у крыльца, маіоръ уже сидѣлъ въ ней, капитанша протискивалась въ дверцы; Марія, поддерживаемая Рамирскимъ, стояла у подножки экипажа.

–Прелестный праздникъ! сказала она: я не думала такъ пріятно провести здѣсь время, и за все обязана вамъ. Признаюсь, я было не хотѣла ѣхать.

– Княгиня, я долженъ считать себя счастливѣйшимъ изъ людей.....

Комплиментъ былъ очень дурно начатъ, и потому не могъ быть приведенъ къ концу. Впрочемъ это былъ первый комплиментъ въ жизни прапорщика.

Княгиня тотчасъ угадала это, и задрожала отъ удовольствія.

– Позвольте мнѣ надѣяться, что буду имѣть случай поблагодарить васъ въ городѣ.

– Княгиня, я сочту себя счастливѣйшимъ изъ.....

Она порхнула на подножку. Дверцы захлопнулись, и карета покатилась.

Евгеній долго простоялъ на мѣстѣ въ окаменѣніи. Должно знать, что вмѣстѣ съ нимъ и его комплиментъ превратился въ окаменѣлость.

Пришедъ въ себя, онъ покраснѣлъ и воскликнулъ:– Какой я дуракъ! Когда она сказала, что не хотѣла было ѣхать на праздникъ, мнѣ слѣдовало отвѣчать – Тогда бъ этому празднику не доставало лучшаго его украшенія!

Онъ легъ спать въ отчаяніи отъ своей неловкости.

Время несется скоро. Непримѣтно минуло лѣто. Холодные вѣтры выдули весь изящный Петербургъ изъ разноцвѣтныхъ шалашей, которые онъ называетъ дачами; зима уже царствовала на берегахъ оледенѣлой Невы. Рамирскій сдѣлался короткимъ знакомымъ въ домѣ княгини Златопольской, — иные говорили, болѣе чѣмъ знакомымъ. Онъ научился кое-какъ выражать свои чувства передъ Маріею и смотрѣть прямо въ глаза, которые часто устремлялись на него съ выраженіемъ и жаждою любви.

Евгеній любилъ Марію сильно, пламенно, со всею необузданностью молокососа, и былъ награжденъ тѣмъ же, — всею необузданностью вдовы.

Марія до сихъ поръ играла сердцами, оставаясь хладнокровною зрительницею энтузіазма, производимаго ея прелестями. Кокетство казалось ей шалостью отъ скуки, а мужчины, привлеченные къ ногамъ ея, жалкими и смѣшными. Теперь она сама загорѣлась страстію, и стала другая. Съ какимъ невыразимымъ упоеніемъ смотрѣла она на невиннаго, счастливаго юношу, который красовался передъ нею какъ румяный персикъ, и кипѣлъ желаніемъ разрѣшить скорѣе загадку природы, облеченную роскошнымъ образомъ женщины.

Княгиня перестала выѣзжать, никого не принимала кромѣ Евгенія. Перемѣну ея жизни всѣ приписывали разоренію. У ней дѣйствительно не было уже ни копѣйки. Бриллианты и серебро начали превращаться въ билеты Ссудной Казны. Къ досадѣ капитанши, вещей въ дому было много, и ей нельзя было приступить къ ходатайству за племянника. Къ тому же Рамирскій.... Капитанша готова была съѣсть Рамирскаго, — тѣмъ болѣе, что онъ былъ похожъ на персикъ. Что ежели княгиня въ него влюбится! Тогда ея ни чѣмъ не урезонишь! По міру пойдетъ, а

на своемъ поставитъ! Я знаю женщинъ..... я сама женщина.....

Польская война неожиданно избавила предусмотрительную тетушку отъ опаснаго гостя. «Ахъ! можетъ-быть, его тамъ убьютъ,» подумала Дарія Климовна.

Горестно было отбытіе Рамирскаго.

Марія со слезами проводила своего любимца, и отъ души желала ему всего лучшаго и скораго возвращенія.

Дарія Климовна слезно рыдала.

Маіоръ хотѣлъ произнести, для юнаго воина, рѣчь, приличную настоящему случаю, — запнулся, и ограничился поклономъ.

Марія, по уходѣ на войну Евгенія, сдѣлалась совершенною затворницей. Она пріискала, на лѣто, отдаленную отъ города мызу, и, при первомъ появленіи холеры, тамъ поселилась. Два лѣта прожила она въ этомъ уединеніи.

Война и карантины мѣшали письменнымъ сношеніямъ влюбленныхъ. Одно только воспоминаніе о Рамирскомъ поддерживало Марію въ добровольномъ ея заточеніи: иначе она умерла бы со скуки.

Дарія Климовна толстѣла болѣе и болѣе, въ ожиданіи истощенія необходимыхъ для жизни средствъ нареченной племянницы. Съ ней, между прочимъ, приключилось страшное горе: Платоша былъ уже на возвратномъ пути къ Петербургу, какъ вдругъ, услышавъ, что Везувій началъ страшное изверженіе, вернулся къ Везувію, и, по случаю страшнаго изверженія, потребовалъ отъ тетушки пять тысячъ рублей.

Капитанша въ первый день ахала; во второй охала; на третій отправила деньги.

Маіоръ постоянно занимался выкармливаніемъ животныхъ: онъ уже возростилъ двухъ ручныхъ бѣлокъ и одну лисицу; но какъ первые прогрызли у капитанши мѣшокъ съ орѣхами, а послѣдняя заѣла гол-

ландскаго пѣтуха, то онѣ всѣ были казнены смертію по ея приговору, съ присовокупленіемъ Фролу Силычу строжайшаго выговора и запрещенія впредь заводить подобныя безчинства. Однако жъ, маіоръ, вопреки неоднократнымъ подтвержденіямъ капитанши, завелъ медвѣженка, и образовалъ его на славу. Къ переѣзду княгини въ городъ, медвѣженокъ, могшій уже осилить корову, чинно садился по знаку Фрола Силыча на заднія лапы, и подчивалъ его табакомъ. Фролъ Силычъ хотѣлъ объяснить княгинѣ, какіе нынче изумительные успѣхи видимо дѣлаетъ образованность,— но запнулся, и весьма кстати, и предоставилъ этотъ фактъ собственному ея соображенію.

Въ Петербургѣ, чтобы сохранить воспитанника своего отъ преслѣдованій капитанши, маіоръ отправилъ его на дачу княгини, еще съ весны объявленную къ продажѣ. Здѣсь онъ сдалъ дворнику съ рукъ на руки своего мохнатаго ученика, а самъ, для преподаванія ему уроковъ, являлся на дачу три раза въ недѣлю аккуратно. Лѣтомъ онъ держалъ его потаенно на мызѣ, гдѣ жила княгиня.

Въ одно ясное осеннее утро, когда всѣ уже возвратились въ городъ, — когда и они оставили свою мызу, и медвѣдь опять отправился къ дворнику на дачу, къ крайнему удовольствію маіора все еще не проданную, Марія, пригорюнясь, сидѣла у окна и слѣдила клубы розоваго дыма, летѣвшіе съ трубы противоположнаго строенія.

Вдругъ вошелъ Евгеній.

Марія вскрикнула, и бросилась къ нему на шею.

Какъ онъ возмужалъ, пополнѣлъ, выросъ! Онъ былъ уже поручикъ, увѣшанный орденами, и молодецъ хоть куда.

Марія устыдилась перваго движенія. Она предчувствовала свое благополучіе, если бъ Рамирскій захотѣлъ искать прочной, законной связи съ нею: теперь

это не было бы такъ смѣшно, какъ прежде; никто бы не сказалъ, что она выходитъ за ребенка. Но, увы, у Рамирскаго одинъ мундиръ, а она прожила все! Даже билеты Ссудной Казны перешли въ руки ростовщиковъ, подъ залогъ ничтожнаго капитала за безбожные проценты. Каждое утро кредиторы не выходили изъ передней; удовлетворять ихъ не было средства; Марія была въ отчаяніи.

Капитанша готовилась къ атакѣ, получивъ извѣстіе, что Платоша скачетъ на перекладныхъ облобызать ручки безцѣнной тетушки.

Евгеній сдѣлалъ предложеніе Маріи.

Она откровенно пересказала ему свои обстоятельства.

Евгеній, пренебрегая все постороннее, просилъ одной руки.

Она отвѣчала слезами.

Въ первый разъ Марія вполнѣ почувствовала тяжесть недостатка, и возроптала на завѣщаніе покойнаго мужа, ввѣрившаго ея судьбу алчной, капризной и необразованной женщинѣ, которая, съ видомъ кротости, разставила сѣти свои вокругъ больнаго, чтобы обогатить племянника, о которомъ такъ мастерски умѣла молчать въ свое время.

— Подождите нѣсколько дней, Евгеній, сказала наконецъ Марія: я подумаю, что мнѣ дѣлать. Пріѣзжайте завтра обѣдать, а теперь оставьте меня плакать. Да, плакать!.... Прощайте! Подите, и пріѣзжайте завтра.

Рамирскій какъ на пыткѣ дожидался слѣдующаго свиданія.

Капитанша, видя грусть Маріи, надоѣдала ей извѣстіями о настойчивости заимодавцевъ, которые, какъ нарочно, смѣняли одинъ другаго въ ея передней; потомъ приступила къ формальному объясненію, стараясь сколько можно краснорѣчивѣе представить княгинѣ ея положеніе и доказать, что ей не остается

другаго средства выпутаться изъ бѣды, какъ отдать руку Платошѣ.

—Неужели вы думаете, непрошенная тетушка, возразила Марія, что я давно не проникла вашихъ гнусныхъ намѣреній? Я ихъ знаю, и прошу васъ не забываться. Я отъ васъ завишу ровно столько же, сколько вы отъ меня: я не пойду замужъ, буду нуждаться и заставлю цѣлый свѣтъ указывать на васъ пальцами, какъ на посрамленіе рода человѣческаго, и вы, кромѣ позора, ничего не выиграете. Припомните также, что мнѣ только двадцать одинъ годъ, а вамъ сорокъ пять лѣтъ.

Капитанша оглянулась, нѣтъ ли въ комнатѣ маіора.

—Легко можетъ статься, что я буду еще свидѣтельницею, какъ смерть припечатаетъ вашъ языкъ со всѣми постыдными предложеніями, и избавитъ меня отъ непріятности имѣть дѣло съ такою низкою женщиной. Тогда я употреблю все, чтобы вашъ пенаглядный племянникъ проклятіями разшевелилъ въ могилѣ ваши кости, — вы этого стоите! Вы должны были ожидать награды отъ моего великодушія, если бъ не смѣли заикнуться о своихъ правахъ; я бы вамъ бросила кусокъ, какъ бросаютъ его собакѣ, чтобы не укусила. Теперь, умру съ голоду, но васъ заставлю раскаяться. А ежели вы еще осмѣлитесь хоть намекнуть мнѣ о своемъ племянникѣ, я прикажу васъ вывести изъ дому. Подите, вы мнѣ теперь не нужны.

Говоря послѣднія слова, Марія приняла такой величественный видъ, что слушательница не дерзнула возразить ни слова.

Закусивъ губы отъ досады, разъяренная фурія вышла въ другую комнату, и разругала на повалъ маіора, который по неосторожности перешелъ ей дорогу передъ самымъ носомъ, — чего Дарія Климовна крѣпко не жаловала, зная по собственному опыту, что это бѣдственная примѣта.

На другой день, Марія, собравъ и заложивъ все, что можно было заложить, взяла на прокатъ столовое серебро, бронзу, фарфоръ, приказала приготовить комнаты на своей дачѣ, и пригласила туда многихъ знакомцевъ и знакомокъ пріѣхать пить чай, танцовать и ужинать, а очень короткихъ пріятелей и ночевать. Она распорядилась такъ, чтобы всякой вполнѣ остался доволенъ проведеннымъ у нея временемъ. Вы спросите, для чего все это? Такъ, съ отчаянія! Другой причины не было.

Рамирскій, явясь прежде всѣхъ, нашелъ ее за страннымъ занятіемъ: она съ крайнимъ любопытствомъ разсматривала пистолеты, уложенные въ богатомъ ящикѣ со всѣми принадлежностями.

—Посмотрите, что я нашла! сказала она съ живостью Рамирскому.

—Прекрасные пистолеты, особенно для войны: ихъ можно свободно заряжать солдатскою пулею.

—Да; покойный князь заплатилъ за нихъ очень дорого. Что это значитъ — заряжать?

—Надобно пистолетъ сперва зарядить, чтобы потомъ выстрѣлить.....

—Ахъ, покажите, какъ это дѣлается!

—Съ удовольствіемъ. Есть ли у васъ порохъ?

—Вотъ онъ, въ этомъ мѣдномъ флаконѣ.

—То есть, въ пороховницѣ....

—Не смѣйтесь, Евгеній, я право не знала....

Рамирскій всыпалъ мѣрку пороху въ дуло одного пистолета.

—Теперь надобенъ пыжъ, что-нибудь мягкое....

—Годится перчатка?

—Да; но зачѣмъ же портить?

—Вотъ вздоръ!

Она разорвала перчатку, и подала Евгенію.

— Пуля, и опять пыжъ, сказалъ онъ, исполняя слова свои. Это значитъ—зарядить пистолетъ. Теперь

остается только, вотъ сюда, надѣть одинъ изъ этихъ мѣдныхъ колпачковъ и спустить курокъ.....

Кто-то позвонилъ.

— Mercі! сказала Марія, спрятала пистолеты, и полетѣла въ пріемную.

Она была необыкновенно весела.

Вскорѣ набралось множество гостей на дачу княгини, великолѣпно освѣщенную, и украшенную цвѣтами и деревьями, которые возвращали юную свѣжесть весны позднему осеннему времени.

Загремѣла музыка, пошелъ пиръ горой. Танцы и мороженое, фрукты и танцы, танцы, конфекты, оржадъ,—все это вмѣстѣ пестрѣло, благоухало, услаждало. Сама княгиня веселилась до упаду. Рамирскій былъ постояннымъ ея кавалеромъ.

Ужинъ, при потокахъ шампанскаго, еще болѣе разшевелилъ гостей. Маіоръ торжественно открылся въ любви капитаншѣ, началъ очень краснорѣчиво просить ее не быть жестокою, — и запнулся на самомъ этомъ словѣ. Вслѣдствіе чего, принуждены были отвести его въ свою комнату; а какъ Маіоръ имѣлъ особую каморку, то онъ заранѣе перемѣстилъ въ нее медвѣдя и уложилъ за сундукъ, чтобъ скрыть его отъ проницательности Даріи Климовны. Маіоръ бросился на постелю и ничего уже не помнилъ. Его раздѣли.

Долго веселились гости княгини. Наконецъ иные стали разъѣзжаться; для другихъ готовили ночлегъ, и тѣ принялись опять танцовать.

Евгеній вышелъ освѣжиться отъ жару. Онъ встрѣтилъ въ сѣняхъ служанку Маріи, которая съ ящикомъ въ рукахъ бѣжала по лѣстницѣ на антресоль.

Рамирскій узналъ ящикъ съ пистолетами.

— Куда это, Катерина?

— Княгиня приказала отнести къ ней въ спальню, проговорила неостанавливаясь служанка — и скрылась.

Евгеній задумался. Но грянулъ вальсъ; одинъ изъ отчаянныхъ танцоровъ схватилъ его за руку, утащилъ въ залу и поставилъ въ необходимость вертѣться изъ угожденія до тѣхъ поръ, пока голова у него закружилась, и мысль о пистолетахъ вылетѣла изъ головы.

Танцамъ не предвидѣлось конца. Княгиня казалась усталою и сонною. Она, съ особенною пріятностью, раскланялась тѣмъ, которые не танцовали, и скрылась. Капитанши уже не было въ залѣ.

Хотя Дарія Климовна лице не очень интересное, но я могу разсказать тоже, куда и она дѣвалась. Дарія Климовна, упоенная любовнымъ признаніемъ маіора и шампанскимъ княгини, давно уже утопала въ широкой перинѣ, разостланной на софѣ въ комнатѣ, смежной съ каморкою своего возлюбленнаго, намазавъ щеки мастикою своего изобрѣтенія, растворенною въ меду. Дарья Климовна всегда съ вечера мазалась этою мастикою, когда на другой день хотѣла блеснуть красотою.

Тутъ танцы прекратились.

Нѣсколько дамъ и кавалеровъ, въ томъ числѣ Евгеній, остались въ залѣ. Иные разбрелись по комнатамъ въ ожиданіи постели.

Вдругъ раздался пронзительный крикъ: – Спасите! спасите!..... Умираю!

Всѣ переполошились. Гости сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, спрашиваютъ – Гдѣ? что такое? что случилось?... Крикъ въ комнатѣ капитанши. Всѣ бросились туда, – и что же представилось глазамъ изумленныхъ?..... Одна изъ любопытнѣйшихъ сценъ частной жизни. Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики, изволилъ облапить Дарью Климовну, и прехладнокровно облизывалъ ея тучныя ланиты.

Никто не смѣлъ подступиться къ чудовищу, и никто не зналъ, откуда онъ взялся.

Откуда взялся! Онъ вылѣзъ изъ-за сундука. Но откуда бъ ни взялся, а я не понимаю, какъ тѣ, которые пишутъ у насъ «Сцены изъ частной жизни,» забываютъ совершенно о медвѣдѣ!

Рамирскій, вспомнивъ о пистолетахъ, бросился въ спальню княгини. Онъ постучался легонько, – нѣтъ отвѣта; онъ пріотворилъ дверь, – никого не видно. Онъ вбѣжалъ въ спальню опрометью..... Марія лежитъ распростертая передъ образомъ! Подлѣ нея, на полу, со взведеннымъ куркомъ, пистолетъ.

Евгеній кинулся на оружіе, какъ соколъ на добычу, и, въ одно мгновеніе ока, очутился подлѣ капитанши.

– Говорите, согласны ли вы не противорѣчить княгинѣ въ выборѣ жениха? вскричалъ онъ громовымъ голосомъ: или животное васъ задушитъ! Говорите – согласны, и вы спасены!

– Согласна, батюшка! на все согласна! простонала несчастная.

– Господа, будьте свидѣтелями! сказалъ Рамирскій, ставя дуло пистолета между глазами звѣря.

Вбѣжавшій маіоръ хотѣлъ остановить убійство, – заикнулся.....

Пафъ!

Безжизненнаго лакомку стащили съ трепещущей капитанши.

Рамирскій, видя, что и княгиня была свидѣтельницею его договора, сказалъ ей: – Теперь вы свободны располагать своимъ состояніемъ.....

– И моей рукою, подхватила Марія. Господа, рекомендую вамъ своего жениха!

Она представила гостямъ Евгенія.

Тутъ же, несмотря ни на какія отговорки, взяли и утвердили свидѣтелями подписку съ капитанши, которая, между-тѣмъ, узнавъ, какимъ случаемъ явился

медвѣдь, наотрѣзъ и во всеуслышаніе, отвергла любовныя исканія маіора.

Марія отвела въ сторону жениха, и просила молчать о томъ положеніи, въ какомъ онъ засталъ ее въ спальнѣ. – Видите ли, какъ я была несчастна! прибавила она въ полголоса.

– Бѣда, если бъ не медвѣдь! отвѣчалъ Евгеній, прижимая къ устамъ руку обожаемой невѣсты.

Если кто-нибудь другой станетъ описывать послѣ меня это приключеніе, онъ навѣрное захочетъ въ этомъ мѣстѣ, по обыкновенію нашей Словесности, воскликнуть – Шампанскаго! Предваряю не восклицать напрасно, потому что шампанскаго уже не было ни бутылки. Все выпили за ужиномъ.

Вошедшій человѣкъ отдалъ капитаншѣ записку изъ города.

Платонъ Сергѣевичъ доносилъ ей о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

Капитанша ахнула.

Поздно!

Хотя не было шампанскаго, всѣ гости поздравляли Марію и Евгенія такъ искренно, отъ всей души, какъ при самомъ лучшемъ шампанскомъ. Они были счастливы счастіемъ будущихъ супруговъ, и ложась спать долго еще разговаривали о томъ, какую глупость дѣлаютъ будущіе супруги: она почти двумя годами старѣе его! чего добраго ждать отъ подобнаго союза! лѣтъ черезъ десять она будетъ стара, а онъ только начнетъ быть мужчиною и прочая!

До меня дѣло это вовсе не касается, и я не смѣю имѣть своего сужденія; я хотѣлъ только разсказать, что дѣлаютъ медвѣди въ XIX вѣкѣ, и какое они имѣютъ еще вліяніе на домашнія дѣла моихъ современниковъ: вѣдь бѣда, если бъ не медвѣдь!

М. МАРКОВЪ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ АКТЕРЫ.

=

Въ одномъ изъ пяти сотъ пятидесяти пяти городовъ Имперіи, въ заѣздной жидовской корчмѣ, ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, важной наружности, съ пламенными черными глазами, съ пылкимъ румянцемъ на щекахъ. На немъ былъ синій сюртукъ; три звѣзды свѣтились на груди; безпокойство и смущеніе выражалось во всѣхъ чертахъ.

Двери въ хозяйскую спальню были притворены. Подлѣ спальни, въ кухнѣ, молодая Еврейка стряпала на шабашъ «кугель», и готовила чай для постояльца; нѣсколько жидковъ въ штанахъ, въ нагрудникахъ, въ шапкахъ, толпились около нея и бормотали по-своему. Вдругъ, раздалось громкое восклицаніе постояльца. Жидки бросились къ дверямъ, и по-очереди заглядывали сквозь щель въ занимаемую имъ комнату.

— «Ангелика!» произнесъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Жидки отскочили отъ двери со страхомъ.

—Wos sakt er? пробормоталъ одинъ изъ нихъ, и снова уставилъ глаза въ щель. Chaim, Chaim! Schlome, seh'! kuck, kuck!

Хаимъ и Шлёмка также пододвинулись къ щели.

—«Ангелика!» повторилъ знаменитый постоялецъ, остановясь посреди комнаты. Очи его были неподвижны, поднятая рука тряслась.

«Природа!» продолжалъ онъ: «ты глуха къ воп-«лямъ несчастнаго! Слезы мои пробили дикіе камни «и не смягчили тебя, чтобъ отдать мою собствен-«ность!..... Въ степь обращу я вселенную, чтобъ «въ безпредѣльныхъ равнинахъ Ангелика не могла «скрыться отъ взоровъ моихъ! Ангелика! неужели въ

«обширномъ свѣтѣ есть мѣсто, которое въ состояніи «утаить тебя?... »

Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ ударилъ себя въ грудь, и продолжалъ голосомъ страданія.

«Боже Всевышній, безконечная борьба!... Или не- «довольно мученій?... Какая фурія омочила ядови- «тый кинжалъ въ крови моей?... Въ водоли спокой- «ствія, въ ея объятіяхъ въ минуту блаженства.... онъ «самъ совершилъ свой приговоръ!... Можетъ-быть, «она предпочла суровому названію воина нѣжное имя «пастуха, своенравное божество любви!... Лей въ рану «мою ядъ!... Она не чувствуетъ его болѣе!....: Что жъ «медлю я! Иди, ищи ее, несчастный.....

Съ этими словами онъ бросился въ сторону.

—Тыши, судеръ! вскричала Еврейка шепелявымъ нарѣчіемъ, отскочивъ отъ изступленнаго постояльца; въ рукахъ ея былъ подносъ, на которомъ внесла она одинъ засаленный чайникъ съ чаемъ, другой съ горячей водою, третій съ молокомъ, одно блюдечко съ четырьмя кусочками сахару и другое съ жидовскимъ хлѣбомъ.

— А, Рифка! теперь ты отъ меня не уйдешь, вскричалъ постоялецъ, сдавивъ въ своихъ объятіяхъ Еврейку, только-что успѣвшую поставить подносъ на столъ.

— Wos macht er, Chaim? пробормоталъ жиденокъ, смотрѣвшій въ щель двери.

— Дзъ! тыши, судеръ! вскричала Еврейка, защищаясь отъ поцѣлуевъ, которые сыпались на лице ея, и съ трудомъ вырвавшись изъ рукъ постояльца.

Когда она выбѣжала изъ комнаты, неизвѣстный посмотрѣлъ пламенными очами въ слѣдъ за ней; налилъ стаканъ чаю, выпилъ его почти залпомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, снова остановился посреди комнаты, вскинулъ руки, и закричалъ:

— «Проклятый! и ты не сбросилъ ихъ въ адъ!..... «Да; я все опустошу, что только носитъ на себѣ отпе-

«чатокъ постыдной любви!.... Погибните, несчастныя »тѣни, блюстители гнусныхъ наслажденій, и свидѣ«тели моего стыда!.... О, будь дыханіе мое подобно «бурному вихрю!.....»

Вслѣдъ за этимъ, проклятія полились потокомъ; сама Рифка выбѣжала изъ кухни, и, отогнавъ жидковъ отъ двери, приложила глаза и уши къ скважинѣ.

«Солнце! продолжалъ неизвѣстный: скройся, «если ты когда-нибудь приближишься по золотому «пути своему къ этой плачевной юдоли. Луна! отвра«ти лучъ небеснаго твоего свѣта отъ постыднаго мѣ«ста. Вѣчная ночь! покрой собою это адское жилище. «Смертоносный воздухъ! рази приближающагося «сюда странника..... Лютые тигры! селитесь «здѣсь.....»

Въ это время наружныя двери заскрипѣли, и кто-то вошелъ въ комнату. Неизвѣстный продолжалъ, но уже гораздо спокойнѣе.

«Солнце торопится скрыться отъ этого ужаса! «Смотри, видишь ли добродѣтель въ рубищѣ, а по«рокъ въ шелку? Видишь ли горлицу? Надъ ней вьет«ся ястребъ.... онъ уже схватилъ, раздираетъ ея «сердце, еще кипящее любовью.....»

– Готово, судеръ! произнесъ человѣкъ, стоявшій въ дверяхъ: по голосу можно было догадаться, что это жидъ, факторъ.

Деревянные часы, висѣвшіе въ углу, пробили шесть часовъ; дверцы отхлопнулись, высунулась кукушка, и прокуковала шесть разъ.

–Пора! сказалъ неизвѣстный.

Накинувъ на себя плащъ, онъ вышелъ. Факторъ провелъ его по корридору со свѣчей. На дворѣ было уже темно; подлѣ воротъ стояла маленькая Польская бричка, запряженная въ одну лошадь, которою пра-

вилъ также жидъ въ мохнатой шапкѣ, съ витыми огромными пейсами.

– На водку фактору, судеръ!

– Убирайся къ чорту! отвѣчалъ неизвѣстный, вскочивъ въ бричку.

Жидъ, сидѣвшій на козлахъ, хлопнулъ бичемъ по тощимъ ребрамъ клячи; факторъ со свѣчей воротился въ комнату, копыта застучали о твердую землю; бричка задребезжала; по обѣ стороны улицы замелькали въ домахъ огни жидовскаго шабаша.

Безъ помѣхи катилась бричка. Вдругъ, при спускѣ подъ гору, на встрѣчу обозъ. Жидъ своротилъ въ сторону.

Изъ ближайшаго дома свѣтъ ударилъ на улицу.

– Оврагъ! держи!.... вскричалъ неизвѣстный, но слова его прервались, бричка опрокинулась, звѣзды на платьѣ мелькнули, раздался стонъ, и вдругъ умолкъ. Только слышно было, какъ на гору тянулись волы, да свистъ погонщиковъ, да хлопанье бичей, и *–цобе, цобе*! Обозъ проѣхалъ. Все утихло. Жалостное жидовское *іохъ*! послышалось подъ горою. Снова ударъ бича. Снова копыты застучали, и бричка задребезжала вдалекѣ.

Глухой стонъ повторился подлѣ освѣщеннаго дома, близъ мостика черезъ оврагъ.

=

Въ день Св. Мученицъ Миподоры, Митродоры и Нимфодоры, къ господину городничему стекались гости. По случаю имянинъ почтенной своей супруги, онъ строилъ пиръ на весь міръ.

У всѣхъ значительныхъ особъ въ городѣ, знающихъ приличія большаго свѣта, этотъ день отмѣченъ былъ въ календарѣ.

Въ этотъ день, какъ въ городской праздникъ,

предсѣдатель и члены магистрата, судья и значительные члены судовъ записывали опредѣленіе рано поутру: «По неполученію надлежащихъ свѣ-«дѣній, отложить разсмотрѣніе дѣлъ до слѣдую-«щаго засѣданія»; а почтмейстеръ и помощники его препоручали принимать и отправлять корреспонденціи дежурному почталіону; а городовой лекарь давалъ необходимыя наставленія для исправленія своей должности фельдшеру; а квартальные возлагали полицейскія заботы на хожалыхъ, — потому что всѣ они, въ полныхъ мундирахъ, отправлялись на поздравленіе Нимфодоры Михайловны и супруга ея, потомъ къ обѣдни, потомъ къ обѣденному столу имянинницы.

Всѣ три гильдіи городскихъ купцовъ также помнили этотъ день: препроводивъ ранымъ-рано съ прикащиками своими кулечки со всѣмъ, что только относилось къ хозяйственной экономіи Нимфодоры Михайловны, сами они шли поздравлять имянинницу около полудня.

Обѣдъ былъ великолѣпный.

Какая кисть изобразитъ то единодушное удовольствіе, которымъ всѣ присутствующіе за столомъ были исполнены? Тосты за здравіе Нимфодоры Михайловны, съ ея супругомъ и всѣмъ семействомъ, были повторяемы съ сердечнымъ изліяніемъ чувствъ преданности и должнаго уваженія къ почтенному начальнику города, съ пожеланіемъ всякаго блага и благополучія, ста тысячъ годоваго дохода, и ста лѣтъ жизни. Вензловое имя почтенной имянинницы, вылитое изъ леденца и опутанное сахарной паутиною, возвышалось посреди стола. Подлѣ стояли марцыпаны, варенья на тарелкахъ, дыни и арбузы, груши и яблоки. Пѣсельники пожарной команды пѣли «Многая лѣта.»

Когда Нимфодора Михайловна принялась межевать

слоеный круглый пирогъ, хозяинъ подрѣзалъ проволоку у бытылки шампанскаго, и пробка ударила въ потолокъ. Когда упала на полъ, се подняли по требованію судьи, знающаго толкъ въ винахъ, передавали изъ рукъ въ руки какъ диво, и нѣсколько голосовъ произнесло почтительно: – VCP, со звѣздочкой! – Когда напѣнились бокалы и раздались гостямъ, всѣ привстали, залпомъ произнесли – Желаю здравія! – и потомъ, какъ бѣглый огонь, посыпались похвалы вину: – Дивное вино! – Старое вино! – Очень старое вино! – Цѣльное вино, вино безъ подмѣси! – Царское вино! – Когда разнесли десертъ, сопровождаемый ратафіей, пьяной водицей и вишневкой, и гости стали тучны и алы, хозяйка поднялась съ мѣста, стулья двинулись, загремѣли, всѣ приложились къ ручкѣ хозяйки и вошли въ гостиную.

Дамы засѣли на диванѣ около круглаго стола, на которомъ стоялъ новый десертъ,–Вологодская пастила, разныхъ сортовъ орѣхи и фрукты, вареные въ сахарѣ. Мужчины, чиновные, засѣли по сторонамъ, и занялись чисткою зубовъ и нюханіемъ табаку; подчиненные толпились по сторонкамъ, перешептываясь или разсматривая богатое украшеніе комнаты, – Московскіе обои съ изображеніемъ пастушки въ фижмахъ и пастуха, играющаго на дудкѣ; мебель, обитую зеленымъ сафьяномъ; картинки производства Логинова, въ золотыхъ узенькихъ рамкахъ, изображающія исторію Женевьевы, Павла и Виргинію, Блуднаго Сына, и искаженныя черты полководцевъ, съ подписью и стихами въ честь имъ. Пошли разговоры и жалобы на настоящее время. Какъ и вездѣ, каждый началъ съ близкаго своей душѣ, – военный о войнѣ, помѣщикъ о хлѣбѣ, лекарь о повѣтріи; судья и стряпчіе о тяжбахъ, женщины о военныхъ и балахъ. Наконецъ разговоръ сдѣлался общимъ.

Почтмейстеръ, взявъ кусокъ пастилы, завелъ рѣчь о Наполіонѣ Банапартѣ-съ.

Потомъ хозяйка предложила одной изъ дѣвушекъ сыграть на клавикордахъ. Дѣвушка отговаривалась съ ужимками, что все перезабыла. Мать дѣвушки приказала ей играть. Она, надувшись, сѣла за клавикорды; клавиши застучали, струны зазвенѣли, педаль, придѣланная для маршей и Турецкой музыки, забила въ деку какъ тулумбасъ, клавикорды закачались на складныхъ ножкахъ. Всѣ гости оступили виртуозку, и дивились искусству игры; но удивленіе возрасло до безмѣрности, когда ея правая рука, перескочивъ черезъ лѣвую, заиграла на басахъ.

– Это вѣрно Французская варіяція! вскричалъ предсѣдатель.

– Точно такъ-съ! отвѣчала она съ самодовольствіемъ: это Французская кадриль.

– Я отгадалъ! продолжалъ предсѣдатель: у нихъ все на выворотъ. Ну зачѣмъ бы, кажется, играть правою рукою вмѣсто лѣвой, а лѣвой вмѣсто правой.

– Софія! сказала строгимъ голосомъ мать виртуозки: я не разъ тебѣ говорила, играй просто варіяціи, не перекидывай руки! Что за глупая манера? Какъ будто нельзя играть добрымъ порядкомъ.

Софія порывисто встала изъ-за клавикордъ, и вышла въ другую комнату. Мать пошла въ слѣдъ за ней бранить ее наединѣ.

Между-тѣмъ мужчины засѣли на нѣсколько столовъ играть въ бостонъ, а хозяйка съ своими гостьями около десерта.

Пробило шесть часовъ, ломберные столы уже были исписаны ремизами, а синяя салфетка десертнаго стола покрылась скорлупой.

– Господа! вскричалъ городничій: пора въ театръ, ремизы разыграемъ послѣ.

Пора, пора! повторили всѣ дамы. У васъ есть афишка? Говорятъ, что актеры безподобны.

Какъ же-съ! Антрепренёръ представилъ мнѣ списокъ актерамъ. Играть будутъ піесы отличныя, по моему назначенію,—драму, «Добродѣтельная преступница, или Преступникъ отъ любви,» въ трехъ дѣйствіяхъ, и комедію въ пяти дѣйствіяхъ, «Неистовый Роландъ».

— Какъ это интересно! Пора, пора! повторяли дамы, сбираясь и съ нетерпѣніемъ ожидая дрожекъ у подъѣзда.

Бостонисты сложили ремизы, разыграли, разсчитались, схватились за шапки, и, кто пѣшкомъ, кто на дрожкахъ, всѣ двинулись въ театръ.

=

Городъ, въ которомъ это случилось, лежалъ на берегу большой рѣки, которой имя находится во всѣхъ географіяхъ. Въ этотъ городъ пріѣхала трупа странствующихъ актеровъ, и господинъ антрепренёръ, заплативъ положенный штрафъ за намѣреніе играть трагедіи, комедіи, оперы, драмы и мелодрамы, къ удовольствію городской публики, получилъ дозволеніе «воспользоваться» театромъ, который поступилъ въ городскую собственность также отъ одной походной трупы актеровъ, изгнанной за то, что осмѣлилась, по болѣзни нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, отложить спектакль до другаго дня.

Настало роковое время. Театръ освѣтился плошками. Четыре жида, съ скрипкой, віолончелью, цимбалами и треугольникомъ, засѣли передъ сценой. Занавѣсъ, съ изображеніемъ Аполлона и девяти музъ, уже волнуется отъ сквознаго вѣтра. Всѣ дѣйствующія лица уже готовы для представленія драмы, только не достаетъ еще маркиза Лафаета, преступника отъ

любви, главнаго лица. Французскій король, въ черномъ фракѣ, осыпанномъ лентами и звѣздами, съ тафтяною мантіею на плечахъ, усѣянною блестками и мишурой, ходитъ съ досадою по сценѣ, распоряжается за кулисами, протверживаетъ по тетрадкѣ свою роль, и у всѣхъ спрашиваетъ, пришелъ ли Зарѣцкой.

Софія, добродѣтельная преступница, также заботится объ немъ.

Публика наполняетъ уже театръ; пріѣхалъ и городничій съ своимъ семействомъ; музыка загремѣла мазурку, — а маркиза Лафаета нѣтъ.

— Чортъ! восклицаетъ въ отчаяніи театральный король.

— Что съ нимъ сдѣлалось? восклицаетъ Софія.

— Я сгоню его, не будь я антрепренёръ! восклицаетъ театральный король.

— Посмотримъ, какъ сгоните! И я отойду прочь, восклицаетъ Софія.

— Что жъ мнѣ дѣлать! Что мы будемъ дѣлать безъ него? восклицаетъ театральный король.

— Подождутъ! велика бѣда! восклицаетъ Софія.

— Какъ подождутъ? продолжаетъ тотъ.

— Да такъ же! И въ столицѣ ждутъ, не только что въ поганомъ городишкѣ, продолжаетъ Софія.

Ждутъ, — а маркиза Лафаета нѣтъ какъ нѣтъ.

Жиды проиграли всѣ мазурки и польскіе; публика, по примѣру супруги городничаго, бьетъ въ ладоши, стучитъ ногами; городничій послалъ за кулисы хожалаго съ приказаніемъ начинать.

— Чортъ! что намъ дѣлать? вскричалъ снова театральный король. Нѣтъ, вонъ! долой съ театра!

— Посмотримъ! повторила опять Софія: а я сейчасъ же долой съ себя костюмъ!

— Что жъ намъ дѣлать безъ него? Мы погибли!

Какъ объявить публикѣ? Да я и въ тюрьмѣ мѣста не найду!

Хлопанье и стуки повторились сильнѣе прежняго; хожалый явился снова съ приказаніемъ подниматьзанавѣсъ.

– Чортъ! вскричалъ театральный король съ отчаяніемъ: поднимай занавѣсъ! Лундоръ, выходи, выбрось всѣ явленія, гдѣ маркизъ Лафаетъ; начинай съ третьяго явленія.

Занавѣсъ поднялся.

– Что я слышалъ?.... что видѣлъ? закричалъ страшнымъ голосомъ Лундоръ, выбѣжавъ на сцену.

И вся публика захлопала. Драма играется безъ главнаго дѣйствующаго лица, драма идетъ прекрасно, принимаетъ новый смыслъ, носитъ на себѣ первообразъ новой драматической школы.

И публика довольна. Публика въ изступленіи отъ игры Софіи, добродѣтельной преступницы. Фора, фора! кричатъ ей послѣ всякаго монолога, и бѣдная Софія должна выходить снова, повторять монологи въ нѣсколько страницъ. А Зарѣцкаго нѣтъ какъ нѣтъ. Во второй піесѣ онъ долженъ играть неистоваго Роланда. Ждутъ,-не является ,–и снова король, но уже Карлъ великій, ободренный успѣхомъ драмы, рѣшается начинать и «Неистоваго Роланда» безъ неистоваго Роланда.

– Гдѣ же неистовый Роландъ? спрашиваютъ другъ друга зрители, въ половинѣ піесы, и городничій посылаетъ квартальнаго за кулисы спросить – гдѣ же неистовый Роландъ?

– Неистовый Роландъ въ отсутствіи, отвѣчаетъ содержатель театра, снявъ бумажный вѣнецъ свой передъ квартальнымъ.

– Какъ въ отсутствіи?

– Въ отсутствіи-съ; но онъ прибудетъ къ заключенію піесы.

*

Этотъ отвѣтъ удовлетворяетъ публику. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ заключенія; Софія является уже Ангеликой, Лундоръ Китайскимъ рыцаремъ; выходятъ волшебникъ, пастухъ,—и никому не хлопаютъ,—ждутъ Роланда.

Карлъ великій слышитъ ропотъ публики.

— Я погибъ! говоритъ онъ, сбросивъ съ себя свою великолѣпную одежду.

Вдругъ на дворѣ послышался шумъ.

—Что тамъ такое? спрашиваетъ городничій.

—Не здѣсь ли господинъ лекарь? раздается снаружи голосъ.

— Что тамъ такое? повторилъ грозно городничій, и всѣ находившіеся въ театрѣ полицейскіе бросились вонъ, узнать причину шума; сквозь толпу ихъ продрался слуга лекаря.

Его схватили за воротъ.

— Что тебѣ, мошенникъ?

— Осипа Андреевича требуетъ какой-то генералъ, что остановился у господина казначея, отвѣчалъ запыхавшись слуга.

Въ то же время къ городничему подбѣжалъ писарь полиціи.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ ему шепотомъ: кажись, что новый генералъ-губернаторъ пріѣхалъ!

— Неужели? промолвилъ городничій смутясь. Ахти несчастье! какъ обманули! А мы ожидали его недѣли черезъ двѣ. Да точно ли генералъ-губернаторъ?

— Точно ваше высокоблагородіе: только что пріѣхалъ, потребовалъ къ себѣ городоваго; вишь, не очень здоровъ съ дороги.

Городничій, не говоря ни слова, бросился изъ театра.

— Губернаторъ, губернаторъ! раздалось между публикою.

При этомъ имени, всѣ чиновные, служащіе люди, встали съ своихъ мѣстъ, засуетились, забыли піесу, заходили между стульями, пробираясь вонъ.

– Виноватъ, почтеннѣйшая публика! произнесъ вдругъ жалкимъ, умоляющимъ голосомъ содержатель театра, выбѣжавъ съ отчаяннымъ лицемъ на сцену. Прошу милости и прощенія! Я не причиной тому, что мой актеръ пропалъ.....

Въ общемъ шумѣ сборовъ, стучанья дверями, ни кто не разслышалъ словъ антрепренера, вообразившаго, что публика наконецъ догадалась, что неистоваго Роланда нѣтъ на сценѣ.

Всѣ приняли его самого за Неистоваго Роланда, который долженъ былъ явиться къ заключенію піесы, и, выходя изъ театра, хлопали и кричали – *фора*!

Антрепренеръ повторилъ извиненіе, и занавѣсъ опустился.

– Генералъ-губернаторъ! генералъ-губернаторъ! раздавалось въ толпѣ, выходящей изъ театра. – Генералъ-губернаторъ! неслось по улицамъ города, и служебный народъ возвратился домой съ мыслію, – генералъ-губернаторъ, около которой образовалась сфера идей объ отвѣтственности за безпорядокъ и неисправность.

Городовой лекарь также пришелъ въ ужасъ: онъ торопится домой сбросить фракъ, надѣть мундиръ, вооружиться шпагою, и между-тѣмъ посылаетъ за своимъ помощникомъ, ждетъ его съ нетерпѣніемъ, бранитъ за медленность, приказываетъ составить списокъ больнымъ городовой больницы, съ трепетомъ ѣдетъ въ домъ казначея, входитъ въ переднюю, и отирая потъ на лицѣ, спрашиваетъ у слуги: – Дома ли его высокопревосходительство?

Его вводятъ въ залу. Казначей съ женой и съ двумя дочерями встрѣчаютъ его, чуть дотрогиваясь до полу, и шепотомъ разсказываютъ ужасное событіе, – какъ

его высокопревосходительство разбили лошади,—какъ выпалъ его высокопревосходительство изъ экипажа, къ счастію подлѣ ихъ дома,—какъ его высокопревосходительство весь разбитъ и лежитъ безъ памяти, на диванѣ, въ гостиной, и просятъ войти туда, осмотрѣть раны его высокопревосходительства.

—Какъ же это можно! говоритъ лекарь: войти безъ особеннаго на то приказанія его высокопревосходительства! Не лучше ли подождать, когда онъ очувствуется и потребуетъ медика?

—Помилуйте, Осипъ Андреевичъ! что вы изволите говорить! Его высокопревосходительству нужна неотлагаемая медицинская помощь; потому, что вся голова его отъ сильнаго удара при паденіи, приведена въ окровавленное состояніе.

Лекарь убѣдился словами казначея; поправивъ мундиръ и шпагу, и, взявъ въ правую руку треугольную шляпу, вошелъ въ гостиную.

На диванѣ лежалъ среднихъ лѣтъ мужчина съ окровавленнымъ лицемъ, съ огромной, посинѣвшей шишкой на лбу, въ сюртукѣ, на которомъ сіяли три звѣзды.

—Пощупайте у его высокопревосходительства пульсъ, Осипъ Андреевичъ, сказалъ тихо казначей.

Лекарь пощупалъ пульсъ, и пришелъ въ себя, потому что его высокопревосходительство дѣйствительно былъ безъ памяти.

—Что скажете?

Осипъ Андреевичъ покачалъ головою.

—Не нужно ли пустить кровь?

—Да, нужно бы! Его высокопревосходительство безъ памяти. Не худо бы послать за фельдшеромъ.

—Помогите, почтеннѣйшій Осипъ Андреевичъ! Вы представьте себѣ, что его высокопревосходительство будетъ почитать васъ и меня своими спасителями. Если бъ не я, дѣйствительно онъ погибъ бы, изшелъ бы весь кровію. Надо же быть такому счастію: ѣду

въ театръ, выѣзжаю изъ воротъ, слышу стукъ экипажа, и вдали крикъ, а подъ ногами стонъ. Что это значитъ, думаю я. Стой! Слѣзаю съ дрожекъ, гляжу,—что же?—его высокопревосходительство у мостика лежитъ въ канавѣ, весь разбитъ, какъ видите. Экипажъ вѣрно опрокинулся, лошади понесли подъ гору, и прямо въ рѣку.

—Необыкновенное счастье, подхватила жена казначея, что коляска во-время опрокинулась: иначе и его высокопревосходительству быть бы въ рѣкѣ.

—Помогите скорѣе, Осипъ Андреевичъ, прервалъ казначей: за спасеніе жизни, онъ возметъ насъ подъ свое покровительство.

— Употреблю все искусство. Мы пустимъ ему кровь..... Послали за фельдшеромъ?

— Послали, послали! отвѣчала жена казначея и двѣ ея дочери.

Лекарь подошелъ къ больному.

— Голова вся разбита! Боюсь, не потревожился ли мозгъ.

Фельдшеръ пришелъ. Руку больнаго освободили изъ рукава, натянули, перевязали выше локтя; жила напружилась, ланцетъ щелкнулъ, кровь брызнула въ потолокъ.

«Несчастный!» вскричалъ больной, отдернувъ руку: «дай обойму тебя!... будемъ сражаться съ смертью!.....»

— Боже, онъ умираетъ! закричали всѣ женщины и выбѣжали.

— Что, нѣтъ надежды, Осипъ Андреевичъ?

— Посмотримъ! Помогите держать руку его высокопревосходительства, отвѣчалъ лекарь, и при помощи казначея и фельдшера снова натянулъ руку больнаго и снова ланцетъ стукнулъ, а кровь брызнула струей.

«Смертельный ударъ!» вскричалъ больной въ безпамятствѣ.

Лекарь отскочилъ со страхомъ.

– Боже, что вы сдѣлали! произнесъ казначей.

«Тлѣніе объяло всѣ мои члены!....» продолжалъ безпамятный, вскинувъ руку, изъ которой лилась кровь. «Пожирающее время губитъ память мою! «Земля разверзается! Стой!... Обрушимъ съ собою «землю! она дрожитъ!... прочь!.....»

Судорожная дрожь обняла больнаго; долго продолжалъ онъ бредить, но слова его заглушались стукомъ зубовъ. Наконецъ умолкъ, впалъ въ совершенное безчувствіе.

– Есть ли надежда, Осипъ Андреевичъ? спросилъ казначей.

– Увидимъ, что скажетъ ночь, отвѣчалъ лекарь.

Цѣлую ночь лекарь и казначей провели въ дремотѣ подлѣ больнаго. Подъ-утро, онъ пошевелился. Глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ его груди.

– Слава Богу! будетъ жить, вскричалъ лекарь.

«Жить!» повторилъ больной.

– Онъ приходитъ въ чувство, произнесъ, перекрестясь казначей.

«Въ стѣнахъ великолѣпной столицы, которую я «оставилъ..... въ этихъ стѣнахъ..... гдѣ.....»

– Слышите? прошепталъ казначей на ухо лекарю: его высокопревосходительство прямо изъ столицы!

Больной, снова, заговорилъ что-то невнятно, и потомъ продолжалъ:

«Знаю, знаю мои обязанности..... Я..... все свое «благополучіе полагаю въ томъ, чтобъ дѣлать людей «счастливыми..... а теперь..... ахъ, какъ я несчастливъ!.....»

– Успокойтесь, ваше высокопревосходительство! Осипъ Андреевичъ поможетъ вамъ, а у меня вы изволите быть какъ у себя въ домѣ.....

– Тсъ! прервалъ лекарь рѣчь казначея: не говорите теперь съ его высокопревосходительствомъ; онъ еще не пришелъ въ себя. Оставьте его; онъ, кажется, заснулъ. Я между-тѣмъ схожу домой отдохнуть и приготовить необходимую микстурку, изъ хины. О, это новое вѣрнѣйшее средство отъ всѣхъ болѣзней: всѣ роды лихорадокъ, какъ рукой снимаетъ.

И лекарь отправился домой; но у воротъ онъ столкнулся съ городничимъ во всей формѣ, который спѣшилъ представиться генералъ-губернатору.

– А, Осипъ Андреевичъ!

– Куда вы?

– Къ его высокопревосходительству, донести о благосостояніи города.

– Не возможно! вскричалъ лекарь: не можетъ принять; онъ только что сталъ приходить въ себя; лошади разбили его жестокимъ образомъ, но я принялъ съ своей стороны всѣ необходимыя мѣры.

– Какія, сударь, мѣры съ вашей стороны! Какъ начальникъ города, я долженъ принимать всѣ мѣры, и первый явиться къ его высокопревосходительству, для полученія приказаній.

– Какъ вамъ угодно, господинъ городничій: я не буду виноватъ, если его высокопревосходительство не выздоровѣетъ.

Лекарь отправился домой, городничій вошелъ въ переднюю. Казначей вышелъ къ нему на цыпочкахъ.

– Тсъ! его высокопревосходительство уснулъ.

– Я удивляюсь, господинъ казначей, сказалъ городничій строгимъ тономъ: какимъ образомъ вы осмѣлились предложить его высокопревосходительству домъ свой и вмѣшиваться въ распоряженія полиціи!

– Помилуйте! отвѣчалъ казначей: его высокопревосходительство въ глазахъ моихъ разнесли лошади,

и я поднялъ его подлѣ моего дома всего разбитаго, безъ памяти.....

— Тѣмъ хуже, сударь! Безъ вѣдома полиціи вы не смѣли поднять на улицѣ человѣка безпамятнаго, тѣмъ менѣе внести въ свой домъ. Мое дѣло было изслѣдовать, кто такой лежитъ на улицѣ въ безчувственномъ состояніи, и, узнавъ, что значительное лице, отвести ему приличную квартиру, а не лачужку, сударь. Это прописки, сударь мой; вы подкапываетесь подъ свое начальство; вы человѣкъ безпокойный; вы не знаете подчиненности. Генералъ-губернаторъ у васъ въ домѣ, а вы смѣете быть въ халатѣ! Я донесу, сударь, на васъ! Эй, хожалый, какъ только его превосходительство проснется, донести немедленно мнѣ!

Городничій скорыми шагами вышелъ изъ передней, и отправился въ полицію, поскорѣе приводить все въ порядокъ. Казначей испугался словъ его, и сталъ раскаиваться, что вмѣшался не въ свое дѣло: онъ былъ добрый и умный человѣкъ, но имѣлъ много враговъ между своими сослуживцами.

Въ одно мгновеніе непроспавшаяся полицейская команда поставлена на ноги; письмоводитель, съ синимъ носомъ, сѣлъ составлять рапортъ о благосостояніи города и списокъ колодниковъ, содержащихся въ острогѣ; другіе побѣжали ловить на рынкѣ подводы и рабочихъ людей для очищенія улицъ.

Между-тѣмъ изъ магистрата и прочихъ судебныхъ мѣстъ вынесена не принадлежащая къ производству тяжебныхъ, уголовныхъ и письменныхъ дѣлъ посуда; судьи принялись повторять зады, составлять прежними числами журналы и подводить итоги въ шнурованныхъ книгахъ.

Когда дошло извѣстіе о прибытіи въ городъ генералъ-губернатора до командира гарнизоннаго округа, подполковника Адама Ивановича, сердце почтеннаго старика обдалось ужасомъ. Гарнизонный солдатикъ

стоялъ почтительно, руки по швамъ, близъ его дверей, и въ молчаніи ожидалъ приказанія.

– Ужъ не пріѣхалъ ли съ нимъ и нашъ генералъ?

– Не могу знать, ваше высокоблагородіе! Полицейской посыльной того не говорилъ; можетъ пріѣхалъ, а можетъ и нѣтъ!

– Былъ ли ты у Ивана Ивановича?

– Былъ, да его благородія нѣтъ въ квартирѣ!

– Боже мой, нѣтъ въ квартирѣ! Что же я буду дѣлать!.... Бѣги, ищи его, скажи, что окружный командиръ приказалъ просить его къ себѣ!

– Слушаю, ваше высокоблагородіе!

И гарнизонный солдатикъ, приложивъ лѣвую руку къ тесаку, поворотилъ налѣво кругомъ, притопнулъ правою ногою, и отправился искать его по всему городу.

Иванъ Ивановичъ, лихой поручикъ, лѣтъ сорока пяти отъ роду, въ блѣднозеленомъ мундирѣ, съ парою свѣсившихся на грудь, желтыхъ эполетъ, торопливо вошелъ въ комнату. Огромная шпага его, какъ палашъ, стукала объ ноги и о полъ; въ треугольной шляпѣ торчала рѣпица бывшаго чернаго пера; лѣвый глазъ его щурился, лѣвая часть рта подергивалась, бакенбарды отвисли, лобъ морщился.

– Что изволите приказать? сказалъ онъ, воткнувъ указательный палецъ лѣвой руки между третьей и четвертой пуговицею.

– Ахъ, любезный Иванъ Ивановичъ! вы слышали, что пріѣхалъ генералъ-губернаторъ? Должно сдѣлать надлежащее распоряженіе и отдать приказъ по командѣ.

– Дѣйствительно-съ такъ; потому, что по случаю прибытія его высокопревосходительства, команда имѣетъ быть собрана во всей аммуниціи, и въ предписанномъ порядкѣ представлена для инспекторскаго смотра, который и имѣетъ быть учиненъ. А также,

по случаю прибытія его высокопревосходительства, имѣетъ быть назначенъ почетный караулъ къ занимаемому его высокопревосходительствомъ дому.

– Такъ, такъ, Иванъ Ивановичъ. Слѣдовательно вы назначите караулъ.

– Да не благоугодно ли будетъ представить рапортъ о благосостояніи команды, о числѣ постовъ и больныхъ?

– Такъ, такъ, Иванъ Ивановичъ! Конечно, мнѣ должно представить рапортъ о благосостояніи ввѣренной мнѣ команды.

– «Кстати, Адамъ Ивановичъ: вы бы изволили представить его высокопревосходительству, что городничій осмѣливается распоряжаться гарнизонной командой мимо начальства, и брать безъ вашего вѣдома солдатъ на съѣзжу.

– Да, да, Иванъ Ивановичъ, справедливо; въ слѣдующій пріѣздъ его высокопревосходительства, я донесу обо всѣхъ безпорядкахъ и неустройствахъ, а на первый случай мы подадимъ только рапортъ о благосостояніи команды.

– Какъ вамъ угодно; а я бы въ глаза сказалъ городничему, какъ онъ осмѣливается дѣлать такія вещи.....

– Я скажу ему, скажу; онъ не смѣетъ этого дѣлать.

– Такъ какъ же? Прикажите ли завтра поутру собрать команду на площадь?

– Да, да, непремѣнно, на площадь, во всей аммуниціи.

– Пойду въ пакгаузъ, да велю почиститься да побѣлиться.

– Хорошо, хорошо, Иванъ Ивановичъ; прикажите, чтобъ все было въ надлежащей исправности и чистотѣ.

Поручикъ отправился, а старикъ, довольный своими распоряженіями, набилъ наслѣдственную пѣнковую трубку канастеромъ, и принялся точить бритвы.

Настало утро. Поручикъ Иванъ Ивановичъ, перетянутый нитянымъ шарфомъ, съ обнаженной шпагой, ходитъ по фронту гарнизонныхъ солдатиковъ, равняетъ линію, и ожидаетъ окружнаго гарнизоннаго командира.

Сопровождаемый вѣстовымъ, является наконецъ Адамъ Ивановичъ. Въ огромныхъ ботфортахъ со шпорами, въ лосинныхъ панталонахъ, замѣняющихъ бѣлыя суконныя, въ блѣднозеленомъ мундирѣ съ дутыми пуговицами и съ желтымъ стоячимъ воротникомъ, который отъ времени сдѣлался откладнымъ, въ треугольной шляпѣ, опрокинувшейся назадъ, перетянутый шарфомъ, какъ-будто для поддержанія живота, Адамъ Ивановичъ походилъ на Карла XII.

– Здорово, ребята! вскричалъ онъ, приближаясь къ фронту.

– Здравія желаемъ! крикнули солдатики.

Адамъ Ивановичъ только-что хотѣлъ скомандовать своимъ корпусомъ, какъ послышался звонкій голосъ городничаго, скакавшаго по улицамъ для установленія порядка.

– Помилуйте, Адамъ Ивановичъ! кричалъ издали городничій: помилуйте, вы по сіе время не назначили еще караула къ его высокопревосходительству! не отправили даже вѣстовыхъ и ординарцевъ!

– Я свое дѣло очень знаю! отвѣчалъ сердито Адамъ Ивановичъ вслѣдъ за удаляющимся городничимъ. Иванъ Ивановичъ, извольте назначить караулъ, вѣстовыхъ и ординарцевъ къ его высокопревосходительству.

– Не прикажите ли, Адамъ Ивановичъ, поставить двѣ будки къ воротамъ его высокопревосходительства.

– Непремѣнно, непремѣнно! Да не забудьте назначить двухъ часовыхъ къ экипажу его высокопревосходительства.

– Слушаю-съ! отвѣчалъ поручикъ.

Адамъ Ивановичъ отправился сопровождаемый вѣстовыми къ знаменитому гостю. Между-тѣмъ нахлынули туда, вдругъ, всѣ чиновные и служащіе люди города, члены купечества и городской голова, и на цыпочкахъ вошли въ маленькую залу казначея. Съ подобострастною важностью на лицахъ, построились они по старшинству у дверей этой комнаты, держась лѣвою рукою за шпаги, а тремя пальцами правой придерживая по формѣ треугольныя шляпы. Всѣ, въ почтительномъ молчаніи, смотрѣли на притворенныя двери въ гостиную.

Вотъ, дверь отворилась; всѣ вздрогнули, вытянулись....

Вышелъ казначей.

— Тсъ! произнесъ онъ тихо: его высокопревосходительство *не могутъ* принимать теперь; *они* уснули.

Всѣ на цыпочкахъ подошли къ казначею, обступили его, осыпали вопросами; но его начальникъ, предсѣдатель магистрата, имѣющій полное право на его довѣренность, воспользовался имъ, взялъ своего подчиненнаго за руку, и отвелъ въ сторону, для допросовъ.

«Боже мой!» раздался громкій голосъ изъ гостиной.

Предсѣдатель отскочилъ отъ казначея, разсыпавшійся фронтъ построился снова; казначей бросился въ гостиную. Подлѣ постели стоялъ лекарь съ ложкой микстуры, которую онъ хотѣлъ влить въ ротъ больному.

«Она совсѣмъ почти лишила меня разсудка и воли; она похищаетъ то время, которое я обязанъ посвящать великой должности, возложенной на меня отечествомъ!...» произнесъ больной, и продолжалъ что-то невнятно; и вдругъ взбросивъ голову, вскочилъ съ мѣста и вскричалъ:—«Что я вижу? домъ Софіи! Это храмъ, гдѣ обитаетъ божество души моей!.....»

Лекарь взглянулъ на казначея; казначей весь

вспыхнулъ.—Не понимаю, когда его высокопревосходительство былъ у насъ и видѣлъ мою дочь! подумалъ казначей.

Городничій, услышавъ голосъ его высокопревосходительства, не утерпѣлъ. Я начальникъ города, я долженъ явиться къ генералъ-губернатору; да и что жъ за такая особа казначей, что смѣетъ входить къ его высокопревосходительству, безъ доклада! подумалъ городничій, и вышелъ въ гостиную.

Больной бросилъ на него взоръ, и вскричалъ:

«Кто ты, дерзкой?.....»

— Ваше высокопревосходительство.... Я.... городничій.... Честь имѣю.....

«Кто осмѣлился лишить меня перваго въ жизни удовольствія? Говори!» продолжалъ больной грознымъ голосомъ.

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство!.... Я не былъ предувѣдомленъ о вашемъ пріѣздѣ..... У меня и квартира готова для вашего высокопревосходительства... Постоянно шесть лѣтъ исполняю я должность свою съ рачительностью....

Во время доклада городничаго, казначей и лекарь стояли съ почтительнымъ видомъ, вперивъ глаза въ землю, а больной продолжалъ что-то говорить про себя, и вдругъ произнесъ въ слухъ, прервавъ слова городничаго:—«Что жъ ты мнѣ скажешь?»

— При семъ имѣю честь представить рапортъ о благосостояніи ввѣренной мнѣ должности....

Слова его прервалъ окружный гарнизонный командиръ. Вошедъ въ комнату въ киверѣ, онъ мѣрными шагами приблизился къ дивану, приложилъ руку къ киверу, и произнесъ громко:

— Вашему высокопревосходительству честь имѣю.....

— Сдѣлайте милость, оставьте меня! вскричалъ больной, взглянувъ на него жалостно.

Адамъ Ивановичъ отступилъ, замолкъ и затрясся. Спустя немного, выступилъ впередъ предсѣдатель.

– Счастіе, которымъ ваше высокопревосходительство изволили осчастливить нашъ городъ и сей радостный день, въ который.....

«Неужели и ты, Брутъ, противъ меня?» громко произнесъ больной. «Неужели всѣ согласились на мою «погибель? Неблагодарные Римляне! Безпокойные «люди, которымъ хотѣлъ я быть отцемъ, осыпать «благодѣяніями..... Вы поклялись въ моей погибели..... «Погибели?.... Нѣтъ!» прибавилъ онъ грознымъ голосомъ, сбросивъ съ головы платокъ, и потомъ продолжалъ скороговоркою безсвязныя слова.

Предсѣдатель магистрата перепугался. Городничій, Адамъ Ивановичъ, казначей и лекарь молчали, не смѣя поднять глазъ. Лекарь болѣе всѣхъ былъ смущенъ и въ недоумѣніи: ему казалось, что онъ гдѣ-то читалъ совершенно тѣ самыя слова, которыми теперь его высокопревосходительство изволилъ отвѣчать на рѣчь предсѣдателя, – и только не могъ припомнить, въ медицинской ли книгѣ, или въ какой-нибудь трагедіи?....

– Что это значитъ? сказалъ больной явственно: что всѣ за мной ходятъ и не хотятъ ни на часъ меня одного оставить?....

Городничій, Адамъ Ивановичъ, предсѣдатель, казначей и лекарь, исполняя волю его высокопревосходительства, вышли изъ комнаты, а онъ продолжалъ говорить громко, съ сердцемъ.

– Пойдемте, господа, сказалъ городничій. Его высокопревосходительство предупрежденъ противу насъ. Это каверзы господина казначея.

– Напрасно, господа! говорилъ казначей вслѣдъ за уходящими: напрасно!

=

Въ спальнѣ казначея былъ ужасный споръ между нимъ и его женою.

– Полно, сударь! ты думаешь только о своей дочери, а мою ты готовъ на кухню отправить, сбыть съ рукъ, выдать замужъ хоть за хожалаго. Я своими ушами слышала, какъ онъ произносилъ имя Ангелики.

– «Помилуй, душенька, я могу тебѣ представить въ свидѣтели Осипа Андреевича! Какъ теперь слышу слова его высокопревосходительства – «Это домъ моей Софіи, моей дражайшей Софіи!»

– Ахъ ты, этакой! ты и послѣдній домишко хочешь отдать въ приданое своей возлюбленной Софіи! Нѣтъ, сударь, этому не бывать.

– Прямая ты мачиха! Богъ съ тобой! По мнѣ, все равно: и Ангелика моя дочь. Впрочемъ кто тебя знаетъ....

Съ сердцемъ казначей вышелъ изъ комнаты, не кончивъ рѣчи.

– Лысый чортъ! проворчала казначейша, и кликнула Ангелику.

– Принарядилась?... Вотъ такъ! Хорошо; косыночку-то поспусти немного на плечики. Ну, ступай; скажи, что я, дискать, лекарства хочу дать вашему высокопревосходительству.

Вятской породы, рябенькая, одутловатенькая Ангелика, получивъ наставленія отъ матери, вошла въ комнату больнаго. Онъ лежалъ въ забывчивости; глаза его были устремлены въ потолокъ.

Ангелика стукнула стклянкой.

Больной оглянулся, привсталъ, и произнесъ, устремивъ на нее неподвижный взоръ: «Пойду къ ней.... Да не подозрительно ли? Нѣтъ!.... – Смѣю спросить, сударыня, о чемъ вы изволите безпокоиться?

– Лекарство, вашему высокопревосходительству.... произнесла Ангелика.

– Да вы на кого-то жаловались?

Ангелика вспыхнула. Боже! думала она: онъ слышалъ, какъ я жаловалась на Софью матушкѣ.

– Никакъ нѣтъ-съ; я не жаловалась; у меня нѣтъ ни какого сердца, сказала она.

– Если угодно, я могу служить вамъ своимъ.

– Я не стою, ваше высокопревосходительство.

«Любовь!» вскричалъ онъ, отворотивъ голову въ сторону: «теперь вспомоществуй мнѣ!» и, обратясь къ Ангеликѣ, продолжалъ: «Ахъ сударыня, вы не откажете мнѣ въ вашей услугѣ?»

– Что вамъ угодно?

«Открою вамъ тайну, меня угнетающую, но ужа-«саюсь.... Я бы хотѣлъ открыть вамъ мое сердце, но «языкъ не повинуется моему желанію....»

– Если вы мнѣ сдѣлаете честь.... Мое состояніе..... отвѣчала она, перебирая концы ленты.

«Не въ моей волѣ открыть вамъ причину моего «безпокойства.... Оно началось въ этотъ самый день, «какъ въ этомъ домѣ было печальное происшествіе....»

– Когда умерла бабушка, меня здѣсь не было; я съ матушкой была на ярмаркѣ; только сестра оставалась.

«Я видѣлъ божество, котораго прелести ввергли «меня въ это бѣдствіе.»

– Я не знаю-съ, отвѣчала съ сердцемъ дѣвушка. Можетъ-быть сестрица Софія....

«По-крайней-мѣрѣ, въ вашей волѣ дать случай «въ послѣдній разъ на нее взглянуть....» сказалъ больной, смотря на нее неподвижными глазами.

– Извините-съ! сказала она, вспыхнула отъ досады, и вышла изъ комнаты.

– Это ужасъ! вскричала она, хлопнувъ дверью: онъ требуетъ, чтобъ я дала случай видѣться ему съ сестрой Софьей.

– Видишь ли, мой другъ? сказалъ казначей: не я ли тебѣ говорилъ!

Казначейша начала бранить его и Софію. Между-тѣмъ больной что-то говорилъ въ слухъ. Раздались громко слова – «А послѣ приведи ко мнѣ доктора, да какъ-можно скорѣй!» Казначей бросился туда.

– Что угодно вашему высокопревосходительству?

Больной, склонясь на подушки и глядя въ потолокъ, продолжалъ: «Слабость моя уменьшается....»

– Слава Богу, ваше высокопревосходительство!

«Силы подкрѣпляются какою-то надеждою..... «Конечно, Софія въ безопасности! Ахъ, если бъ испол-«нилось предчувствіе! Всесильное Существо, какую «принесу тебѣ благодарность, когда увижу въ своихъ «объятіяхъ Софію!.... Чу, я слышу ея голосъ!»

– Софья, Софья! закричалъ казначей, выбѣжавъ въ спальню и схвативъ Софью за руку: ступай дурочка; поднеси его высокопревосходительству лекарства.

Софья, добренькая, скромненькая дѣвушка, съ голубенькими глазами, на которыхъ еще свѣтились слезы отъ брани мачихи, втолкнутая отцомъ въ комнату больнаго, остановилась и закрыла платкомъ лице.

«Я живъ еще, любезная Софія! Живъ еще! Не мучься!» сказалъ больной съ чувствомъ, протягивая руки къ казначею.

– Вотъ она, ваше высокопревосходительство, сказалъ казначей, ставя дочь впереди себя.

– «Въ какомъ она изступленіи!» продолжалъ больной. «Это отъ любви ко мнѣ!.... О, сердце мое разди-«рается болью и досадой!»

– Куда ты, Софья! прошепталъ казначей, удержавъ дочь свою, которая хотѣла выбѣжать. Извините, ваше высокопревосходительство, моя Софья немного застѣнчива.

«Не безпокойся, дражайшая! Мнѣ оставлена «жизнь.... Благодари Провидѣніе, которое соединяетъ «насъ навсегда.»

Батюшка! пустите меня!...

«Я живъ, и живъ для того, что тебѣ это драгоцѣн-
«но... »

Слышишь, глупая?

— А, вы здѣсь?... Помоги мнѣ встать, любезная. Охъ!... Мнѣ не позволяетъ слабость.....

— Позвольте я, ваше высокопревосходительство, приподниму васъ!

Казначей бросился подымать больнаго, а Софья выбѣжала изъ комнаты. Сѣвъ на диванѣ, больной вдругъ устремилъ страшные глаза на казначея, долго что-то шепталъ про себя, потомъ схватилъ подушку, и, приподнявъ ее, вскричалъ трагическимъ голосомъ:

«Что? или ты, варваръ, затѣмъ пришелъ сюда,
«чтобъ докончить свои злодѣянія?»

— Ваше высокопревосходительство, милостивѣйшій государь!.... я ничего-съ! сказалъ казначей, и затрепеталъ какъ листъ.

Больной замолкъ. Онъ оставался нѣсколько минутъ неподвижнымъ и, казалось, сталъ спокойнѣе. Казначей ободрился.

— Кто ты таковъ?

— Казначей-съ.

— Скоро ли у васъ начнется представленіе?

— Вчера кончилось.

— Гдѣ антрепренеръ?

— Не знаю-съ. Я тотчасъ съищу его....

— Не нужно. Я самъ пойду къ нему. Я покажу этому мошеннику, что значитъ меня обманывать! Какъ онъ смѣлъ давать представленіе безъ меня?....

— Никакъ не ожидали вашего высокопр.....

Глаза больнаго опять засверкали яростью. Казначей опять струсилъ. Гость вскочилъ съ дивана, накинулъ на лѣвое плечо сюртукъ, который былъ сдернутъ съ руки для пусканія крови, схватилъ треугольную шляпу казначея, и скорыми шагами вышелъ изъ ком-

наты. Въ передней, вскочилъ съ мѣста слуга, и вытянулись ординарцы.

Его высокопревосходительство отправляется скорыми шагами по улицѣ прямо на площадь.

=

Во все это время, въ городѣ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ господствовала необыкновенная дѣятельность, дивная исправность по дѣламъ и усердіе, достойное вниманія знаменитаго гостя. Городничій работаетъ днемъ и ночью, и въ потѣ чела подписываетъ донесенія, отношенія, рапорты, билеты.

Но занятія его были вдругъ прерваны глубокимъ поклономъ вошедшаго антрепренера театра.

– Здорово, любезный! Что это? Афишка новаго представленія? сказалъ онъ, продолжая подписывать бумаги. Надобно съиграть что-нибудь хорошаго для нашего гостя.

– Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, просьбица.

– Ивановъ, возьми и читай скорѣе, сказалъ городничій, подмахивая уже пятую бумагу со времени перваго своего вопроса.

Письмоводитель началъ читать.

«Вольноотпущеннаго Якима Прохорова Козырина прошеніе.

«1. Бывъ по рукомеслу актеръ, и поступивъ въ «директоры, спрѣчь, содержатели вольной трупы, я «производилъ на сценѣ разныя піесы, какъ то, ко«медіи, оперы, трагедіи, къ совершенному удовольствію публики, на ярмаркахъ и въ провинціяль«ныхъ городахъ, имѣвъ на то повсюду дозволеніе «мѣстнаго начальства, на собственный коштъ, съ «различными декораціями и костюмами.

«2. Въ прошлый годъ, на Ростовской ярмаркѣ по«ступилъ въ трупу дирекціи моей мѣщанинъ Корне«лій Ивановъ Зарѣцкій, по контракту, съ тѣмъ, да-

«бы быть на моихъ хлѣбахъ и играть трагическія «роли, а когда нужда воспослѣдуетъ, то и комиче- «скія, а въ случаѣ отсутствія, или болѣзни оперная «артиста трупы моей, отставнаго баса, имѣетъ онъ «Зарѣцкій и пѣть. Несмотря на сіе, онъ Зарѣцкій, «по прибытіи въ сей городъ, отъ должности своей «скрылся, и снесъ отъ меня, содержателя, разные «костюмы, а именно, бархатные античные штаны, «сюртукъ синяго сукна съ краснымъ стамеднымъ «подбоемъ, жилетъ зеленый шелковый шитый, на «сюртукѣ три звѣзды фольговыя, шитыя канителью, «и сверхъ сего забралъ впередъ сто двадцать рублевъ; «коего прошу оную полицію отыскать, и, поступивъ «по законамъ, вышеозначенныя вещи и деньги мнѣ «возвратить.

«Къ поданію надлежитъ въ городскую полицію. «Прошеніе сочинялъ и переписывалъ, со словъ про- «сителя, самъ проситель. Къ сему прошенію руку «приложилъ,» и прочая.

— Ты, братецъ, не выставилъ въ просьбѣ, сколько ему отъ роду лѣтъ, какія примѣты, женатъ, или холостъ, гдѣ приписанъ къ мѣщанству: это вещи необходимыя для полиціи; по симъ соображеніямъ мы составимъ отношеніе въ тотъ городъ.

— Ваше высокоблагородіе, вотъ его паспортъ.

— Все равно, братецъ, отвѣчалъ городничій, продолжая подписывать: въ просьбѣ должно быть все упомянуто. Просьба должна быть написана по формѣ. Теперь, знаешь, время такое щекотливое. Въ городѣ присутствуетъ высшее начальство..... Ивановъ, подай другое перо: это уже исписалось.... То-то братецъ, чѣмъ бы самому сочинять и переписывать просьбу, ты бы обратился къ человѣку знающему дѣло.

— Позвольте я вамъ напишу! сказалъ письмоводитель антрепренеру: это пустаго стоитъ.

Вдругъ раздался шумъ на улицѣ.

– Узнать, что тамъ такое? вскричалъ городничій, продолжая подписывать.

Квартальный и полицейскіе служители бросились вонъ, и долго не возвращались. Любопытство и обязанность повлекли ихъ вслѣдъ за народомъ, который сбѣгался на площадь, толпясь около неизвѣстнаго человѣка въ треугольной шляпѣ. Сквозь народъ виднѣлись только его сверкающіе глаза и дикія движенія рукъ. Онъ произносилъ страшнымъ, изступленнымъ голосомъ: «Великолѣпный городъ!.... Какое «величіе управлять имъ, блистать надъ нимъ подобно «царственному дню, погрузить въ бездонный океанъ «всѣ клокочущія страсти, всѣ ненасытныя желанія!.... «Пропасть! Ниспровергните въ нее все, что только «человѣкъ имѣетъ драгоцѣннаго, ваши побѣды – за«воеватели; ваши безсмертныя произведенія – худож«ники; ваше сластолюбіе – эпикурейцы; – ваши мо«ря и острова – мореплаватели!....»

– Въ городѣ страшный безпорядокъ: какой-то пріѣзжій буянитъ на площади, въ азартѣ, хочетъ ниспровергнуть въ пропасть всѣ моря и острова, сказалъ запыхавшійся писарь, съ шумомъ вбѣгая въ комнату.

– Какъ? вскрикнулъ городничій, и схватилъ шляпу и шпагу со стола. Собрать всю команду! Послать къ окружному командиру, чтобъ шелъ съ солдатами на площадь! За мной!...

И съ этимъ словомъ городничій бросился какъ угорѣлый на площадь.

Между-тѣмъ неизвѣстный продолжалъ:

«Неужели я убилъ жену свою?..... О, заклинаю «васъ, не смотрите подобно блѣднымъ привидѣніямъ «на эту игру природы! Благодарю, Всевышній! есть «случаи, которыхъ человѣкъ не можетъ страшиться, «потому, что онъ человѣкъ!.... Кому отказано въ вос«торгахъ сладостныхъ, тому неужели суждено тер«пѣть мученія дьявольскія?»

– Вотъ онъ, вотъ! раздался голосъ въ толпѣ, стоявшей съ открытыми головами и повторяющей съ удивленіемъ:

– Вотъ онъ! Онъ убилъ свою жену!

– Молчи!.... Куда? грозно сказалъ неизвѣстный, схвативъ одного попятившагося назадъ жиденка за шиворотъ и отбросивъ его въ толпу.

– Схватите его, схватите! кричалъ полицейскій чиновникъ, продираясь сквозь народъ.

«Превратись языкъ твой въ крокодила!» заревѣлъ неизвѣстный, бросаясь на чиновника. «Ступай въ бездну адскую!.....»

Чиновникъ увернулся, замолкъ, и вытянулся во фронтъ. Его испугалъ не самъ незнакомецъ, но сіявшія на груди его три звѣзды.

– Схватите его, схватите! раздался издали голосъ запыхавшагося городничаго; но народъ отхлынулъ отъ неизвѣстнаго, когда онъ, заскрежетавъ зубами, произнесъ: «Прочь, прочь! лица человѣковъ! О, «если бъ мірозданіе попалось въ мои челюсти!..... «Человѣкъ!»..... «Съ какою радостью стоитъ это жал- «кое твореніе, и благословляетъ судьбу свою, что она «не подобна моей!» прибавилъ неизвѣстный, указывая на стряпчаго, который растолкнулъ толпу и только-что выбрелся впередъ. «На одного меня обрати- «лась вся злоба ада!».... «Братъ!» продолжалъ онъ жалкимъ голосомъ, ударивъ босаго жида въ лохмотьяхъ, по плечу: «Благодарю тебя, судьба! здѣсь «есть еще одинъ, котораго не разразилъ этотъ «громъ!.....»

– Зарѣцкій! раздался новый голосъ въ толпѣ.

– Вотъ онъ, вотъ онъ! кричалъ содержатель походной трупы, продираясь сквозь народъ, и обхватывая оратора. Онъ пьянствовалъ! Я узналъ его по голосу и по монологу изъ «Фіеско»! Нашелъ мѣсто деклами-

ровать!... Вотъ и костюмъ театральный, и мои звѣзды. Счастье, что не пропилъ!

Выведенная содержателемъ театра изъ недоумѣнія, полицейская команда обсыпала несчастнаго Зарѣцкаго, у котораго дѣйствительно мозгъ былъ поврежденъ ушибомъ, полученнымъ въ голову. Врачеваніе Осипа Андреевича довершило ея разстройство.

Скрутите ему руки назадъ! сказалъ торжественно городничій: ведите въ полицію для допроса.

Влекутъ бѣднаго Зарѣцкаго, и невнятный, отрывистый его голосъ, сопровождаемый сверкающими очами, не слышенъ въ шумѣ народа, который его преслѣдуетъ.

Его привели въ полицію; толпа оступила домъ; крикъ, гвалъ, толкотня. Городничій, занявъ свое мѣсто, приказалъ ввести преступника; письмоводителю приготовилъ бумагу для допросовъ.

Два будочника ввели Зарѣцкаго; за нимъ вошелъ содержатель театра.

ГОРОДНИЧІЙ.

Имя твое?

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону).

Господи Боже мой, ошибка! И гдѣ же?... на сценѣ, во время представленія! Онъ долженъ былъ сказать «имя ваше?» (*къ городничему*) «Конрадъ Туринскій!»

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Онъ пьянъ, ваше высокоблагородіе.....

ГОРОДНИЧІЙ.

Тсъ! никто не перебивай словъ моихъ. Званіе?

ЗАРѢЦКІЙ.

«Имперскій баронъ и членъ сего судилища.»

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ? что?.... Новый подлогъ. Хорошо! (*къ письмоводителю*) пиши! (*къ Зарѣцкому*) По какому случаю прибылъ въ сей городъ?

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону).

Да онъ не то говоритъ, что слѣдуетъ! Онъ меня собьетъ съ толку! (*къ городничему*) «Защищать мою невинность и занять мѣсто!»

ГОРОДНИЧІЙ.

Хороша невинность! О, другъ, ты займешь мѣсто въ тюрьмѣ!

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону).

Чортъ знаетъ, что онъ говоритъ! (*къ антрепренеру*) Гдѣ суфлёръ? Дайте ему суфлёра! (*къ городничему*) «Какое мое преступленіе?»

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ? какое преступленіе? Запираться! Нѣтъ, пріятель; свидѣтель цѣлый городъ..... Говори, какимъ образомъ и съ какою цѣлію уговорился ты съ господиномъ казначеемъ сыграть роль генералъ-губернатора? А!

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону)

Ну, просто вретъ! Я? роль генералъ-губернатора? (*къ городничему*) «Гдѣ жъ мой обвинитель?»

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА

Да онъ, ваше высокоблагородіе, спьяна бредитъ ролями, которыя игралъ на театрѣ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Тсъ! Тѣмъ лучше. Что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. (*къ Зарѣцкому*) Отвѣчай на вопросъ: съ какою цѣлію? А? Не съ тою ли, чтобъ похитить казенныя суммы и вмѣстѣ скрыться? (*къ квартальнымъ*) Извольте отправиться немедленно, сейчасъ же, и безъ малѣйшаго отлагательства арестовать господина казначея. Если онъ скроется, то вы будете отвѣчать. Слышите ли? (*къ Зарѣцкому*) Ну, говори, съ какою цѣлію? А?

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону).

Не то! (*къ городничему, съ удивленіемъ*) «Какой звукъ голоса!»

ГОРОДНИЧІЙ.

Говори. Что ты будешь на это отвѣчать?

ЗАРѢЦКІЙ.

«Что судилище слишкомъ справедливо, чтобъ на-«казывать заблужденія, или чтобъ разставлять сѣти.»

ГОРОДНИЧІЙ.

Какая дерзость! Сѣти!.....

ЗАРѢЦКІЙ (перебиваетъ).

Да, сѣти! «Всей Германіи извѣстны связи дружбы, «родства.....»

ГОРОДНИЧІЙ (перебивая).

Связи дружбы и родства?.... А, наконецъ! (*къ писарю*) Пиши: Связи дружбы и родства..... Пиши. Вотъ что! Теперь-то объяснилось.

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону съ сердцемъ).

Все испортилъ! Не далъ всего высказать!

ГОРОДНИЧІЙ.

А что господинъ казначей обѣщалъ тебѣ за это?

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону).

Ну играй же съ нимъ! Самъ не знаетъ, что говоритъ! (*къ городничему*) «И сдержалъ слово, онъ былъ мой другъ.»

ГОРОДНИЧІЙ. (къ письмоводителю).

Пиши: другъ!

ЗАРѢЦКІЙ (продолжая).

«Мой гость, а я изгналъ его; онъ простиралъ ко «мнѣ руки, а я умерщвлялъ его....»

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Да онъ декламируетъ роль изъ «Вольныхъ Судей»!

ГОРОДНИЧІЙ (перебивая).

Тсъ, молчать! Здѣсь не вольный, а казенный судъ!.....

ЗАРѢЦКІЙ (въ сторону).

Совсѣмъ сбили меня! Что бишь?.... Да! (*къ городничему*). «Долженъ ли онъ умирать два раза, два раза «переносить томленіе смерти? Кто бъ ты ни былъ.....

«если это твое мнѣніе, то у тебя сердце людоѣда!» (*бросается къ городничему*)

Городничій (вскочивъ съ мѣста съ ужасомъ).

Онъ убьетъ! Схватите его. Онъ убьетъ!....Закуйте его въ желѣза, тащите его въ тюрьму. Колодки на ноги!.....

СОДЕРЖАТЕЛЬ ТЕАТРА.

Ваше высокоблагородіе, онъ пьянъ; онъ спьяна все это надѣлалъ. Извольте прислушать, онъ говоритъ не свои слова.

Городничій.

Тѣмъ хуже; это значитъ, что онъ подученъ. Рогатку на шею! А завтра въ кандалахъ представить его для вторичнаго допроса и личной ставки съ казначеемъ. Разбой среди бѣлаго дня!

=

Въ тюрьму къ Зарѣцкому тайно пришла «Добродѣтельная преступница»; она застала его въ безпамятствѣ, бросилась въ его объятія, вскричала, какъ Ангелика: — Роландъ. взгляни на скорбь мою о тебѣ!.... Успокойся, другъ мой!

А онъ отвѣчалъ:

«Здравствуй, здравствуй, благородная дочь дикаго «Сакрипанта! Здравствуй!.... Какъ ты одна убѣжала «отъ твоего отца?»

И она, видя, что нѣтъ надежды возвратить бѣдному Роланду разсудка, произнесла горестно какъ Ангелика— «Несчастный!», и удалилась изъ тюрьмы скорыми шагами, чтобъ не опоздать на репетицію.

Настоящій генералъ-губернаторъ, до котораго дошли слухи объ этомъ происшествіи, смѣялся надъ нимъ отъ души, и велѣлъ перевести Роланда изъ тюрьмы въ домъ сумасшедшихъ, а казначея перемѣстить въ другой городъ.

По-сю пору казначейша, во время ссоры съ мужемъ, посылаетъ его навѣстить зятя своего въ Москвѣ въ желтомъ домѣ; а Зарѣцкій то и дѣло декламируетъ: то воображая себя честолюбцемъ Фіеско, заноситъ преступную руку на Джіанеттина, поражаетъ стѣну кулакомъ, клянетъ судьбу надъ трупомъ Розабеллы, низвергается въ море съ кровати и лежитъ безъ памяти на полу; то, вдругъ очнувшись, является маркизомъ Лафаетомъ, и клянется въ любви Софіи; то передъ лицемъ Вольнаго Судилища защищаетъ права и невинность имперскаго барона. Но въ роли Неистоваго Роланда онъ превосходитъ самого себя: всѣ сумасшедшіе, находящіеся съ нимъ въ одной камерѣ, забываютъ свою манію,—музыкантъ перестаетъ перебирать на воздухѣ клавиши,—духовидецъ ловитъ за хвостъ чортиковъ, которые садятся ему на носъ,—у поэта выпадаетъ изъ рукъ воображаемое перо,—ораторъ не откашливаетъ слова, которое остановилось у него въ горлѣ,—и всѣ внимательно, безмолвно, разинувъ ротъ, дивятся изступленному искусству Зарѣцкаго.

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

ПРИХОТЬ.

Не далеко отъ Малой Невки, поутру, на дачѣ, въ обширной комнатѣ съ высокими окнами, сквозь которыя струился свѣтъ солнца,—въ этотъ день въ Петербургѣ было солнце,—сидѣла госпожа Чарова за длиннымъ столомъ, и разсматривала альбомъ. Два такіе же альбома лежали на столѣ. Подлѣ нея, съ одной стороны, стояла ея подруга; съ другой мужчина чрезвычайно привлекательной наружности.

—Превосходно! превосходно! вскричала хозяйка. Это отдѣленіе назначено, кажется, для видовъ и ландшафтовъ. Вотъ древній храмъ въ честь Августу въ Ангорѣ. Вотъ деревенька Серта: о, это бывшая великолѣпная столица Креза!....Вотъ развалины храма поклонниковъ звѣздъ, на холмѣ Авраама, близъ Орфы. Храмъ солнца въ Геліополѣ. Все храмы, храмы, да развалины!...Прелесть! Посмотрите, Петръ Петровичъ! Это цвѣтущая долина какой-то Низибіи.

—Знаменитой Низибіи, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Она когда-то устояла противъ грозныхъ Парѳянъ, и кровью враговъ облила эту цвѣтущую долину.

—Посмотрите, господинъ Лугановъ: цвѣты,—бѣлыя розы,—но что здѣсь подписано?...Ими усѣяны всѣ окрестности Низибіи.....Такъ и они были орошены кровью людей!...Еще развалины; это храмъ и амфитеатръ Джеразы. Но какъ хорошо выполнено! Безъ подписи можно узнать, что онъ стоитъ въ пустыняхъ Сиріи: вотъ пастухи со стадами козъ; вотъ Арабскіе бедуины... О! гадкій!.....это крокодилъ? Нѣтъ, ящерица Гвириль.

—Однако жъ эта ящерица такъ же сильна, какъ крокодилъ, замѣтилъ Лугановъ.

—Всѣ они хороши, отвѣчала она. А, снова цвѣты!

Гіацинты, ранонкулы, нарцизы, анемоны съ острова Кипра; гвоздика, амариллисъ, лилія, антиллисъ пурпуровый, ксерантема съ горы Либана. Ахъ, ахъ съ горы Либана! Точно какъ гербарій; какъ-будто онъ ихъ сорвалъ оттуда. Какая самонадѣянность!...Но люди съ истинными дарованіями всегда таковы. Возьмите, Лугановъ, возьмите этотъ букетъ. Что жъ вы стали?

Она нагнулась и понюхала.

– Право, кажется, обдастъ меня запахомъ лилій.

Лугановъ вздохнулъ.

Вы, мнѣ кажется, Любовь Александровна, предпочитаете всему дарованія къ изящнымъ искусствамъ и поэзіи?

– Разумѣется.

– Да вѣдь онѣ даются всегда въ вознагражденіе сумасшедшимъ!

– Я люблю сумасшедшихъ.

– Вы любите сумасшедшихъ? раздался голосъ человѣка, вошедшаго въ комнату.

То былъ мосье Рюселье, отставной капитанъ Французской гвардіи, хозяинъ альбомовъ.

Чарова сперва вздрогнула, потомъ засмѣялась,–подтвердила слова свои, – вздохнула,– переворотила листокъ альбома.

– Чудесный видъ!...Какъ хороша эта деревенька на скалѣ! Бунарбаши. Что это, на мѣстѣ бывшей Трои?

Она задумалась, и тихо сказала:

– Троя, Троя! гдѣ теперь ея слава? гдѣ ея Парисъ?.... скажите мосье Рюселье, отчего это въ книгѣ костюмовъ у васъ нѣтъ ни одной женщины?

– Какъ это?

Онъ взялъ одинъ альбомъ, и, пріискивая рисунокъ, продолжалъ: – Вообще кожа всѣхъ Американцевъ имѣетъ цвѣтъ корицы; мнѣ хотѣлось выбрать женщину побѣлѣе. Между рѣками Платою и Кансе, на-

шелъ я племя, которое называется Ли-Пани. Можете себѣ представить, какъ я обрадовался, увидѣвъ не только бѣлыхъ, но и бѣлокурыхъ....А вотъ и сама Наная.

Госпожа Чарова, подруга ея и Лугановъ отскочили отъ стола.

—Это я! вскричала госпожа Чарова. Не возможно!... Когда успѣли вы срисовать меня?

Разумѣется не возможно, отвѣчалъ Рюселье: вчера только, поутру, я имѣлъ честь познакомиться съ вами; весь день пробылъ вмѣстѣ; возвратился домой поздно вечеромъ, и по желанію вашему тогда же прислалъ къ вамъ альбомы съ моимъ Негромъ. Я васъ удивлю еще болѣе, когда скажу, что этотъ портретъ, какъ я ни старался, со всѣмъ не похожъ на оригиналъ; только положеніе головы, уборка волосъ и руки здѣсь совершенно такъ, какъ было у Нанаи.

—Это странно! сказали всѣ вдругъ.

—Что жъ дѣлать? продолжалъ Рюселье: не всегда можно ладить съ упрямою кистью, особенно съ такой, какъ моя.

—Вы шутите, капитанъ. А я никогда не видывала такихъ прелестныхъ рисунковъ, хотя они наскоро набросаны. Чего тутъ не достаетъ? Перспектива, правильность, смѣлость, колоритъ. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ воздухъ изображенъ такъ, что переноситъ меня въ то мѣсто, гдѣ вы рисовали!

—Набилъ руку, какъ говорятъ Русскіе, отвѣчалъ капитанъ. A force de forger on devient forgeron. Не шутка шесть лѣтъ больше ни чего не дѣлать, какъ ѣздить да рисовать.

—Вы объѣхали весь свѣтъ?

—Почти. До такой степени, что не смѣю говорить. Я имѣлъ удовольствіе или несчастіе видѣть все, что дѣлается на свѣтѣ. Я былъ въ Канадѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Бразиліи, въ Мексикѣ, въ Кали-

форніи,—ежели хотите, въ Камчаткѣ, въ Кантонѣ, въ Индустанѣ. Объѣхалъ всѣ берега Африки, пробѣжалъ по островамъ Средиземнаго Моря. Видѣлъ устья всѣхъ знаменитыхъ рѣкъ, исключая Оби, Енисея, Лены и Мѣдной. Видѣлъ Кордильеры, Анды, Лунныя Горы и безтолковый Тавръ. Видѣлъ Иду и Олимпъ Мизійскій. Я видѣлъ, госпожа Чарова, бѣднаго Адониса: онъ подплылъ кровью, этотъ любимецъ богини красоты.

—Вы смѣетесь, Рюселье. Вы, кажется, перенеслись воображеніемъ во времена Аргонавтовъ?

—Капитанъ говоритъ о рѣкѣ Адонисѣ въ Сиріи, сказалъ съ улыбкою Лугановъ: которая имѣетъ кровавый цвѣтъ, отъ красной глины береговъ.

—И которая напоминаетъ, что безсмертная хотѣла почтить пепелѣнымъ памятникомъ изуродованный трупъ возлюбленнаго человѣка.

— Ахъ, Адонисъ, Адонисъ! прошептала Чарова. Что же вы еще видѣли?

—Ливанъ, увѣнчанный кедрами; Таборъ, съ котораго въ одно время взоръ обхватываетъ Озеро Тиверіяды, берега Средиземнаго Моря и рѣку Іорданъ. Я былъ въ Самаріи, въ Іудеѣ, въ Іерусалимѣ; поклонился гробу Спасителя.....

Послѣ продолжительнаго молчанія Лугановъ спросилъ у капитана:—Что же извлекли вы изъ вашего путешествія?

— Альбомы, отвѣчалъ капитанъ сухо.

— Какую пользу, хотѣлъ я спросить.

— Возможность жить безъ счастья.

Вскорѣ Рюселье ушелъ.

Лугановъ еще оставался. Онъ выманивалъ на разговоръ хозяйку, но видя, что не клеится, сказалъ грустно: — До свиданья, Любовь Александровна.

Чаровой двадцать шестой годъ. Каждый изъ читателей имѣетъ свое понятіе о красотѣ. Пусть же каж-

дый вообразитъ себѣ женщину со всѣмъ, что для него прелестно, мило, плѣнительно, отъ головы до ножки, и, составивъ себѣ идеалъ совершенства, принесетъ его ко мнѣ: мы примѣримъ любой изъ этихъ идеаловъ къ Чаровой, и я увѣренъ, что онъ ни чѣмъ не будетъ различаться съ нею. Мой идеалъ совершенно къ ней приходится.

Лице, вся голова и станъ покойнаго ея мужа были выкрадены изъ Академіи Художествъ, гдѣ только они и существуютъ. На выставкахъ, когда онъ появлялся, женщины не смотрѣли на картины. Онъ самъ зналъ свое достоинство, и самъ любовался собою, и несмотря на умъ образованный, преобразованный, на душу благородную и возвышенную, очень уважалъ свою наружность, – потому, говорилъ онъ, что она пріобрѣла ему жену, единственную въ свѣтѣ. Къ нему въ полной мѣрѣ примѣнялось правило древняго мудреца – Anima pulchra in corpore pulchro, – «въ прекрасномъ тѣлѣ душа прекрасная». Зато и жена, несмотря на свой семнадцатилѣтній возрастъ, утверждала, что мужъ ея, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходнѣе всѣхъ мужчинъ въ свѣтѣ. Для меня только мудрено, почему она могла знать это. Но въ быту супружескомъ бываютъ такія мистическія сравненія, что и самъ чортъ не всегда извѣстенъ объ ихъ основаніи. Подите, спрашивайте!

Впрочемъ госпожа Чарова говорила спроста: она и не думала повѣрять своего предложенія опытомъ, и ей было нѣкогда: она не успѣвала опомниться отъ любви своего мужа, отъ любви къ своему мужу; она даже не хотѣла сравнивать и на свободѣ, оставшись на двадцатомъ году вдовою.

Бѣдный дрался съ непріятелемъ, какъ дерутся Русскіе, – не оглядываясь, и послѣ кровавой, ужасной битвы, можно сказать послѣ бойни, остался на мѣстѣ.

Его не успѣли вынесть. То была сѣча, которую можно сравнить только съ тѣмъ, что происходило въ станѣ Варуса. Эхъ, любезный штабсъ-капитанъ! помните ли вы этотъ станъ Варуса, — въ мѣстѣ, ужасномъ для взора и воспоминанія. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого несчастнаго боя, Германикъ воздалъ достойную честь бреннымъ останкамъ Римлянъ. Черезъ шесть лѣтъ узналъ онъ еще мѣсто, гдѣ погибли его соотечественники; видны были еще интервалы, которые раздѣляли три легіона; немного далѣе представлялось укрѣпленіе, окруженное рвомъ, наполненнымъ водою, въ которомъ, какъ полагали, скрыта большая часть войска. Посреди стана валялись еще черепы и бѣлыя кости, разбросанныя по частямъ или цѣлыми остовами, въ такомъ положеніи, въ какомъ смерть застигла воиновъ, въ бѣгствѣ или битвѣ. Повсюду обломки копій или дротиковъ; тамъ головы лошадей, тамъ головы людей, на сучьяхъ деревъ. Въ окрестностяхъ стана примѣтны еще жертвенники, гдѣ варвары заколали трибуновъ и начальниковъ первыхъ степеней. Тѣ, которые спаслись отъ ихъ жестокости, разсказали подробности ужасной битвы. Тамъ, говорили они, погибли предводители легіоновъ; здѣсь потеряли мы орловъ своихъ; тамъ получилъ Варусъ первую рану, а здѣсь лишилъ онъ себя жизни. Вотъ здѣсь Арминій говорилъ рѣчь своимъ воинамъ; а здѣсь велѣлъ ставить висѣлицы для плѣнныхъ и рыть ямы, чтобъ закопать въ нихъ Римлянъ по-Римски, такъ, какъ они хоронили казненныхъ преступниковъ, засыпая ихъ землей, смоченною собственною ихъ кровію. Помните ли вы это описаніе въ Тацитѣ, штабсъ-капитанъ? Въ бою, почти столь же ужасномъ, находился и Варовъ: онъ палъ при кликахъ побѣды: но въ кровавой суматохѣ до того ли было, чтобъ сохранить его остатки? Я думаю, и теперь еще голова его выглядываетъ большими впадинами своими изъ подъ кор-

*

ня какого-нибудь развѣсистаго бука. Посмотрѣлъ бы на этого красавца!

Чаровъ, какъ-будто предчувствуя смерть, укрѣпилъ, отправляясь въ походъ, все богатое свое имѣніе женѣ. Тѣмъ лучше. Молода, прекрасна, богата,— сколько законныхъ преимуществъ на граммату почетнаго божества! И вотъ у нее полторы сотни поклонниковъ, но ни одного жреца. Поговаривали, что Г. Лугановъ принятъ ею въ катехумены: да вѣдь только, что поговаривали.

Мало ли кто говоритъ, мало ли о чемъ говорятъ? Одна, прямая какъ аршинъ, блѣдно-фіолетовая, съ соловыми глазами, съ раздутымъ носомъ, сжатыми губами, — словомъ Прюда Праксѣевна, называла Чарову чинною, прикидливою, лукавою скромницею. Другая, худое, истомленное, тщеславное созданьице, называла ее затѣйливою, капризною, своенравною. Третья, роскошная тѣломъ и душою, придала ей эпитетъ — прихотливой.

Зачѣмъ, напримѣръ, ломаться Чаровой? Она выше всѣхъ мелочныхъ предразсудковъ; она презираетъ всѣ мистификаціи, и не подозрѣваетъ ни въ чемъ низкаго. Она бываетъ скромна и осторожна; но это грѣшно же называть лукавствомъ. Она бываетъ такою передъ тѣми, къ кому не лежитъ сердце ея, кто присутствіемъ своимъ заставляетъ это бѣдное сердце судорожно сжиматься; но кого она любитъ, какъ друга, того любитъ со всѣми знаками дружбы; не играетъ его чувствами, и не боится своихъ чувствъ. Она ласкова, радушна, чистосердечна, потому что чиста и благородна въ мысляхъ и дѣлахъ.

Зачѣмъ ей капризничать, быть своенравною, затѣйливою? У ней все есть: здорова, хороша, умна, богата, — особенно, богата; а въ такомъ случаѣ затѣи вовсе не примѣтны и заключаютъ въ себѣ обыкновенное дѣйствіе воли, просто удовлетворяемой.

Но прихотливость? Это можетъ-быть и такъ. Чѣмъ человѣкъ изобильнѣе богатствомъ, душою, умомъ, дарованіями, тѣмъ онъ прихотливѣе. Посудите сами: Чарова имѣла мужа, который, по ея словамъ, былъ превосходнѣе во всѣхъ отношеніяхъ всѣхъ возможныхъ мужей въ свѣтѣ: какъ же не быть ей прихотливой въ выборѣ другаго? А притомъ, Миронья Ивановна, ея молодая подруга, товарищъ ея красивой жизни, выпускаетъ иногда словце, другое, по которымъ какъ-будто можно заключить, что Любовь Александровна вздыхаетъ еще по покойномъ мужѣ.

Ужасное положеніе женщины въ двадцать лѣтъ, въ которой любовь борется съ любовію!

Что это значитъ,—любовь борется съ любовію? Стало быть, Чарова влюблена уже въ другаго?

Позвольте, милостивые государи, — это археологическая загадка. Нынче вышло изъ обыкновенія учить Греческой Миѳологіи, — и прекрасно! потому что она не приноситъ ни какой пользы, и крадетъ время у чего-нибудь путнаго: не лучше ли употребить его на изученіе своихъ вѣдьмъ, разбойниковъ, каторжниковъ и разныхъ другихъ источниковъ высокаго и изящнаго? Наконецъ люди спохватились! Полагая, что новое поколѣніе читателей не имѣетъ совершенно ни какого свѣдѣнія о богахъ и богиняхъ, которые стоятъ въ Лѣтнемъ Саду, подъ липами, я нахожусь принужденнымъ растолковать ученымъ кандидатамъ Философіи и кандидаткамъ Супружества то, чему меня учили въ гимназіи, въ царствованіе блаженной памяти классицизма.

Изволите видѣть: были богъ Югантинусъ, такъ сказать, «Запрягаевъ», который соединялъ супруговъ; богиня Виргиніенсисъ, то есть, «Дѣвичья», которая развязывала поясъ молодой; потомъ Волупіа, которая проливала сладость въ сердце; потомъ Сти-

мула, которая его подстрекала; потомъ Стреніа, которая, не помню что дѣлала, – но что-то очень важное. Древніе были очень акуратны; они ничего не пропустили, – даже самыхъ бездѣлицъ, – ежели только это бездѣлицы, – и замѣтили, что это еще не все; что въ супружествѣ есть двѣ, совершенно различныя любви, одна простонародная, другая книжная. Первую отдали они въ завѣдываніе богинѣ Афродитѣ, Любви Земной, другую Уранiи, то есть, Любви Небесной, потому что слово «романическая» еще не существовало. Такъ вотъ, – возвращаясь къ предмету, – въ душѣ госпожи Чаровой боролись Афродита съ Уранiею. Можно вообразить потасовку двухъ женскихъ существъ, – и какихъ женскихъ!

Небесная, или книжная, билась подъ орифламомъ съ именемъ покойника, – билась на смерть, но благородно, по всѣмъ уставамъ рыцарства; земная не имѣла ни эмблемы, ни девиза, ни хоругви съ именемъ; и какъ фурiя бросалась на грудь своей противницы, впивалась ей въ бока, щипала ее, щекотала, колола булавками.

Госпожа Чарова не знала что и дѣлать съ этой безпрерывною суматохою!

Въ жаркiй день, послѣ купанья въ обширной ваннѣ, съ проточною, студеною водою, госпожа Чарова покоилась на широкомъ диванѣ въ пеньуарѣ и въ юпочкѣ изъ бѣлаго кемрика; густые, длинные волосы, въ ожиданiи пока высохнутъ, подобраны были кверху, скручены небрежно, но живописно, и держались на гребнѣ. Будуаръ, не садъ и не роща, въ которыхъ часто скрываются предатели, – будуаръ обезпечивалъ ее со стороны всякаго любопытства; поэтому ея ножки, ея шейка, ея бюстъ не имѣли ни какого покрова, и, всегда бѣлыя какъ слоновая кость, были

теперь облиты тонкимъ, розовымъ пламенемъ зари, признакомъ роскошнаго ощущенія той животворной теплоты, которая пылаетъ во всѣмъ составѣ тѣла послѣ купанья.

Подлѣ нея сидѣла Мира, ея подруга, и шила.

– Вы что-то часто начинаете скучать, Любовь Александровна?

– Грустно, Мирочка, мой другъ.

И слезы навернулись на глазахъ ея.

– Да прогоните эту безполезную тоску! Зачѣмъ поддаетесь вы ей? Зачѣмъ позволяете ей грызть ваше бѣдное сердце?

– Развѣ есть возможность забыть моего Чарова? Тебѣ только было четырнадцать лѣтъ..... Но ты помнишь его? Скажи, видала ли ты что-нибудь прелестнѣе? Я не говорю о лицѣ, о головѣ, – это *вещи* выше всякаго сравненія; но его станъ, – его станъ, грозный и вмѣстѣ гибкій! походка болѣе чѣмъ смѣлая! всѣ движенія, какъ-будто начертанныя Граціями!.... А голосъ? Голосъ – ровный, чистый теноръ! А даръ изъясняться коротко и сильно, долго и вмѣстѣ увлекательно? О, когда онъ разсказывалъ что-нибудь, я переходила вся въ слухъ, онъ весь былъ во мнѣ!....

– Вы разрываете мою душу, Любовь Александровна. Къ чему все это?

– Я и сама не знаю!..... Вѣдь онъ всегда въ глазахъ моихъ; онъ живетъ со мною. – Живетъ, прибавила она уныло: и не живетъ!.... Ахъ!

Чарова заложила на голову ручки, сплетенныя пальцами.

– Знаешь ли что, Мира? Мнѣ кажется, что онъ манитъ меня къ себѣ въ могилу.

– Что жъ? отвѣчала подруга съ маленькою досадою: смерть не за горами! Можно скоро исчахнуть, умереть.

Мира взвела глаза съ работы на Чарову, и застала улыбку на ея устахъ, и указательный пальчикъ правой руки, приставленный къ верхнему ряду перловыхъ зубковъ.

– Не хочется! сказала тихо Любовь Александровна.

Мира бросилась цѣловать свою Любовь Александровну. Она сѣла возлѣ нея, и обняла ее одной рукою.

– Мирочка, Мирочка! я не могу жить одна. Мнѣ надобно хлопотать по дѣламъ, распоряжаться по имѣнію; мнѣ нужны совѣты, защита. Я чувствую частые припадки круженья. У меня боль въ головѣ, трепетанье въ сердцѣ..... Мнѣ нужно соучастіе мужа, любящаго, понимающаго мое сердце.

– Выходите, сказала Мира съ маленькою робостію: выходите скорѣе за Луганова.

– Ахъ, полно пожалуйста!.... Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Я полюбила этого Француза, Рюселье..... Она закрыла лице обѣими руками.

– Что вы это, Любовь Александровна? Да и съ какой это стати? Ну, какъ сравнять Луганова съ этимъ уродомъ?

– Съ уродомъ! вскричала Чарова. Ахъ, Мира!.... я люблю уродовъ.

– Что ужъ это такое, Любовь Александровна? Любите сумасшедшихъ, любите уродовъ! Да вѣдь это въ самомъ дѣлѣ–рожа. Посмотрите: рябина на рябинѣ; а носъ– точно граненый остроконечникъ на старомъ хрустальномъ жирандолѣ, что въ передней.

– А глаза? спросила Чарова.

– И глаза безпутные, шальные. Мнѣ все кажется, будто онъ васъ хочетъ съѣсть.

– А голосъ?

– Да все въ немъ дурно, дурно; и притомъ онъ Французъ.

– Какіе предразсудки, Мира! Я готова быть женою негра, Готентота, ежели онъ мнѣ понравится. Я свободна: зачѣмъ же мнѣ, для пересудовъ людей, лишать себя счастья на всю жизнь? Я люблю Луганова: въ два года нашего знакомства, я съ нимъ освоилась. Я люблю слушать, какъ онъ мнѣ разсказываетъ о былях города, о балахъ, о сплетняхъ. Онъ разсѣеваетъ меня, когда мнѣ сдѣлается грустно. Онъ читаетъ мнѣ книги, достаетъ прекрасныя картинки, приноситъ новыя музыкальныя сочиненія. Я часто посылаю его въ Англійскій Магазинъ и къ Гиберу. Онъ сообщаетъ мнѣ о магазейныхъ новостяхъ, выискиваетъ для меня разныя миленькія штучки, бездѣлушки. Онъ привозитъ мнѣ превосходныхъ сладостей отъ Рязанова, Амато, Лареды. Онъ разматываетъ со мною шелкъ, вдѣваетъ шерсть въ иглу, подбираетъ бисеръ, натираетъ краски. Ко всему этому я привыкла. Я люблю даже повѣрять ему мои тайны. Онъ точно какъ-будто мой мужъ; но если бы я за него вышла, то онъ не былъ бы моимъ мужемъ..... Я не чувствую къ нему того, что чувствовала къ Чарову.

– А къ Французу? спросила съ усмѣшкою Мира.

– Ахъ, не спрашивай! Я не могу, не умѣю передать тебѣ чувства моего къ нему. Я согласна, что онъ уродъ и сумасшедшій: да что жъ мнѣ дѣлать! Всѣ его недостатки кажутся мнѣ плѣнительными. Стыдно сказать, Мира: въ рябомъ лицѣ его я нахожу столько прелести, что при взглядѣ на него вся кровь приливаетъ у меня въ голову. Когда онъ входитъ, – я не своя; когда вдругъ заговоритъ, – я содрогаюсь; когда онъ сядетъ въ комнатѣ, – мнѣ кажется, какой-то духъ властитель въ ней присутствуетъ. Мнѣ кажется, что я ему принадлежу, что я его добыча, что онъ левъ, а я ягненокъ, трепещущій въ его когтяхъ; что онъ гремучій змѣй, который своимъ мощнымъ,

магнитическимъ взоромъ осѣнилъ меня, бѣдную птичку, и я, какъ птичка, прикованная къ вѣткѣ колдовствомъ, жду въ сладостномъ упоеніи, чтобъ онъ скорѣе проглотилъ меня; что я уже въ немъ, и въ немъ живу; что онъ во мнѣ живетъ; что моей волѣ, моимъ мыслямъ, моимъ словамъ, сообщаетъ онъ движенія — только онъ. Мнѣ кажется..... Я не умѣю сказать, что мнѣ кажется! Но такъ или не такъ, я хочу принадлежать ему.

Мира всплеснула руками.

— Онъ очаровалъ васъ, Любовь Александровна!

— Да; я говорю тебѣ, что глаза его мнѣ говорятъ — ты моя! ты будешь моей! ни какая сила не въ состояніи положить между нами преграды!..... И они жгутъ меня, палятъ до самаго сердца, — и это сердце, робко, трепетно, шепчетъ — жги меня! жги въ уголь и въ золу; но только жги!

Спустя два мѣсяца послѣ того, какъ Чарова разсматривала съ Лугановымъ альбомы, онъ сидѣлъ съ нею глазъ-на-глазъ въ ея полумрачной венеціянской комнатѣ, гдѣ вся старина гордой и промышленной республики была собрана для украшенія стѣнъ по новому вкусу. Черные атласные обои съ широкою каймою изъ вышитыхъ золотомъ арабесковъ; чернымъ бархатомъ обитыя кушетки, и покойныя кресла съ гербами, съ раззолоченными рукоятками и ножками, — все черное; и оно не могло не возвышать красоты бѣлокурой хозяйки. А великаны зеркала, — а резеда, — а фіалки, — а мягкія съ гагачьимъ пухомъ подушки на диванахъ, — а мраморная група Марса и Киприды, — а картины Аннибала Каррачіо, которыя необходимы въ каждой венеціанской комнатѣ, — все это не должно ли было располагать бѣлокурую хозяйку къ привѣтливому и ласковому слушанію разсказовъ молодаго гостя?

– И Рохнинскіе были? спросила она.

– Были; только очень поздно пріѣхали, часу во второмъ; кажется, съ другаго бала..... (Ахъ!)

– Кто былъ лучше всѣхъ одѣтъ?

– Разумѣется, Саварина. Токъ воздушный, съ перомъ, съ алмазнымъ аграфомъ!..... Прическа à la Pompadour; платье.....

– А третьяго дня гдѣ вы были вечеръ?

– Въ театрѣ.

–Что тамъ?

– Ненаглядный Робертъ-Діаволъ. Признаюсь, что онъ при каждомъ представленіи нравится мнѣ болѣе и болѣе. Что касается до музыки..... (Ахъ!)

– Какая сцена нравится вамъ больше?

– Возстаніе изъ гробовъ; нѣтъ ни какого сомнѣнія.

– А въ музыкѣ?

– Все; и радость, и торжественность, и состраданіе, и ужасъ, – все это мѣняется въ душѣ, потрясаетъ ее безпрестанно.

– И вы это любите?

– Пора привыкнуть, Любовь Александровна! Музыка вашего голоса, вашего взора, вашихъ мыслей, желаній, уже около двухъ лѣтъ, забавляется такимъ образомъ надъ моей душею.

– Другъ мой, милый другъ мой! послушайте меня....

Вошелъ маленькой жокей, и прокричалъ: – Капитанъ Рюселье!

– Гдѣ онъ?

– Здѣсь.

– Проси!

Блѣдная какъ смерть, Чарова привѣтливо приняла гостя.

Не обращая ни на что вниманія, онъ сѣлъ какъ дома, какъ другъ, какъ ближній родственникъ, какъ хозяинъ.

– Какая Французская замашка! прошепталъ про себя Лугановъ, кусая губы.

Сначала разговоръ былъ чрезвычайно сухъ; но Рюселье умѣлъ раскалыхатъ умы.

– Ежели то, что называютъ любовью, сказалъ онъ, ограничивается однимъ эгоизмомъ; то конечно духовное начало наше не принимаетъ въ ней ни какого участія; одна сила воображенія для нея достаточна. Но въ любви невольной, взаимной, симпатической, гдѣ грубое наслажденіе есть уже не что иное, какъ второстепенное побужденіе; гдѣ сладостныя ощущенія сердца выходятъ изъ общаго условія видимой природы и обращаются въ метафизику чувства, тамъ души узнаютъ другъ друга издалека, и здороваются какъ старые знакомые; ихъ взаимность предопредѣлена; ихъ соучастіе равносильно.

Горячій румянецъ разливался по лицу Чаровой.

– Мнѣ кажется, сказалъ Лугановъ, что ничто не можетъ дѣлаться безъ причины, даже и внѣ извѣстной намъ природы.

– Я съ вами согласенъ; но кто изъяснитъ невольное влеченіе любви и ненависти? Съ перваго взгляда, я люблю и ненавижу.

– Этому, отвѣчалъ Лугановъ, могутъ быть виною наружность, вкусъ.

– И сравненье, и воспоминанье, прервала Чарова.

– Все это очень возможно; однако жъ, вѣдь надобно, чтобъ существовали прежде тѣ лица и случаи, которые память представляетъ вамъ для сравненій. По какому же сравненію, спрошу я васъ, нравились вамъ тѣ прежнія лица? И стану доспрашиваться подобнымъ образомъ до того времени, когда ваши понятія только-что развились, когда кто-нибудь понравился вамъ первый: и тогда отвѣчайте мнѣ, что было побудительною причиною, что онъ вамъ понравился?

– Красота, отвѣчала Чарова быстро, и покраснѣла.

– Стало быть, сказалъ съ улыбкою Рюсельс, я не могъ бы быть никогда любимъ вами. Но уродство иногда не примѣчается, и сумасшествіе нравится: этому бывали примѣры.

Чарова поблѣднѣла.

–Можно дощупываться, продолжалъ Рюсслье,умомъ своимъ, какъ угодно; но тайны симпатіи не разгадаете, – и, разгадавъ, будете-ли счастливѣе? И что прибавится черезъ то къ любви симпатической, взаимной? Сдѣлается ли она сильнѣе, прелестнѣе? И ежели сдѣлается, такъ развѣ для того, чтобъ умереть отъ наслажденья.

Чарова была вся въ огнѣ.

– И на что, продолжалъ Рюселье, проникать въ подобныя тайны, когда не можемъ добраться, отъ чего гдѣ-нибудь на тѣлѣ бываютъ у насъ родимыя пятнышки съ точнымъ изображеніемъ какихъ-нибудь знаковъ, буквъ какого-нибудь слова?

Чарова задрожала какъ струна въ арфѣ, сильно дернутая пальцами и превратившаяся отъ быстраго колебанія въ прутъ толстый и полупрозрачный.

Рюсельс продолжалъ, не замѣчая ничего и обращаясь къ Луганову.

– Вы, милостивый государь, счастливецъ, баловень природы. Вы привыкли считать себя побѣдителемъ; для васъ не диво привѣтливая улыбка красавицы, ея ласки, даже ея вызовы. А я!.... Я отдалъ бы всю жизнь за то, если бъ мнѣ хоть разъ въ жизни улыбнулись красивыя уста. Я отдалъ бы все, даже свой разумъ, если бъ когда-нибудь слеза моей Цинтіи, окрашенная любовію, упала въ минуту восторга на мои горячія губы....

Чарова помертвѣла, и трепетала всѣми членами.

– Что съвами дѣлается? спросили вдругъ оба гостя.

– Ахъ!... мнѣ дурно! отвѣчала она: ничего! я думаю, скоро пройдетъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Лугановъ спросилъ у Рюселье, долго ли онъ пробудетъ въ Петербургѣ.

– Смотря по обстоятельствамъ, отвѣчалъ онъ.

– Развѣ ни что не привлекаетъ васъ въ Парижъ, послѣ продолжительнаго отсутствія?

– Мнѣ и здѣсь хорошо.

– Развѣ отечество не имѣетъ для васъ особенной привлекательности?

– Для меня и здѣсь отечество.

– Вы космополитъ?

– Я отдалъ себя волѣ Провидѣнія.

Онъ взялъ шляпу, и ушелъ.

– Ну такъ, – Любовь Александровна, – вы мнѣ хотѣли что-то сказать?

– Лугановъ! отвѣчала она: я не хочу васъ обманывать; вы не должны быть моимъ мужемъ.

– О, милый другъ мой!

– Да, да; не должны, ежели не хотите моего и своего несчастія.

– Любовь!

– Не должны! не должны! Я люблю другаго; я люблю Рюселье....

Луганова не было уже въ комнатѣ.

Проходятъ дни, недѣли, и Лугановъ не является. Онъ болѣнъ, онъ въ сильнѣйшей горячкѣ. Мысль быть супругомъ Чаровой, мысль постоянная, продолжительная, срослась съ его душою, – и вдругъ все исчезло для него, разомъ оборвались всѣ нити надежды, увѣренности, всѣ фибры сердца. Онъ обрушился въ бездну, наполненную хаосомъ мрачныхъ идей. Если

бы онъ былъ менѣе пылокъ, онъ неминуемо лишился бъ ума: теперь, кровь буйно взволновалась въ жилахъ его, и тѣло сдѣлалось жертвою духа.

– Навѣстите его, сказалъ хладнокровно Рюселье: дружба требуетъ отъ васъ этого.

– Я давно бы это сдѣлала; но приличіе....

– Что такое приличіе противъ потребности благородныхъ чувствованій? Извините меня, сударыня, – кажется вы на шагѣ сдѣлаться супругою господина Луганова?

Чарова измѣнялась безпрестанно въ лицѣ и невольно устремила на него глаза, въ которыхъ отражались страхъ и болѣзненное чувство. Рюселье теръ крѣпко ладонью по всему рябому своему лицу.

– Ступайте, ступайте, сказалъ онъ съ важностью: навѣстите, больнаго, и Провидѣніе не оставитъ васъ, божественная госпожа Чарова!

Въ первый разъ она услышала что-нибудь лестнаго для себя отъ этого Француза. Она воскресла. Сердце ея заиграло, какъ, по мнѣнію народному, играетъ восходящее солнце, въ день Пасхи.

– Карету! закричала она, и вотъ она въ спальнѣ у Луганова.

Онъ выздоравливалъ. Ему сдѣлалось гораздо легче; но, по приказанію доктора, онъ не оставлялъ еще постели.

– Ангелъ утѣшитель! вскричалъ онъ, увидя любимицу своей мысли, и томные голубые глаза его освѣтились какъ сводъ небесный, когда туманъ припадаетъ къ землѣ: у него палъ онъ въ сердцѣ.

Она стала на колѣни подлѣ его кровати.

– Милый, несчастный другъ мой, сказала она ему: я пришла не утѣшать тебя, но только по эгоизму мо-

его сердца. Оно обливалось кровію, оно мучилось какъ преступное; мнѣ хотѣлось облегчить его, узнать о твоемъ положеніи.

Лугановъ просилъ встать Чарову и сѣсть возлѣ кровати на табуреткѣ.

– Лугановъ, будешь ли ты въ силахъ меня выслушать?

– Нѣтъ!.... Да!.... Говорите! говорите! Вылейте все въ разбитое сердце мое!

Онъ засмѣялся какъ безумный, и продолжалъ: – Лейте! вѣдь оно разбито; не бойтесь. Въ немъ ничего не останется.

Чарова протянула къ нему руку. Онъ съ жадностью цѣловалъ руку, готовую поразить его.

– Другъ мой, я отдаю на твою волю избирать, – хочешь ли имѣть меня женою непостоянною, невѣрною, или другомъ вѣрнымъ до могилы? Рѣшайся! и я сейчасъ иду къ вѣнцу, – къ моему безчестью; или падаю къ ногамъ твоимъ, къ ногамъ моего благодѣтеля, спасителя.

– Любовь, сказалъ тихо Лугановъ, чѣмъ очаровалъ васъ Рюсселье?

– Его глаза, его голосъ, его походка, его станъ, все живо напоминаетъ мнѣ мужа, котораго я люблю страстно.

– Любите и отдаете руку другому! сказалъ удивленный Лугановъ.

Чарова замолчала. И что могла отвѣчать она? Оставалось одно,–и это одно заключало въ себѣ то второстепенное побужденіе, о которомъ когда-то въ разговорѣ намекнулъ Рюсслье. Но объ этомъ женщины никогда не упоминаютъ.

– А, вы измѣняете мужу! продолжалъ Лугановъ. Вы мѣняете его на Француза, на бродягу, на шарлатана. Какая ужасная, безотчетливая страсть! И какъ быстро, мгновенно!.... О, какое безуміе! По какому-то сходству съ любимымъ мужемъ, изъ любви къ мужу, бросаться въ объятія неизвѣстнаго! Нѣтъ, это придирка, притворство, болѣе ничего,—чтобы только прикрыть свое прихотливое стремленье къ страсти..... Извините меня, Любовь Александровна! Вы хотѣли имѣть меня другомъ: вотъ первый образчикъ дружбы, – нравится ли онъ вамъ?

Она протянула къ нему руку. Онъ сжалъ ее въ своей.

– Такъ мы друзья и до могилы! сказала она ему твердымъ, почти торжественнымъ голосомъ.

– Кто онъ такой? продолжалъ въ безпокойствѣ Лугановъ. Откуда выкопалъ его Г. Эрманъ? Что за стать знакомить съ вами? Можетъ-быть, бѣглый солдатъ? каторжный? палачъ? По-крайней-мѣрѣ, Любовь Александровна, не спѣшите. Позвольте мнѣ справиться. Что за радость губить себя?... О, какая будущность! Добыча страсти, вы будете ли въ силахъ, отдавъ ему все существо свое, удержать то достояніе, которымъ обогатилъ васъ покойный мужъ, вашъ благодѣтель? Французъ не привыкнетъ управлять имѣніемъ Русскаго дворянина; онъ сбудетъ его,—не успѣете мигнуть глазомъ; и тогда безъ имени, безъ куска хлѣба, потянетесь за бродягою какъ привидѣніе, изъ края въ край, – и, какъ знать!.... кто любитъ привидѣніе? Онъ избавится отъ васъ крестомъ тяжелымъ, страшнымъ, который придавитъ васъ къ могилѣ. Онъ столкнетъ васъ съ груди своей, какъ тяжелую ношу, или промѣняетъ..... Ахъ! ахъ!....

Лугановъ закрылъ лице свое руками, и потомъ еще продолжалъ:

– Промѣняетъ на какого нибудь урода, Цинтію. Любовь Александровна! опомнитесь. Вѣдь онъ влюбленъ. Вы сами слышали.... И вы хотите быть его женою?... Но любитъ ли онъ васъ? Послушайте! дайте мнѣ честное слово, какъ другу, не дѣлать безъ меня ни одного шага далѣе?

– Возьмите его съ этимъ поцѣлуемъ, сказала она, поцѣловала его и уѣхала.

Черезъ три дня, Чарова стояла предъ Рюселье, который сидѣлъ въ креслахъ. Руки ее положены были на его плечи. Она пристально смотрѣла ему въ глаза.

– Такъ твоя Цинтія была только временная фантазія?

– И того не было, мой ангелъ красоты и честности! отвѣчалъ Рюселье, цѣлуя ее страстно. Я никогда не видывалъ ни какой Цинтіи, и промолвилъ объ ней для того только..... чтобъ пошутить надъ Лугановымъ.

– Неизъяснимый! У тебя что-то есть за душою? Скажи мнѣ всю правду, – кто ты? что со мною будетъ?

Кто я? Ты узнаешь, когда при всѣхъ назовешь меня мужемъ. Что съ тобою будетъ? Смерть и жизнь.

Чарова поблѣднѣла.

– Другъ мой! существо таинственное!.... О, именемъ Всемогущаго умоляю тебя, скажи мнѣ, кто ты.

– Въ полночь ты узнаешь.

– Такъ.... сказала съ трепетомъ госпожа Чарова.

– Такъ, повторилъ капитанъ Рюселье, ты будешь моя.

Темно по улицамъ, темно кругомъ храма Божія; только изъ одного окна его свѣтится слабый огонекъ.

Кто вѣнчался, тотъ конечно слышалъ, что говорятъ со всѣхъ сторонъ въ день брака о существѣ, потребностяхъ и условіяхъ супружества....

Нѣтъ, я вѣнчался три раза, и ничего не слыхалъ. И до того ли было? Первый бракъ мой доставлялъ мнѣ богатое имѣніе, изъ котораго половина тогда же была укрѣплена мнѣ. Второй бракъ мой состоялся по связямъ, и на канунѣ я былъ сдѣланъ камергеромъ. Я сталъ богатъ и знатенъ. А когда мнѣ пробило пятьдесятъ лѣтъ, умерла вторая жена; третій бракъ мой былъ по любви, съ дѣвицею лѣтъ семнадцати. Все это такія обстоятельства, милостивый государь мой, которыя, по-истинѣ, способны разсѣять человѣка въ день брака и заколотить его уши наглухо противъ всѣхъ толковъ, заключеній и пророчествъ.

Слѣдственно, нечего толковать и здѣсь о существѣ, правахъ, преимуществахъ обязанностяхъ, условіяхъ и опасностяхъ состоянія, въ которое вступали Французкой службы капитанъ Рюселье со вдовою Любовію Александровною Чаровой, урожденною Калинской. Довольно разсказать, какъ что было.

Въ церкви, возлѣ крылоса, стояли священникъ безъ епитрахиля, и молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, очень гадкій лицемъ, Они разговаривали тихо, съ важностью приличною мѣсту. Вдругъ двери слабо скрипнули, и вошла молодая женщина, очень красивая лицемъ, – женщина робкая, разстроенная.

– Это она, сказалъ молодой человѣкъ священнику.

Священникъ просилъ ее приблизиться. И вмѣсто вѣнчанія, началъ служить молебенъ.

– Когда жъ мы будемъ вѣнчаться? сказала молодая

молодому, который стоялъ подлѣ нея и съ умиленіемъ слушалъ божественное пѣніе.

Молодой не отвѣчалъ.

Молебенъ кончился. Священникъ далъ поцѣловать крестъ, вынулъ бумагу изъ-за пазухи, и сказалъ:

– Вотъ полное и достаточное свидѣтельство о вашемъ бракѣ; но вѣнчать я васъ не могу.

Молодая ахнула, и упала безъ чувствъ. Ее положили въ карету и увезли домой.

– Боже милосердый, сжалься, сжалься надо мною!... Рюселье, ты злодѣй! раздалось въ каретѣ.

Не было отвѣта.

Карета остановилась у подъѣзда. Любовь Александровна быстро выскочила изъ кареты, и бросилась въ свою спальню: она нашла ее убранною для двухъ. – Какая дерзость! – Любовь Александровна ходила скорыми шагами по комнатѣ и ломала себѣ руки. Прошло болѣе десяти минутъ, и она не могла еще ничего придумать.

Дверь отворилась, и Рюселье явился передъ нею въ шлафрокѣ.

– Любовь моя, Любовь! сказалъ онъ съ чувствомъ и въ первый разъ очень чисто по-Русски: теперь ты не будешь называть меня ни уродомъ, ни сумасшедшимъ; я осушу снова поцѣлуями слезы твоего восторга; я снова изторгну изъ тебя таинственное слово о смерти и жизни. Ангелъ мой спаситель! жена, которая мнѣ измѣнила только для меня! Ахъ я не жалѣю о красотѣ своей, когда ты полюбила мое безобразіе!... Смотри.

Онъ обнаружилъ грудь свою, на которой видно было родимое пятно. Оно розовыми черточками образовало случайно подобіе Санскритскихъ буквъ, которыя

выражали слово – Мания, что значитъ по-Русски – Любовь.

Чарова упала безъ чувствъ въ объятія прежняго своего супруга.

Слѣдственно предметомъ странной прихоти госпожи Чаровой былъ – собственный мужъ ея! Это очень рѣдко случается.

Впрочемъ, я потому и описываю этотъ случай, что онъ очень рѣдкій. Все дѣло въ симпатіи и въ Санскритскомъ словѣ *манія*.

Онъ поднялъ ее, принесъ къ дивану, и положилъ къ себѣ на колѣни. Онъ поддерживалъ рукою ея запрокинутую голову, и наклонившись на ея лице, разсматривалъ его съ жадностью.

Она взглянула, и улыбнулась, какъ улыбается спросонокъ дитя у груди матери.

– Дмитрій!

– Любовь!

– Я твоя?

– И на всегда.

– Ты жестокъ, Дмитрій.

– Ты измѣнница, Любовь.

И она пламенно и нѣжно обняла его за шею.

Между отрадными минутами воспоминаній и живыми минутами наслажденій; между укоризнами за шести-лѣтнее отсутствіе и утѣшительными вознагражденіями, Чаровъ разсказалъ женѣ своей, что на другой день послѣ битвы, какой-то Грекъ и камердинеръ Ѳомка, нашли его между тѣлами убитыхъ; что Грекъ скрылъ его въ своемъ домѣ, ухаживалъ за нимъ и вылѣчилъ его; что, во время выздоровленія, пришла къ нему оспа, обезобразила его лице, и разстроила воображеніе; что онъ возненавидѣлъ самъ себя, не хотѣлъ

возвратиться къ женѣ, боялся слѣдствій безобразія, которыя иногда бываютъ ужасныя, и съ камердинеромъ пустился колесить кругомъ свѣта, довѣривъ тайну своего существованія только Эрману, доброму своему пріятелю, Петербургскому негоціанту, который пересылалъ къ нему по-временамъ извѣстныя суммы въ Алепъ, Калькуту, Лондонъ и Вашингтонъ.

– И ты еще говоришь, сказала ему жена за это, что я не назову тебя больше сумасшедшимъ?

– А уродомъ? сказалъ мужъ.

Она снова обвила его шею руками, бѣлыми какъ ярый воскъ, и подставила ему губки, точь - въ точь какъ столистная Каспійская роза середи лѣта, въ жаркій полдень, раскидываетъ свои листочки передъ огненными лучами солнца.

– А который теперь часъ, Миронья Ивановна?

– Давнымъ-давно утро! Кажется, двѣнадцать било.

– Не войти ли въ спальню?

– И, что вы это? Богъ съ вами!

А. СТЕПАНОВЪ.

=

ЗАПИСКИ
ПОКОЙНАГО ДОКТОРА.

Сочиненіе, котораго заглавіе выписано на этой страницѣ, возбудило въ прошломъ году живѣйшее вниманіе Европейской публики отрывками, помѣщенными въ разныхъ журналахъ. Оно теперь вышло все изъ печати. Общее мнѣніе приписываетъ его извѣстному доктору Гаррисону, который отнюдь не принадлежитъ къ числу покойниковъ. Чтобъ познакомить нашихъ читателей съ родомъ этого весьма оригинальнаго сочиненія, писаннаго съ большимъ могуществомъ таланта, наблюденія и чувства, и подать нашимъ молодымъ врачамъ хорошій образецъ медицинской изящной словесности, мы помѣщаемъ здѣсь одну главу изъ «Записокъ покойнаго доктора», которая въ подлинникѣ носитъ названіе The Baronets bride.

ЖЕНА БАРОНЕТА.

Ни одинъ человѣкъ не женился такъ счастливо, какъ спръ Генри Гарле. Самъ онъ — потомокъ древняго дома и владѣлецъ блестящаго состоянія; новобрачная прелестнѣйшій цвѣтокъ, которымъ украшалось благородное семейство: здѣсь были кажется всѣ стихіи благополучія, завѣряемаго поздравленіями цѣлой толпы друзей, которая придавала собою еще болѣе блеска великолѣпной свадьбѣ. — Богъ благослови тебя, милая Юлія! взрыдалъ почтенный

отецъ, сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ, когда сиръ Генри подошелъ съ тѣмъ, чтобъ вести ее къ дорожной каретѣ: «пусть будутъ это послѣднія твои слезы!— Стыдливая, трепещущая Юлія не могла вымолвить ни слова, и, опершись на руку своего прекраснаго мужа, шла за нимъ въ такомъ смущеніи, что почти не замѣчала прощаній, которыми напутствовалъ ее каждый изъ гостей. Счастливая чета сѣла въ карету. Спръ Генри раскланялся въ послѣдній разъ съ обществомъ, которое столпилось у оконъ; кучера хлопнули бичами, и молодые понеслись на пышной четверкѣ въ живописное помѣстье баронета.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нравы спра Генри и жены его были очень несходны. Вѣжливость баронета растворялась какою-то осторожностью или, лучше, задумчивостью, которую иные приписывали раннимъ и напряженнымъ его занятіямъ, другіе, можетъ справедливѣе, врожденной склонности, которая перешла къ нему отъ матери. Видно было, что онъ подавляетъ силу своего характера, и, несмотря на его спокойствіе, можно было замѣтить въ немъ борьбу дарованій съ честолюбіемъ. Напротивъ, леди Юлія была жива и веселонравна до безконечности. Они сошлись точно лучъ солнца съоблакомъ; она l'allegro, онъ — il penseroso. Свойства каждаго изъ нихъ естественно должны были умѣряться свойствами другаго,—и кто не предсказалъ бы счастливѣйшаго соединенія *такимъ* двумъ крайностямъ!

Черезъ полгода послѣ свадьбы, счастливые супруги воротились въ Лондонъ, объѣхавъ значительную часть Европы. Леди Юлія была еще миловиднѣе, и умъ ея кипучѣе и блестящѣе прежняго. Казалось, что она перелила этой живости даже въ степенный нравъ своего мужа: въ пріемахъ его обнаруживалась такая рѣзкость и веселость, какой друзья его никогда въ немъ не замѣчали. Во всю зиму леди Юлія плавала

въ наслажденіи; она была кумиромъ супруга, средоточіемъ всѣхъ удовольствій, свѣтиломъ моды. Дебютъ ея при дворѣ былъ однимъ изъ самыхъ лестныхъ, какіе запомнятъ. Раза два или три имѣлъ я удовольствіе встрѣчать леди Юлію въ обществахъ. — Что за улыбка! — Посмотрите, какъ мило она идетъ! — Нѣтъ, а плечи, а шея! — Счастливецъ этотъ Гарле! — Видѣли вы леди Юлію? Вотъ, смотрите, та, что смѣется, въ бѣломъ атласномъ платьѣ; видите? треплетъ Французскаго посланника опахаломъ по плечу. — Такъ это леди Юлія, что вальсируетъ теперь съ лордомъ Д***? Что за ножка! что за.... Вотъ восклицанія и говоръ, которые сопровождали сира Генри и молодую жену его, куда бы они ни появились, и я увѣренъ, что читатель сказалъ бы то же самое, если бъ увидѣлъ очаровательную леди. Но я не стану описывать ея наружности, потому что подумаютъ, — я лгу какъ повѣствщикъ, а между-тѣмъ, что бы я ни сказалъ, все будетъ мало. Надо было видѣть огонь страсти, чувства и ума, горѣвшій въ голубыхъ глазахъ ея; надо было видѣть бѣлизну и ясность ея барскаго чела, достоинство и очаровательность каждаго ея движенія, и при этомъ милое чистосердечіе, съ какимъ она вездѣ и всегда обнаруживала любовь свою къ сиръ Генри. Впрочемъ и онъ не уступалъ ей въ этомъ отношеніи. Оба были радостью другъ для друга и предметомъ зависти для общества. Всѣ утренніе журналы превозносили обѣды сиръ Генри и балы, которыхъ она была царицею. Впрочемъ самъ баронетъ, какъ прилежный членъ парламента, мало вмѣшивался въ ея забавы, и, будучи занятъ своей политикой, только смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы. Сиръ Генри, хотя былъ свѣтскій человѣкъ, имѣлъ однако жъ свои странности. Пріемы его, отличавшіеся достоинствомъ, часто становились надменными, но въ обхожденіи съ женою онъ всегда сохранялъ одинаковую

нѣжность, и многіе не могли надивиться, какъ, при множествѣ своихъ занятій, онъ находилъ время такъ часто сопровождать ее въ прогулкахъ и выѣздахъ.

Однако нашлись люди, которые воображали, что съ извѣстнаго времени они замѣчаютъ въ немъ угрюмость, раздражительность, безпокойство, которыхъ нельзя удовлетворительно объяснить его политическими отношеніями.

Говорили, что онъ внезапно задумывается и приходитъ въ волненіе, если кто ему помѣшаетъ.

Что жъ могло бы его тревожить? Не проживается ли онъ въ жену? Не оскорбился ли онъ какимъ-нибудь вѣтренымъ или неосторожнымъ ея поступкомъ? Не повѣрилъ ли онъ одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя сотнями распускаютъ въ обществѣ о каждой женщинѣ высокаго тона? Не безпокоютъ ли его слѣдствія какого-нибудь важнаго политическаго начинанія? Никто не зналъ, что подумать; но многіе замѣчали въ немъ возрастающіе признаки неудовольствія и унынія.

Стали наблюдать за леди Юліей, и на ея веселомъ личикѣ подмѣтили налетныя облака грусти. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея выражалось иногда опасеніе, она то краснѣла, то блѣднѣла; привѣтливое и радушное ея обхожденіе часто смѣнялось сухостью, нетерпѣливостью и разсѣяньемъ. Все это подавало поводъ къ сожалѣнію со стороны друзей и къ догадкамъ со стороны знакомыхъ.

Въ присутствіи мужа, — говорили въ свѣтѣ, — она ни на минуту не бываетъ покойна; отъѣздъ его служитъ всегда предвѣстникомъ возврату ея веселья, и, что удивительно, повидимому каждый изъ нихъ чувствуетъ себя виною опасеній другаго. Замѣчали, что они украдкою бросаютъ другъ на друга взгляды, подсматриваютъ движенія, вслушиваются въ разговоры другъ друга, и иногда внезапно измѣняются въ лицѣ. Какая бы была тому причина? Всѣ удивлялись, ни-

кто не зналъ. Иные приписывали эту перемѣну истощенію, необходимому слѣдствію безсонныхъ ночей; мало кто намѣкалъ на беременность леди Юліи; многіе шептали, что сиръ Генри играетъ въ карты, другіе, что не онъ, а его жена. Нѣкоторые давали разумѣть, что каждый изъ нихъ имѣлъ достаточную причину быть недовольнымъ вѣрностью другаго. Когда еще всѣ начали говорить, что въ клубѣ подали недавно сиръ Генри письмо, отъ котораго онъ поблѣднѣлъ какъ смерть и весь затрясся, что это разстроило его на нѣсколько дней, и что при одномъ весьма важномъ случаѣ онъ даже не могъ быть въ парламентѣ, любопытство болѣе усилилось и не знало, что придумать для объясненія всѣхъ этихъ странностей. Между-тѣмъ нельзя было не сказать, что новобрачные обходятся между собою съ безпритворной, недвусмысленной нѣжностью. Но въ леди Юліи ежедневно обнаруживались признаки возрастающаго безпокойства; огонь потухъ въ ея глазахъ и румянецъ исчезъ съ прекрасныхъ щечекъ; живости въ ней какъ не бывало; она даже не старалась и казаться веселою. Какъ она худѣетъ! восклицали со всѣхъ сторонъ. Ихъ рѣже видали въ обществѣ, и если они куда являлись, очевидно было, что это имъ въ тягость. У леди Юліи вырывались вздохи; глаза ея внезапно наполнялись слезами, а когда замѣчала, что сиръ Генри за ней наблюдаетъ, она тотчасъ усилливалась скрыть свои чувства. Въ одну изъ такихъ минутъ, на балѣ, сиръ Генри вдругъ подошелъ къ женѣ своей, подалъ ей руку черезъ кавалеровъ, которые просили ее танцовать, и вышелъ въ примѣтномъ волненіи. «Боже мой, что тутъ кроются за чудеса? подумали вдругъ полсотни человѣкъ, бывшіе свидѣтелями этой сцены.

—Чуть-ли не ведутъ они самую бѣдственную жизнь, сказалъ одинъ. —Впрочемъ я и не думалъ, чтобъ они были другъ другу пара, отвѣчалъ ему кто-то.

– Признаюсь вамъ, шепелялъ одинъ чахлый дворянчикъ: оно точно немножко странно, но вообразите да! право, мнѣ кажется, я могу объяснить вамъ всю тайну. Я знаю, что Гарле терпѣть не можеть, когда она танцуетъ со мною,–ха!

– Неужли вы не видали? она побѣлѣла, какъ полотно, когда замѣтила, что онъ говоритъ съ миссъ П***? шептала старая вдовица, которой дочь была въ числѣ посягавшихъ на руку баронета.

Эти и тысяча другихъ вопросовъ, намѣковъ и догадокъ, раздавались въ обществѣ всю зиму. Вскорѣ леди Юлія родила сына, и лишь-только позволили обстоятельства, сиръ Генри и жена его уѣхали–никто не зналъ куда. Впослѣдствіи открылось, что они проводятъ лѣто въ уединенной части Швейцаріи. Къ концу осени воротились они въ Лондонъ, и, сколько можно было судить по рѣдкимъ появленіямъ ихъ въ большомъ свѣтѣ, Швейцарская жизнь не произвела надъ ними ни какого дѣйствія; только леди Юлія сдѣлалась послѣ родовъ очень слаба здоровьемъ. Городскимъ толкамъ снова открылось обширное поприще, когда сиръ Генри середи зимы внезапно удалился со всѣмъ домомъ на дачу, въ десяти или двѣнадцати миляхъ отъ столицы. Какъ ни страненъ былъ этотъ шагъ, онъ однако произвелъ то дѣйствіе, котораго вѣроятно ожидалъ отъ него сиръ Генри, то есть, послѣ перваго шума, скоро угомонилъ нескромное любопытство. Въ круговоротѣ столичныхъ удовольствій и разсѣяній, станутъ ли долго заниматься отсутствующими? Тѣмъ болѣе, что повидимому самые родственники леди Юліи не знали причины ея страданій. Старикъ отецъ, котораго здоровье быстро клонилось къ упадку, переѣхалъ на родину, въ отдаленную часть Ирландіи. Дочери его, прекрасныя свѣтскія дамы, оставались въ Лондонѣ Говорили за тайну, что на но-

воселъѣ баронета встрѣтилъ ихъ самый холодный пріемъ, и что если цѣлью сира Генри было совершенное уединеніе, то онъ успѣлъ въ своемъ намѣреньи какънельзя лучше.

Должно замѣтить, что, во все это время, многіе обращались съ распросами ко мнѣ, въ томъ предположеніи, что, бывъ прежде знакомъ съ баронетомъ по моему званію, я могъ имѣть нѣкоторый доступъ къ таинственностямъ его поведенія. Но сиръ Генри, при всей своей вѣжливости, всегда держалъ себя поодаль, и былъ не слишкомъ говорливъ: да хотя бъ то было и иначе, то со времени его женитьбы я почти не имѣлъ съ нимъ личныхъ сношеній, и потому могъ только раздѣлять, а не удовлетворять, общее любопытство, возбуждаемое его поступками.

Поздо вечеромъ, 25 Апрѣля 1817 года, получаю я письмо съ надписью на оберткѣ—«Въ собственныя руки и секретно«. Почеркъ—баронета и письмо точно отъ него. Пусть читатель представитъ себѣ мое удивленіе, когда я прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный докторъ! Карета моя явится къ вамъ завтра поутру, часу въ десятомъ, и отвезетъ васъ ко мнѣ на дачу, гдѣ необходимо ваше пособіе. Только, Бога ради, чтобъ ничто, кромѣ смерти, не помѣшало вамъ пріѣхать именно въ то время и такимъ образомъ, какъ я принялъ смѣлость назначить! Повѣрьте, что въ присутствіи вашемъ есть крайняя надобность, и притомъ по такому дѣлу, которое требуетъ особеннаго довѣрія. Могу сказать вамъ только одно, что леди Юлія будетъ единственнымъ предметомъ вашего посѣщенія. Постараюсь, если можно, встрѣтить васъ на дорогѣ, чтобы вы могли нѣсколько приготовиться къ предстоящему вамъ дѣлу. Имѣю честь, и прочая.

Генри Гарле.

«P.S. Изви пите! я нарочно распечаталъ письмо, чтобы просить васъ не сообщать никому на свѣтѣ, что я за вами посылалъ.»

Это приглашеніе ввергло меня въ цѣлую бездну за-

ключеній. Я думалъ, что слѣдующее утро представитъ глазамъ моимъ картину бѣдствія, которое не можетъ быть иной причины кромѣ семейнаго раздора. Я тотчасъ приготовился на всякій случай, и съ наступленіемъ утра, ни мало не давъ женѣ своей замѣтить куда я ѣду, сѣлъ въ присланную карету и поскакалъ во весь опоръ. Я замѣтилъ, что карета была безъ гербовъ и ливрея не баронетова. Сиръ Генри не встрѣтился мнѣ, какъ могъ я ожидать по его письму. Доѣхавъ до воротъ парка, которые были отворены, вершникъ соскочилъ съ лошади, отперъ дверцы, и съ почтительнымъ поклономъ объявилъ мнѣ, что баронетъ приказалъ просить меня выйти у воротъ. Я, разумѣется, исполнилъ эту просьбу, и пошелъ по аллеѣ прямо къ дому, удивляясь той таинственности, какою окружали всѣ мои движенія. Я взбѣжалъ на крыльце и даже отворилъ дверь въ сѣни, не встрѣтивъ ни одной души человѣческой. Но когда я позвонилъ, ко мнѣ вышла пожилая, не слишкомъ чисто одѣтая, женщина, и спросила меня, не докторъ ли я Б***. На утвердительный отвѣтъ мой, она объявила, что сиръ Генри ждетъ меня въ смежной комнатѣ и указала, куда итти. Для меня было довольно странно, что до сихъ поръ не появлялся ни одинъ слуга, тогда какъ въ городѣ сиръ Генри обыкновенно держалъ ихъ цѣлую стаю. Я замѣтилъ что-то необыкновенное въ лицѣ и словахъ не только этой женщины, но и конюха, который меня везъ. Скоро я очутился въ присутствіи баронета. Комната была обширна, высока и убрана съ великолѣпіемъ и вкусомъ. Нѣсколько бюстовъ, статуй и отличныхъ картинъ украшали ея углы и стѣны, по которымъ сверхъ-того расположена была библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ хорошенько оглядѣться, сиръ Генри вошелъ въ противоположную дверь, и дружески пожалъ мнѣ руку. На немъ былъ зеленый бархат-

ный халатъ, и воротъ его рубашки былъ отогнутъ. Кажется, я никогда не видалъ человѣка прекраснѣе и лица выразительнѣе этого, хотя его омрачала суровость, смѣшанная съ безпокойствомъ.

– Докторъ! сказалъ онъ, подводя меня къ стулу; очень благодаренъ вамъ за скорое исполненіе моей просьбы; боюсь только, не помѣшало ли это вашимъ занятіямъ. Вы завтракали или нѣтъ?

– Завтракалъ, но поѣздка возбудила мой аппетитъ, и я не отказался бы отъ чашки шоколаду или кофе.

– А! хорошо, очень радъ. Не угодно ли пройтись со мной по саду, а тамъ мы пойдемъ завтракать къ леди Юліи.

Я молча изъявилъ согласіе. У него было что-то порывистое въ обращеніи и что-то повелительное въ голосѣ: я видѣлъ, что онъ въ волненіи и нетерпѣливо ждалъ, чѣмъ это кончится. Мы вышли въ садъ стеклянными дверями.

– Докторъ! сказалъ мнѣ потихоньку сиръ Генри: нынче я пригласилъ васъ по самому печальному случаю. (Онъ пріостановился отъ избытка чувствъ и потомъ продолжалъ.) Я сердечно радъ, что могу воспользоваться вашимъ пособіемъ; знаю и вашу доброту, и вашу опытность, и то, что вамъ можно ввѣриться.

Онъ умолкъ, глядя мнѣ прямо въ глаза; я поклонился, онъ опять началъ.

– Быть-можетъ, вы слышали что-нибудь на счетъ леди Юліи и на мой? Мы, я думаю, были поводомъ ко многимъ догадкамъ!

Я улыбнулся, и отвѣчалъ однимъ поклономъ.

– Чувствую, что это было не безъ основанія, продолжалъ онъ со вздохомъ: и теперь все должно открыться, я долженъ все вамъ объяснить. Вы, я думаю, встрѣчались съ нами въ обществѣ, и, вѣрно, помните жену?

– Сколько разъ, сиръ Генри! Я очень ее помню, и...

– Не поражало ли васъ что-нибудь особенное въ ея лицѣ или осанкѣ?

Я смотрѣлъ на него, не зная какъ это понять.

– То есть, не замѣчали ли вы чего-нибудь необыкновеннаго въ ея чертахъ? продолжалъ онъ съ настойчивостью.

– Позвольте, да!, я точно замѣчалъ въ ней томность и усталость; лице ея бывало блѣдно, и иногда омрачалось внезапною грустью.–Но я думалъ, что все это можно объяснить естественнымъ образомъ, спръ Генри, прибавилъ я усмѣхаясь, и лице баронета мгновенно отуманилось неудовольствіемъ.

–Ахъ! возразилъ онъ торопливо: я.... вижу, я понимаю васъ; но вы ошибаетесь, ошибаетесь совершенно. Скажите, неужли это общее мнѣніе?

– Нѣтъ, не могу сказать, чтобъ это именно такъ объясняли, но мнѣ самому естественнымъ образомъ приходило оно въ голову.

Пока я говорилъ, спръ Генри измѣнялся въ лицѣ.

– Докторъ! сказалъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, схвативъ меня за руку съ судорожной силою: намъ нечего терять времени. Одно слово, одно, одно объяснитъ все. Это нестерпимая мука, но не могу скрывать долѣе. Надо вдругъ сказать вамъ всю правду. Леди Юлія – помѣшана

Онъ не выговорилъ, а выдохнулъ послѣднее слово; умолкъ и закрылъ лице руками. Онъ трясся отъ внутренняго волненія. Оба мы онѣмѣли на нѣсколько минутъ и только я почтивъ самозабвеніи повторилъ за нимъ: – Помѣшана?

– Я едва вѣрю ушамъ своимъ, спръ Генри. И вы употребили это слово въ его буквальномъ, медицинскомъ значеніи?...Да! да! я говорю вамъ, что жена моя сумасшедшая! Вы будете завтракать съ сумасшедшею! Повѣрьте, докторъ, ужасъ и скорбь одолѣли меня до того, что я самъ чуть не впалъ въ это положеніе!

Боже мой, какова была жизнь моя въ послѣднее время, когда страшное бѣдствіе надвигало исподоволь!...

Я просилъ его умѣрить свои чувства.

— Да! правда ваша, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія и стараясь преодолѣть свою горесть: я теперь опомнился. Пойдемъ въ столовую. Только, Бога ради, не обнаружьте, что между нами что-нибудь происходило. Оправдайте, чѣмъ угодно, пріѣздъ свой. Скажите, что я пригласилъ васъ собственно для себя, что у меня.... Выдумайте, что хотите. Наблюдайте мою бѣдную Юлію со всевозможнымъ вниманіемъ, но разумѣется такъ, чтобъ это не было замѣтно, а я, будто-бы случайно, оставлю васъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ наединѣ. Послѣ, мы посовѣтуемся о мѣрахъ, какія необходимо будетъ взять въ этомъ горестномъ случаѣ. Однако, послушайте: не воображайте увидѣть что-нибудь дикое или сумасбродное въ ея обхожденіи. Она даже не покажется вамъ и странною; она очень осторожна при чужихъ. — Ссъ! сказалъ онъ, вздрогнувъ и оборачиваясь къ дверямъ весь блѣдный: слышите?... Нѣтъ, это не то! Ахъ, какъ слабы у меня нервы! Она мнѣ совершенно послушна, но всмотритесь въ ея глаза, въ уста, въ глаза особенно (онъ содрогнулся) и вы все увидите!... Ну, докторъ, шепталъ онъ мнѣ, когда мы входили къ нему въ комнату, теперь, сдѣлайте милость, не выдайте ни себя, ни меня, — прошу васъ!

Онъ пріостановился на минуту, чтобъ перевести духъ; потомъ, отворивъ дверь, изъ которой ко мнѣ вышелъ, онъ ввелъ меня въ столовую. Леди Юлія, прелестное созданіе! — сидѣла въ бѣломъ утреннемъ нарядѣ у серебрянаго чайника, и, повидимому, читала газеты. Она казалась изумлена моимъ прибытіемъ, и поклонилась вѣжливо, но не вставая съ мѣста, когда сиръ Генри назвалъ меня по имени. Лице ея было очень блѣдно, и глубокая то-

ска или точнѣе опасеніе выражалось въ глазахъ ея, быстро перебѣгавшихъ съ меня на сиръ Генри и съ него на меня. При всѣхъ своихъ усиліяхъ, баронетъ не могъ казаться спокойнымъ: щеки его пылали, рука дрожала, голосъ былъ густъ, всѣ пріемы порывисты.

– Что вы, сиръ Генри? не нездоровы ли? спросила у него жена, глядя на него пристально.

– Нѣтъ, другъ мой, слава Богу! отвѣчалъ онъ, стараясь улыбнуться.

– Боюсь, сударыня, не помѣшалъ ли я вамъ читать газету, сказалъ я, чтобъ перервать наступившее вдругъ затруднительное молчаніе.

– О, нѣтъ! право, нѣтъ! Я не нашла тутъ ничего занимательнаго, прибавила она съ чуть слышнымъ вздохомъ. Знаешь, Генри, я пробѣжала только описаніе праздника герцогини С***. Вамъ угодно завтракать? спросила она потомъ меня.

– Чашку чаю и ломтикъ языка, если позволите. Кстати о праздникахъ, прибавилъ я будто безнамѣренно: въ свѣтѣ говорятъ, что вы или постриглись, или умерли; всѣ дивятся, что̀ съ вами сдѣлалось, то есть, и съ вами, сударыня, и съ сиръ Генри.

– А что? сказалъ баронетъ съ притворнымъ любопытствомъ: я думаю, на нашу долю таки досталось догадокъ и предположеній! Скажите, докторъ, какую послѣднюю новость тиснули на нашъ счетъ въ типографіи болтовни и огласокъ?

Рука леди Юліи задрожала, передавая мнѣ мою чашку, и глаза ея боязливо остановились на мужниныхъ.

– Вообще думаютъ, что вы играете роль нелюдима вслѣдствіе какого нибудь политическаго неудовольствія.

Сиръ Генри усмѣхнулся.

– И вы насъ оставили, сударыня! Ужъ не измѣнило ли вамъ здоровье и та блестящая веселость, которою очаровывали вы свѣтъ?

– Да! они точно мнѣ измѣнили. Я одна изъ тѣхъ многочисленныхъ жертвъ....

- Скуки, быстро перервалъ баронетъ, устремивъ на жену повелительные взгляды, и я видѣлъ, съ какимъ нервическимъ опасеніемъ, – чтобъ она не подтвердила того открытія, которое онъ сдѣлалъ мнѣ въ саду.

– Да, да, скуки! подхватила она боязливо, и потомъ сказала со вздохомъ: – Удивляюсь, какъ свѣтъ такъ долго объ насъ помнитъ!

– Мнѣ нужно написать нѣсколько строкъ, молвилъ вдругъ баронетъ, и слегка наступилъ мнѣ на ногу: я буду просить васъ доставить маленькую записку въ городъ. Вы меня извините? (Я поклонился.) А покуда, леди Юлія разскажетъ вамъ что-нибудь изъ газеты–ха, ха, ха!

Она слегка улыбнулась. Я примѣтилъ, что, затворяя дверь, сиръ Генри вперилъ въ нее глаза съ выраженіемъ безнадежнаго опасенія. Можете вообразить себѣ, какое я чувствовалъ замѣшательство, оставшись наединѣ съ леди Юліей. Не зная ни степени, ни рода ея умственной болѣзни, я затруднялся, какъ повесть съ ней разговоръ. Сколько можно было судить по наружности, она была въ полномъ умѣ, въ совершенной памяти. Я не подмѣтилъ ни дикости во взглядѣ, ни безсвязности въ рѣчахъ, ни странности въ пріемахъ, ничего, кромѣ томности и тоски въ чертахъ лица.

– Сиръ Генри, кажется, здоровъ, сказалъ я, когда онъ притворилъ за собою двери.

– Да! онъ всегда *кажется* здоровымъ, и даже когда боленъ, не хочетъ *казаться* больнымъ.

– Душевно бы желалъ сказать и вамъ что-нибудь хорошее на счетъ вашего здоровья, продолжалъ я и посмотрѣлъ на нее пристально.

– Конечно, я прежде была лучше! отвѣчала она со вздохомъ: однако меня безпокоитъ не тѣлесная боль, а унынiе.

– Вы не первыя, на кого внезапное удаленiе отъ общества произвело такое дѣйствiе. Почему бы вамъ не воротиться въ городъ хоть на одну зиму?

– Есть причины, по которымъ я предпочитаю теперь уединенiе, отвѣчала она и опустила рѣсницы, чтобъ избѣгнуть моего пристальнаго взгляда.

– Причины? Позвольте мнѣ спросить васъ о значенiи этого таинственнаго слова, сказалъ я, придвигаясь къ ней ближе, въ надеждѣ услышать наконецъ рѣшенiе загадки.

– Я не полагаю, докторъ, отвѣчала она холодно, чтобы вы желали, чтобъ у меня вырвалось что-нибудь *таинственное*.

– Простите, простите меня, сударыня! Я думалъ, нѣтъ ли у васъ какого-нибудь тайнаго источника печали, отъ котораго бы я могъ вамъ пособить моимъ совѣтомъ. Повѣрьте, что я самъ принимаю живѣйшее участiе въ очевидной перемѣнѣ вашего здоровья, и долженъ сказать вамъ откровенно, что сиръ Генри крайне безпокоится на этотъ счетъ.

– Какъ! что? Сиръ Генри безпокоится насчетъ моего здоровья! повторила она съ изумленiемъ. Докторъ! неужели вы пріѣхали нынче собственно для меня?

Я помолчалъ немного; но зачѣмъ скрывать отъ нея истину, подумалъ я.

– Точно такъ, сударыня; вы угадали. Опасенiя сиръ Генри привели меня сюда нынче утромъ. Ему угодно, чтобъ я удостовѣрился, не страдаете ли вы какою-нибудь болѣзнью.

– А скажите, продолжала леди, примѣтно блѣднѣя, чѣмъ, полагаетъ онъ, я больна? Не упоминалъ ли онъ какихъ-нибудь особенныхъ признаковъ?

– Какъ же! утомленіе, потерю аппетита, упадокъ духа.

Она подняла платокъ къ глазамъ своимъ, и, полные слезъ, устремила ихъ на окошко, какъ-будто боясь повстрѣчаться съ моими. Уста ея подергивались отъ сильнаго волненія.

– Милая леди, Бога ради, успокойтесь! Чѣмъ вамъ тутъ огорчаться? сказалъ я, тихо касаясь ея руки.

Она обернулась, отняла руку, посмотрѣла мнѣ съ ужасомъ прямо въ лице; слезы полились у ней градомъ, и въ безмолвіи плакала она нѣсколько минутъ.

– Ахъ, докторъ! взрыдала она послѣ этого съ отчаяньемъ: вы не можете, не можете вообразить себѣ, какъ тяжко у меня *здѣсь*.... (и она положила руку на сердце.) Я бѣдная, несчастная женщина! Въ мірѣ нѣтъ существа злополучнѣе! Никогда, никогда не буду я покойна.

– Послушайте, сударыня, вы непремѣнно должны ввѣрить мнѣ вашу тайну! Скажите, ради самого Бога, что значитъ такая горесть? Ужъ вѣрно, никто не могъ васъ оскорбить? Скажите откровенно, сдѣлайте милость!

– Нѣтъ! не могу, не смѣю! Тяжко скрывать эту тайну, но страшно ее высказать. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ ничего не знаете? Развѣ не шептали объ этомъ во всѣхъ обществахъ? спрашивала она съ дикой выразительностью.

Бѣдная леди! Довольно я насмотрѣлся на нее, чтобъ убѣдиться въ справедливости опасеній баронета. Онъ вошелъ въ это время съ запискою въ рукѣ, и перервалъ нашъ печальный tête-à-tête. Онъ бросилъ испытующій взглядъ на насъ обоихъ, потомъ подошелъ къ женѣ, и поцѣловалъ ее съ нѣжностью, не говоря ни слова. Но какая скорбь выступила на лицѣ его въ эту минуту! Я по всему видѣлъ, что ему хочется, чтобъ я всталъ и простился. Поговоривъ немного о

разныхъ разностяхъ, я откланялся леди Юліи, и вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи баронета.

– Ну что, справедливы мои ужасныя подозрѣнія или нѣтъ? спросилъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ, когда мы остановились у большаго окна въ библіотекѣ.

Я вздохнулъ и покачалъ головою.

– Не говорила ли она о перемѣнахъ, которыя мнѣ должно было сдѣлать у насъ въ домѣ?

Я разсказалъ ему въ сущности все, что между нами происходило. Онъ вздохнулъ изъ глубины души и всплеснулъ руками.

– А никогда не приходитъ она въ изступленіе? спросилъ я баронета.

– Нѣтъ.... рѣдко.... никогда, никогда! Да я желалъ бы, чтобъ это было! Хотя бы чѣмъ-нибудь нарушилось ужасное однообразіе меланхолическаго помѣшательства! Но я не въ силахъ говорить объ этомъ, я едва перемогаю свои чувства.

Онъ отвернулся и глядѣлъ въ окно: горесть его одолѣвала. Нѣсколько минутъ ни одинъ изъ насъ не вымолвилъ ни слова.

– Однако по-неволѣ должно возвратиться къ этому ужасному предмету, сказалъ онъ, вдругъ обернувшись ко мнѣ. Докторъ, скажите на милость, что дѣлать въ этомъ бѣдственномъ обстоятельствѣ? Пуще всего, чтобъ это не сдѣлалось гласнымъ. Боюсь, не нужно ли будетъ временное заключеніе. – Что, какъ вы думаете? прибавилъ онъ глухимъ шопотомъ и вперилъ въ меня мрачный взглядъ свой.

Я отвѣчалъ, что едва ли не такъ, но что опасаться ему нечего, потому что есть много превосходно устроенныхъ убѣжищъ для такого рода больныхъ какъ его супруга, гдѣ сокровенность совокупляется съ удобствомъ, съ развлеченіемъ и съ искуснымъ надзоромъ. Я уговаривалъ его не терять надежды на скорый возвратъ леди Юліи его въ общество.

—Ахъ, докторъ! по какъ ужасна мысль, что моя милая, моя дорогая Юлія будетъ оторвана отъ моей груди, отъ дому, отъ ребенка, и сдѣлается жительницей.....

Онъ вдругъ умолкъ. Дикая улыбка сверкнула въ лицѣ его.

– Докторъ, сказалъ онъ, понизивъ голосъ до тихаго шопота: могу я ввѣрить вамъ очень важную тайну? Чувствую, что это большая неосторожность.... Зачѣмъ открывать ее безъ нужды? Но я знаю, что въ васъ можно быть увѣреннымъ.

Я поклонился и сталъ слушать, не переводя духа отъ изумленія. Кровь замерзла во мнѣ съ головы до ногъ, когда онъ разсказалъ мнѣ свою важную тайну! Я все утро былъ игрушкою *сумасшедшаго*. Глаза его впились въ меня съ діавольскимъ выраженіемъ. Нечаянный ударъ лишилъ меня на минуту не только языка, но даже зрѣнія и слуха. Я очнулся отъ громкаго хохота моего собесѣдника. Онъ съ насмѣшкою указывалъ мнѣ пальцемъ прямо въ лице. Страшная истина тотчасъ озарила умъ мой. Тутъ я понялъ болѣзнь и тоску леди Юліи, которой блѣдное лице мелькнуло въ полуотворенную дверь изъ столовой. Я боялся, чтобъ помѣшанный не увидалъ ея и не пришелъ въ бѣшенство.

Тайна баронета состояла въ мнимомъ открытіи имъ способа превращать сало въ воскъ. Онъ говорилъ, что если привесть его въ исполненіе, можно получать до пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода; что король, не успѣвъ склонить его къ объявленію этой тайны, подослалъ лазутчиковъ стеречь всѣ его движенія, и грозилъ отдать его подъ стражу за государственную измѣну. Всю эту чепуху разсказывалъ онъ громкимъ, серіознымъ и выразительнымъ голосомъ, и хотя я вѣрно поблѣднѣлъ какъ смерть, когда узналъ съ кѣмъ имѣю дѣло, но сиръ Генри, кажется, не замѣтилъ моего безпокойства. Не знаю, что

возбудило въ немъ тотъ громкій хохотъ, если не удовольствіе, что онъ такъ долго меня дурачилъ.

– Докторъ, продолжалъ баронетъ: вѣдь я открылъ вамъ эту великую тайну не даромъ. Меня побудило искать ее одно несчастное обстоятельство, о которомъ и вы и весь свѣтъ скоро услышите. Коротко сказать, мнѣ сталъ необходимъ новый источникъ независимаго существованія, и, благодаря Бога, я наконецъ нашелъ его. Но деньги тутъ отнюдь еще не главное; будутъ слѣдствія гораздо важнѣе: объ этомъ послѣ. Вы, докторъ, человѣкъ ученый, а я имѣю только поверхностныя свѣдѣнья: для успѣшнаго производства моего дѣла необходимо, чтобъ вы пошли ко мнѣ въ товарищи, а? (Я отвѣсилъ поклонъ.) Условиться мы можемъ и послѣ. Ха, ха, ха, ха! Что скажутъ на это мои избиратели, мои политическіе друзья? Спръ Генри Гарле вощаникъ!... Да что жъ вы все молчите, докторъ? Что вы такъ нахохлились? а?

Я все это время думалъ о мѣрахъ, какія должно будетъ принять въ этомъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ, и далъ ему полную волю колобродить.

– Вѣрно, разсчитывали барыши? Но до этого еще долга пѣсня. Во-первыхъ (и лице его омрачилось грустью; онъ бросилъ безпокойный взглядъ на дверь изъ столовой) должно рѣшиться на что-нибудь съ бѣдной Юліей. Ей извѣстна моя тайна, и мысли объ этомъ совсѣмъ лишили ее разсудка, –знаете, женщины не умѣютъ переносить внезапнаго благополучія! Но что за кроткое, что за милое помѣшательство!

Это восклицаніе произнесъ онъ такимъ голосомъ, что тронулъ меня до глубины души: звукъ его былъ нѣженъ, тающъ, сердеченъ, какъ иногда шопотъ Кина въ Отелло.

– Докторъ, началъ онъ опять послѣ минутнаго молчанія: дайте подумать; мнѣ приходитъ въ голову мысль.... Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы я оскорбить

ея чувствительности! Я подумаю и скажу вамъ, на что рѣшился.

Онъ сложилъ руки на груди, и медленно ходилъ по комнатѣ, какъ-будто въ глубокомъ размышленіи: это продолжалось минутъ пять или десять; онъ повидимому совсѣмъ забылъ меня, а я стоялъ, прислонившись къ окну, и глядѣлъ на него съ невыразимымъ ощущеніемъ. Что мнѣ было дѣлать? Почти нельзя было и подумать о свиданіи съ леди Юліей до отъѣзда въ Лондонъ: да я и не хотѣлъ возбудить его подозрѣній такой попыткою. Поэтому мнѣ казалось всего лучше уѣхать безъ всякой тревоги, и какъ-можно скорѣе, чтобъ тотчасъ повидаться съ зятемъ его, Г. Кортропомъ, съ которымъ я былъ немного знакомъ, и подумать съ нимъ вмѣстѣ о мѣрахъ, необходимыхъ для безопасности не только самого баронета, но и несчастной леди. Рѣшившись на это, я только и смотрѣлъ, какъ бы уйти. Но размышленія баронета все-еще не кончились, и я прервалъ ихъ.

– Однако, сиръ Генри, сказалъ я: мнѣ должно вамъ откланяться; у меня много больныхъ въ городѣ.

– Знаете ли что? отвѣчалъ онъ съ видомъ недоумѣнія: я никакъ не могу вспомнить, о чемъ мнѣ надо было подумать! Какъ это странно! Что бишь такое?.... Онъ остановился и насупилъ брови.

–Не нужно ли мнѣ видѣться съ леди Юліей до отъѣзда....

–Да, да, да, подхватилъ онъ скороговоркой: такъ точно, помню, помню.... Да зачѣмъ видѣться съ леди Юліей? – Нѣтъ, право, не нужно, прибавилъ онъ такимъ голосомъ, какъ-будто не понравилось ему это предложеніе. Я провожу васъ на дорогу; карета совсѣмъ готова, и васъ отвезутъ обратно въ городъ.

Тутъ онъ вынулъ изъ бумажника пачку банковыхъ билетовъ и далъ мнѣ за визитъ одинъ – въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ.

*

– Что жъ мы сдѣлаемъ съ леди Юліей? спросилъ онъ совсѣмъ неожиданно, когда мы шли съ нимъ объруку къ воротамъ парка: Какъ странно, что мы объ ней забыли! Ну, такъ что намѣрены вы предпринять съ самаго начала?

Я вздохнулъ.

– Прежде надо подумать объ этомъ хорошенько, а ужъ послѣ приступить къ дѣлу.

– Аа! Саллюстій!.... *Priusquam incipias, consulto;* sed ubi consulueris, ubi consulueris..... doctor! *Прежде чѣмъ начинать, подумай;* но когда придумаешь, когда придумаешь..... любезный докторъ!

– Maturè facto opus sit. Должно поступать не торопясь, сиръ Генри, отвѣчалъ я, въ подражаніе его ссылкѣ.

– Хорошо. Никогда не слыхалъ я ничего короче и яснѣе. Mature facto opus sit. Ну, а что жъ вы сдѣлаете?

– Не могу теперь навѣрно сказать, но надѣюсь быть у васъ сегодня жъ вечеромъ. Только не говорите ничего леди Юліи; это можетъ ее встревожить.

– Смотрите, докторъ, я.... я не хочу ни какихъ насильственныхъ мѣръ, подхватилъ баронетъ, и черты его измѣнились самыхъ страннымъ образомъ.

– Насильственныя мѣры, сиръ Генри? Боже сохрани отъ насильственныхъ мѣръ! вскликнулъ я съ непритворнымъ изумленіемъ.

–Вы, докторъ, лично будете отвѣчать за эти мѣры, каковы бы онѣ ни были. Но вотъ карета. Я буду ожидать васъ съ нетерпѣніемъ.

Я пожалъ ему руку, и сѣлъ въ знакомый мнѣ экипажъ.

– Прощайте, прощайте, сиръ Генри! сказалъ я баронету, когда лошади готовы были тронуться съ мѣста.

Онъ сунулъ голову въ раму и прошепталъ мнѣ въ торопяхъ: – Докторъ, я ужъ отдумалъ, и прошу

васъ не мѣшаться въ это дѣло, по-крайней-мѣрѣ сегодня.

Только онъ это выговорилъ, карета покатилась.

– Стой, эй, стой! закричалъ баронетъ во всю мочь: стой! Не то выстрѣлю!

Этотъ послѣдній возгласъ заставилъ вершниковъ повиноваться. Съ изумленіемъ выглянулъ я въ окно и увидѣлъ, что сиръ Генри бѣжитъ къ намъ въ бѣшенствѣ и съ карманнымъ пистолетомъ въ правой рукѣ.

– Помилуйте, сиръ Генри! вскликнулъ я, цѣпенѣя отъ ужаса: что значитъ этотъ необыкновенный поступокъ?

– Одно слово вамъ наухо, сказалъ онъ задыхаясь и подошелъ къ самой дверцѣ кареты.

Я склонилъ къ нему голову.

– Мнѣ кажется, докторъ, вы хотите употребить противъ меня насиліе.

– Противъ васъ? Насиліе противъ кого бы то ни было? Да вы не во снѣ ли, сиръ Генри!

– Нѣтъ, я дальше вижу, чѣмъ вы думаете! Вы хотите высосать у меня тайну, чтобъ воспользоваться ею одному. Такъ помяните мое слово: если вы еще разъ явитесь ко мнѣ въ замокъ, вамъ живому не выйти! Прощайте!

Онъ отошелъ съ надменнымъ видомъ въ сторону, махнулъ рукою испуганнымъ вершникамъ, и мы тотчасъ ускакали отъ несчастнаго безумца. Я ѣхалъ въ совершенномъ разстройствѣ. Личная опасность угрожала не только мнѣ, но и леди Юліи. Чего не можетъ онъ сдѣлать въ мое отсутствіе или въ то время, когда я ворочусь въ замокъ?

Волнуемый этими мыслями, я былъ весьма доволенъ тѣмъ, что несусь во весь опоръ къ городу, и когда мы стали спускаться потихоньку съ крутизны одного холма, я заговорилъ съ ближайшимъ ко мнѣ вершникомъ.

– Послушай! ты живешь у сира Генри?

– Нѣтъ, сударь, не то чтобъ живемъ-съ, а мы у него въ услуженіи.

– Ну, все равно! Я думаю, ты тоже удивился, когда онъ давича остановилъ насъ.

– Нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ понизивъ голосъ и осматриваясь, нейдетъ ли за нимъ баронетъ: случается, они и не-что еще дѣлаютъ.

– Да что онъ, не въ умѣ что-ли?

– Намъ, сударь, не приходится говорить такъ о господахъ, а сказать правду, если бъ нашъ братъ пустился въ такія проказы, какія видаемъ мы на господскомъ дворѣ, его давно упрятали бы въ смирительный или въ сумасшедшій домъ.

– Право? Да что жъ это за проказы?

– Вѣдь вы, сударь, не скажете на меня, если до чего дойдетъ дѣло?

– О, нѣтъ! можешь быть увѣренъ, что я тебя не выдамъ.

– Такъ изволите видѣть, сказалъ онъ оборачиваясь ко мнѣ на сѣдлѣ: первое дѣло, баринъ отослалъ насъ съ Томасомъ, чтобъ мы жили на постояломъ дворѣ за милю отъ замка; потомъ кучера, лакеевъ и всѣхъ дѣвушекъ, кромѣ кухарки да барынниной горничной: ну гдѣ жъ имъ двумъ управиться съ такимъ большищимъ домомъ?

– Да! А скажи мнѣ, что дѣлаетъ самъ сиръ Генри?

– Что онъ дѣлаетъ? Вѣдь вы, сударь, не повѣрите. Кухарка божилась намъ, что онъ все плавитъ сальныя свѣчи.

– Плавитъ свѣчи? Это что значитъ? Да ты, братъ, не врешь ли?

– Какъ можно врать, сударь! Онъ растапливаетъ ихъ въ кастрюляхъ, мѣшаетъ ихъ съ водкой,–съ хорошею сладкою водкой,–и каждую ночь выливаетъ въ глубокую яму, которую вырылъ для этого въ саду.

– Ну, а барыня что жъ на всѣ его проказы?

– Она, бѣдная, совсѣмъ почти изсохла; кости да кожа-съ; ходитъ за нимъ какъ за ребенкомъ, и сама все плачетъ. А ужъ куда ей отъ него худо! Онъ стережетъ ее какъ кошка мышку, и разъ продержалъ цѣлый день въ спальнѣ на хлѣбѣ да на водѣ. И какъ бы вы, баринъ, думали? Онъ же выдаетъ ее за помѣшанную: да вѣдь такъ хитро, что мы и сами долго ему вѣрили!

– А приходитъ онъ когда-нибудь въ бѣшенство?

– Какъ же, сударь! Кухарка разсказывала намъ чудеса. Онъ каждую ночь запираетъ самъ всѣ двери и окна, и ходитъ каждую ночь съ заряженнымъ мушкатономъ.

– Барынина горничная, подхватилъ другой вершникъ, говорила кухаркѣ, та сказала потихоньку моей сестрѣ, а сестра мнѣ, что сиръ Генри спитъ всегда съ шпагой наголо и съ парою пистолетовъ: а какъ онъ пугаетъ ими барыню, такъ не приведи, Боже!

– Какъ же вы не дали знать объ этомъ въ Лондонъ?

– Мы, сударь, не посмѣли. Да и кто жъ повѣритъ нашему брату? Сиръ Генри говоритъ иной разъ такъ складно какъ пасторъ: объяви-ка мы въ городѣ, сюда наѣдетъ всякаго господства, и онъ, пожалуй, нарочно такъ замечетъ словами, что послѣ не найдешь и мѣста.

Мы между-тѣмъ спустились съ горы, и я велѣлъ гнать прямо къ Г. Кортропу. По-счастію онъ былъ дома, и мы тотчасъ уговорились ѣхать къ доктору Б***, одному изъ самыхъ извѣстныхъ *сумасшедшихъ докторовъ*, mad-doctors, какъ называютъ ихъ запросто въ Англіи. Б*** взялъ съ собою двухъ сторожей, и мы немедленно отправились всѣ пятеро въ замокъ къ баронету.

Г. Кортропъ и я, оба были довольно грустны, но маленькій докторъ Б*** былъ такъ спокоенъ и веселъ, какъ-будто бъ ѣхалъ на пирушку.

– Что если Гарле прійдетъ въ отчаянье и вздумаетъ

сопротивляться? сказалъ Г. Кортропъ съ безпокойствомъ.

— Это весьма сомнительно, возразилъ хладнокровно докторъ Б***: впрочемъ со мной есть такіе два молодца, которые усмирятъ кого вамъ угодно, ха, ха!

— Ради Бога, изъ состраданія къ леди Юліи, не употребляйте силы, докторъ!

— О нѣтъ! Я и самъ не люблю этого способа. Къ чему дѣйствовать лихомъ, гдѣ можно взять добромъ? Поступки наши будутъ совершенно сообразоваться съ баронетовыми, и, какъ бы то ни было, онъ попадется къ намъ на уду.

— Ну, если у него будетъ огнестрѣльное оружіе? сказалъ я. Онъ еще нынче утромъ цѣлилъ въ меня изъ заряженнаго пистолета.

— Ахъ, любезный докторъ, кто вамъ сказалъ, что онъ былъ заряженъ? Признайтесь, вѣдь это одно предположеніе. Сумасшедшіе чрезвычайно склонны пугать огнестрѣльнымъ оружіемъ, но какъ-то всегда забываютъ о зарядахъ.

— Однако, положимъ, что сиръ Генри носитъ заряженный пистолетъ: что вы на это скажете?

— Въ такомъ случаѣ можетъ выйти что-нибудь незабавное, отвѣчалъ докторъ: но я крѣпко полагаюсь на дѣйствіе моего взгляда. У меня это такой талисманъ!

Тутъ мы подъѣхали къ воротамъ парка. Докторъ Б***, Г. Кортропъ и я, вышли всѣ трое, и велѣли каретѣ слѣдовать за нами шагомъ до самаго крыльца. Я позвонилъ въ колокольчикъ, и немного погодя вышла къ намъ пожилая женщина.

— Можно намъ видѣть сира Генри Гарле? спросилъ Г. Кортропъ.

— Нѣтъ, сударь.

— Отчего же? Намъ, любезная, необходимо сейчасъ же переговорить съ нимъ по весьма важному дѣлу.

– Вотъ, сударь?! Такъ вамъ пожаловать бы пораньше.

– Какъ пораньше? сказалъ я: это что такое? Сиръ Генри самъ назначилъ нынѣшній вечеръ.

– Видно, изволилъ передумать: и онъ, и барыня часа съ два тому уѣхали куда-то въ почтовой коляскѣ. Не лучше ли вамъ догнать ихъ?

Мы смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ.

– А въ которую сторону онъ поѣхалъ?

– Да внизъ по дорогѣ, батюшка, и велѣлъ говорить всѣмъ, кто спроситъ, что онъ уѣхалъ въ Вельсъ.

Я вздохнулъ отъ этой печальной неудачи; Г. Кортропъ перемѣнился въ лицѣ; докторъ Б*** стоялъ прищурясь, и съ улыбкою наблюдалъ нашу собесѣдницу. Что намъ было дѣлать? Мы совершенно пришли въ тупикъ.

– Пожалуйте сюда! сказалъ докторъ Б***, отводя насъ немного въ сторону. Знаете ли, что баба надъ нами подшучиваетъ? Я вамъ ручаюсь, что сиръ Генри здѣсь. Она не умѣла обмануть хорошенько.

– Послушай, милая, сказалъ онъ ей, возвращаясь къ двери: ты все говоришь намъ не дѣло. Вѣдь мы знаемъ, что баронетъ на верху; мы сейчасъ видѣли его въ окошко, и какъ тебѣ угодно, а пойдемъ и обыщемъ всѣ углы въ замкѣ.

– Боже мой! отвѣчала старуха съ прискорбіемъ: по мнѣ дѣлайте, что хотите; только чуръ не пѣнять, – я вамъ заранѣе сказываю.

При этихъ словахъ она удалилась. Г. Кортропъ вызвался одинъ обойти главныя комнаты. Минутъ черезъ десять онъ воротился, не нашедъ ничего, кромѣ необсохшаго еще адреса, писаннаго баронетовой рукою. Тутъ мы начали тщательно обыскивать весь замокъ, но напрасны были наши старанія. Намъ оставалось осмотрѣть принадлежности и службы: на ту пору пошелъ проливной дождь и поднялась такая силь-

ная гроза, что мы должны были переждать ихъ въ комнатѣ. Громъ гремѣлъ прямо надъ нами и страшныя молніи безпрестанно освѣщали сумракъ насмурнаго вечера.

– Признаюсь, это не слишкомъ весело, сказалъ докторъ Б***: если сиръ Генри теперь ѣдетъ, онъ, я думаю, немного освѣжится.

– Но что сдѣлалъ онъ съ леди Юліей? вскликнулъ Г. Кортропъ.

– О, будьте увѣрены, что она у него спрятана гдѣнибудь въ добромъ мѣстѣ. Эти сумасшедшіе хитры до без....

Не успѣлъ вымолвить докторъ Б***, какъ вдругъ распахнулись двери стараго кабинета, къ которому мы подходили, но сочли его запертымъ, и изъ нихъ выступилъ баронетъ въ дорожномъ платьѣ, съ спокойнымъ и надменнымъ видомъ.

– Господа! сказалъ онъ намъ хладнокровно: помилуйте, что̀ вы дѣлаете? Знаете ли, что я сиръ Генри Гарле, и что домъ этотъ мой? Кто далъ вамъ право, кто прислалъ васъ, нарушать спокойствіе въ моемъ замкѣ?

Онъ остановился съ простертою къ намъ рукою. Его повелительный видъ и положеніе очаровали бъ живописца. Мы съ Г. Кортропомъ совершенно остолбенѣли отъ нечаяннаго явленія, но докторъ Б*** тотчасъ подошелъ къ сиръ Генри съ самоувѣреннымъ поклономъ и улыбкою, какъ-будто онъ ожидалъ его выхода. Никогда въ жизни не видалъ я такой удивительной спохватливости.

– Сиръ Генри, сказалъ докторъ съ живостью, вы избавляете насъ отъ большаго затрудненія: мы искали васъ по всему дому!

– Вы меня искали, сударь! Ваше имя? вскликнулъ баронетъ съ гордостью и изумленіемъ, отступая отъ него шага на два и пріосаниваясь.

– *Пожалуйста*, скажите намъ, гдѣ ваша супруга, продолжалъ непоколебимый докторъ.

Не знаю почему, но я чувствовалъ, что онъ какъ-будто околдовалъ бѣднаго баронета. Сиръ Генри смотрѣлъ то на него, то на меня, то на Г. Кортропа.

– Еще разъ, сударь, прошу васъ сказать свое имя! повторилъ баронетъ, но уже не съ прежней твердостью.

– Докторъ Б***, отвѣчалъ ему нашъ товарищъ съ низкимъ поклономъ.

Баронетъ оглазѣлъ. – Докторъ Б*** изъ Сомерфильда? прошепталъ онъ, послѣ краткаго молчанія, дрожащимъ голосомъ.

– Такъ точно, сиръ Генри, отвѣчалъ докторъ, опять кланяясь.

Сиръ Генри поблѣднѣлъ. Онъ отвернулся въ сторону, какъ-будто былъ не въ силахъ смотрѣть на доктора, и упалъ въ кресла бормоча:–Такъ я погибъ совершенно!

– Не тревожьтесь, сиръ Генри, говорилъ докторъ Б***, и подошелъ къ нему съ дружелюбнымъ видомъ; но лице баронета было исполнено ужаса, и мы стояли безмолвно и неподвижно, повинуясь запретительнымъ знакамъ доктора.

– Джоржъ, сказалъ сиръ Генри трепещущимъ голосомъ Г. Кортропу: ты не врагъ мнѣ....

– Милый, милый Генри! вскликнулъ Г. Кортропъ, кинулся къ баронету, и схватилъ его за руку, чуть не въ слезахъ.

– Поди, приведи сюда леди Юлію; она ждетъ меня въ бесѣдкѣ.

Г. Кортропъ, съ согласія нашего, поспѣшилъ исполнить его просьбу, и черезъ минуту воротился съ леди или, лучше, за леди Юліей, которая опередила его на лѣстницѣ, и съ крикомъ вбѣжала къ намъ въ дорожномъ платьѣ. – Гдѣ, гдѣ онъ? Другъ

мой! милый Генри! что они съ тобой сдѣлали? Куда они хотятъ тебя везти?–Ужасный человѣкъ! произнесла она, рыдая и обративъ ко мнѣ свое блѣдное, прекрасное, полное отчаянья лицо. Это все ваше дѣло! – Ангелъ мой! другъ мой! говорила бѣдная леди мужу, который все это время сидѣлъ неподвижно въ креслахъ: я жена твоя, я твоя Юлія!

Она обвила его руками и цѣловала, цѣловала съ изступленіемъ.

– Я такъ и думалъ, что будетъ сцена, сказалъ мнѣ на ухо докторъ Б***: напрасно мы позволили ее привесть. – Сдѣлайте милость, успокойтесь, сударыня! Вы только увеличите его страданія....

– Да, да! я ужъ спокойна, я теперь очень спокойна,– и она судорожно прижимала къ себѣ сира Генри, а онъ окаменѣлъ у ней въ объятіяхъ какъ статуя!

Докторъ Б*** не много смутился.–Этакъ мы ничего не сдѣлаемъ, говорилъ онъ намъ потихоньку: съ сиръ Генри совсѣмъ нельзя будетъ сладить.

– Леди Юлія, могу я сказать вамъ одно слово наединѣ, спросилъ онъ ее шопотомъ.

– Нѣтъ, нѣтъ, никогда не разлучите вы меня съ мужемъ! Другъ мой, вѣдь никогда?

Она посмотрѣла ему въ лице съ непзъяснимой нѣжностью, и вдругъ опять обняла его изо всей силы, съ отчаяньемъ.

– Поговорите вы съ супругою; успокойте ее; вы одни можете это сдѣлать, сказалъ докторъ Б*** баронету съ видомъ человѣка, который увѣренъ, который знаетъ, что его послушаютъ.

Слова его, казалось, вызвали баронета изъ глубокой задумчивости или, точнѣе, изъ онѣмѣнія: онъ самъ нѣжно обнялъ жену свою и сказалъ ей ласково.–Полно, полно, другъ мой! я не дамъ тебя въ обиду, не безпокойся.

–Видите! слышали? Ну, говорятъ ли такъ су-сумасшедшіе? почти вскрикнула леди Юлія.

– Полно, милая, полно душа моя! Они говорятъ, что намъ должно разстаться, но вѣдь не надолго, произнесъ несчастный мужъ самымъ трогательнымъ голосомъ и отиралъ слезы, которыя градомъ катились по лицу Юліи.

– Никогда, никогда этого не будетъ! Не хочу, не хочу, не хочу, вскликнула она съ истерическимъ рыданіемъ.

Онъ опять взялъ ее въ объятія, и, глядя на небо, говорилъ: –Умилосердись, сжалься надъ нею! – Потомъ вдругъ захохоталъ во все горло, выпустилъ ее изъ рукъ, и бѣдная Юлія упала въ обморокъ. Г. Кортропъ вынесъ ее изъ комнаты.

– Сиръ Генри, сказалъ докторъ Б***, намъ нельзя терять ни минуты: карета наша у крыльца, садитесь и поѣдемте. Леди Юлія послѣдуетъ за вами въ вашемъ собственномъ экипажѣ.

Онъ всталъ и застегнулъ сюртукъ. – Такъ Его Величество въ самомъ дѣлѣ прислалъ за мною безъ гнѣва? Поспѣшимте; нечего шутить съ королемъ. У васъ есть собственноручное повелѣніе? –Докторъ Б*** кивнулъ головою, и сиръ Генри, не говоря ни слова, вышелъ съ нимъ и Г. Кортропомъ изъ комнаты, взялъ палку, шляпу, перчатки, сѣлъ въ карету, и они отправились. Я тотчасъ бросился къ леди Юліи. Но зачѣмъ говорить вамъ объ ея страданіяхъ? Бѣдная женщина! Одинъ Богъ видитъ, что она терпѣла, и я охотно опускаю занавѣсъ между ея муками и холоднымъ любопытствомъ безчувственнаго свѣта.

Оставивъ ее на рукахъ горничной и подлекаря, я спѣшилъ воротиться въ городъ. Поздо вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Г. Кортропъ и разсказывалъ, какъ путешествовали они съ баронетомъ. Сначала сиръ Генри былъ погруженъ въ задумчивость; потомъ началъ становиться неугомоннымъ, и наконецъ пришелъ въ совершенное бѣшенство. Онъ разбилъ въ дребезги сте-

кло и чуть не удушилъ одного изъ сторожей, схвативъ его за галстухъ. Когда они пріѣхали въ Сомерфильдъ, мѣстопребываніе доктора, сиръ Генри сдѣлался вдругъ совершенно смиренъ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣлъ какъ смерть, и далъ вести себя безъ сопротивленія. Онъ воображалъ, что это тюрма, Лондонская Башня. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ въ мрачномъ безмолвіи; потомъ потребовалъ пастора и стряпчаго. Передъ первымъ упалъ онъ на колѣни, и каялся, что нѣсколько разъ посягалъ на жизнь леди Юліи; но въ то же время торжественно объявлялъ, что отнюдь невиненъ въ государственной измѣнѣ. Сколько можно было заключить изъ его словъ, онъ почиталъ себя женоубійцею! Онъ говорилъ, что подѣломъ настигло его правосудіе, и, прощаясь съ Г. Кортропомъ какъ на смерть, убѣждалъ его самымъ красноречивымъ образомъ не предаваться влеченію необузданныхъ страстей и воли.

Какой чудный, какой печальный день пережилъ я въ моей жизни!

На другое утро я распорядился такимъ образомъ, чтобъ пораньше навѣстить леди Юлію, какъ вдругъ знакомая мнѣ карета подъѣхала къ крыльцу, и я увидѣлъ, что горничная леди высаживаетъ изъ нея свою барыню. Усиліе дойти до залы чуть не стоило ей обморока,—такъ ослабѣла она отъ вчерашнихъ происшествій! Я скоро узналъ причину ея поспѣшнаго прибытія: она непремѣнно рѣшилась сама ходить за сиромъ Генри, даже въ качествѣ простаго слуги. Напрасны были всѣ мои возраженія; она слушала ихъ нехотя, и отвѣчала съ сердцемъ или просто ручьями слезъ.

Мы съ женою едва могли уговорить ее лечь въ постель и подождать, пока я ворочусь домой и привезу извѣстіе о сиръ Генри. Часа черезъ два успѣлъ я заѣхать въ Сомерфильдъ. Докторъ Б * * * сказалъ мнѣ, что баронетъ послѣ сильнаго бѣшенства и изступле-

нія впалъ въ спокойную задумчивость. Вошедъ въ его комнату, гдѣ удобство соединялось со вкусомъ отдѣлки, я засталъ его за письменнымъ столикомъ. Онъ принялъ меня вѣжливо, и если бъ не странная дикость въ глазахъ, отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ помѣшанный, право нельзя было бы примѣтить въ немъ постигшей его перемѣны.

– Теперь можете, сударь, выйти, сказалъ баронетъ своему сторожу, который взглянулъ на меня значительно и удалился.

– Сиръ Генри, сказалъ я, придвигаясь къ столику, у котораго онъ сидѣлъ: кажется, вы помѣщены здѣсь довольно удобно....

– Я и не заслуживаю, да и не желаю ничего лучше; очень чувствую свое глубокое уничиженіе, но клянусь, что я невиненъ въ томъ, за что меня посадили.–Однако, мнѣ нельзя отрываться отъ дѣла, присовокупилъ онъ съ учтивымъ поклономъ и взялся опять за перо.

Я наблюдалъ его нѣсколько минутъ въ молчаніи. Онъ какъ-будто и не замѣчалъ моего присутствія, занятый своей работою. Я не зналъ, какъ заговорить о леди Юліи, когда, совсѣмъ неожиданно, онъ самъ спросилъ меня, не переставая писать, въ какомъ положеніи я ее оставилъ.

– Я радъ, что вы объ ней спрашиваете, сиръ Генри: она теперь у меня въ домѣ. Позволите привезть ее къ вамъ?

– Какъ? развѣ сюда пускаютъ женщинъ? Не провѣдали ли еще чего-нибудь?

– Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ я, не зная, что онъ подъ этимъ разумѣетъ.

– Да будетъ ли она тиха?

– Почему же нѣтъ, сиръ Генри!

– Пожалуйте, чтобъ она не носила съ собой колокольчиковъ.

– Будьте увѣрены, сиръ Генри, что она ничѣмъ васъ не обезпокоитъ.

– Хорошо! теперь вы меня оставьте, чтобъ мнѣ приготовиться къ свиданію. Да не лучше ли пригласить скорописца? Быть-можетъ, она выскажетъ что-нибудь важное.

– Мы постараемся все уладить. Такъ часа черезъ два вы будете готовы?

Онъ поклонился и взялъ перо, а я вышелъ. Воротившись домой, я засталъ леди Юлію въ слезахъ съ моей женою. Я говорилъ ей, какъ сиръ Генри казался доволенъ и покоенъ, и съ какой радостью онъ принялъ предложеніе ее видѣть: она сплеснула руками, и увѣряла меня съ легкимъ судорожнымъ смѣхомъ, что теперь она очень, очень счастлива. Но я видѣлъ ея слабость, и со страхомъ ожидалъ минуты свиданія.

Часовъ въ шесть леди Юлія и сестра ея леди Анна, только-что пріѣхавшая изъ деревни, отправились вмѣстѣ со мною и съ Г. Кортрономъ въ Сомерфильдъ. Докторъ Б*** самъ провелъ насъ къ своему пацієнту.

– Генри!!! вскликнула она, завидѣвъ своего мужа, бросилась къ нему въ объятія, и долго лежала молча, неподвижно, такъ, что я думалъ, не сдѣлался ли съ ней обморокъ.

– Юлія, это ты?.... Какова ты? спросилъ баронетъ безъ всякаго смущенія. (Она тяжко рыдала.)–Ссъ, перестань! говорилъ онъ шепотомъ: здѣсь надо быть тихой; шумѣть строго запрещено; не то выведутъ тебя изъ комнаты. Да ты и меня растревожишь до такой степени, что я не выдержу этого свиданія.

Все это произнесъ онъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ, будто вовсе не зная, что онъ единственною виною слезъ жены своей. Рыданія ея становились громче.

– Замолчи же, Юлія! сказалъ баронетъ грознымъ голосомъ: это безразсудно!

Руки бѣдной леди мгновенно опустились съ его шеи; она упала въ обморокъ. Я скоро привелъ ее въ чувство, и мы сѣли опять по мѣстамъ, но разговоръ нашъ ни сколько не оживлялся.

– Тяжкій долгъ отъ меня требуетъ, сказалъ вдругъ спръ Генри съ важнымъ видомъ, чтобъ я объяснилъ теперь всю тайну. Перенесешь ли ты это, Юлія? (Она кивнула головою.) И въ присутствіи всѣхъ этихъ господъ? (Она опять кивнула, – говорить не могла.)

– Не выйти ли намъ лучше? спросилъ я баронета.

– Зачѣмъ же? Развѣ только сами этого хотите. Чѣмъ больше свидѣтелей истины, тѣмъ лучше, сказалъ онъ, и потомъ продолжалъ торжественнымъ голосомъ. Я не безчестный человѣкъ, и никогда имъ не былъ; однако боюсь, врядъ ли мнѣ удастся увѣрить васъ въ томъ, что вы услышите. Какъ бы то ни было ужасная тайна должна открыться: чувствую, что поступки мои въ послѣднее время требуютъ объясненія; долѣе притворяться нельзя, да и безполезно. Рука Всемогущаго привела меня къ этому, и тяжело она лежитъ на мнѣ: вы видите передъ собой несчастнаго, котораго Онъ заклеймилъ проклятіемъ пуще Каинова!

Онъ пріостановился, и перебиралъ листы своей рукописи, будто хотѣлъ изъ нея читать. Мы всѣ глядѣли и слушали съ непритворнымъ удивленіемъ. Въ баронетѣ было нѣчто такое, что рѣшительно заставило меня усомниться въ его помѣшательствѣ, и я почти готовился услышать отъ него сознаніе, что для какой-нибудь сокровенной цѣли онъ притворялся сумасшедшимъ. Леди Юлія сидѣла подлѣ него блѣдная и неподвижная какъ статуя, и взоръ ея былъ прикованъ къ мужу со смѣшаннымъ, ужаснымъ выраженіемъ любви, отчаянья и боязни.

– Знайте жъ, продолжалъ спръ Генри мрачнымъ и пониженнымъ голосомъ: знайте, что передъ вами – самозванецъ! Свѣтъ скоро огласится этою исторіей;

друзья будутъ презирать меня, парламентъ отвергнетъ, родные отъ меня отступятся, и жена (онъ поднялъ на нее взоръ) меня покинетъ. Я не баронетъ! (Онъ смолкъ, и старался перемочь свои чувства) Я не имѣю права ни на званіе, которое я унизилъ, ни на богатство, которое я расточалъ, ни на руку, которую я обезчестилъ. (Вопреки всѣмъ усиліямъ, уста его дрожали, лице побѣлѣло какъ саванъ.) Но, Богъ свидѣтель, что при вступленіи въ бракъ съ этой благородною дамой (онъ дрожащею рукою указалъ на леди Юлію) я не зналъ того, что теперь знаю, что не я, другой имѣлъ право быть на моемъ мѣстѣ и пользоваться богатствомъ и почестями... Что жъ? Это васъ не изумляетъ? Ни въ комъ не замѣтно волненія. Развѣ это не новость? Развѣ всѣ вы къ этому приготовлены? Развѣ нарушена моя тайна, моя довѣренность? Какъ это, леди Юлія? Скажите, вы это сдѣлали? (Бѣдная леди улыбнулась черезъ силу – улыбкою нѣжной недовѣрчивости.) Ааа, болтушка! вонъ.... закричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста и шагая по комнатѣ въ страшномъ волненіи.

Леди Юлію вынесли безъ чувствъ.

– Да! продолжалъ баронетъ, несмотря на возвращеніе своего сторожа, который тотчасъ прибѣжалъ на шумъ: эта лживая женщина предала меня бѣдствію и стыду! Она овладѣла моей тайною, и обратила мнѣ ее въ пагубу! Если бъ не она, и до сихъ поръ все было бъ скрыто! Га! вотъ тайна, которая такъ долго отравляла мнѣ сердце, ржавила умъ, возбуждала къ злодѣйству, дѣлала діавола самого лукаваго моимъ всегдашнимъ спутникомъ, и превращала въ адъ все вокругъ меня! Оо, я задыхаюсь! Я горю! Мочи нѣтъ! Это нестерпимо! Что жъ вы не говорите мнѣ ни слова, докторъ Б***, теперь, какъ завлекли меня въ свои сѣти? Заодно вы что-ли съ леди Юліей? *Леди* Юлія! *Леди!* Да! она сохранитъ это званіе, только связанное съ именемъ мужика! А-ахъ, что со мною будетъ!– Говори-

те, докторъ, говорите! кричалъ онъ мнѣ, лишь только я воротился отъ леди Юліи.

— Это будетъ напрасно, пока вы въ такомъ изступленіи, сиръ Генри....

— *Сиръ* Генри! И вы дерзнули смѣяться мнѣ въ глаза?

Онъ сталъ прямо передо мною, и, кажется, хотѣлъ меня ударить, но подоспѣлъ докторъ Б***, и сумасшедшій убрался на другой конецъ комнаты. Мы скоро его оставили. Я поѣхалъ домой одинъ, потому что леди Юлія съ сестрою отправились къ Г. Кортропу. Всю дорогу занимали меня мысли о внезапномъ бѣдствіи, постигшемъ баронета и жену его. И въ самомъ дѣлѣ, каково теперь было положеніе этой прежде столь счастливой, столь блестящей четы! Сиръ Генри въ домѣ сумасшедшихъ; леди Юлія, истощенная душевнымъ терзаніемъ! Роскошь, богатство, знатность, — все исчезло! Какой комментарій на слова царственнаго страдальца въ Св. Писаніи — «Азъ же рѣхъ «въ обиліи моемъ: Не подвижуся во вѣкъ. Господи, во«лею твоею подаждь добротѣ моей силу; отвратилъ же «еси лице твое, и быхъ *смущенъ*.»

Вскорѣ послѣ этой ужасной сцены, газеты подтвердили все то, что слышали мы отъ баронета, и что можно было бы почесть одною изъ многочисленныхъ грезъ его разстроеннаго воображенія. Дѣйствительно, нашелся-было человѣкъ, который объявилъ права свои на званіе и на все богатство сиръ Генри, и представлялъ такія доказательства, которыя дѣлали рѣшеніе тяжбы весьма сомнительнымъ. Баронетъ узналъ объ этомъ вскорѣ послѣ своей свадьбы, и сначала никакъ не хотѣлъ вѣрить справедливости извѣстія, — однако ему вѣрилось поневолѣ! Слухи о розыскахъ, которые дѣлалъ неутомимый стряпчій его противника, съ каждымъ днемъ усугубляли безпокойство сиръ Генри, и какъ онъ ни скрывалъ его отъ жены, въ ней невольно родилось слабое подозрѣніе. Баронетъ строго запре-

щалъ ей всякіе распросы, но часто самъ говорилъ во снѣ, и тревожный бредъ его, къ которому съ ужасомъ прислушивалась леди Юлія, только подтверждалъ ея опасенія. Къ несчастію, они слишкомъ скоро оправдались.

Я почти каждый день навѣщалъ обоихъ супруговъ. Болѣзнь сиръ Генри обнаруживалась самыми страшными припадками, которые требовали крайнихъ мѣръ. Кто узналъ бы милаго, прекраснаго собою, образованнаго баронета въ воющемъ, неистовомъ сумасбродѣ, котораго я съ ужасомъ видалъ прикованнаго къ стѣнѣ, съ выбритой головою, выпученными, налитыми кровью, глазами и искривленнымъ ртомъ, изъ котораго сыпались самыя страшныя проклятія и ругательства? Не могу описать ощущенія, съ которымъ переходилъ я отъ этого зрѣлища къ изголовью кроткой, тихо гаснущей страдалицы. Я утѣшалъ ее добрыми вѣстями о здоровьѣ мужа. Морозъ пробѣгалъ у меня по жиламъ, когда я говорилъ эти лжи.

Впрочемъ тѣлесное здоровье сиръ Генри дѣйствительно поправлялось, а вскорѣ и дикіе припадки сумасшествія стали затихать. Въ глазахъ его выражалось рѣшительное, спокойное безуміе. Признаюсь, и я, и опытный докторъ Б***, оба теряли надежду на его исцѣленіе. Онъ переходилъ отъ мечты къ мечтѣ, и одна другой нелѣпѣе. Однажды спросилъ онъ двадцать листовъ бумаги, и писалъ три недѣли почти безъ отдыха. Напослѣдокъ вышло, что это рѣчь для произнесенія въ нижнемъ парламентѣ, которою онъ оправдывался въ жестокихъ поступкахъ противъ леди Юліи, и доказывалъ права свои на званіе баронета и на помѣстья. Онъ заставилъ сторожа слушать всю эту проповѣдь, но утомившись продолжительнымъ чтеніемъ, бросилъ его самъ на половинѣ. Онъ велѣлъ сдѣлать себѣ такой чудный нарядъ, что при всемъ огорченіи нельзя было смотрѣть на него безъ смѣху, — камзолъ и штаны

въ обтяжку изъ свѣтло-зеленой байки съ шелковыми чулками и штиблетами. Въ этой одеждѣ я заставалъ его въ углу комнаты на столѣ, произносящаго рѣчь передъ простодушнымъ сторожемъ со всей силою ораторскаго краснорѣчія,—и только я войду, онъ слѣзастъ со смущеніемъ маленькаго шалуна, котораго надзиратель поймалъ въ проказахъ.

А леди Юлія, прекрасная и прежде столь живая леди Юлія,—она увядала съ каждымъ днемъ. Всѣ старанія привязаннаго къ ней семейства, все нѣжное участіе многочисленныхъ друзей оставались безполезны. Поэтомулегко себѣ представить,какъ встревожила насъ возобновленная ею,настоятельная просьба перевезти ее совсѣмъ къ сиръ Генри. Подкрѣпленный убѣжденіями всѣхъ окружавшихъ и моимъ собственнымъ мнѣніемъ, я рѣшительно отказалъ ей въ этомъ опасномъ шагѣ. Напрасно она умоляла насъ съ горькими слезами, даже съ изступленіемъ,—мы всѣ оставались непреклонны. Несмотря на то, къ всеобщему удивленію и радости, здоровье ея въ теченіе этого мѣсяца замѣтно поправлялось. Мы старались развлекать ее пріятнымъ образомъ и утѣшали добрыми вѣстями о положеніи сиръ Генри. Маленькой сынъ ея,—премилый ребенокъ,—былъ безпрестанно около нея, и забавлялъ бѣдную своимъ лепетомъ. Она встала съ постели, проводила по нѣскольку часовъ въ гостиной, и тутъ опять начала приставать къ намъ, чтобъ ей дозволили повидаться съ сиръ Генри. Я долженъ былъ обѣщать ей заѣхать къ баронету и предупредить его объ ея намѣреньѣ.

Онъ былъ одѣтъ по-прежнему,—и если нарядъ его производилъ сильное впечатлѣніе надо мною,какого жъ дѣйствія должно было ожидать на леди Юлію? Я засталъ его въ самомъ веселомъ расположеніи; онъ сейчасъ только побѣдилъ въ шахматы одного изъ своихъ товарищей, и, потирая руки, съ жаромъ разсказывалъ

объ этомъ подвигѣ сторожу. Онъ принялъ меня очень дружелюбно.

– Что скажете вы, сиръ Генри, если къ вамъ пріѣдутъ гости, навѣстить васъ?

– Очень радъ, очень радъ ихъ видѣть, только не завтра, отнюдь не завтра; завтра мнѣ никакъ нельзя: я приглашенъ обѣдать къ королю, и буду играть съ нимъ на бильярдѣ.

– А, имѣю честь поздравить! Скажите, пожалуйста, Его Величество самъ прибудетъ въ Сомерфильдъ, или вы отправитесь къ нему въ Виндсоръ?

– Ѣхать въ Виндсоръ? Что вы, Богъ съ вами! Да король живетъ здѣсь; это его дворецъ, и я одинъ изъ приближенныхъ лордовъ. Развѣ вы этого не знаете?

– Да, да! А въ которомъ часу вы должны быть у Его Величества?

– Въ три часа, непремѣнно.

– Ммъ! Ну, если я привезу къ вамъ моихъ знакомыхъ въ двѣнадцать?

Онъ призадумался. Мнѣ было досадно, что онъ не спрашиваетъ, кто хочетъ его видѣть, и я рѣшился намекнуть ему на это самъ.

– Такъ что жъ, сиръ Генри, можно пріѣхать ей въ двѣнадцать часовъ?

– Если она не долго пробудетъ, пожалуй! Только Бога ради, чтобъ меня не растревожили, потому что мнѣ надо быть у короля. Могу ли я играть на бильярдѣ, когда у меня будутъ дрожать руки!

– Конечно нѣтъ; но при свиданіи съ леди Юліей, что можетъ васъ такъ встревожить?

– Леди Юлія! повторилъ онъ настоящимъ дурачкомъ. Да! вѣдь вы знаете леди Юлію! Не сдѣлаетъ ли она какихъ-нибудь уступокъ, – а?

– О, конечно! вы можете быть увѣрены. Ей очень хочется васъ видѣть.

– Да! Только съ тѣмъ, чтобы вы были съ нею. Скажи-

те ей, чтобъ она меня не пугала,—знаете,—для короля!

Онъ пожалъ мнѣ руку, отворилъ дверь, и я откланялся.

На другой день, когда я вошелъ предупредить его о прибытіи леди Юліи, онъ ужъ былъ въ полномъ нарядѣ. Сверхъ обыкновеннаго зеленаго платья былъ на немъ алый поясъ и на шеѣ золотая цѣпь. Палка изъ чернаго дерева заступала мѣсто шпаги, а фуражка украшена была длиннымъ павлинымъ перомъ, ободраннымъ по самую маковку. Онъ особенно гордился этой послѣдней принадлежностью, и никакъ не хотѣлъ ее снять. Какое ужасное зрѣлище для бѣдной супруги!

— Позвольте спросить васъ, сиръ Генри, что вы нынче такъ разрядились?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Кажется, я говорилъ вамъ, докторъ, о королевскомъ приглашеніи.

— Ахъ, да! это правда. Но все-таки вы встрѣтите супругу свою безъ шапки? сказалъ я ласково.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ наотрѣзъ. Да что жъ, готова эта гостья?

— Сейчасъ, сиръ Генри: она нетерпѣливо ожидаетъ позволенія броситься въ ваши объятія.

— Какъ! броситься въ мои объятія? въ мои объятія? слыханное ли это дѣло! вскликнулъ баронетъ въ недоумѣніи: нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нельзя допускать такихъ короткостей! — Это ужъ слишкомъ.... а? спросилъ онъ, обращаясь къ сторожу: какъ вы думаете?

Тотъ поклонился.

— Сверхъ-того, продолжалъ баронетъ, указывая на него, этотъ господинъ,—секретарь мой,—долженъ быть здѣсь и записывать все, что будетъ происходить.

— Конечно, отвѣчалъ я съ прискорбіемъ, и внутренно проклиная себя за то, что согласился на это свиданіе.

Я поспѣшилъ въ ту комнату, гдѣ оставилъ своихъ

дамъ и чтобъ приготовить леди Юлію, описывалъ ей съ улыбкою нарядъ ея мужа. Она старалась улыбаться вмѣстѣ со мною, и просила поскорѣе ввести меня къ нему.

– Перо, перо, перо! зашепталъ баронетъ своему сторожу, лишь только мы отворили дверь, и тотъ сейчасъ же сѣлъ къ столу съ перомъ и чернильницей.

Когда мы вошли, баронетъ учтиво поклонился.

– Поговорите съ нимъ, сказалъ я на ухо леди Юліи.

Она было хотѣла, но не смогла; уста ея шевелились безъ звука. Леди Анна говорила за нее что-то трепетнымъ голосомъ, а Юлія, увидѣвъ странную одежду своего мужа, затворила глаза и тряслась какъ листъ.

– Генри, милый Генри, произнесла она немного погодя, протягивая къ нему дрожащія руки.

Сиръ Генри снялъ шапку съ вѣжливымъ, но чуждающимся видомъ, и тотчасъ надѣлъ ее весьма тщательно, не сказавъ ни слова.

– Можемъ мы сѣсть, сиръ Генри? спросилъ я баронета.

– Пусть ее сядетъ, отвѣчалъ онъ повелительно, сложилъ руки, прислонился къ окну и поглядывалъ на жену съ любопытствомъ.

– Вы пришли сюда по своей волѣ? спросилъ онъ равнодушно.

– Да, Генри, да, отвѣчала она потихоньку.

– Записать это, сказалъ баронетъ въ полголоса своему секретарю.

– Вы теперь совсѣмъ выздоровѣли?

– Совсѣмъ другъ мой!

– Записать это, быстро повторилъ баронетъ и не спустилъ глазъ съ «секретаря», пока тотъ не исполнилъ его воли.

Молчаніе. Я сѣлъ подлѣ Юліи; она дрожала, и была блѣдна какъ смерть.

– Я увѣренъ, сиръ Генри, сказалъ я, что для васъ

не непріятно посѣщеніе вашей супруги? А когда такъ скажите ей это: она боится, что вы сю не довольны!

Она схватила меня за руку съ судорожнымъ усиліемъ, но не пыталась говорить. Сиръ Генри, послѣ затруднительнаго молчанія, подошелъ къ ней ближе и глядя ей пристально въ лице, сказалъ въ полголоса:

– Богъ свидѣтель, Юлія, я не имѣю на тебя зла; скажи, ты не имѣешь ли?

Онъ поднялъ палецъ и взглянулъ на сторожа, чтобъ тотъ записалъ отвѣтъ, но отвѣта не было. Онъ тихо преклонилъ колѣно, снялъ перчатку съ правой руки, какъ-будто для того, чтобъ взять Юліину, и произнесъ съ нѣжностью: – Юлія, неужли я не дождусь отвѣта?

Ни въ звукѣ его голоса, ни въ пріемахъ не было помѣшательства, и она сейчасъ замѣтила эту перемѣну.

– Генри, Генри! милый другъ мой! проговорила она слабымъ голосомъ, и кинулась къ нему на шею.

– Бѣдная! какія у ней мягкія чувства! говорилъ баронетъ равнодушно. Юлія, тебѣ надо стараться владѣть ими какъ я. Я не сержусь на тебя; я знаю, что ты была раздражена.– Какъ бьется у ней сердчишко! продолжалъ онъ въ раздумьѣ. Ахъ, да ей дурно! Что это за ребячество!

Въ самомъ дѣлѣ нечастная леди лежала безъ чувствъ въ его объятіяхъ. Лице баронета сдѣлалось вдругъ пасмурно. Онъ далъ намъ снять съ нея чепецъ, но крѣпко держалъ руки ея въ своихъ, и смотрѣлъ ей въ лице съ выраженіемъ заботливости и удивленія. Опытный глазъ его «секретаря» предвидѣлъ наступленіе бури.

– Лучше вамъ приказать вынести отсюда вашу супругу! шепнулъ ему сторожъ повелительно и въ то же время тихонько освобождалъ ее у него изъ рукъ.

– Хорошо, пожалуй; мнѣ ея жаль; я помню, что она была такая добрая, и вотъ, до чего дошло. – Бѣдная Юлія! произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ, отошелъ

къ крайнему окну, и обернувшись къ намъ спиною, плакалъ горько.

Мы тотчасъ вынесли леди Юлію, и такъ долго не могли привесть ее въ чувство, что сомнѣвались, будетъ ли она въ силахъ ѣхать домой. Выходя изъ ея комнаты, я повстрѣчалъ баронета съ его сторожемъ.

– Куда вы теперь? спросилъ я со вздохомъ.

– Иду сказать королю, что не могу у него обѣдать; я весь въ волненіи, и не знаю отъ чего. – Кто привезъ ко мнѣ леди Юлію? спросилъ онъ потихоньку. (Я не отвѣчалъ.) Однако весьма радъ, что васъ встрѣтилъ: пройдемтесь по саду; мнѣ нужно сообщить вамъ кое-что очень важное.

– Право, извините меня, сиръ Генри, я....

– Шутите вы, докторъ? Развѣ не знаете, какія слѣдствія грозятъ тому, кто мнѣ въ чемъ-нибудь откажетъ?

Онъ взялъ меня подъ руку, и повелъ въ садъ. Мы ходили, ходили, самымъ скорымъ шагомъ, и во все это время онъ смотрѣлъ на меня съ сокрушеніемъ, но не говорилъ ни слова. А между-тѣмъ мы шли все быстрѣе, и наконецъ чуть не бѣгомъ: усталость одолѣвала меня до того, что мнѣ закружило голову; я старался направить шаги его къ крыльцу.

– Бѣдная, бѣдная Юлія! вскликнулъ онъ вдругъ печальнымъ голосомъ, и отскочилъ отъ меня въ сторону, сѣлъ во впадинѣ стѣны, облокотился на колѣна, закрылъ лице платкомъ.

Я смотрѣлъ на него изъ-за двери; онъ плакалъ горькими слезами. Бѣдный баронетъ! Тутъ подбѣжалъ къ нему съ веселымъ видомъ одинъ изъ его товарищей, ударилъ его по спинѣ, и закричалъ во все горло: – Я владѣтель острововъ!

– Нынче мнѣ нельзя играть на билльярдѣ съ вашимъ величествомъ, сказалъ сиръ Генри, поднявъ на него красные, распухшіе отъ слезъ глаза.

– Такъ хоть обними меня! сказалъ сумасшедшій, и

они заключили другъ друга въ объятія. – Ты плачешь! отвѣчалъ пришелецъ, и завылъ вдругъ самъ, но черезъ минуту онъ пустился бѣжать во всю мочь, и, приложивъ руку къ губамъ въ видѣ дудки, кричалъ: – Ату его! ату его! ушелъ, ушелъ!

Баронетъ впалъ въ свое прежнее расположеніе. Когда я воротился къ леди Юліи, она немного успокоилась, и объявляла рѣшительно, что ни за что не выѣдетъ изъ того дома, гдѣ живетъ ея несчастный мужъ. Она успѣла распросить Г-жу Б***, есть ли у нея нѣсколько свободныхъ комнатъ, и наняла для себя лѣвую половину, вопреки всѣмъ нашимъ возраженіямъ и просьбамъ. Мы должны были согласиться, но разумѣется, приняли самыя тщательныя мѣры для безопасности ея со стороны баронета. Въ цѣлый мѣсяцъ видѣла она его раза два, и то на минуту; несмотря на то, здоровье ея какъ-будто поправлялось. Однажды, когда сиръ Генри былъ очень веселъ, ему объявили, что она давно живетъ въ Сомерфильдѣ: онъ этому отнюдь не удивился, и позволилъ пригласить ее къ нему пить чай. При первомъ свиданіи онъ былъ довольно дикъ и неразговорчивъ, но въ послѣдствіи привыкъ къ ея обществу, самъ отплачивалъ дѣлаемыя ему посѣщенія, разумѣется, въ сопровожденіи своего «секретаря», – и очень любилъ слушать леди Юлію и сестру ея, когда онѣ играли на фортепіано. Онъ сочинялъ пѣсни, а онѣ клали ихъ на музыку; часто онъ носилъ имъ цвѣты, и получалъ за это маленькіе подарки. Онъ проспживалъ съ ними по нѣскольку часовъ, читалъ самъ или слушалъ повѣсти и газеты; однимъ словомъ, дѣлался опять похожимъ на человѣка. Съ леди Юліей обращался онъ чрезвычайно вѣжливо, а за леди Анной – просто волочился! Онѣ уговорили баронета разстаться не только съ павлинымъ перомъ, но и со всѣмъ его шутовскимъ нарядомъ. Одной мысли нельзя было выжить изъ разстроенной головы его, именно той, что

онъ въ заключеніи и ожидаетъ суда за женоубійство и государственную измѣну.

Не знаю, какъ отдать справедливость добродѣтелямъ его несравненной супруги, какими похвалами превознести ея неутомимое, благородное самопожертвованіе въ пользу несчастнаго мужа! Единственною ея отрадою было попеченіе объ его удобствахъ, во что бы оно ни становилось ея чувствительности, или здоровью, она примѣнялась ко всѣмъ нелѣпымъ выдумкамъ и прихотямъ; казалась довольною, когда онъ былъ доволенъ, и утѣшала его съ неистощимымъ терпѣніемъ въ горестяхъ, создаваемыхъ сумасбродствомъ. Въ отсутствіе мужа всѣ ея мысли поглощены были придумываніемъ для него новыхъ забавъ и развлеченій. Она не хотѣла и слушать, когда просили ее успокоиться и отдохнуть; ни какія убѣжденія не могли склонить ее удалиться на минуту отъ страшнаго позорища. Хвала тебѣ, возвышенная женщина! Нѣтъ словъ для выраженія всѣхъ твоихъ заслугъ!

И представьте, что несчастный мужъ повидимому отнюдь не признавалъ въ ней жены своей! Онъ обходился съ нею и говорилъ объ ней, какъ о любезной собесѣдницѣ; даже ввѣрялъ ей иногда свои тайны. Онъ разсказалъ ей между-прочимъ предлинную исторію о любви своей къ какой-то дѣвчонкѣ, которую видалъ онъ на дворѣ, и настоятельно спрашивалъ ея совѣта, какъ-бы ему скорѣе къ ней поддѣлаться.

Въ одно утро онъ привѣтствовалъ ее титломъ королевы, и встрѣтилъ со всевозможнымъ почетствіемъ. Эта мечта укоренилась въ немъ до невѣроятія, и съ тѣхъ поръ — конецъ всѣмъ короткостямъ, всѣмъ маленькимъ ласкамъ для леди Юліи! Наступило царство строгаго этикета, и едва можно было уговорить сиръ Генри, чтобъ онъ сѣлъ передъ мнимой королевою. Какая тоска изображалась тогда въ ея взорахъ! Но въ угодность вздорной мечтѣ супруга, она носила великолѣп-

ныя платья и брилліанты; при прощаніи холодно протягивала ему руку, а онъ цѣловалъ ее со всѣмъ благоговѣніемъ вѣрноподданнаго. Вообразивъ себя пожалованнымъ въ генералы, онъ настоялъ, чтобъ у него подъ окнами играла каждый вечеръ военная музыка. Разъ онъ пригласилъ меня къ обѣду именемъ королевы. Это было въ одинъ изъ теплыхъ сентябрьскихъ дней, когда природа только что начинаетъ чувствовать легкое прикосновеніе осени. За столомъ, сиръ Генри оказывалъ женѣ своей всѣ почести, принадлежащія королевскому величеству, и каждая изъ нихъ терзала ея сердце, какъ новое доказательство закоренѣлости ужаснаго недуга. Я наблюдалъ ее пристально. Небыло слезъ въ глазахъ ея, не замѣтно было порывовъ чувства въ пріемахъ, — одна тяжкая, безмолвная тоска души, сокрушенной страданіемъ!

Въ ближней бесѣдкѣ играла военная музыка. Отъ смѣлаго, блестящаго марша перешла она къ унылымъ звукамъ валторнъ. И какъ согласовался этотъ переходъ съ тихимъ, полусумрачнымъ часомъ заката, съ обстоятельствами, съ расположеніемъ слушателей! Слезы градомъ текли по щекамъ леди Юліи, и глаза ея печально оставались на баронетѣ, а онъ сидѣлъ, опершись на ладонь, и задумчиво смотрѣлъ на померкающую окрестность. Тихій плачъ скоро превратился въ рыданія, и напрасно леди Юлія старалась подавить ихъ. Почти въ забытьѣ положила она руку на мужнину и пожимала ее съ невольнымъ усиліемъ. Это длилось нѣсколько минутъ, какъ вдругъ сумасшедшій обернулся потихоньку и заглянулъ ей прямо въ лицо; черты его страшно измѣнились, онъ вперилъ въ нее діавольскій взоръ и медленно поднялся со стула какъ злобный духъ, вызванный чародѣйствомъ музыки. Стрѣлою ринулся онъ къ дверямъ. Леди Юлія упала съ слабымъ стенаніемъ; сестра ея вскрикнула отъ страха, и подбѣжала къ ней на по-

мощь; я поспѣшилъ за сумасшедшимъ, но увидѣвъ, что сторожъ преслѣдуетъ его изо всѣхъ силъ, воротился опять въ комнату. Никогда не забуду я этого вечера! Сиръ Генри бѣжалъ въ темнотѣ съ чудовищной быстротою; сторожъ едва нагналъ его мили за двѣ отъ дома, и только хотѣлъ-было взять, какъ баронетъ сшибъ его съ ногъ ловкимъ и неожиданнымъ ударомъ, а самъ тотчасъ вскарабкался на дерево и взвылъ оттуда ужаснѣйшимъ голосомъ. Вдругъ раздался трескъ между вѣтвями, какъ-будто падало что-нибудь тяжелое: сиръ Генри лежалъ наземи окровавленный и безъ памяти! Сторожъ и высланные на подмогу люди принесли его домой. Докторъ Б*** перевязалъ сильныя, хоть и не опасныя раны, а мнѣ было довольно хлопотъ съ леди Юліей и ея сестрою, которыя перепугались до такой степени, что, при всемъ моемъ навыкѣ, я самъ пришелъ въ ужасъ и не зналъ, что съ ними начать. Здѣсь нельзя умолчать объ одной странности: пока мы были въ этомъ страшномъ переполохѣ, музыканты, не зная ничего о томъ, что случилось, продолжали забавлять насъ своимъ искусствомъ, и только поздней ночью пришло кому-то въ голову велѣть имъ наконецъ перестать.

Послѣ этого бѣдственнаго случая, мы рѣшились, во что бы то ни стало, перевезти леди Юлію въ ея собственный домъ. Она была не въ силахъ прекословить, и оставила Сомерьфилдъ безъ всякой жалобы. Я того и смотрѣлъ, что она сама лишится разсудка, и прошло нѣсколько недѣль, а въ ней все не видно было ни малѣйшихъ признаковъ оздоровленія.

Между-тѣмъ наступилъ тотъ день, когда должна была рѣшиться участь не сиръ Генри, но его званія и помѣстьевъ. Тяжба, начатая его противникомъ, возбуждала всеобщее участіе: многочисленныя толпы любопытныхъ тѣснились въ судѣ съ самаго утра. Собрались присяжные; судья занялъ свое мѣсто; вызва-

ли свидѣтелей: не доставало только истцова стряпчаго. Онъ явился блѣдный, въ смущеніи. Довѣрителя его нашли мертвымъ въ постелѣ. Наканунѣ онъ попировалъ съ своимъ ходатаемъ и съ свидѣтелями такъ неумѣренно, что былъ отвезенъ домой безъ всякаго чувства. Онъ умеръ; у него не было наслѣдниковъ, и слѣдственно тяжба прекращалась по необходимости,—но что было въ этомъ пользы для сиръ Генри, отверженнаго обществомъ, отлученнаго отъ дома, отъ жены, отъ самого себя! Что было въ этомъ пользы леди Юліи, страдалицѣ, погибающей подъ бременемъ нестерпимыхъ золъ! Однако я рѣшился испытать дѣйствіе неожиданной вѣсти надъ баронетомъ. Я пришелъ къ нему часа въ два, и засталъ его передъ огнемъ, за Шекспиромъ. Сначала я навелъ его на свой предметъ стороною, а потомъ разсказалъ въ коротких словахъ его собственную исторію по самое послѣднее происшествіе, только примѣняя все это къ постороннему лицу. Онъ слушалъ меня съ глубокимъ участіемъ.

— Боже мой! произнесъ онъ въ раздумьѣ, когда я кончилъ: должно быть, я или слышалъ, или читалъ гдѣ-нибудь эту повѣсть! Вѣдь вы и не выдаете ее за быль, за недавній случай?

— Это дѣйствительно такъ было, сиръ Генри.

— И оба они еще живы? и мужъ, и жена?

— Оба. И знаете ли, что они не далѣе, какъ въ десяти миляхъ отсюда!

— Неужели? Ахъ, какъ жаль!

— Жаль, сиръ Генри? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Для меня очень жаль. Знаете ли, что мнѣ пришло въ голову? Какой бы это былъ славный предметъ для трагедіи! Но если дѣйствующія лица еще живы, такъ оно конечно нейдетъ. Однако, все можно что-нибудь сдѣлать; надо только измѣнить, подправить событія.

– Это трагедія изъ дѣйствительной жизни, сказалъ я съ глубокимъ вздохомъ.

– Правда ваша! подхватилъ онъ, вздыхая за мною: она доказываетъ, что быль часто превосходитъ всякой вымыселъ,– не такъ ли? Ну, будь это основаніемъ повѣсти или романа, всѣ закричатъ – Какъ невѣроятно! какъ неестественно!

– Безъ-сомнѣнія, сиръ Генри, отвѣчалъ я, и едва могъ удержать навернувшіяся слезы.

– Это очень трогательно, сказалъ онъ съ чувствомъ: А кого вамъ больше жаль, докторъ, лорда С*** или леди Марію?

– Обоихъ. Я, право, не знаю, кого болѣе.

– Кстати: не слыхали ли вы, какъ перенесли они эту новость? спросилъ онъ съ неожиданнымъ любопытствомъ.

– Кажется, леди Марія въ такомъ положеніи, что ей не смѣютъ объявить. Говорятъ, она при смерти.

– Бѣдная! Какая горькая участь! И скажите, она молода и хороша собою?

– Молода, но ужъ не прекрасна, сиръ Генри!

– Я желалъ бы, чтобъ это не все было на самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, смотря задумчиво въ огонь. Ну, а лордъ С***, какъ принялъ онъ извѣстіе объ окончаніи страшной тяжбы?–Постойте, постойте! перервалъ онъ самъ себя: какъ изобразилъ бы эту сцену Шекспиръ? Погодите! Обыкновенный писатель заставилъ бы сумасшедшаго лорда кричать, топать ногами и неистовствовать, а потомъ, быть-можетъ, и выздоровѣть: какъ вы думаете?

– Очень вѣроятно, сиръ Генри, отвѣчалъ я въ полголоса.

– О, совсѣмъ иное направленіе далъ бы этому великій живописецъ! У него помѣшанный выслушалъ бы, можетъ-быть, эту новость какъ разсказъ о постороннемъ человѣкѣ; онъ удивлялся бы истинѣ, и

естественности вымысла и жалѣлъ бы самого себя въ другомъ – бѣдняга! Какое глубокое заблужденіе! Какъ это близко къ природѣ! Какъ проста, какъ дивно прекрасна вышла бы эта сцена изъ-подъ кисти Шекспира! продолжалъ онъ со вздохомъ, сложилъ руки на груди, оперся на спинку стула, и глядѣлъ въ огонь задумчиво, по-прежнему.

– Да вы сами не хуже Шекспира, любезный сиръ Генри.

– Какъ! что вы, докторъ? сказалъ онъ, обернувшись ко мнѣ съ изумленіемъ, въ которомъ однако жъ проглядывало удовольствіе. Развѣ я....

– Вы описали это точно такъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было.

– Нѣтъ! неужели? Почему вы знаете, любезный докторъ? говорилъ баронетъ, и едва могъ усидѣть на мѣстѣ; лице его сіяло удовольствіемъ.

– Потому, что я былъ при этомъ, сиръ Генри; я сообщилъ первое извѣстіе....

– Боже мой! И вы точно не шутите?

– Клянусь жизнію, нѣтъ! отвѣчалъ я съ такою силою, какую только могъ придать своему замирающему голосу, и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

Онъ страшно изумился, и самъ глядѣлъ на меня съ необъяснимымъ выраженіемъ.

– Видѣли вы, какая молнія? проговорилъ онъ, запинаясь и дрожа съ головы до ногъ.

– Молнія, сиръ Генри! (Я хотѣлъ позвать сторожа.)

– О, о! произнесъ онъ, тяжко переводя духъ: прпростите меня! Я такъ слабъ первами! Ха, ха, ха!.... (и этотъ смѣхъ обличалъ его слабость): но право, вы говорите мнѣ такія ужасныя вещи и съ такимъ страшнымъ выраженіемъ, что.... божусь..... я не въ силахъ перенести. Пхъ! какъ здѣсь жарко! Отворите окно!

Онъ всталъ и я за нимъ. Къ счастію, онъ не смогъ отдернуть задвижки, и я сталъ дышать свободнѣе. Онъ

расхаживалъ по комнатѣ, и обмахивался платкомъ; лице его становилось блѣднѣе и блѣднѣе, ноги тряслись; я только успѣлъ посадить его на стулъ, — ему сдѣлалось дурно.

— Ахъ, это ты! сказалъ онъ съ улыбкою, когда пришелъ въ себя и увидѣлъ своего сторожа. Я думалъ, мы ужъ на долго разстались!

Скоро онъ совсѣмъ оправился.

— Ну, теперь я пойду играть въ шахматы съ королемъ. Можно видѣть его величество?

Меня одолѣла грусть, и въ этотъ день я не могъ навѣстить леди Юліо. Ѣду къ ней на слѣдующее утро, и застаю ее окруженною сестрами и двумя посторонними дамами; она сидѣла въ подушкахъ передъ каминомъ, и огонь ярко освѣщалъ лице ея, истомленное печалью. Ей не было двадцати восьми лѣтъ, а казалось слишкомъ сорокъ! Когда я вошелъ въ комнату, леди Эмма, младшая сестра ея, искала на полу обручальнаго кольца, которое скатилось съ высохшаго ея пальца.

— Ты бы обмотала его шелкомъ, молвила тихо леди Юлія, когда та стала надѣвать ей кольцо: мнѣ хочется, чтобъ оно ужъ никогда не спадывало!

Сестра вышла съ нимъ въ другую комнату, а я сѣлъ подлѣ больной на ея мѣсто. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько обычныхъ вопросовъ, какъ леди Эмма показалась, вся блѣдная, въ дверяхъ, и выманила одну изъ сестеръ своихъ, чтобъ сообщить ей сейчасъ полученное извѣстіе о кончинѣ ихъ престарѣлаго отца, который ѣхалъ изъ Ирландіи повидаться съ умирающей дочерью, и уснулъ вѣчнымъ сномъ на дорогѣ. Вскорѣ всѣ присутствовавшія вышли одна за другою изъ комнаты, и я остался наединѣ съ леди Юліей.

— Докторъ, сказала она безтревожно: кажется опять случилось что-то непріятное. Посмотрите, какъ онѣ

всѣ выбѣжали. – Я видѣла Эмму въ это зеркало, примолвила она, указывая на туалетъ, отражавшій двери. Скажите, вы ничего не слыхали?

Я рѣшительно отвѣчалъ, что ничего. Она вздохнула, но не обнаруживала ни малѣйшаго волненія.

– Надѣюсь, онѣ отъ меня не скроютъ. Благодаря Бога, я, кажется, могу перенести все, что бы ни случилось!... А между-тѣмъ позвольте спросить васъ, каковъ сиръ Генри? Когда вы его видѣли?

Я сказалъ ей.

– Ну что? есть надежда?

Я медлилъ отвѣтомъ.

– Докторъ, будьте откровенны съ умирающей! скажите правду, каковъ онъ?

– Я.... я, право.... По-крайней-мѣрѣ ему не хуже, и онъ теперь гораздо покойнѣе прежняго.

– Знаетъ онъ, что дѣло его кончилось? Произвело это въ немъ какое-нибудь впечатлѣніе?

– Не сильное. Кажется, онъ не совсѣмъ понималъ. Она тихо покачала головою и вздохнула.

– Надѣюсь, леди, что по-крайней-мѣрѣ васъ утѣшило сколько-нибудь это извѣстіе?

– А что жъ тутъ для меня! Благодарю Бога за ребенка, что онъ теперь не будетъ нищимъ сиротою.

У ней навернулась слеза, но скоро исчезла.

– Докторъ, продолжала она еще тише прежняго, потому что силы ей очевидно измѣняли: я, думаю, часто надоѣдала вамъ своими неотступными просьбами, чтобъ мнѣ повидаться съ моимъ бѣднымъ, несчастнымъ Генри! (Она молчала нѣсколько секундъ.) Но Богу угодно..... Я не увижу его больше въ этой жизни! Я написала къ нему письмо, чтобъ ему отдали, когда меня не будетъ, если только умъ его... (Она опять умолкла.) Оно вотъ тамъ, въ портфели, съ черной печатью. Въ немъ локонъ моихъ волосъ.... и

*

я написала нѣсколько строкъ.... но все такъ, чтобъ не огорчить его. Не возмете ли вы этого на себя?

Я поклонился въ знакъ благоговѣйнаго согласія. Она протянула мнѣ изсохшую руку. Сказать не могу, какъ это было трогательно. Я сидѣлъ подлѣ нея въ безмолвіи. Глаза ея сомкнулись, и я думалъ, что она въ забытьѣ. Одна изъ сестеръ ея потихонку вошла въ комнату съ заплаканными глазами.

– Кто умеръ, душа моя? спросила леди Юлія, не отворяя глазъ. (Сестра молчала.) Да! онъ былъ бы здѣсь.... да! я чувствую, что батюшка умеръ!.. Если бъ мнѣ только разсказать вамъ мой вчерашній сонъ!... Позовите, позовите ихъ скорѣе: я еще успѣю! (Она вдругъ открыла глаза и остановила ихъ на сестрѣ своей.) Что жъ? зови ихъ поскорѣе! (Въ изумленіи поспѣшила та исполнить ея волю.) Онѣ думаютъ, я не вижу батюшки! Вотъ онъ! онъ зоветъ дѣтей своихъ..... бѣдный старикъ!... Ахъ, онѣ идутъ!

Сестры ея показались въ дверяхъ.

– Аннушка, Катерина, Эмма... Эмма... Эмм... Эм...

Леденѣющая рука ея стиснула мою, и все кончилось.

Выходя отъ покойной, я встрѣтился съ ея малюткою. Нянька не знала, что съ нимъ дѣлать; онъ все хныкалъ и тянулся къ маменькѣ здороваться.

Дня черезъ два навѣстилъ я отца его. Сиръ Генри преусердно сражался на билліардѣ съ докторомъ Б***: это такъ его занимало, что онъ едва имѣлъ время со мной поздороваться. Я стоялъ, пока онъ выигралъ партію, и восхищеніе его было безпредѣльно.

– Хотите на сто фунтовъ, докторъ? Я дамъ вамъ двѣнадцать впередъ!

– Что жъ вы не поговорите съ вашимъ гостемъ? возразилъ докторъ Б***, зная, что я пріѣхалъ объявить несчастному о кончинѣ леди Юліи, въ тѣхъ мысляхъ, не приведетъ ли это его въ чувство.

– Ахъ, да! мы съ нимъ съиграемъ партію; только на первый разъ даромъ, потому что я не знаю, какой онъ игрокъ.–Докторъ, сказалъ онъ мнѣ, подавая кій: извольте, начинайте!

Я умѣлъ отклонить это предложеніе, напомнивъ ему будто невзначай объ исторіи лорда С*** и леди Маріи.

– Я долженъ сказать вамъ, сиръ Генри, что бѣдная леди умерла. Въ послѣднія минуты она произносила ваше имя и усердно молилась за васъ Богу.

– Какъ? что это? Развѣ она меня знала?

– Да! сиръ Генри, и очень коротко.

– Боже мой, какъ это удивительно! Кто такова эта леди? (Онъ взялъ себя за лобъ.) Какъ бишь вы ее называли?

Я молчалъ, и думалъ о возможности близкаго перелома его болѣзни.

– Боюсь, право, боюсь сказать ея имя....

– И, полноте! перервалъ онъ съ живостью: скажите, скажите! Я знаю, чего вы боитесь, но, клянусь честью, это будетъ для меня священною тайной. Я не такой подлецъ, чтобъ всѣмъ разсказывать.

– Леди Юлія Гарле! произнесъ я трепетнымъ голосомъ.

– Ба, ба, ба! (Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и затрясся.) Что, что вы?.. Вы говорите о женѣ?

– Да! о супругѣ вашей, любезный сиръ Генри. Малютка остается вамъ въ утѣшеніе.

– Малютка! вскликнулъ онъ съ страшнымъ проклятіемъ: Вы говорили о *женѣ!*

– Ради Бога, успокойтесь! сказалъ я, вставая съ мѣста.

– Жена, жена! крычалъ онъ безсмысленно, и черты его измѣнились въ обликъ чудовища....

Но я избавляю читателей отъ картины дальнѣйшихъ ужасовъ. Сиръ Генри наконецъ утихъ, и

взялъ съ меня честное слово сыграть съ нимъ завтра партію на билліардѣ. Я заѣхалъ къ нему на другой день, разумѣется, не въ исполненіе даннаго обѣта, а для того чтобъ посмотрѣть, не подѣйствовала ли на него вчерашняя вѣсть: но каково было мое изумленіе, когда докторъ Б*** объявилъ мнѣ въ величайшей тревогѣ, что сиръ Генри и мнимый король его пропали въ эту самую ночь, и что до сихъ поръ не открыто даже и слѣдовъ ихъ побѣга!

Непостижимо, какъ могли они уйти. Наканунѣ у нихъ были большія хлопоты: они безпрестанно перешептывались въ саду, но умѣли потомъ обезоружить всякое подозрѣніе притворной ссорою. Оба съ гнѣвомъ разошлись по своимъ комнатамъ, а когда сторожа хотѣли звать ихъ ужинать, они не нашли ни того, ни другаго. Ускользнувъ изъ дому, бѣглецы вѣроятно сѣли въ одинъ изъ проѣзжихъ дилижансовъ и отправились, Богъ вѣсть, куда.

Недѣли черезъ полторы сиръ Генри пришелъ къ себѣ домой подъ вечеръ, весь блѣдный, въ изодранномъ платьѣ, и приказывалъ новому дворнику впустить его, объявляя себя хозяиномъ. Поднялся шумъ, дѣвки выбѣжали взглянуть — что такое, и съ крикомъ узнали своего барина. Онъ былъ ужъ не помѣшанный, хотя сначала этому не вѣрили. Горесть о потерѣ жены повергла его въ тяжкую нервическую лихорадку, и чуть живой отправился онъ по совѣту моему въ Италію. Онъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ печальномъ уединеніи, пережилъ сына, и недавно умеръ самъ, вполнѣ подтвердивъ собою слова Пророка — «Азъ «же рѣхъ во обители моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Гос- «поди, волею твоею подаждь добротѣ моей силу; от- «вратилъ же еси лице твое, и быхъ смущенъ!»

The Diary of a late Physician.

=

АМБРОЗІЯНСКІЯ НОЧИ

Г. ГОГГА.

Одно изъ самыхъ странныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ остроумныхъ произведеній новѣйшей Словесности давно уже содержитъ въ напряженіи любопытство и удовольствіе Англійскихъ читателей: это Noctes Ambrosianae, «Амброзіянскія Ночи», извѣстнаго друга Вальтера Скотта, Г. Джемса Гогга, который прославился подъ именемъ «Эттрикскаго пастуха». Ихъ вышло двѣ части въ началѣ текущаго десятилѣтія, и авторъ неутомимо продолжаетъ ихъ донынѣ, помѣщая по одной «Ночи» почти въ каждой книжкѣ «Блаквудова Магазина». Самое ихъ заглавіе напоминаетъ всякому знаменитыя «Аѳинскія Ночи» и многочисленныя Греческія «Попойки», или *Симпосіа*, которыя дошли до насъ въ цѣлости, между-тѣмъ какъ творенія о наукахъ большею частію затеряны: въ самомъ дѣлѣ, «Ночи» Г. Гогга довольно на нихъ похожи, по-крайней-мѣрѣ своей формою. Тамъ пьютъ и пляшутъ; здѣсь пьютъ и ѣдятъ устрицъ. Тамъ между бокаломъ и танцовщицей разсуждаютъ о Философіи; здѣсь тоже, между бутылкою и шалостью, рядятъ о важныхъ дѣлахъ и разбираютъ занимательные вопросы Словесности, Наукъ и современной политики. Но что касается до содержанія, то разнообразіе, веселость, острота, оригинальный взглядъ на предметы и колоритъ разговора обезпечиваютъ устрицамъ Г. Гогга неоспоримое преимущество передъ всѣми Греческими «Попойками», хотя творцы ихъ были нешуточные геніи, — Ксенофонтъ, Платонъ, Плутархъ, Аѳиней!

Въ Ксенофонтовой «Попойкѣ», *Симпосіонъ*, нѣкто Каллій, богатый Греческій хлѣбосолъ, возвращаясь со Всеаѳинскихъ Игрищъ, встрѣчается съ нѣсколькими пріятелями и зоветъ ихъ къ себѣ на пирушку, которую онъ хочетъ дать въ честь молодому Автолику, получившему Панкратійскую премію за свои стихотворенія. Съ этимъ красивымъ юношей приходитъ и его отецъ. Въ числѣ гостей находятся какой-то Аѳинскій господинъ, который недавно женился, и Сократъ, который привелъ съ собою четырехъ молодцевъ, своихъ учениковъ, Хармиса, Антисѳена, Клитовула и Гермогена. Сперва, по обыкновенію, всѣ церемонятся; потомъ, вслѣдствіе краснорѣчивыхъ убѣжденій хозяина, всѣ садятся ужинать, и каждый ѣстъ и пьетъ за десятерыхъ: и это отнюдь не метафора. Во время ужина является Филиппъ, Аѳинскій Репетиловъ, пустой, забавный и нецеремонный малой, который входитъ безъ спросу всюду, гдѣ только ужинаютъ. Хозяинъ, изъ учтивости, хочетъ вымазать всѣхъ своихъ гостей пахучимъ масломъ, но Сократъ очень логически доказываетъ, что гораздо лучше пить. Тутъ начинается попойка. Всѣ пьютъ, шумятъ, смѣются, — сколько можно смѣяться на бумагѣ, — врутъ, шутятъ; миленькій Греческій мальчикъ, очень красивой наружности, пляшетъ и ломается къ несказанному удовольствію всего собранія; Сиракузскіе танцоры и танцовщицы восхищаютъ гостей своими роскошными тѣлодвиженіями, — танцовщицы въ особенности; Сократъ, у котораго голова во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенная, — дотого что онъ даже въ силахъ выпить оксофтъ вина и ни-чуть не будетъ пьянъ отъ этого, — Сократъ напоминаетъ имъ, что они забыли объ умственныхъ наслажденіяхъ, и всѣ гости разомъ пристаютъ къ нему, чтобъ онъ опредѣлилъ имъ идею «добраго». Странно, что имъ захотѣлось идеи «добраго» такъ поздо! Но, какъ бы то ни было, всѣ са-

дятся, – то есть, какъ кто можетъ, – и слушаютъ. Сократъ выполняетъ передъ ними, соло, финалъ о любви Представленіе оканчивается водевилемъ «Вакхъ и Аріадна», который даетъ имъ Сиракузскій маэстро. Общая цѣль сочиненія состояла въ томъ, чтобы возвеличить и осыпать похвалами Сократа, котораго Ксенофонтъ любилъ отъ всей души, и, должно признаться, что она вполнѣ достигнута.

Симпосіонъ Платона гораздо высшаго рода. Хозяинъ пира–Агаѳонъ, и гости все люди знаменитые: Аристодимъ, Эриксимахъ, Павсаній, Федръ, Аристофанъ, Сократъ. Послѣдній–гость по положенію, потому что всѣ эти попойки давались Греческою словесностью единственно для Сократа. Докторъ Эриксимахъ, какъ докторъ, который долженъ ихъ лечить, совѣтуетъ имъ пить умѣренно,–тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были уже порядочно пьяны вчера,–и заняться лучше назидательною бесѣдою, – тѣмъ болѣе, что и танцовщица уже отпущена. Сократъ всегда радъ случаю поговорить, и онъ начинаетъ. Тема опять – любовь. Сократъ исчисляетъ разныя источники любви, и силы, влекущей существа другъ къ другу; сводитъ всѣ эти источники къ двумъ главнымъ началамъ,–къ тому, что̀ «добро», и тому, что̀ «прекрасно»; говоритъ о прекрасномъ въ художествахъ, о прекрасномъ въ наукахъ, о красотѣ души, и наконецъ, безпрерывною цѣпію вопросовъ и доказательствъ, приводитъ слушателей къ верховному добру и прекрасному, – безсмертію души и несомнѣнности будущей жизни. Симпосіонъ Платона былъ бы образцомъ пріятной и изящной поучительной бесѣды, если бъ авторъ окончилъ этимъ свое сочиненіе; но онъ вдругъ вводитъ, въ свое избранное общество, шалуновъ и повѣсъ, которые уничтожаютъ всѣ прекрасныя наведенія мудреца. Приходятъ Алкивіадъ и нѣсколько человѣкъ Аѳинскихъ баричей; Сократъ кричитъ–вина, и эти сума-

сброды, уже полупьяные, заводятъ о любви такую диссертацію, которая ни дѣлаетъ чести не вкусу «божественнаго» Платона, ни его чувству благопристойности. Алкивіадъ приказываетъ напѣнить виномъ, frappé à glace, кружку въ четыре штофа, и осушаетъ ее залпомъ. Сократъ, котораго желудокъ не боится такихъ шутокъ, слѣдуетъ первый его примѣру. Вино льется, и назидательная бесѣда великихъ людей оканчивается совершеннымъ низложеніемъ ихъ силъ и разсудка. Докторъ выползъ на четверенькахъ, вспомнивъ, что ему поутру надо итти къ больному; Аристодимъ уснулъ, Аристофанъ свалился наземь, Агаѳонъ сидитъ красный какъ ракъ,—и ни съ мѣста! Одинъ Сократъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, ходитъ ровно, нешатаясь, по одной доскѣ, и преспокойно отправляется въ Лицей, читать лекцію о Нравственной Философіи. Такъ видно понималъ «божественный Платонъ» философію человѣческой жизни.

Пирушка почтеннаго Плутарха—прескучная книга. Признаться по совѣсти, мы никогда ея не читали. Но это потому, что она скучна.

Что касается до Дипнософистовъ, до «Пирующихъ софистовъ» Аѳинея,—софистами тогда называли тѣхъ, кого мы теперь зовемъ педантами, — то объ его сочиненіи можно дать понятіе въ нѣсколькихъ словахъ, хотя оно дошло до насъ безъ начала: это огромная христоматія, составленная изъ отрывковъ тысячи разныхъ твореній, большею частію теперь неизвѣстныхъ, и всѣ эти выписки связаны разговоромъ нѣсколькихъ лицъ, такъ, чтобъ казалось, будто каждая изъ нихъ пришлась къ слову. Да еще какъ связаны! И какой разговоръ!.... За всѣмъ тѣмъ, это архивъ очень любопытныхъ подробностей о словесности и обычаяхъ древняго міра. Книга преусыпительная, преполезная!

«Амброзіянскія Ночи» Г. Гогга соединяютъ въ себѣ главныя черты занимательности всѣхъ этихъ твореній, которыя дѣйствительно служатъ ему образцомъ. Его Христоферъ Нортъ, который не болѣе годится въ предсѣдатели Общества Трезвости, чѣмъ Сократъ Ксенофонта и Платона, уменъ какъ чортъ и часто высокъ какъ Олимпъ. Возвышенность помысловъ, обильная иронія, смѣлость нравственныхъ понятій, сильная и блистательная діалектика, въ которой авторъ владѣетъ орудіемъ вопросительнаго способа преній не хуже Платона, – таковы главныя качества, составляющія этотъ живописный и разнообразный характеръ, столь рѣзко отсвѣчивающійся отъ грубаго юмора и лѣснаго воображенія Тиклера. Между собесѣдниками, которые сходятся по ночамъ у Норта, самое примѣчательное лице –Shepherd, Шотландскій пастухъ, или скорѣе скотоводъ, въ образѣ котораго заключился самъ авторъ. Этотъ скотоводъ – созданіе истинно поэтическое и безподобное: оно несравненно удачнѣе и оригинальнѣе Ксенофонтова Филиппа и Платонова Эриксимаха. И вообще все это сочиненіе отличается необыкновенно драматическою силою разговора, въ которомъ авторъ безпрестанно и съ большою ловкостью переходитъ отъ неопредѣленнаго и мистическаго восторга къ мужеской простотѣ и точности опредѣленій, отъ изящнѣйшей бесѣды къ языку простолюдиновъ, отъ торжественныхъ выходокъ, софистическихъ тонкостей, цвѣтистаго Аѳинскаго краснорѣчія, нерѣдко глубокой философіи, къ самому дикому и причудливому юмору, къ самымъ уморительнымъ буффонадамъ. На насъ часто находила охота ознакомить читателей этого журнала съ фантастическимъ произведеніемъ Г. Гогга, но трудность, даже невозможность перенести въ другой языкъ физіономію подлинника, всегда насъ удерживали. Нынче однако мы рѣшились сообщить небольшой отрывокъ

изъ его послѣдней «Ночи», потому что этотъ отрывокъ можетъ дать довольно ясное понятіе о примѣчательномъ твореніи, лишась даже всего своего колорита въ переводѣ. Г. Гоггъ очень любитъ простонародное Шотландское нарѣчіе, и это нарѣчіе «Скотоводъ» его постоянно употребляетъ и въ своемъ мужиковатомъ разговорѣ, и въ дивныхъ порывахъ своего воображенія, и оно придаетъ имъ еще болѣе выразительности и Фламандской свѣтотѣни. Засѣданіе открывается глубокомысленнымъ замѣчаніемъ Норта о матеріи и духѣ.

=

НОЧЬ LXXI.

=

ХРИСТОФОРЪ НОРТЪ. СКОТОВОДЪ. ПОТОМЪ ТИКЛЕРЪ.

Нортъ. Право, господинъ Скотоводъ, въ эти полчаса вы наговорили столько прекрасныхъ вещей, что при всемъ вниманіи я потерялъ имъ счетъ. Да что жъ вы не ѣдите устрицъ? Пожалуйте, — и ихъ безъ счету! Только я долженъ замѣтить вамъ, любезный, — вы все восхищались однимъ вещественнымъ міромъ, витійствовали о небѣ, о лунѣ, о звѣздахъ: а о духовномъ ни полслова! Отчего это?

Скотоводъ. Помилуйте! вѣрно вы и сами не матеріалистъ?

Нортъ. Избави Боже! Матеріалисты съ торжествомъ уличали своихъ противниковъ, что они ничего не знаютъ о томъ, что называютъ духомъ; но повѣрьте, любезный другъ, мы также ничего не знаемъ и о матеріи.

Скотоводъ. Вы думаете?

Нортъ. Послушайте. Мы говоримъ, что можемъ постигать бытіе матеріи, вещества, но не можемъ составить себѣ понятія о бытіи духа.

Скотоводъ. Ну, да! это говорятъ матеріалисты.

Нортъ. Но, спрашиваю, какое понятіе имѣемъ мы о бытіи вещества? Не представляется ли уму во-первыхъ образъ чего-то протяженнаго и плотнаго?

Скотоводъ. Точно.

Нортъ. Потомъ, если захотимъ точнѣе опредѣлить это понятіе, прибавимъ еще свойство тѣла двигаться и двигать?

Скотоводъ. Точно.

Нортъ. Пойдемъ еще далѣе; станемъ придавать качество къ качеству, и у насъ образуется понятіе о какой-нибудь опредѣленной вещи.

Скотоводъ. Объ этомъ столѣ.

Нортъ. Да! положимъ. Не то, дадимъ умственной дѣятельности противоположное направленіе и станемъ отвлекать качество за качествомъ до самаго нельзя. Въ обоихъ случаяхъ явно, что понятіе о веществѣ образуется изъ дѣйствительныхъ впечатлѣній, оставляемыхъ предметами въ нашихъ чувствахъ.

Скотоводъ. Казалось бы такъ. Да! Оно такъ и есть.

Нортъ. Слѣдственно мнимое понятіе наше о бытіи вещества есть понятіе или о прежнихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ или вообще о силѣ, производящей чувственныя впечатлѣнія, и какъ скоро мы захотимъ постигнуть эту силу вовсе отдѣльно отъ извѣстныхъ намъ чувственныхъ впечатлѣній, то находимъ, что мы не въ силахъ составить себѣ объ ней понятіе, и должны признаться, что бытіе самого вещества такъ же для насъ непостижимо, какъ и бытіе духа.

Скотоводъ. Кажется, это такъ ясно, что вотъ эта устрица могла бъ понять и еще объяснить другой.

Нортъ. Поэтому, любезный мой Скотоводъ, нельзя называть несовершенствомъ понятія нашего о духѣ непостижимости его отвлеченнаго бытія; вещество равно непостижимо для насъ въ этомъ смыслѣ.

Скотоводъ. Заключеніе правильно.

Нортъ. Мнѣ кажется, что понятію о духѣ недостаетъ лишь того, чего оно и заключать въ себѣ не можетъ, то есть, образа чувственнаго впечатлѣнія.

Скотоводъ. Пусть-ка отвѣчаютъ на это матеріалисты! Да имъ не прожевать этого въ цѣлый вѣкъ.

Нортъ. Любезный Скотоводъ, пожертвуйте мнѣ вашимъ ухомъ еще минутъ на пять.

Скотоводъ. Но вы не разсердитесь, если я буду вмѣстѣ и слушать и ѣсть устрицы?

Нортъ. Ни мало. Духъ не представляетъ такой совокупности грубыхъ, общедоступныхъ впечатлѣній, какъ вещество, и потому понятіе объ немъ развивается въ умѣ гораздо медленнѣе; но оно заключаетъ въ себѣ все, что въ немъ заключаться можетъ. Знанію нашему о духѣ недостаетъ лишь того, чтобъ свойства его были постижимы чувствамъ, но это именно и составляетъ основный его характеръ, существенное его отличіе отъ вещества, которое мы иначе опредѣлить не можемъ, какъ назвавъ его существомъ, постижимымъ для внѣшняго чувства.

Скотоводъ. Если это не истина, такъ мы, право, зазнались.

Нортъ. Духъ сознаетъ самъ себя, и это сознаніе есть единственная основа нашей вѣры въ его существованіе.

Скотоводъ. Да чего жъ хотятъ еще эти ослы?

Нортъ. Вся жизнь человѣческая не что иное, какъ самосознаніе, разнообразящееся въ милліоны видовъ и оттѣнковъ! Мы поневолѣ вѣримъ въ бытіе, различное отъ вещественнаго, и если это мыслящее, желающее, чувствующее бытіе никогда не подпадало внѣшнему ощущенію, то утверждать съ матеріалистами, что оно постижимо чувствамъ, по-крайней-мѣрѣ такъ же неосновательно, какъ полагать, что оно имъ недоступно.

Скотоводъ. Въ сто тысячъ милліоновъ кратъ неосновательнѣй!

Нортъ. Поэтому, мы вѣримъ въ бытіе духа, и давая себѣ отчетъ въ этой вѣрѣ, разсуждаемъ такъ: вотъ вещество, которое я познаю чувствами; въ немъ не вижу я ничего подобнаго тому, что примѣчаю въ самомъ себѣ; чувства, познающія вещество, не говорятъ мнѣ ни слова о существѣ мыслящемъ, хотящемъ и чувствующемъ; я вѣрю, что есть существо, одаренное этими способностями, но котораго мои чувства не могутъ показать мнѣ. Я вѣрю, что я духъ.

Скотоводъ. «Платонъ, ты разсуждаешь благо».

Нортъ. Съ той самой минуты, какъ ребенокъ начнетъ сознавать въ себѣ внутреннюю силу, мысль, чувство, лю-

бовь, жланіе, удовольствіе, скорбь, волю, — съ той самой минуты накопляются въ немъ впечатлѣнія, ощущенія, воспоминанія, которыя онъ совокупитъ впослѣдствіи подъ именемъ духа. Какой бездонный, безконечный міръ раскрывается постепенно внутри насъ, оттѣняясь прекрасными картинами вещественнаго міра!...

Скотоводъ. Проще, проще, проще, любезный Нортъ! Я уже какъ-то не понимаю.

Нортъ. Въ изустныхъ рѣчахъ нельзя соблюдать такой точности, какъ въ письменныхъ. Однако я, пожалуй, воздержусь отъ краснорѣчія и прибавлю только, что если бъ меня спросили, отчего намъ такъ трудно дать себѣ отчетъ въ этомъ понятіи, отчего мы такъ долго собираемся приступить къ дѣлу, я отвѣчалъ бы просто, что умы наши вялы къ самопознанію, лѣнивы подумать....

Скотоводъ. Вотъ это очень понятно!

Нортъ. Духъ, питающій тѣло жизнію, скоро изнеможетъ, если не научится поддерживать въ себѣ огонь дѣятельности. Только сильная мысль, овладѣвъ его способностями, можетъ возбудить въ немъ внутреннюю силу, и тогда только онъ истинно знаетъ, тогда только онъ живо чувствуетъ самъ себя, и какъ утро веселится собственнымъ блескомъ.....

(Слышенъ страшный стукъ у сѣнныхъ дверей и звонъ колокольчика).

Скотоводъ. Это что такое?

Нортъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что Тиклеръ.

Скотоводъ. А если не онъ, такъ вѣрно Бріарей.... Чортъ его возьми! помѣшалъ мнѣ васъ слушать, а при немъ объ этихъ вещахъ вещественныхъ, да еще духовныхъ, и говорить не стоитъ.

Тиклеръ. *(входитъ.)* Виноватъ, господа, извините!

Скотоводъ. Виноватъ? Ахъ ты, разбойникъ! гдѣ бродилъ ты до темной ночи?

Тиклеръ. Ты знаешь я не люблю толкаться днемъ по улицамъ, и всегда гуляю поздо, на просторѣ.

Скотоводъ. Хорошъ гусь! Ну, да что съ тобой дѣлать! Послушай: если ты еще не пьянъ, такъ садись и выпей.

Тиклеръ. А! преславное вино. Однако, о чемъ вы говорили съ Нортомъ, когда я подошелъ къ дверямъ?

Скотоводъ. Вотъ изволите видѣть, Г. Тиклеръ: когда вы застучали въ двери, я докладывалъ ему про себя, что ни какъ не могу разстаться съ вѣрою въ метемпсихозу,—съ позволенія сказать, въ переселеніе душъ, или лучше, душескитаніе. Часто находятъ на меня чудеса: мнѣ кажется, когда я сижу на опушкѣ своего «Лѣса» и смотрю на окрестности, какъ-будто этотъ лѣсъ, эти деревья, кустарники, скалы, знакомы мнѣ сдѣтства; мнѣ кажется, что лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ, я жилъ именно между ними или чѣмъ-то очень на нихъ похожемъ. Они точно тѣ же,—я вижу ихъ собственными глазами! И между-тѣмъ я чувствую, что тѣсная жизненная связь между ими и умомъ моимъ теряется въ какомъ-то мракѣ; что я не могу ясно соединить ихъ; что это грезы, отрывки какого-то древняго сна, которые сцѣпляются кой-какъ съ другими грезами и составляютъ неполную тайну моей прошедшей жизни, моего потерянаго существованія.

Нортъ. Да ты, братецъ, мѣтишь прямо въ Пиѳагоры!

Скотоводъ. Впрочемъ, я не намѣренъ присягать въ истинѣ того, что разскажу вамъ; не знаю на сколько тутъ мечты, на сколько дѣйствительности, и не берусь рѣшить философически, точно ли существуетъ три міра,—одинъ для глазъ, другой для памяти, третій для воображенія; утверждаю только, что, если ихъ и подлинно три, иногда они такъ сливаются, такъ смѣшиваются между собою, что чувствуешь, будто они одинъ и тотъ же міръ, одна жизнь, одно бытіе. Сознаніе, что я равно принадлежу каждому изъ этихъ трехъ міровъ, ложится мнѣ на умъ тройною тѣнью, и душа моя сидитъ въ этой тѣни ни жива ни мертва отъ страха, когда подумаетъ, черезъ какія прошла она мытарства въ теченіе многихъ столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ первый проблескъ раждающейся мысли связалъ нѣкогда мое отдѣльное бытіе со всеобщностью творенія. Вѣдь это, кажется, ясно?

Тиклеръ. И прозрачно, какъ сосулька на солнцѣ.

Скотоводъ. Да что ты врешь о сосулькахъ! Это дѣло, любезнѣйшій, не твоему уму разобрать, и не моему. Ужъ развѣ господинъ Нортъ.....Ты все-еще не видишь, къ

чему это клонится, а у меня нѣтъ словъ, чтобъ растолковать тебѣ.

Тиклеръ. У него нѣтъ словъ! Пожалуй, ты скажешь, что у тебя и пить нечего, когда передъ тобою шесть бут локъ. Налей-ка мнѣ между-тѣмъ...

Скотоводъ. Изволь....Я какъ теперь вижу ту пещеру, —всегда темную, какъ дремучій лѣсъ въ полночь,—и только двѣ свѣточи горятъ въ ней ярче звѣздъ на небѣ, два страшные живые огня,—страшные, но полные любви и слѣдственно прелести! Я ихъ вижу! То глаза моей дражайшей матери, когда она нѣжно рычала надо мною, и звукъ ея голоса возбуждалъ во мнѣ жажду къ молоку и къ крови.

Тиклеръ. Твоя мать рычала?.....Да онъ рехнулся!

Скотоводъ. Она львица, любезнѣйшій, а я львенокъ.

Тиклеръ. Ты? Львен.....?

Нортъ. Молчи, молчи, Тиклеръ!

Скотоводъ. Я сосалъ ее и сдѣлался такъ свирѣпъ, что могъ кусаться. Отъ скуки она бывало потреплетъ меня лапою, а я начну кувыркаться какъ котенокъ. Впрочемъ я вѣдь и подлинно былъ котенокъ. Мы львы всѣ принадлежимъ къ кошачей породѣ: такъ сказано въ Естественной Исторіи, по которой я послѣ учился. Маменька, бывало, возметъ меня за шиворотъ, и съ ворчаньемъ вынесетъ на траву; сама ляжетъ подлѣ, и дастъ мнѣ играть пушистою кистью своего хвоста, а я, въ дѣтской простотѣ, считаю его особеннымъ животнымъ, и стараюсь подзадорить на драку; бѣгаю, прыгаю, ловлю его,—потомъ прикинусь, будто сплю.....А это кто? Это мой батюшка, левъ! Чую, что онъ отецъ мой, по гривѣ, по всему; но матушка не подпускаетъ его близко, потому что онъ разинулъ пасть отъ голода, а ей извѣстно, что въ такомъ случаѣ онъ готовъ скушать собственное дѣтище. Ахъ, какъ хрустѣла у него на зубахъ серна, которую онъ драль при мнѣ въ первый разъ! Онъ проглотилъ ее какъ мышенка! Впрочемъ это уже позднѣйшее сравненіе: тогда я не зналъ еще мышей, да кажется не видалъ ихъ и во всю бытность мою въ Сахарѣ.

Нортъ (*отодвигаясь*). Тиклеръ, онъ смотритъ настоящимъ львомъ!

Скотоводъ. Ты знаешь, гдѣ Сахара?... Это, братъ, большая пустыня въ Африкѣ. Мы жили въ Африкѣ, которую я, дѣйствіемъ неодолимой симпатіи, люблю всегда какъ второе мое отечество, хотя теперь знаю ее только по лубочнымъ картинамъ дѣтской книжки. Я не умѣлъ тогда схватывать живописнаго, но изъ предметовъ, съ которыми такъ свыкся глазъ мой въ ту пору, потомъ, я часто составлялъ себѣ картину моего древняго дѣтства,—и если бъ я только могъ перенесть ее на холстъ.....

Нортъ. То Сальваторъ Роза и Пуссенъ, отъ стыда, спрятали бъ передъ тобою свои бѣдныя головы, даромъ что ты скотоводъ. Ну, ну!....

Скотоводъ. Шутите, господа, шутите! Пещера была въ половину ниже знаменитой Стаффы, что на нашихъ Гебридскихъ Островахъ, но безъ глупыхъ шестигранныхъ столбовъ, которымъ такъ дивятся путешественники. Посмотрѣли бы вы на эту! Чудесная пещера! Это дикое и царственное убѣжище было—very comfortable, очень отрадно: со свода опускался въ серединѣ пестрый занавѣсъ, сотканный самой природою изъ пышныхъ листьевъ и Африканскихъ цвѣтовъ, вѣчно свѣжихъ, вѣчно обновляющихся. Надъ нами подымались къ облакамъ высокія деревья и бросали густую, прелестную тѣнь. Отъ пещеры зеленая ложбинка между скалами вела къ пруду, образованному обильнымъ ключемъ. Сюда хаживалъ обыкновенно пить неуклюжій пеликанъ, и часто я караулилъ въ водяныхъ лиліяхъ, чтобъ прыгнуть на него въ расплохъ; но я былъ хитеръ, а онъ остороженъ, и всегда умѣлъ добраться до гнѣзда благополучно. Кругомъ со всѣхъ сторонъ былъ песокъ; мы, извольте видѣть, жили на маленькомъ оазисѣ, островкѣ зелени среди необозримой, бѣлой и безплодной пустыни, и кажется тамъ были пальмы: покрайней-мѣрѣ, ни съ чѣмъ не могу сравнить широкихъ листьевъ, которыесъ нихъ облетали, кромѣ парашюта. Я игралъ ими, покуда они завянутъ, а послѣ валялся въ нихъ и прятался какъ ребенокъ отъ матери; потомъ вдругъ выбѣгалъ, рѣзвился и вскакивалъ прямо къ ней на шею. Вы не можете вообразить, какъ нѣжны къ своимъ дѣтенышамъ самые лютые звѣри, и съ какимъ удовольствіемъ маменька поддавалась мнѣ, когда мы съ нею боролись. Такъ проходила

жизнь моя, и львенка счастливѣе меня не было въ цѣлой Ливіи. Только выдавалось днями, даже недѣлями, что я голодалъ до бѣшенства. Серны и другіе подобные звѣрки стали переводиться: мы ихъ или поѣли, или распугали. Дошло дѣло до того, что бывало радъ и шаклу.

Тиклеръ. Въ окорокѣ оно должно быть не дурно.

Скотоводъ. Это еще все не бѣда! А какъ пришла весна, вотъ тутъ ужъ я истинно не зналъ, что дѣлать. Повѣрите ли, ни день, ни ночь покоя! То въ жаръ, то въ ознобъ! Разсвирѣпѣлъ до исистовства,—мочи нѣтъ!

Тиклеръ. Какъ влюбленный левъ.....

Скотоводъ. Признательно сказать тебѣ, я не понималъ хорошенько отчего это, да и матушка тоже. Она посматривала такъ серіозно, какъ-будто собиралась разорвать меня на части.

Тиклеръ. Какъ такъ?

Скотоводъ. Да такъ! Она уставляла на меня свои сверкающіе, зеленые глаза, словно хотѣла спалить мнѣ ими шкуру; она валялась и терлась въ пескѣ; потомъ вскакивала и, отряхнувъ пыль, бросалась къ пруду, какъ — будто съ тѣмъ, чтобъ утопиться; и хотя вообще она не любила воды, но тутъ полоскалась въ ней какъ утка. Вдругъ вся степь огласилась страшнымъ рыкомъ, и левъ, — покойный отецъ мой, — примчался къ намъ страшными прыжками съ распущенною гривой, съ вытянутымъ струною, ощетинившимся хвостомъ. Я такъ перепугался, любезный Тиклеръ, что убѣжалъ безъ оглядки, и рѣшился никогда не возвращаться въ родной оазисъ. Вскорѣ я отыскалъ себѣ другое убѣжище,—конечно не такъ роскошное, но свѣтлое, пріютное, и счастливое; здѣсь, изволишь видѣть, случилось со мной такое приключеніе, отъ котораго я вдругъ сдѣлался настоящимъ львомъ.

Тиклеръ. Что жъ это? Говори скорѣе.

Скотоводъ. Да вотъ что: въ срединѣ рощицы былъ родникъ, не искусственный, а промытый ключемъ, который не боялся лѣтняго солнца, и вокругъ росло нѣсколько прекрасныхъ кустовъ, покрытыхъ цвѣтами, величиною съ розу, однако, помнится, болѣе похожими на лилію; но прелестнѣе всего этого, и прелестнѣе въ сто милліоновъ

кратъ, была та, которая почивала подъ этими роскошными кустами. Вообрази себѣ, какъ я обрадовался: существо моей породы! Очаровательное рыльце ея протянулось между передними лапками! Хвостъ лежалъ красивыми изгибами на мягкой муравѣ и выставился только пушистый его кончикъ! Глаза и уста ея были сомкнуты!..... Такъ отдыхала дѣва степей, безмятежная и чистая какъ родникъ, въ которомъ отсвѣчивался ея образъ! Я дрожалъ какъ козленокъ; она не просыпалась; я подползъ на брюхѣ, и легъ съ нею рядомъ безъ малѣйшаго рычанія, — и когда моя шерсть коснулась ея шерсти, меня бросило въ жаръ и мурашки пошли по сердцу! Тихо, тихо положилъ я ей одну лапу на затылокъ, а другую сунулъ подъ рыльце; самъ прилегъ щекою къ ея щекѣ, — и чуть дотронулся зубами до ея ушка. Какъ она вспрыгнетъ вдругъ!.... И только стала опять на ноги, — скокъ, скокъ, — и исчезла между кустами, прежде чѣмъ я собрался съ духомъ ее преслѣдовать!....

Нортъ. А, Скотоводъ! по усамъ текло, въ ротъ не попало. Неужли ты потерялъ ее навсегда?

Скотоводъ. Ахъ, господинъ Нортъ! я бичевалъ себя хвостомъ, топталъ и рвалъ кусты, лягалъ задними лапами, обращалъ зевъ свой къ небу, ревѣлъ съ неистовствомъ, отчаянно, рылъ землю и лакалъ воду до того, что взбилъ пѣну въ родникѣ раскаленнымъ языкомъ своимъ. Потомъ сталъ я отыскивать то мѣсто, гдѣ покоилось прекрасное ея тѣло, въ бѣшенствѣ укусилъ самъ себя, и, вспрыгнувъ отъ боли, пустился за очаровательной львицею. Вдругъ вижу, — она пробирается въ пустынѣ по краю другаго клочка зелени, и какъ нарочно оглядывается въ мою сторону. Я кружилъ около нея, подходя все ближе и ближе, а когда увидѣлъ, что ей ужъ не миновать моихъ лапъ, бросился къ ней прямо на шею и заставилъ ее выслушать обѣтъ самой пламенной любви, какою когда-нибудь горѣло львиное сердце.

Нортъ. Ай, Скотоводъ!

Скотоводъ. Мы, сударь, были совершенно счастливы. Сколько сернъ, сколько обезьянъ растерзали мы вмѣстѣ, въ теченіе медоваго мѣсяца нашего супружества! И если бъ

вы знали, какъ она была хитра и проворна! Лежитъ, бывало, въ кустахъ, подлѣ ключа, не шевельнется, пока дичишка, безъ всякаго опасенія и не подозрѣвая ея присутствія въ оазисѣ, набѣжитъ изъ пустыни и окружитъ ее со всѣхъ сторонъ, — и вдругъ подымется на нихъ съ ревомъ, и давитъ десятками однимъ прикосновеніемъ своей тяжелой лапы, которую я находилъ мягче пуха и бархата; потомъ выберетъ себѣ жертву, и сосетъ изъ нея кровь на просторѣ. Тутъ ужъ и я не смѣлъ къ ней подступаться, потому что у насъ въ пустынѣ голодъ и жажда такъ же свирѣпы, какъ и любовь. Я въ этомъ отношеніи былъ гораздо великодушнѣе, и часто приносилъ ей лакомый кусочекъ, а она даже и не благодарила меня за мою угодительность. Иногда мнѣ хотѣлось придавить по-своему избалованную красавицу, но она бывало потреплетъ меня лапою, — и перестанешь щетиниться, позволишь ей прилечь къ себѣ подъ гриву....

Тиклеръ. Послушай, Скотоводъ: вѣдь ты много бродилъ по Африкѣ, — ты вѣрно узналъ прежде Мунго-Парка и Ландера настоящее теченіе Нигера, о которомъ теперь столько пишутъ по газетамъ?

Скотоводъ. Да! заботился я тогда объ этомъ? А мнѣ какая была надобность до того, течетъ ли Нигеръ на западъ или на востокъ? Вѣдь у меня, любезнѣйшій, въ пустынѣ, которой я считался царемъ и которою, не хвастая, правилъ съ большою мудростью, не было Львинаго Географическаго Общества, какъ у васъ въ Лондонѣ есть Общество Вольное Географическое. У меня звѣри не занимались такими пустяками. Я хаживалъ на Нигеръ, да только въ лѣтніе жары, и разъ, какъ теперь помню, подобрался къ толпѣ черненькихъ купальницъ, — въ Нигерѣ, знаешь, котораго воды свѣтлы и прозрачны, негритянки купаются словно какъ мухи въ молокѣ, — и схватилъ одну изъ нихъ себѣ на завтракъ, — да такую нѣжную, такую сочную, что всѣ ваши — лыко въ сравненіи съ нею!

Нортъ. Прекрасно!!! Скажи, пожалуй, правда ли, что левъ предпочитаетъ человѣчье мясо всякому другому, и,

отвѣдавъ его однажды, обыкновенно дѣлается антропофагомъ.

Скотоводъ. Онъ можетъ дѣлаться и можетъ не дѣлаться антропофагомъ, потому что я не знаю, что такое антропофагъ. Что касается до предпочтенія, оказываемаго имъ человѣческому мясу, то это много зависитъ отъ его качества и доброты. Я, напримѣръ, никогда не могъ безъ принужденія съѣсть старой бабы, какъ бы она жирна ни была, не говоря уже о старикахъ. A la longue, предпочиталъ я серну даже самой молоденькой и мягкой дѣвушкѣ. Дѣвчатина хороша въ двѣ, въ три недѣли разъ, а всякой день надоѣстъ до-смерти.....

Нортъ. Toujours perdrix.

Скотоводъ. Именно. Другой левъ, мой короткій пріятель, думалъ совсѣмъ иначе: онъ все ловилъ дѣвушекъ и питался ими круглый годъ; но замѣтьте вы, чѣмъ кончилось: онъ взбѣсился, и околѣлъ отъ неистовства.

Тиклеръ. А ты какъ кончилъ свое львиное поприще? Въ западнѣ что ли?

Скотоводъ. Нѣтъ. Середи дня, на большой площади въ Томбукту.

Тиклеръ. Ага! тебя затравили?

Скотоводъ. Не то, чтобъ затравили, — а разъ лежалъ я одинъ въ кустахъ, и поджидалъ, не придетъ ли кто къ роднику напиться, — въ пустынѣ жажда вѣдь пуще страха и жители достаютъ воду у льва изъ подъ носа; вдругъ вижу между деревьями голову неизвѣстнаго мнѣ звѣря, — потомъ длинную шею, — потомъ грудь, — потомъ переднія ноги, — потомъ туловище, — потомъ и хвостъ какъ у буйвола. Я вскочилъ съ обычнымъ моимъ рыкомъ и вмигъ очутился на спинѣ у камелопарда.

Тиклеръ и Нортъ. Ого, го!

Скотоводъ. Я былъ не оченъ голоденъ, и впустилъ въ него когтей всего на вершокъ или на два. Понесъ меня мой камелопардъ во всю прыть! Онъ переплылъ черезъ Нигеръ, и наконецъ палъ отъ слабости середи множества домовъ, которые я почелъ сперва за утесы. Тот-

часъ окружила меня толпа мерзавцевъ негровъ, — кто съ лукомъ, — кто съ копьемъ, — кто съ дубиной. Я храбро защищался, и распугалъ-было весь городъ; но, покрытый ранами, безъ ноги, истекая кровью, грянулся наземь и околѣлъ на большой Томбуктской площади!

Нортъ. И шкура того, кто теперь «Эттрикскимъ пастухомъ,» уже нѣсколько вѣковъ въ законномъ владѣніи короля Всесахарскаго?

Скотоводъ. Странно, а справедливо! Нутка, Нортъ, а ты чѣмъ былъ тогда, когда эти подлецы оторвали у меня одну ногу? Разскажи намъ что-нибудь о своихъ похожденіяхъ.

Нортъ. «Нѣсколько отрывковъ изъ жизни водянаго человѣка?»

Скотоводъ. Пожалуйста.

Нортъ. Въ другой разъ, Джемсъ; право, послѣ такой живописной и поэтической.....

Скотоводъ. Добро, добро, сударь; я и не настаиваю. Ахъ, какъ ненавижу эти неотступныя просьбы! Васъ просятъ разсказать анекдотъ, просятъ, чтобы вы спѣли, просятъ выпить еще бутылочку, просятъ посидѣть, просятъ написать сказку, просятъ прочитать ихъ рукопись, просятъ сказать свое мнѣніе объ ихъ статейкѣ, просятъ выправить ихъ слогъ, просятъ напечатать ихъ стихи, — словомъ недоступно просятъ, чтобъ вы дѣлали именно то, отъ чего вы двадцать разъ торжественно отрекались. Чортъ возьми неотступныхъ просителей!....

Нортъ. Джемсъ, молчи! Кто-нибудь изъ просителей можетъ прочитать это!....

Blackwood's Magazine.

=

ДЕРЕВЕНСКІЯ ЗАБАВЫ
СТОЛИЧНАГО ЗѢВАКИ.

Да кто жъ не обожаетъ сельской жизни? Потому-то и ѣдутъ всѣ на дачи въ трехъ шагахъ отъ города,— куда выкидываютъ навозъ. Но я былъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ настоящей деревнѣ! Я могу похвалиться, что узналъ всѣ удовольствія сельской жизни, извѣдалъ всѣ деревенскія забавы, исчерпалъ всю сладость мызы. Какъ славно можно тамъ веселиться!

Недавно одинъ Французскій помѣщикъ пригласилъ меня на нѣсколько недѣль къ себѣ въ деревню, миль за пятьдесятъ отъ Парижа. Вамъ извѣстно, что я только-что изъ Парижа?.... Такъ какъ я родился и выросъ въ переулкѣ, то страхъ люблю сельскую жизнь; я очень хорошо разсуждаю обо всѣхъ загородныхъ увеселеніяхъ; притомъ же мосьё B*** славный малой,— и я недолго заставилъ себя упрашивать. Ахъ, когда я произнесъ роковое «да!», мнѣ и въ голову не приходило, что я самъ долженъ буду веселиться по-деревенски! Однимъ этимъ словомъ я обрекъ себя на семидневное ужасное страданіе. Этому виновата не деревня, а просто деревенщина, которая не имѣетъ и понятія о томъ, какъ должно веселиться за городомъ, и чѣмъ именно пріятна сельская природа. Но чтобъ муки, которыя я претерпѣвалъ, могли быть оцѣнены въ полной мѣрѣ, необходимо изложить мои понятія о деревнѣ и деревенскихъ удовольствіяхъ.

По-моему, деревня такое мѣсто, гдѣ вмѣсто тысячи домовъ, обступающихъ васъ шайкою со всѣхъ сторонъ, видѣнъ только одинъ домъ на значительномъ пространствѣ; гдѣ небо является въ своей безпредѣльно-

сти, а не выкроено длинными полосками въ аршинъ съ четвертью ширины; гдѣ деревья растутъ сами собою въ изобиліи, десятками, и отличаются свѣжей, веселой, здоровой зеленью, а не пересажены издалека, не патыканы здѣсь и тамъ, по мѣрѣ удобности, не дышатъ чистымъ воздухомъ изъ трубъ, не закопчены, не высохли, не одѣты пылью какъ въ траурѣ; гдѣ вмѣсто жесткихъ, раскаленыхъ плитъ и голышей разстилаются подъ ногами прохладные, мягкіе и прекрасные ковры природы; гдѣ можно дышать воздухомъ — пхъ! — полнымъ ртомъ; ходить вдоль и поперегъ безъ опасенія быть раздавленнымъ экипажами, и гулять себѣ ночью, не слыша на каждомъ углу безпрерывныхъ допросовъ какъ вору — «Кто идетъ?», не отвѣчая дружески каждому будочнику — «Свой!»; и гдѣ льется въ рѣкѣ вода, а не помои. Вотъ деревня. Сельскія удовольствія состоятъ въ томъ, чтобъ цѣлый день не скидать съ себя халата; чтобъ по утрамъ спокойно сидѣть въ своей комнатѣ, и не ходить ни въ канцелярію, ни въ приказъ, ни съ визитами; потомъ бродить въ виду дома, не ища дальнихъ гульбищъ и не встрѣчая тѣхъ людей, которые вычисляютъ ходьбу по милямъ; потомъ отдыхать гдѣ-нибудь въ тѣни съ книгою въ рукѣ, читать, перечитывать, или ни читать, ни перечитывать; послѣ итти на скотный дворъ смотрѣть птицъ, или къ пруду, кидать корки уткамъ, а тамъ къ мостику, — облечься на перилы и глядѣть по нѣскольку часовъ сряду, какъ плывутъ листья, вѣтки, щепы; а иногда и плюнуть въ воду, — это верхъ наслажденія! Вотъ понятія мои, и, надѣюсь, понятія всѣхъ порядочныхъ людей, воспитанныхъ въ столицѣ, центрѣ просвѣщенія и вкуса, о деревнѣ и о сельскихъ удовольствіяхъ; и хотя изъ послѣдней моей поѣздки оказывается, что тамъ есть еще и другія забавы, — но онѣ отнюдь меня не прельщаютъ; онѣ приправлены къ такимъ вкусамъ и при-

вычкамъ, которыя вовсе не сходны съ моими. Я никогда не любилъ ихъ, а теперь, послѣ тѣхъ мученій, которымъ онѣ меня подвергли, я чувствую къ нимъ отвращеніе, – не могу ихъ терпѣть, – ненавижу, – и пуще прежняго держусь собственныхъ идей о деревенской жизни.

Наступилъ вечеръ нашего отъѣзда. Мы сѣли въ дилижансъ. Во время ночнаго странствія Г. В*** неразъ дружески трепалъ меня по плечу, восклицая: – Ah ça, mon ami, nous nous amuserons, j'espère, – «Ну, мой любезный, надѣюсь, что мы позабавимся!» Это заранѣе возбуждало во мнѣ отрадныя мысли о рощицахъ, лугахъ и чистыхъ ручейкахъ моего пріятеля. Утро освѣтило передъ нами прекрасные виды. Мы ѣдемъ, – а безпрестанно то заяцъ перебѣжитъ дорогу, то пролетитъ куропатка. При всякомъ подобномъ случаѣ Г. В*** повторялъ мнѣ – «Видѣли? А? Каково это, любезнѣйшій?», и глаза его блистали удовольствіемъ. Я приписывалъ это его страсти къ жаренымъ зайцамъ и куропаткамъ, и обѣщалъ себѣ поѣсть ихъ вдоволь; я вовсе не предвидѣлъ тѣхъ напастей, которыми грозили мнѣ эти пресмыкающіяся. По случаю необыкновенныхъ задержекъ на дорогѣ, мы пріѣхали въ Осерръ такъ поздно, что не застали дилижанса, который ходитъ оттуда въ Вилеттъ, конечную цѣль нашего путешествія. – C'est un petit malheur; – «Маленькое несчастіе! говорилъ мой спутникъ (во Франціи почти никогда не бываетъ grand malheur, большаго несчастія!): отсюда всего пятнадцать верстъ до Вилетта, а въ девять часовъ вечера мы заберемся въ patache, въ сидѣйку, и поѣдемъ.»

Patache – вещь очень хорошая, но она все не такъ удобна, какъ Англійская дорожная карета; даже не такъ, какъ почтовая коляска; даже не такъ, какъ телѣга. Это четыреугольный ящикъ безъ рессоръ, утвержденный на шестахъ, и ползущій на двухъ тя-

желыхъ, неуклюжихъ колесахъ. Ночь была темная; мы ѣхали проселкомъ, по которому, въ замѣнъ мостовой, разбросаны были огромные каменья; извощикъ чуть сидѣлъ на козлахъ, полупьяный и полусонный. Насъ бросало вправо и влѣво, взадъ и впередъ, къ потолку и къ жесткому сидѣнью, такъ, что мнѣ было уже не до сельскихъ удовольствій. Сначала мы смѣялись, хоть, можетъ, и не отъ души, а наконецъ пришло не подъ силу. – C'est égal, – «Это ничего», говорилъ помѣщикъ, который съ дѣтства привыкъ къ сельскимъ камнямъ и первое сильное ощущеніе сердца испыталъ вѣрно отъ ухаба. А по мнѣ, такъ это вовсе не было – «ничего!» Послѣ безконечной толкотни, отъ которой я превратился въ порошекъ, въ два часа утромъ извощикъ остановился въ дрянной деревушкѣ, и рѣшительно объявилъ, что не поѣдетъ далѣе до разсвѣта.–«Что жъ за бѣда! сказалъ Г. В***: мы отдохнемъ *часа полтора*, et ça sera charmant!»– Charmant, то есть – славно. Ну, ужъ славно! Что за безбожное изобрѣтеніе – въ утомительномъ путешествіи «отдыхать» полтора часа? Да я въ городѣ отдыхаю долѣе, проѣхавъ четыре улицы! Едва успокоились вы отъ лихорадочнаго волненія, возбужденнаго продолжительною тряскою, и только-что начали засыпать, васъ безъ жалости тащатъ опять въ дорогу. Но все-таки это лучше сидѣйки. Меня высадили, потому что я самъ не могъ пошевелиться, а на разсвѣтѣ усадили опять, и часу въ одиннадцатомъ пріѣхали мы наконецъ въ желанный Вилеттъ. «Теперь-то, воскликнулъ мой пріятель, nous nous amuserons! Теперь-то мы позабавимся!.....»

Весь этотъ день пролежалъ я на софѣ, и ночью спалъ какъ убитый. На другое утро, сообразно съ моими понятіями о сельскихъ увеселеніяхъ, я взялъ съ собою книгу, положилъ въ карманъ бумаги и карандашъ для записыванія тѣхъ свѣтлыхъ и нѣжныхъ мыслей,

которыя долженствовали внушить мнѣ деревья, ручейки, коровы, и явился къ завтраку. Дамы и мужчины, также пріѣхавшіе сюда погостить, были уже всѣ въ столовой. Женщины въ деревнѣ не дурны, — но къ чему онѣ служатъ? Только-что мы успѣли отзавтракать, хозяинъ объявилъ мнѣ тотчасъ: — Maintenant, mon cher, nous nous amuserons. Теперь будемъ веселиться. Пойдемте. Вы Англичанинъ, и слѣдственно отличный охотникъ. У меня найдете все, что вамъ угодно, — рыболовныя сѣти, удочки, собакъ, ружья, лошадей. Я чрезвычайно люблю Англичанъ за то, что они умѣютъ веселиться въ деревнѣ. Вы знаете, я немножко Англоманъ. Да въ деревнѣ и нельзя иначе!..... Пока вы у насъ будете, мой Гекторъ всегда къ вашимъ услугамъ. Здѣсь никто съ нимъ не справится, но вы его проучите. Allons! Поѣдемъ верхомъ нынче же. Sacristi, Гекторъ пролетитъ подъ вами двѣнадцать миль въ часъ. Только не забудьте, мой любезный, что мы всѣ не на такихъ скакунахъ: такъ вы его сдерживайте; иначе намъ не удастся и поговорить съ вами дорогою.» Потомъ онъ обернулся къ прочимъ гостямъ и сказалъ: «Англичане ѣздятъ верхомъ гораздо лучше насъ, господа; сравненья нѣтъ, — vous allez voir! вы увидите!»

Какой печальный ударъ! Я желалъ бы, чтобъ земля поглотила меня въ глубочайшія свои пропасти. Поддѣть меня такъ безчеловѣчно, призвавъ въ деревню для сельскихъ забавъ! Сроду не поймалъ я ни одной плотицы, никогда въ жизни не спускалъ курка во вредъ какому-нибудь животному, никогда не отличался я наѣздничествомъ, — и вдругъ мнѣ должно удивлять свѣтъ верховой ѣздою и поддерживать охотническую славу Великобританіи! Что жъ изъ этого, что я Англичанинъ? Прежде чѣмъ Англичанинъ, я коренной городской житель! Мое отечество — городъ! Мои нравы — нравы третьяго этажа! Я пріѣ-

ѣхать наслаждаться тихою и безмятежною сельскою природою, а тутъ меня поставляютъ въ опасное и неестественное положеніе — сидѣть на шеѣ высокаго какъ башня животнаго, и драться съ зайцами, съ лисицами, — пожалуй, еще съ медвѣдемъ или тигромъ. Въ лѣсахъ вѣдь водится и это! Лѣсъ — не публичный садъ! Но дѣлать нечего: съ отчаянною мыслію, что я отдѣлаюсь отъ этого «увеселенія» тѣмъ, что, на худой конецъ, только сверну себѣ шею за верховую славу моего отечества, я вышелъ вмѣстѣ съ прочими на дворъ, гдѣ лошади уже стояли осѣдланныя.....

Минутку терпѣнія. Чтобъ постигнуть весь ужасъ моего положенія, необходимо сообразить нѣкоторыя другія обстоятельства моей жизни. До зрѣлаго возраста, «учиться верховой ѣздѣ» почиталъ я вовсе излишнимъ. Поставить одну ногу въ стремя, закинуть другую черезъ сѣдло и потомъ сидѣть поперегъ его — было по-моему такъ же просто, обыкновенно и естественно, какъ, напримѣръ, ходить. Живя всегда въ столицѣ, я ни разу не имѣлъ случая почувствовать необходимость верховой ѣзды, и, признаюсь, не считалъ ея за удовольствіе: по дѣламъ ли или безъ дѣла я всегда ѣздилъ на четырехъ колесахъ, въ экипажѣ. Такъ достигъ я совершеннолѣтія, никогда не садившись на лошадь. Однажды собралось насъ большое общество ѣхать въ Вейбриджъ. Наканунѣ отъѣзда открылось, что всѣ мѣста въ каретахъ будутъ заняты дамами; всѣ мужчины, кромѣ меня, припасли лошадей, и потому возникъ-было вопросъ — на чемъ отправится туда господинъ П***? Однако, кто-то скоро рѣшилъ его, объявивъ, что дастъ мнѣ лошадь: я принялъ предложеніе и благодарилъ за вѣжливость съ такимъ хладнокровнымъ спокойствіемъ, какъ-будто дѣло шло о коляскѣ. Мнѣ не приходило на умъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ успѣха предстоящей попытки: что жъ такое, — сѣсть на лошадь и ѣхать въ

Вейбриджъ! Эту ночь спалъ я покойно; поутру всталъ въ пріятномъ расположеніи духа; завтракалъ по обыкновенію, и вообще велъ себя, какъ слѣдуетъ, вплоть до отъѣзда. Я первый прибылъ на сборное мѣсто. Ведутъ лошадь, я самъ подступаю къ ней твердымъ шагомъ, сажусь, ну право — молодцомъ, и даже послѣ не обнаруживаю ни какихъ признаковъ безпокойства. Прошло добрые четверть часа, пока собралась вся кавалькада: я терпѣливо ждалъ у крыльца, и могу сказать безъ всякаго преувеличенія, что во все это время я сидѣлъ съ удивительной неустрашимостью, — сидѣлъ такъ крѣпко, такъ неподвижно, что мнѣ позавидовала бы статуя въ Донъ-Жуанѣ. Наконецъ мы тронулись, по данному знаку, — я вмѣстѣ съ прочими, — не забѣгая впередъ, какъ на показъ, однако жъ и не отставая съ излишней робостью. Я ѣхалъ такъ, какъ угодно было судьбѣ и какъ ѣхалъ бы, на моемъ мѣстѣ, каждый опытный всадникъ, не придающій особенной важности тому, что онъ сидитъ на лошади. На первомъ перекресткѣ, всѣ товарищи мои повернули на-право, а моя лошадь пошла на лѣво. Это вызвало всеобщій крикъ — «Сюда, сюда!», и кажется, я замѣтилъ признаки недовѣрія къ моимъ наѣздническимъ способностямъ. Но я надѣялся на себя, какъ на каменную стѣну, и, дернувъ лошадь вправо, тотчасъ исправилъ свою или, точнѣе, ея ошибку. Мы ѣхали до самой заставы довольно благополучно; только не понимаю, какъ полиція не запретитъ молочницамъ таскаться по городу съ ихъ проклятыми коромыслами! Одна изъ нихъ вздумала перейти мнѣ дорогу, и если бъ Г*** не схватилъ за какой-то ремешекъ, прикрѣпленный къ мордѣ моей лошади, я непремѣнно задавилъ бы эту разиню. Ужъ посмѣялись же надъ ней мальчишки, — и по-дѣломъ! У коношеннаго двора, лошадь моя, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за другими, пошла тихимъ шагомъ къ дому

маркиза Стаффорда: я дернулъ ее влѣво, и опять присоединился къ товарищамъ. Признаться, я почти былъ доволенъ этимъ случаемъ; онъ убѣдилъ меня, что я имѣю нѣкоторую власть надъ гордымъ животнымъ; и вѣроятно, поворотъ сдѣланъ былъ не безъ искусства, потому что часовые взглянули другъ на друга. Впрочемъ, прохожіе вообще останавливались съ обѣихъ сторонъ и провожали меня глазами, а въ Сентъ-Джемзскомъ Паркѣ даже одинъ кавалерійскій офицеръ долго любовался на меня издали. Товарищи мои пошептались, и ускакали впередъ, всѣ, кромѣ бѣднаго Р***, котораго ужъ нѣтъ теперь на свѣтѣ. Онъ одинъ остался со мною, и мы ѣхали съ нимъ довольно тихо: мнѣ было такъ покойно, какъ въ креслахъ; но Р*** безпрестанно посматривалъ на меня съ опасеніемъ, хотѣлъ что-то сказать, мялся, покашливалъ, и казался въ смущеніи, – право, не знаю, отчего. Наконецъ онъ вымолвилъ: – Любезный П***, намъ должно сдѣлать двадцать миль до обѣда; мы вѣкъ не доѣдемъ этимъ шагомъ. – Такъ что жъ? сказалъ я: пришпорьте свою лошадь. – Да!! А..... а вы? – Мнѣ все равно, какъ ни ѣхать. – Право, очень жаль, мой любезный, что вы отправились верхомъ. На это я не отвѣчалъ ни слова, но такъ стиснулъ бока своей лошади, что она понесла меня съ неимовѣрной быстротою тѣмъ шагомъ, который, какъ растолковали мнѣ впослѣдствіи, называется рысцей. Почему конь мой предпочелъ его рыси или галопу, этого я никогда не могъ добиться; но я былъ крайне обязанъ ему за такой выборъ, потому что при всей непостижимой скорости его бѣга, движеніе казалось мнѣ пріятнымъ и покойнымъ. Думаю, что это должно быть очень похоже на полетъ. Онъ едва прикасался къ землѣ копытами. Дома, сады, бесѣдки, оранжереи, все это мгновенно мелькало передо мною, – только являлось, и тотчасъ исчезало! Ни какое перо не опи-

шесть стремленія, называемаго рысцею, и я увѣренъ, что если бъ мнѣ дали ѣхать такъ всю дорогу, я черезъ часъ поспѣлъ бы въ Вейбриджъ, или куда-нибудь въ другую сторону за двадцать миль отъ столицы. Но Р*** кричалъ мнѣ вслѣдъ – «Постойте, Бога ради, постойте! вы сломите себѣ шею», – догналъ меня въ одну минуту, говорилъ, что страшно смотрѣть, какъ я скачу, и упрашивалъ воротиться, предлагая проводить меня домой. Я поблагодарилъ его за излишнюю заботливость, оборотилъ лошадь, и безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства съ моей стороны, она привезла меня прямо къ конюшнѣ, и остановилась. Когда я слѣзъ, она тихонько обернула голову и посмотрѣла на меня такими глазами, въ которыхъ выражался кроткій и добродушный упрекъ, за то, что я вытащилъ ее изъ стойла понапрасну. Потомъ взглянула она на конюховъ, и однимъ этимъ взглядомъ сообщила имъ всѣ мои приключенія. Въ этомъ я увѣренъ, – потому что они тотчасъ стали перемигиваться и кивать на меня. Я прибѣгнулъ къ другому способу ѣзды, который рекомендую всѣмъ, кто, подобно мнѣ, не бывалъ на лошади до зрѣлаго возраста; то есть, я нанялъ коляску и, увѣряю васъ, что поспѣлъ въ Вейбриджъ къ самому обѣду.

Первая неудача сдѣлала меня осторожнѣе. Въ другой разъ я рѣшился поѣздить сначала на маленькой лошадкѣ, а потомъ выбирать себѣ коня каждый день вершкомъ повыше, покуда привыкну владѣть лошадьми самыхъ огромныхъ размѣровъ. Но кажется, мнѣ не судьба отличаться по этой части, и вторичный опытъ вышелъ едва ли не хуже перваго. По принятому мною правилу, я взялъ на первый разъ такую лошадь, что когда сѣлъ, то почти доставалъ ногами до земли, и весьма трудно было рѣшить со стороны, ѣду ли я верхомъ, или иду съ жеребенкомъ межъ ногами. Только-что я выѣхалъ за ворота, конекъ мой

разгорячился: онъ бѣжать и я съ нимъ, но онъ былъ проворнѣе, онъ выскочилъ изъ подъ меня, и я остался середи улицы съ раздвинутыми ногами, какъ-будто верхомъ на невидимкѣ. Догонять его нечего было и думать; я побрелъ прямо домой въ тѣхъ мысляхъ, что придется мнѣ заплатить за потерянную лошадь. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ ее у себя на дворѣ! Насмѣшливый взглядъ этой мелкой, ничтожной твари встрѣтилъ меня при самомъ входѣ, и съ тѣхъ поръ я не могу равнодушно смотрѣть ни на одну лошадь: мнѣ поневолѣ приходитъ въ голову, что исторія моихъ несчастныхъ похожденій разнеслась между этими животными и служитъ вѣчнымъ источникомъ смѣха для всей ихъ породы.

Читатель можетъ теперь вообразить себѣ, что я чувствовалъ, выходя на конюшенный дворъ въ замкѣ Вилеттѣ. Дамъ особенно приглашали полюбоваться, какъ я переверну неукротимаго звѣря по-Англійски. Кто тонетъ, хватается и за соломенку! «Вѣдь я еще не ѣзжалъ во Франціи, думалъ я: такъ, почему знать, можетъ и не сломлю себѣ шеи.» Конь былъ рослый, статный, караковый, съ длиннымъ хвостомъ и густою гривою. Я только-что поставилъ ногу въ стремя и хотѣлъ заносить другую, онъ взглянулъ на меня выразительно искоса, – точь-въ-точь какъ эта маленькая мерзавка, которая пропала у меня изъ промежъ ногъ, – и этотъ взоръ высказалъ мнѣ всѣ подробности путешествія въ Вейбриджъ и приключенія съ лошадкой! Въ немъ совокуплялись всѣ способы краснорѣчія, но господствующимъ было самое настоятельное убѣжденіе, чтобъ я избавилъ отъ труда сбить себя долой. Для моей опытности все это было очень ясно. Я увидѣлъ, что дѣлать нечего, отскочилъ отъ лошади, согнулся въ дугу и съ жалобами на жесточайшія спазмы, ушелъ въ свою комнату. – Ce sera pour un autre jour, – «Когда-нибудь въ другой разъ,» ска-

залъ Г. В***, давая знакъ, чтобъ Гектора отвели въ конюшню, и берейторская слава Англіи осталась покамѣстъ невредима.

Часа черезъ два по отбытіи кавалькады, я почувствовалъ такое облегченіе, что могъ выйти изъ комнаты, и поспѣшилъ насладиться деревнею по-своему. Сперва я посидѣлъ подъ одной клумбою, потомъ подъ другою; тамъ пошелъ по лугу на скотный дворъ, бродилъ по берегу излучистаго ручья, остановился на мостикѣ, и предался тѣмъ отраднымъ занятіямъ, о которыхъ упоминалъ прежде. Послѣ того отправился я въ огородъ, смотрѣлъ на труды садовника, и выучился у него названіямъ разныхъ цвѣтовъ и кореньевъ: здѣсь особенно удивляло меня то, что картофель, морковь и свекла на грядахъ совсѣмъ не таковы, какъ въ кушаньѣ. Вотъ настоящія, невинныя, сельскія забавы! единственныя, какія мнѣ понятны, и съ какими я желаю быть знакомъ. Я наслаждался ими вплоть до обѣда.

За столомъ сыпались со всѣхъ сторонъ сожалѣнія, что непріятный случай помѣшалъ мнѣ выказать передъ обществомъ превосходство Англійскаго способа объѣзжать бѣшеныхъ лошадей: каждый непремѣнно надѣялся увидѣть это зрѣлище завтра утромъ. Я не надѣялся. Послѣ обѣда предложили прогулку и, слава Богу, не верхомъ. Вечеръ провели по Французскому обычаю: отъ стараго до малаго всѣ играли въ жмурки; потомъ Г-жа В*** сѣла съ дочерью за фортепіано, мамзель Адель пѣла, мамзель Виржини вышивала, танцовали, играли въ экарте, опять танцовали, — выпили сахарной воды и разошлись. Это покрайней-мѣрѣ сколько-нибудь похоже на увеселенія!

Я спалъ дурно. Меня давилъ домовой. Во снѣ видѣлъ я Гектора, маленькую лошадку, Вейбриджъ. Конскія головы вертѣлись около меня въ быстромъ

хороводѣ; между ими мелькали кентавры, чудовищныя превращенія лошадиныхъ формъ, и даже деревянные коньки на палочкахъ. Лишь-только разсвѣло, и я всталъ съ постели, Г. В*** вошелъ ко мнѣ въ комнату. Я думалъ, что за нимъ ввалитъ и Гекторъ; но дѣло шло вовсе не объ Гекторѣ. Хозяинъ съ гостями собрались на охоту, и ждали только меня, чтобы отправиться. Меня! Въ другихъ обстоятельствахъ я счелъ бы это несчастіемъ, но теперь — у меня отдало отъ сердца. «Что жъ за бѣда! думалъ я: все равно стрѣлять во что-нибудь или просто въ воздухъ; надо только прицѣлить ружье и спустить курокъ, а тамъ ужъ зарядъ самъ попадай, какъ хочетъ!» Мнѣ силою навязали пороховницу съ лучшимъ порохомъ и отличное двуствольное ружье съ новѣйшими патентованными усовершенствованіями. Обыкновенный порохъ и обыкновенное ружье могли бы доставить мнѣ хоть какое-нибудь оправданіе въ случаѣ неудачи; теперь, что̀ прикажете дѣлать съ этими патентованными совершенствами? чѣмъ прикрыть свою неопытность? Хотя я и увѣренъ, что это очень легко, однако упражненіе и здѣсь необходимо. Я просилъ, умолялъ, говорилъ, что мнѣ крайне совѣстно завладѣть лучшимъ изъ всѣхъ ружей. Напрасно! Я одинъ между ними Англичанинъ и долженъ показать имъ, что можно сдѣлать такимъ превосходнымъ ружьемъ. Сверхъ того, прибавлялъ Г. В*** потихоньку: мнѣ хочется убѣдить недовѣрчивыхъ пріятелей, что разсказы мои о подвигахъ вашихъ соотечественниковъ на охотѣ вовсе не въ разладѣ съ истиной и что я говорилъ имъ правду, утверждая, что Англичанинъ изъ сотни пущенныхъ голубей убиваетъ обыкновенно девяносто восемь.» Видя, что горю пособить нечѣмъ, я зарядилъ свое патентованное, усовершенствованное, двуствольное, ударное ружье, и чтобъ усилить вѣроятіе удачи, набилъ въ него какъ можно больше дроби. «Вѣдь попа-

детъ же хоть одна дробинка!» думалъ я про себя. Мы отправились, и увидѣли вдругъ цѣлое стадо куропатокъ. Я скорѣй за ружье, и выпалилъ на волю Божію, спустивъ оба курка вмѣстѣ. Я не убилъ ни одной птицы, но, къ большому моему изумленію и удовольствію, ранилъ цѣлыхъ трехъ. Этотъ первый подвигъ на новомъ для меня поприщѣ, кажется, удивилъ моихъ товарищей: да и не мудрено, — когда я самъ не зналъ, чему приписать такую удачу! Одинъ спросилъ меня, неужели въ Англіи стрѣляютъ обыкновенно въ стаю птицъ, не давъ имъ подняться; а другой, неужели Англійскіе охотники всегда спускаютъ оба курка разомъ? Послѣднему я прехладнокровно отвѣчалъ, что иные спускаютъ, иные нѣтъ, и сталъ опять заряжать свое патентованное, усовершенствованное, двуствольное, ударное орудіе. Только-что успѣлъ я это сдѣлать, какъ увидѣли, что въ самомъ близкомъ разстояніи сидитъ заяцъ, и тотчасъ указали мнѣ его, изъ вѣжливости. Я прицѣлился, спустилъ курки,—ружье осѣклось. Всѣ сказали—что это—Grand malheur! Большое несчастіе! А заяцъ между-тѣмъ улизнулъ! Дѣло въ томъ, что, видно, и самое лучшее ружье не всегда выстрѣлитъ безъ нѣкоторыхъ приготовленій, — а я, сказать правду, забылъ насыпать пороху на полку, или, какъ теперь изъясняются патентованнымъ, усовершенствованнымъ образомъ, надѣть колпачекъ. Кромѣ-того, я близорукъ, слабъ зрѣніемъ, а это, говорятъ, не находка въ полѣ, и поэтому не мудрено, что третій мой выстрѣлъ направленъ былъ въ крестьянскую шляпу, висѣвшую на суку и показавшуюся мнѣ тетеревомъ. Къ счастію я не попалъ, и Г. В***, въ полной увѣренности, что я выстрѣлилъ для шутки и нарочно подальше, чтобъ не испортить шляпы у бѣдняка крестьянина, смѣялся отъ всего сердца, и вмѣстѣ хвалилъ меня за внимательность. Я охотно оставилъ его въ этомъ заблужде-

нін, и сталъ-было заряжать въ четвертый разъ, какъ прибѣжалъ ко мнѣ изъ замка человѣкъ съ письмомъ изъ Парижа. Надпись «весьма нужное» доставила мнѣ предлогъ воротиться домой для отправленія немедленно отвѣта. Я передалъ двуствольное съ рукъ на руки. Товарищи мои съ сожалѣніемъ рѣшились ждать опять до завтра, а я чувствовалъ себя истинно счастливымъ, когда облегся на перилы милаго мостика и беззаботно плевалъ съ него въ струи ручейка.

Слѣдующій день съ самаго утра обѣщалъ мнѣ чистое, безпримѣсное удовольствіе. Съ непзъяснимой радостью услышалъ я проснувшись, что дождь льетъ какъ изъ ведра и что, по всѣмъ признакамъ, едва ли перестанетъ онъ до ночи. «Ну! думалъ я: нынче не увижу ни чертовскихъ лошадей, ни проклятыхъ ружей.» Мы всѣ сошлись къ завтраку, и я необыкновенной своей веселостью разшевелилъ даже унылыхъ товарищей, которые скучали дождливой погодою и говорили мнѣ съ участіемъ:—«Какъ вамъ должно быть досадно, что вы на цѣлый день принуждены отказать себѣ и въ верховой ѣздѣ, и въ охотѣ!» Повторенными увѣреніями, что я могу иногда обойтись и безъ этихъ удовольствій, мнѣ удалось ихъ успокоить. Послѣ завтрака Г-жа В*** предложила мнѣ сыграть партію на бплліардѣ. — «Смотрите, сударыня! сказалъ ей мужъ: Англичане отличные игроки.» — Неужто конца не будетъ моимъ мученіямъ! говорилъ я самъ себѣ: Провалиться бы этому биллiарду! Я отродясь не сыгралъ ни одной партіи. Впрочемъ, вѣдь не всякому же быть знаменитымъ игрокомъ на бплліардѣ: будетъ и того, что я по-сю-пору слыву отличнымъ всадникомъ и мѣткимъ стрѣлкомъ: почему жъ не сознаться мнѣ въ своемъ невѣжествѣ по билльярдной части. Я такъ и сдѣлалъ: всѣ хвалили меня за скромность. Я торжественно объявлялъ, что не играю: Г-жа В*** увѣряла меня, что она и са-

ма не мастерица, но соглашается взять только шесть впередъ. Я крѣпко стоялъ въ своей неопытности: Г-жа В*** не сомнѣвалась, что эти отговорки происходятъ отъ сознанія собственнаго моего превосходства, и предлагала въ угодность мнѣ взять впередъ восемь и даже десять. Мы пошли въ бильярдную.—«Какую партію вы лучше любите, Русскую или Французскую?» — Не зная этихъ народныхъ различій, я предоставилъ выборъ Г-жѣ В***, и онъ палъ — я право не знаю, на которую. Минутъ черезъ десять она считала уже семь, а я, разумѣется, не сдѣлалъ ни одного шара. Всѣ превозносили мою угодливость. Вдругъ я изо всей мочи толкнулъ кіемъ въ свой шаръ, а онъ случайно попалъ въ другой, а тотъ отскочилъ и попалъ какъ-то въ третій, — всѣ шары перемѣшались, такъ, что я не зналъ который мой, — причемъ одинъ изъ трехъ покатился влѣво и упалъ въ мѣшечекъ на углѣ билліарда. Меня оглушили рукоплесканіями и криками C'est admirable! Oh, que c'est bien joué! — Мастерски сыграно! Удивительно! Какой чудесный ударъ! Какъ играетъ! Моя милая сопротивница, замѣтила мнѣ, что до-сихъ-поръ я былъ — complaisant, а теперь начинаю становиться méchant. Но снисходительность моя скоро воротилась, и въ нѣсколько минутъ Г-жа В*** выиграла партію, а мнѣ не удалось больше задѣть ни одного шара. Она была въ восхищеніи отъ моей вѣжливости, — я, какъ-будто, поддавался ей нарочно и сыгралъ только одинъ шаръ, чтобы показать, что я могу сдѣлать; но она просила, чтобъ въ другой разъ я не тѣшилъ ее какъ ребенка, и игралъ бы нешутя, потому что ей самой хочется усовершенствоваться. Въ заключеніе условились, чтобъ на другой день я сыгралъ партію съ знаменитымъ игрокомъ Г. Л***, давъ ему однако жъ два впередъ по-крайней-мѣрѣ. Дождь лилъ препріятно вплоть до ночи, и я провелъ этотъ день безъ особенной тре-

воги, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда просили меня разрѣшить какой-нибудь трудный охотничій вопросъ или жаркій споръ о породахъ и выѣздкѣ лошадей, моихъ пріятельницъ. Однако, я и тутъ кое-какъ отдѣлывался: говорилъ мало, а больше кивалъ значительно головою,—способъ рѣшенія трудностей, который, какъ я видѣлъ въ высшихъ слояхъ общества, употребляется съ большимъ успѣхомъ во множествѣ дѣлъ, гораздо важнѣйшихъ.

Дня три или четыре дождь шелъ какъ нельзя лучше, и потоки его были для меня настоящею «росою жизни.» Каждое наступающее утро грозило мнѣ какимъ-нибудь новымъ увеселеніемъ, но всегда погода препятствовала исполненію надо мной страшнаго приговора. День и ночь смотрѣлъ я на барометръ, висѣвшій въ столовой, и двое сутокъ стоялъ онъ на «сильномъ дождѣ.» Я спалъ покойно, и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи. На третій день, къ крайнему моему прискорбію, вѣроломная ртуть поднялась къ «перемѣнной погодѣ». Я сталъ еще чаще на нее поглядывать, и движенія ея тревожили меня точно такъ, какъ-будто я отправилъ въ море цѣлый флотъ съ дорогими товарами. Однажды я стоялъ въ раздумьѣ передъ барометромъ: вдругъ легкій ударъ по плечу вывелъ меня изъ этого положенія. Г. В*** сказалъ мнѣ: » «Ахъ, mon cher, я отнюдь не удивляюсь вашему нетерпѣнію; но поздравляю васъ, погода разгуливается, и мы вознаградимъ себя за потерянное время. Nous nous amuserons bien, allez; увидите, какъ мы еще позабавимся. Погода въ самомъ дѣлѣ начала разгуливаться; барометръ рѣшительно поднялся къ «ясной». Что мнѣ было дѣлать? Не всегда же отговариваться спазмами; не всегда для смѣха цѣлить въ шляпу вмѣсто тетерева; не всегда получать письма изъ Парижа въ критическую минуту; не всегда поддаваться Г-жѣ В*** въ билліардъ изъ угожденія, которое наконецъ будетъ равносильно обидѣ.

Въ первое прекрасное утро, я всталъ самъ не свой. Всю ночь ворочался я въ постели и немогъ выдумать предлога, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ охотниковъ. Сказать имъ всю правду почиталъ я невозможнымъ: мнѣ было совѣстно, – смѣйтесь, господа! – а мнѣ до смерти было совѣстно. Да можетъ, и не повѣрили бы такому признанію, а отнесли бы его къ чрезмѣрной, пересоленной скромности. Однако, надо же на что-нибудь рѣшиться! Если мнѣ въ самомъ дѣлѣ не повѣрятъ, долженъ ли я въ доказательство истины словъ моихъ, застрѣлить любимую собаку моего пріятеля, и для лучшаго удостовѣренія еще убить одного изъ пріятелей моего пріятеля?.... Я вышелъ изъ своей комнаты въ совершенномъ недоумѣніи.

– «А, вотъ онъ! Скорѣй, въ дорогу!» закричалъ Г. В***, лишь только я показался въ двери. Объ Гекторѣ ни слова, – это ужъ не бездѣлица: всѣ собрались опять стрѣлять. Мнѣ вручили то самое патентованное, усовершенствованное, двуствольное, ударное ружье, съ которымъ я прежде познакомился: я взялъ его, самъ не зная, что дѣлаю. Когда мы вышли на крыльцо, въ головѣ моей внезапно мелькнула мысль, какъ-бы внушенная самимъ небомъ. Я схватился за нее со всей силою отчаянья, и, боясь, чтобъ она у меня не вырвалась и не пропала, произнесъ какъ можно поспѣшнѣй: – Я не расположенъ сегодня стрѣлять; мнѣ хочется удить рыбу. – «Parbleu! сказалъ хозяинъ: все, что вамъ угодно; въ деревнѣ совершенная свобода; я дамъ вамъ свой рыболовный снарядъ. Я и забылъ, что Англичане тоже страстные охотники и мастера удить!» – Онъ вошелъ въ комнату, и тотчасъ воротился съ двумя или тремя удочками, съ разными крючками, крылышками, пробочками и другими подробностями. «Вотъ вамъ все, сказалъ онъ, вы найдете здѣсь въ пруду рыбу мелкую, крупную, какую хотите, и притомъ въ изобиліи.» Не могу описать вамъ

моего удовольствія! Правда, что я былъ такой же мастеръ удить, какъ и стрѣлять; но я думалъ, что съ удочкой въ рукахъ, я ни мало не отваживаю своей доброй славы: я видалъ отличныхъ рыболововъ, которые, просидѣвъ надъ водою весь день, возвращались домой съ пустыми руками, и слава великаго ихъ искусства однако не претерпѣвала отъ этого ни малѣйшаго ущерба. Мнѣ только стоило сказать: «Проклятыя! ни какъ нейдутъ на уду.» Но радость моя была не продолжительна. Вообразите себѣ мой ужасъ, мое отчаянье, когда Г. В*** призвалъ мстръ д'отеля, и сказалъ ему: —« Ecoutez, monsieur Goulard, фрикассе изъ зайца сегодня не нужно. Г. П*** идетъ ловить рыбу: такъ вы приготовите намъ пару щукъ à la maître d'hôtel, сдѣлаете мателотъ изъ карповъ, а остальное зажарите.» – И такъ, обѣдъ цѣлаго общества поставленъ въ зависимость отъ весьма сомнительныхъ послѣдствій перваго моего опыта въ рыболовномъ искусствѣ! Я самъ вызвался на эту бѣду; пособить было нечѣмъ. Г. В*** совѣтовалъ мнѣ взять садовникова сына, Этьенна, чтобъ онъ помогалъ мнѣ снимать съ крючка большихъ рыбъ, а то ихъ такъ много и онѣ такъ жадно бросаются на приманку, что я скоро устану. Мы разстались: онъ съ гостьми пошелъ противъ зайцевъ и куропатокъ, а я противъ щукъ и карповъ.

Мнѣ опять не на что было сослаться въ случаѣ неудачи! Отвратительное чудовище, Гекторъ былъ лучшій конь во Франціи; ружье было-патентованное, усовершенствованное, двуствольное и еще съ какимъ-то эпитетомъ, котораго ужъ не упомню, и удочка,—провалъ ее возьми, – перваго разбора, тоже съ разными усовершенствованіями. Къ довершенью золъ, здѣсь водилось бездна рыбы. Дорогою я старался успокоить себя слѣдующимъ образомъ: «Тутъ не можетъ быть особенной трудности; надо воткнуть приманку на крючекъ, опустить его въ воду, и только рыба начнетъ

хватать, сейчасъ вытащить.» Однако, по какому-то тайному, неодолимому предчуствію, я счелъ за лучшее отослать Этьенна съ тѣмъ, что позову его, когда онъ мнѣ понадобится. Г. В*** сказалъ правду. Только что я закинулъ удочку, приманка была сорвана, и я вытащилъ одинъ крючекъ! Другой, третій, двадцатый, пятидесятый опытъ увѣнчался такимъ же успѣхомъ. Несмотря на уваженіе мое къ любезному хозяину, я наконецъ соскучился кормить его рыбу, и подозрѣвалъ, что становлюсь смѣшнымъ въ глазахъ этой породы, что противъ меня сдѣланъ въ прудѣ явный заговоръ. Я испытывалъ всѣ способы, – бралъ то меньше, то больше притравы, – манилъ рыбу на голый крючекъ, но и эти ухищренія были напрасны. Наконецъ, видно, самъ попался ко мнѣ на удочку крошечный пискарикъ, потому что грѣшно сказать, чтобъ я поймалъ его. Какъ ни мелка была эта рыбка, я опустилъ ее въ огромную корзину, которую принесъ за мной Этьеннъ: я надѣялся, что первый успѣхъ будетъ предвѣстникомь дальнѣйшихъ; но имъ началась, и на немъ и кончилась моя удача. Между-тѣмъ пришелъ навѣстить меня Г. В***. Онъ заглянулъ въ корзину, и сказалъ: – «Вы хорошо сдѣлали, что отослали тѣхъ домой.» – Я увѣрялъ его, что рыба, которую онъ открылъ на днѣ корзины, одна только и попалась мнѣ въ цѣлое утро. Онъ померъ со смѣху, и отвѣчалъ, что догадывается, въ чемъ дѣло: я farceur, я – большой шутникъ, и нарочно пустилъ опять въ воду крупную рыбу, чтобъ всѣ посмѣялись, когда я принесу одного маленькаго пискаря въ такой огромной корзинѣ. Я снова увѣрялъ его, что это единственный плодъ моего продолжительнаго занятія. Куда! онъ не хотѣлъ и слушать. Англичане опытные рыболовы, прудъ кишитъ рыбою, я истратилъ весь прикормъ, – тутъ нечего и говорить! Гуларъ вмѣсто карповъ и щукъ, принужденъ былъ наскоро изготовить

зайца. Въ продолженіе обѣда цѣсколько разъ принимались смѣяться моему пискарю въ большой корзинѣ, и величали это самою забавною шуткою. La plaisanterie est bonne! говорили Французы. Однако жъ, кто-то замѣтилъ, что хотя шутка и славная, мателотъ изъ карпа едва ли не былъ бы лучше, и что такъ какъ я лишилъ всѣхъ этого блюда, то въ наказаніе долженъ завтра удѣлить полчаса отъ времени моей верховой ѣзды, чтобъ наловить къ обѣду рыбы.

Я страдалъ уже заранѣе, какъ вдругъ вошелъ въ комнату человѣкъ съ пачкою газетъ и писемъ. Въ числѣ ихъ было одно ко мнѣ. Я прочелъ его, притворился изумленнымъ, озабоченнымъ, и объявилъ, что завтра же непремѣнно долженъ ѣхать по одному дѣлу, не терпящему отлагательства. Напрасно уговаривали меня остаться хоть на одинъ день, чтобъ поѣздить на Гекторѣ: я былъ неумолимъ. Но всего труднѣе было мнѣ отдѣлаться отъ Г. В***, который непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я не церемонился и для скорости отправился въ Парижъ верхомъ на его Гекторѣ!

На другой день, чѣмъ свѣтъ, я пустился въ дорогу, вытерпѣвъ недѣлю невыразимыхъ мученій въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я думалъ прожить цѣлый мѣсяцъ въ отрадномъ спокойствіи; благодаря чудесному стеченію обстоятельствъ, я оставилъ за собою славу самаго искуснаго ѣздока, самаго лихаго охотника, самаго отличнаго и вѣжливаго игрока на биллiардѣ и самаго опытнаго рыболова. Но, съ тѣхъ поръ, хочу быть подлецомъ, если я поѣду когда-нибудь въ деревню! На что это? Для меня, городскаго жителя, сельской природы весьма довольно въ загородномъ домѣ, который я купилъ себѣ шагахъ въ двухъ стахъ, не далѣе по-ту-сторону заставы.

New Monthly Magazine.

ЛАМАРТИНЪ

У ЛЕДИ СТЕНГОПЪ.

=

Новое сочиненіе Г. Ламартина, Souvenirs, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient, чрезвычайно слабо, чтобъ не сказать — не достойно его имени, хотя его провозгласили до небесъ заранѣе, и хотя оно издано въ одинъ день по-Французски и по-Англійски, въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Это «Воспоминанія, впечатлѣнія, мысли и виды», собранные во время странствованія по Палестинѣ, Сиріи, Греціи, Турціи, Сербіи; попросту — это путешествіе по Востоку. Но вотъ въ чемъ дѣло: Г. Ламартинъ не видалъ Востока, несмотря на то, что пробылъ тамъ полтора года. Его воспоминанія такого рода, что могли бъ безъ потери быть имъ забыты; его впечатлѣнія нечисты и ложны, — чеканъ видно поскользнулъ, въ то самое время, когда стремился отпечатать свои чудныя и характеристическія черты на умѣ путешественника; его мысли престранны; его виды списаны сквозь очки, которыя, кажется, не были хорошо протерты. Изо всего Востока великій поэтъ увидѣлъ ясно только леди Стенгопъ, и изо всего его сочиненія мы приведемъ только свиданіе съ этою странною, нѣкогда очень умною, теперь восторженною женщиной, которая такъ сильно и такъ долго занимаетъ любопытство Европейской публики по поводу многихъ, очень занимательныхъ сплетней, ходившихъ въ свѣтѣ на счетъ причинъ добровольнаго ея удаленія изъ Англіи въ Сирію. Леди Эсонръ Стенгопъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ весьма значительной фамиліи въ своемъ отечествѣ, и нѣкогда вдавалась въ политику, будучи близкою

родственницей знаменитому Питту, который весьма уважалъ ея умъ и дарованія. Лѣтъ тому двадцать или болѣе, она путешествовала по южной Европѣ, и была въ Константинополѣ, откуда отправилась въ Египетъ. Тамошній паша принялъ ее съ честію, и далъ ей одного своего мамелюка изъ Французскихъ ренегатовъ, который провожалъ ее въ Палестину.

«Перекочевавъ во всѣхъ (?) странахъ Востока, говоритъ Г. Ламартинъ, леди Эсѳирь Стенгопъ основалась почти въ неприступномъ уединеніи на одной изъ Ливанскихъ горъ близъ Сайды, древняго Сидона. Акрскій паша, Абдаллахъ, питавшій къ ней уваженіе и привязанность, подарилъ ей остатки монастыря и село Джіунъ, котораго обитатели — друзы. Леди выстроила тамъ нѣсколько домовъ и окружила ихъ стѣною, подобною укрѣпленіямъ среднихъ вѣковъ; она развела прекрасный садъ въ Турецкомъ вкусѣ, наполненный цвѣтниками и плодовыми деревьями, бесѣдками изъ виноградныхъ лозъ и кіосками, украшенными рѣзьбою и арабесками: вода струится въ мраморныхъ каналахъ, и бьетъ фонтанами изъ полу кіосковъ, осѣненныхъ померанцевыми, смоквенными и лимонными деревьями. Леди Стенгопъ жила здѣсь нѣсколько лѣтъ въ настоящей Восточной роскоши, окруженная множествомъ Европейскихъ и Арабскихъ толмачей, и толпою прислужницъ и черныхъ невольниковъ. Во все это время она поддерживала дружественныя и даже политическія связи съ Портою, Абдаллахъ-пашою, эмиромъ Беширомъ, владѣтелемъ Ливанскимъ, и пуще всего съ Бедуинскими шейхами пустынь Сирійской и Багдадской.

«Однако доходы леди уменьшились по причинѣ разстройства дѣлъ въ отсутствіе ея изъ Англіи, и она стала получать въ годъ не болѣе тридцати или сорока тысячъ рублей, которыхъ впрочемъ доставало ей на прожитокъ. Между-тѣмъ люди, сопровождавшіе ее изъ Европы, или померли или разъѣхались; пріязнь Арабовъ, которою нельзя пользоваться безъ подарковъ и безъ мишурнаго блеска, охладѣла; сообщенія сдѣлались рѣже и леди Эсѳирь, дошла до того уединеннаго состоянія, въ которомъ я нашелъ ее;

но тутъ-то раскрылся весь геройскій отливъ ея характера, вся сила, все постоянство, вся рѣшительность ея духа. Она ни разу не подумала воротиться назадъ; ни разу не вздохнула по свѣтѣ или по минувшемъ; она не изнемогла подъ бременемъ утраты друзей, не устрашилась ни старости, ни забвенія, и осталась одна тамъ, гдѣ и теперь, безъ книгъ, безъ газетъ, безъ писемъ изъ Европы, окруженная немногими негритянками, маленькими ихъ дѣтьми и извѣстнымъ числомъ Арабскихъ поселянъ для ухода за ея садомъ и лошадьми, и для охраненія ея личной безопасности.

«Здѣсь вообще полагаютъ, — и сношенія мои съ нею заставляютъ меня раздѣлять это мнѣніе, — что сверхъестественную силу ея духа и ея рѣшительность должно приписывать не одному природному характеру, но и сильно возбужденнымъ религіознымъ понятіямъ, въ которыхъ Европейскій иллюминизмъ смѣшивается съ нѣкоторыми Восточными догматами, и особенно съ чудесами Астрологіи. Какъ бы то ни было, леди Стенгопъ пользуется большою славою на Востокѣ (?), и удивляетъ собою Европейцевъ. Будучи отъ нея такъ близко, я чрезвычайно желалъ ее видѣть: между ея наклонностью къ одиночеству и размышленію и моими собственными чувствами было повидимому столько сродства, что мнѣ очень хотѣлось удостовѣриться, до какой степени оно простирается. Но Европейцу крайне затруднительно добиться съ нею свиданія: она устраняетъ всякое сообщеніе съ Англійскими путешественниками, съ женщинами и даже съ членами своего семейства. Поэтому я мало надѣялся быть ей представленнымъ; тѣмъ менѣе, что не имѣлъ даже рекомендательнаго письма. Однако я зналъ, что она въ сношеніяхъ съ Палестинскими и Месопотамскими Бедуинами, и что покровительство ея будетъ мнѣ очень полезно въ предположенномъ путешествіи, и потому рѣшился послать къ ней Араба съ слѣдующимъ письмомъ:

«Миледи,

«Подобный вамъ путешественникъ и чужеземецъ на Во«стокѣ странствуетъ нарочно для того, чтобъ наблюдать «здѣсь природу, развалины и дѣла рукъ Божіихъ. Я сей«часъ только пріѣхалъ въ Сирію съ моимъ семействомъ.

«Почту однимъ изъ лучшихъ дней моего путешествія тотъ, «въ который сдѣлаюсь извѣстенъ женщинѣ, причисляемой «къ первымъ чудесамъ Востока.

«Если вы будете такъ милостивы, что захотите принять «странника, благоволите назначить день, какой вамъ будетъ «угодно, и извѣстить меня, долженъ ли я пріѣхать одинъ, «или могу ввести къ вамъ и нѣкоторыхъ моихъ спутни«ковъ, знающихъ всю цѣну чести быть вамъ представлен«ными.

«Умоляю васъ, миледи, не соглашаться изъ одной вѣ«жливости на мою просьбу, если исполненіе ея должно «нарушить непріятнымъ образомъ вашу привычку къ рѣ«шительному уединенію. Я самъ такъ живо чувствую цѣ«ну свободы и одиночества, что буду умѣть постигнуть «и уважить вашъ отказъ.

«Примите,» и прочая.

«Не долго ожидалъ я отвѣта: тридцатаго числа, часа въ три по полудни, пріѣхалъ ко мнѣ конюшій леди Стенгопъ, исправляющій должность и врача ея, съ тѣмъ, чтобы проводить меня въ Джіунъ, гдѣ живетъ эта необыкновенная женщина.

«Въ четыре часа мы отправились; со мною были докторъ Леонарди, Г. Парсваль, слуга и проводникъ: всѣ мы ѣхали верхами. Я миновалъ довольно близко Байрутъ, великолѣпную сосновую рощу, насажденную нѣкогда эмиромъ Ливана, Фахръ-эддиномъ на высокомъ мысѣ, откуда видны вправо бурное Сирійское море, а влѣво въ нѣдрахъ горнаго хребта чудесная долина, гдѣ богатство прозябеній Запада, — виноградъ, смоковницы, шелковичникъ, пирамидальный тополь (кипарисъ?) смѣшаны съ высокими пальмами (?) Востока, которыхъ широкія листья качаются въ ясно-голубой тверди какъ огромный пукъ перьевъ.»

Бѣда, когда поэтическое воображеніе станетъ еще путешествовать! Эти пальмовыя листья, конечно, качаются прекрасно въ ясно-голубой тверди, и совершенно-похожи на огромный пукъ перьевъ; жаль только, что ихъ тамъ нѣтъ и въ заводѣ. Ни въ Байрутѣ, ни около Байрута, пальмъ не растетъ; во всей этой области есть

сдва десятьили двѣнадцать тощихъ пальмъ, въ садахъ, на показъ. Таковы виды Г. Ламартина.

«Почти подлѣ этого мѣста увидѣли мы родъ пустыни, покрытой буграми краснаго песку въ видѣ громадныхъ волнъ океана. Въ это время дулъ сильный вѣтеръ и взрывалъ песчаную равнину, какъ море. Это зрѣлище, для меня совершенно новое, было печальнымъ образцемъ настоящей, обширной пустыни, которую я собирался посѣтить. Не было слѣда ни человѣка, ни животнаго на всемъ сыпучемъ пространствѣ; единственными путеводителями служили намъ съ одной стороны ревущія волны, съ другой вершины Ливанскаго хребта. Скоро мы напали на нѣкоторый родъ дороги или тропы, гдѣ мѣстами разбросаны были огромные угловатые каменья. Эта дорога, идущая по морскому берегу вплоть до Египта, привела насъ къ развалившемуся дому, остатку древней обрушенной башни, гдѣ мы провели темные часы ночи на тростниковыхъ циновкахъ и завернувшись въ плащи. Лишь-только взошелъ мѣсяцъ, мы опять сѣли на лошадей и поѣхали.

«Небо сверкало звѣздами, совершенная ясность господствовала въ эѳирныхъ пространствахъ, а окружавшая насъ природа какъ-будто стонала въ страшныхъ судорогахъ (?). Унылый видъ берега на пространствѣ нѣсколькихъ миль усиливалъ горестное впечатлѣніе. Мы оставили за собою прекрасныя, тѣнистыя рощи и зеленѣющія равнины Ливана. Передъ нами были горы, усѣянныя съ низу до верху черными, бѣлыми и сѣрыми камнями, памятниками землетрясеній; вправо и влѣво море, съ самаго утра колеблемое бурею, катило свои тяжелые, грозные валы; длинная тѣнь изъ-дали возвѣщала ихъ приближеніе: они ударяли въ берегъ съ громовымъ трескомъ, обрызгивали пѣной всю дорогу, прорывались даже подъ ноги нашимъ лошадямъ и грозили увлечь насъ съ собою. Мѣсяцъ, сіявшій какъ зимнее солнце, проливалъ на море столько свѣта, что мы могли видѣть всю его ярость; но намъ казалось, что онъ недовольно освѣщаетъ опасности дурной дороги, по которой мы ѣхали почти ощупью. Вдругъ пожарное пламя отразилось на вершинахъ Ливана и слилось съ утреннимъ туманомъ, придавая всей картинѣ какой-то обманчи-

вый, исчезающій оттѣнокъ, не похожій ни на блескъ дня, ни на ясность лунной ночи, тягостный для глазъ и для души, — бореніе двухъ противныхъ началъ, встрѣчаемое иногда въ природѣ, но всего чаще въ сердцѣ человѣческомъ!

«Въ семь часовъ утра, когда солнце уже палило, выѣхали мы изъ Сайда, древняго Сидона, который простирается въ море славнымъ памятникомъ минувшаго владычества, и стали взбираться на обнаженные, мѣловые холмы: подымаясь исподоволь, они вели къ пустынному убѣжищу, котораго мы напрасно искали глазами. Какъ-скоро мы достигали вершины одного холма, намъ открывался другой еще выше, на который мы должны были карабкаться или объѣзжали его кругомъ: горы примыкали одна къ другой какъ звенья спутанной цѣпи, оставляя между собой глубокіе бѣлые рвы, въ которыхъ мѣстами лежали рухнувшія скалы. Эти холмы вовсе лишены прозябенія и даже не прикрыты землею. Это остовы горъ, которыя въ теченіе вѣковъ смыты и развѣяны. Не въ такой пустынѣ думалъ я найти жилище той, которая объѣздила весь свѣтъ, и могла выбрать себѣ любое мѣсто. Наконецъ, съ вершины одной изъ скалъ увидѣлъ я глубокую и обширную долину, окруженную высотами, болѣе величественными, но не менѣе безплодными. Въ серединѣ этой долины подымается гора Джіунъ, въ видѣ основанія обширной башни, а около нея лежатъ уступами круглыя скалы, и, стѣсняясь къ вершинѣ, образуютъ наконецъ поляну въ нѣсколько сотъ сажней, покрытую прекраснѣйшимъ прозябеніемъ. Бѣлая стѣна, съ кіоскомъ на одномъ изъ угловъ, опоясываетъ эту массу зелени. Вотъ мѣстопребываніе леди Эсѳири! Мы пріѣхали туда въ полдень. Домъ не имѣетъ ни какого сходства съ тѣмъ, что носитъ это названіе въ Европѣ, ни съ тѣмъ, что разумѣютъ подъ нимъ на Востокѣ. Это — безпорядочное и странное соединеніе десяти или двѣнадцати домиковъ объ одной или, много, двухъ комнатахъ, безъ оконъ: они раздѣлены маленькими дворами или садиками, и очень похожи на бѣдные монастыри нищенствующихъ орденовъ, разсѣянные по горамъ въ Италіи и въ Испаніи.

«По всегдашнему своему обыкновенію, леди Стенгопъ не показывалась до четырехъ часовъ. Каждому изъ насъ отвели родъ тѣсной кельи безъ окна и мебели. Намъ принесли завтракъ, и, въ ожиданіи невидимой хозяйки этого таинственнаго жилища, мы прилегли на диваны. Я спалъ, какъ часа въ три разбудилъ меня стукъ у дверей, и мнѣ сказали, что леди готова принять меня. Я прошелъ дворомъ, садомъ, открытымъ кіоскомъ, наполненнымъ ясминами; потомъ слѣдовали два или три темные коррндора, и наконецъ маленькій негръ отъ шести до восьми лѣтъ, ввелъ меня въ кабинетъ леди Эсѳири.

«Здѣсь было такъ темно, что я съ трудомъ могъ различить ея благородныя, важныя, кроткія и величественныя черты. Она встала съ дивана, подошла ко мнѣ, и подала руку. Леди Эсѳирь на видъ лѣтъ пятидесяти; у нея одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ не измѣняютъ годы: румянецъ, округлость, свѣжесть пропадаютъ съ молодостью; но если красота въ самыхъ формахъ, въ самыхъ очертаніяхъ, въ достоинствѣ, въ величіи, въ мысли, запечатлѣнной на лицѣ мужчины или женщины, — такая красота можетъ подвергаться перемѣнамъ въ разные періоды жизни, — совсѣмъ никогда она не исчезаетъ. Красота леди Стенгопъ этого рода. На ней была бѣлая чалма, и алая шерстяная перевязь опоясывала лобъ и спускалась по обѣимъ сторонамъ на плеча. Длинная, желтая кашмирская шаль и полное Турецкое платье, изъ бѣлой шелковой матеріи, съ широкими рукавами, обвивали ее своими простыми и великолѣпными складками; только въ разрѣзѣ этого сарафана, виднѣлось другое платье изъ Персидской матеріи, шитое цвѣтами и доходившее до самой шеи, гдѣ оно застегивалось жемчужною запоною. Турецкіе полусапожки изъ желтаго сафьяна, вышитые шелкомъ, довершали прекрасный нарядъ: она носила его съ такой непринужденной ловкостью, какъ-будто не знала другаго отъ младенчества

«—Вы пріѣхали издалека навѣстить пустынницу, сказала она она: милости просимъ. Я принимаю мало гостей, едва-ли одного или двухъ въ продолженіе цѣлаго года, но письмо ваше мнѣ понравилось. Я хотѣла узнать человѣка, который, подобно мнѣ, любитъ Бога, природу и уединеніе. Сверхъ

того, что-то говорило мнѣ, что звѣзды наши одного порядка, и что мы съ вами сойдемся. Вижу съ удовольствіемъ, что предчувствіе меня не обмануло: черты ваши, которыя теперь вижу, и отголосокъ вашихъ шаговъ, который слышала, когда вы шли по корридору, высказали мнѣ объ васъ столько, что я не могу раскаяваться въ желаніи васъ видѣть. Прошу садиться и поговоримте; мы уже друзья.

«—Какъ, миледи! вы такъ скоро удостоиваете названіемъ друга того, чье имя и чья жизнь вамъ вовсе неизвѣстны? Вѣдь вы не знаете, кто я.

«—Это правда; я не знаю, что̀ вы такое по понятіямъ свѣта, и не знаю, что вы дѣлали, пока жили между людей; но знаю, что вы передъ Богомъ. Почитайте меня безумною,—мнѣ часто даютъ это прозвище въ свѣтѣ,—но я не могу преодолѣть себя, чтобъ не открыть вамъ моей души. Есть наука, которая утратилась теперь въ Европѣ,—наука, родившаяся на Востокѣ и никогда тамъ не умиравшая: она и нынче существуетъ, я знакома съ нею. Я читаю въ звѣздахъ. Мы всѣ дѣти одного изъ небесныхъ свѣтилъ, господствовавшихъ при нашемъ рожденіи: ихъ счастливое или злосчастное вліяніе написано у насъ въ глазахъ, на лбу, на всемъ лицѣ, въ чертахъ рукъ, въ формѣ ногъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ походкѣ. Я видѣла васъ только нѣсколько минутъ, а право знаю такъ, совершенно, какъ-будто прожила съ вами цѣлое столѣтіе. Открыть вамъ васъ самихъ? Хотите, я предскажу вамъ судьбу вашу?

«—О, нѣтъ, миледи! отвѣчалъ я съ улыбкою: я не спорю, что она мнѣ неизвѣстна; не утверждаю, чтобъ видимая и невидимая природа не были связаны между собою, чтобъ существа низшаго порядка, напримѣръ люди, не были подъ вліяніемъ высшихъ, каковы звѣзды или ангелы; но мнѣ не нужно ихъ откровеній для убѣжденія самого себя, что я-тлѣнъ, слабость и ничтожество! Что касается до тайнъ моей будущности, то я счелъ бы оскорбленіемъ Божества, отъ меня ихъ сокрывшаго, если бъ сталъ искать ихъ въ существѣ сотворенномъ. Я вѣрую только въ Бога и въ добродѣтель.....

«—Во что бы вы ни вѣровали, вы все-таки одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я ожидала,—которые посылаются

мнѣ Провидѣніемъ,—которые должны исполнить важную обязанность предстоящемъ въ дѣлѣ. Вы будете въ немъ участвовать; не знаю еще какъ, но могу сказать вамъ это, если хотите, нынче вечеромъ, сообразившись съ вашими звѣздами. Теперь не знаю ихъ всѣхъ по имени; однако вижу болѣе трехъ, распознаю четыре, быть—можетъ пять, и даже болѣе. Одна изъ нихъ павѣрное Меркурій, дающій ясность, цвѣтъ и умъ рѣчи: вы должны быть поэтъ,—это видно у васъ по глазамъ и по верхней части лица; нижняя часть подъ вліяніемъ совсѣмъ другихъ свѣтилъ, почти противоположныхъ первымъ. Есть какая—то энергія и дѣятельность, есть какой-то солнечный свѣтъ въ вашихъ волосахъ и въ томъ, какъ вы закидываете голову къ лѣвому плечу. Благодарите Бога! немногіе рождены болѣе чѣмъ подъ одной звѣздою; немного такихъ, чья звѣзда счастлива, и еще менѣе тѣхъ избранныхъ, чья звѣзда, при всей ея благопріятности, не пересиливается зловреднымъ вліяніемъ противуположной. У васъ, напротивъ, ихъ нѣсколько, и всѣ онѣ согласно вамъ служатъ; всѣ взаимно помогаютъ одна другой въ вашу пользу. Ваше имя?

«Я сказалъ ей.

«—Никогда не слыхивала его прежде, отвѣчала она съ выраженіемъ истины.

«—Видите, сударыня, что такое слава! Въ свое время я написалъ нѣсколько стиховъ, заставившихъ всѣ литературныя эха въ Европѣ, повторить имя мое милліонъ разъ; но эти эха были однако жъ такъ слабы, что не достигли къ вамъ за море и за горы, и здѣсь я человѣкъ совершенно новый, существо вовсе неизвѣстное,—имя мое никогда не было произнесено! Тѣмъ лестнѣе для меня ваша снисходительность: я обязанъ ею только вамъ и самому себѣ.

«—Да! сказала она: поэтъ вы или нѣтъ, а я люблю васъ, и полагаю на васъ мою надежду: мы опять сойдемся, будьте увѣрены! Вы воротитесь на Западъ, но скоро опять пріѣдете къ намъ на Востокъ: это ваше отечество.

«—По-крайней-мѣрѣ, это сторона моего воображенія.

«—Не смѣйтесь, возразила она: это дѣйствительно ваше отечество, родина вашихъ предковъ. Теперь я въ этомъ увѣрена: взгляните на свою ногу!

«—Я ничего не вижу, отвѣчалъ я, кромѣ пыли, которою покрыли ее ваши дороги, и которой я стыдился бы въ гостиной древней Европы.

«—Ничего! Дѣло не въ томъ: посмотрите на свою ногу! Я прежде сама этого не замѣчала. Посмотрите! подъемъ очень высокъ; когда вы ее поставите наземь, между пяткою и пальцами остается столько пустоты, что вода пройдетъ подъ подошву и не замочитъ ея. Это Арабская нога! Это нога Востока! Вы здѣшній, и скоро придетъ то время, когда каждый воротится въ отчизну предковъ. Мы опять свидимся.

«Тутъ вошелъ черный невольникъ, палъ ницъ, касаясь лбомъ ковра и поднявъ руки надъ головою, и сказалъ что-то госпожѣ своей по-Арабски.

«—Пожалуйте, молвила она, для васъ готовъ обѣдъ: покушайте скорѣе, и приходите опять ко мнѣ. Я займусь междутѣмъ вами же, и проясню мои мысли насчетъ вашей будущности. Я никогда ни съ кѣмъ не сажусь за столъ, потому что ѣмъ слишкомъ умѣренно: когда проголодаюсь, съ меня довольно немного хлѣба и плодовъ. Зачѣмъ же гостямъ постничать со мною?

«Меня повели большою крытою аллеею, осѣненною ясминами и олеандромъ. Столъ былъ накрытъ для Г. Парсваля и для меня; мы ѣли очень торопливо, но леди не дождалась, пока мы встанемъ, и прислала Леонарди сказать мнѣ, что она меня ожидаетъ. Я поспѣшилъ на зовъ, и засталъ ее съ предлинною трубкою; она велѣла подать и мнѣ такую же. Я ужъ привыкъ видѣть на Востокѣ, что самыя милыя и прекрасныя женщины курятъ табакъ: я пересталъ чувствовать отвращеніе при видѣ этого небрежнаго, очаровательнаго положенія и этихъ тонкихъ струй пахучаго дыма, выходящихъ изъ устъ красавицы и прерывающихъ бесѣду, ни мало ея не охлаждая. Мы долго разговаривали такимъ образомъ и все о любимомъ предметѣ,—о таинственныхъ соображеніяхъ этой необыкновенной женщины, этой новой чародѣйки, вылитой по древнему образцу, этой степной Цирцеи.

«Мнѣ показалось, что религіозныя ученія леди Эсѳири—любопытная, хоть и безпорядочная смѣсь тѣхъ различныхъ

исповѣданій, посреди которыхъ она обрекла себя жить. Таинственная, какъ друзы, которыхъ мистическія тайны можетъ быть ей одной хорошо извѣстны; покорная судьбѣ, какъ мусульмане, и фаталистка подобно имъ, она чаетъ мессіи съ жидами. Прибавьте къ этому фантастическія краски и сверхъестественныя грезы воображенія, упитаннаго восточностью и возбужденнаго уединеніемъ, думами, и откровеніями Арабскихъ астрологовъ, и вы будете имѣть понятіе объ этомъ чудномъ совокупленіи, которое удобнѣе называть безумiемъ, чѣмъ разобрать и постигнуть. Она однако же не сумасшедшая! Безумія, которое такъ ясно написано въ глазахъ у тѣхъ, кто ему подверженъ, вы не замѣтите въ ея прекрасномъ, открытомъ взорѣ; безумія, которое всегда обличаетъ себя въ разговорѣ, невольно перерывая его связь внезапными, безпорядочными скачками, вы отнюдь не найдете въ высокой, таинственной, полусумрачной, но связной и остроумной бесѣдѣ леди Стенгопъ. Если бъ мнѣ пришлось объявить на этотъ счетъ свое мнѣніе, я сказалъ бы, что заблужденіе ея произвольно, обдумано, ей самой извѣстно, и что она придаетъ себѣ видъ безумія по особеннымъ причинамъ. Мнѣ кажется, что это маска. Могущественное вліяніе ея генія, существовавшее и доселѣ существующее между кочующими Арабскими поколѣніями, окружающими эти горы, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что это безуміе есть только средство къ достиженію извѣстной цѣли. Для обитателей этого края чудесъ, для этого степнаго и горнаго народа, котораго воображеніе и ярче и пасмурнѣе горизонта его песковъ или морей, необходимо слово Магомета или леди Стенгопъ. Они жаждутъ общенія съ звѣздами, пророчествъ, чудесъ, ясновидѣній духа. Истинно высокій умъ леди Стенгопъ постигъ это съ перваго взгляда, а впослѣдствіи—какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, которые одарены могучими умственными способностями,—она сама увлеклась своимъ мечтаніемъ и стала первопоклонницею символа, созданнаго ею для другихъ. Вотъ впечатлѣніе, какое произвела она во мнѣ. Объ ней нельзя судить и рядить съ одного взгляда: это статуя колоссальныхъ размѣровъ. Ее можно разсматривать только съ ея собственной точки зрѣнія. Я не удивлюсь, если въ непродолжительномъ времени часть ожидаемаго ею совер-

нится,—возникнетъ царство въ Аравіи, престолъ въ Іерусалимѣ. Малѣйшее политическое потрясеніе въ томъ краѣ Востока, гдѣ живетъ она, можетъ вознести ее на эту высоту.

«—Сдѣлаю одинъ только упрекъ вашему генію, сказалъ я ей: вы были слишкомъ робки въ отношеніи къ событіямъ и не воспользовались всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могли бы воспользоваться.

— Вы говорите какъ человѣкъ, который слишкомъ полагается на свою волю и мало вѣритъ непреодолимой судьбѣ, — а въ ней вся моя сила. Я жду ея, но не вызываю; я старѣюсь, значительно разстроила свое состояніе; я теперь одна, предоставлена самой себѣ на этомъ голомъ утесѣ, и могу сдѣлаться добычею перваго смѣлаго разбойника, который вздумаетъ ко мнѣ вломиться: я окружена толпою невѣрныхъ слугъ и неблагодарныхъ невольниковъ, которые грабятъ меня каждый день, а иногда грозятъ и моей жизни. Еще очень недавно сохраненіемъ ея была я обязана вотъ этому кинжалу: я должна была защищать имъ грудь свою отъ ножа чернаго невольника, котораго я выростила! И что жъ? Среди всѣхъ этихъ бѣдствій я счастлива; я противопоставляю имъ обычное изреченіе Мослемовъ — *Аллахъ керимъ*! «Богъ милостивъ!», и жду съ довѣріемъ будущности, о которой вамъ говорила, и которою желала бъ одушевить васъ.

«Когда мы выкурили по нѣскольку трубокъ и выпили по нѣскольку чашекъ кофе, подаваемыхъ намъ каждые четверть часа черными невольниками, она сказала:

«—Пойдемте! Я поведу васъ въ святилище, куда не входитъ никто изъ непосвященныхъ, — въ садъ мой.

«Мы сошли туда по небольшому крыльцу, и я гулялъ съ нею въ совершенномъ очарованіи отъ одного изъ прекраснѣйшихъ Турецкихъ садовъ, видѣнныхъ мною на Востокѣ. Темныя крытыя аллеи, поддерживавшія на зеленыхъ сводахъ блестящія грозды Обѣтованной Земли; кіоски, гдѣ фантастическія изваянія перевивались ясминами и разстилающимися розябеніями Азіи; водоемы, въ которые вода проведена была за милю и съ шумомъ била изъ мраморныхъ фонтановъ. Дорожки, обсаженныя всѣми плодовыми

деревьями Англійскими, Европейскими и туземными; зеленыя лужайки, украшенныя кустами и цвѣтами, совершенно для меня новыми, и заключенными въ мраморныхъ перегородкахъ: вотъ этотъ садъ. Мы отдыхали во многихъ кіоскахъ, которыми онъ украшенъ, и неистощимая бесѣда леди Эсѳири ни въ одномъ случаѣ не теряла того мистицизма и той возвышенности, которыми она отличалась утромъ.

«—Сама судьба, сказала она наконецъ, привела васъ сюда; удивительное сочувствіе между нашими звѣздами позволяетъ мнѣ ввѣрять вамъ то, что я сокрыла бы отъ многихъ непосвященныхъ. Пойдемте! Я хочу, чтобъ вы видѣли собственными глазами чудо природы, котораго назначеніе извѣстно только мнѣ и моимъ единомышленникамъ: Восточныя предсказанія возвѣщали его за нѣсколько вѣковъ, и вы сами можете судить, сбылись ли эти предсказанія.

«Она толкнула дверь, отворившуюся изъ саду въ маленькой дворикъ, и я увидѣлъ двухъ прекрасныхъ кобылицъ, чистой Арабской породы и самыхъ отличныхъ статей.

«—Подойдите, сказала мнѣ леди, и разсмотрите эту гнѣдую кобылицу: не совершила ли въ ней природа всего того, что писано о кобылицѣ, которая должна везти будущаго мессію, именно, что она родится совсѣмъ осѣдланная.

«Дѣйствительно, я увидѣлъ на этомъ прекрасномъ животномъ игру природы, столь необыкновенную, что она легко могла соблазнить суевѣріе полуварварскаго народа: у кобылицы на спинѣ было углубленіе, весьма похожее на Турецкое сѣдло, и очень можно было сказать, что она родилась совсѣмъ осѣдланная Если бъ не недостатокъ въ стременахъ, на ней ловко было бъ ѣздить и безъ искусственнаго сѣдла. Эта прекрасная кобылица, казалось, привыкла къ удивленію и почтительности, которую оказываютъ ей леди Стенгопъ и ея невольники, и какъ-будто предчувствуетъ свое призваніе. Никогда никто на нее не садился; два Арабскіе конюха ходятъ и смотрятъ за нею, не спуская глазъ. Другая кобылица, на которой также никогда не ѣздили, — бѣлая и помоему несравненно прекраснѣе первой, раздѣляетъ съ нею уваженіе и попеченія хозяйки. Леди Стенгопъ не сказала мнѣ, но дала выразумѣть, что хотя назначеніе бѣлой кобылицы менѣе священно, однако жъ и ей предстоитъ

важный и таинственный удѣлъ: кажется, что леди Эсеиръ припасла ее для собственнаго употребленія на тотъ день, когда она будетъ торжественно въѣзжать въ завоеванный Іерусалимъ объ-руку съ мессіею, ожидаемымъ Евреями. Лошадей вывели погулять на лугъ, внѣ укрѣпленія; мы долго любовались красотою ихъ движеній, и потомъ воротились домой. Леди Стенгопъ уступила наконецъ моимъ просьбамъ, и позволила представить ей моего друга и товарища, Г. Парсваля. Мы всѣ трое вошли въ маленькую комнатку, которую я уже описывалъ, чтобы провести тамъ вечеръ, или точнѣе — ночь. Кофе и трубки явились опять въ Восточномъ изобиліи, и комната вскорѣ такъ наполнилась облаками дыма, что леди Стенгопъ мелькала намъ сквозь атмосферу, подобную волшебнымъ парамъ духопризываній.

«Она говорила здѣсь съ тою же силою, пріятностью и легкостью, какъ со мною наединѣ; но не такъ сверхъестественно и не о столь высокихъ для нея предметахъ.»

Г. Ламартинъ разсказываетъ далѣе о замѣчательныхъ примѣрахъ дара леди Эсеири угадывать характеры: между прочимъ приводитъ онъ описаніе двухъ или трехъ знакомыхъ ему путешественниковъ, которые были у ней въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Разумѣется, они говорили и о Наполеонѣ, а между-тѣмъ прошла почти вся ночь. При разставаніи, леди Стенгопъ сказала ему, что она съ нимъ не прощается и что они часто будутъ видаться въ пынѣшнее его путешествіе, а еще чаще въ продолженіе другихъ, и которыхъ онъ и не думаетъ; просила его итти отдохнуть и помнить, что онъ оставилъ друга въ пустыняхъ Ливанскихъ, тутъ она протянула ему руку. Онъ положилъ свою на сердце, по Арабски, и вышелъ съ товарищемъ изъ комнаты.

Это — единственное любопытное мѣсто въ «Воспоминаніяхъ» Г. Ламартина, и мы надѣемся, что разговоръ съ леди Стенгопъ онъ лучше удержалъ въ своей памяти, нежели виды Ливанскихъ долинъ около Байрута, въ которыхъ ему чудились такія пышныя

пальмы. Но и здѣсь есть много поверхностнаго. Г. Ламартинъ, напримѣръ, вѣритъ, что «геній леди Стенгопъ имѣетъ *могущественное* вліяніе на Бедуиновъ», и, поднявшись на политическую глубокомысленность, онъ еще предполагаетъ, будто она помѣшалась на кабалистикѣ съ дальновиднымъ намѣреніемъ сдѣлаться царицею Іерусалима! Плохо же великій поэтъ узналъ Сирію и Бедуиновъ. Все это такъ далеко отъ истины, что мы удивляемся только добродушію или легковѣрности автора, который могъ перепести на бумагу подобныя сплетни невѣжества Сирійскихъ Левантинцевъ. Г. Ламартину, кажется, неизвѣстно, что̀ было причиною этого страннаго направленія ума знаменитой отшельницы. Мы можемъ объяснить ему загадку. Нѣкто Лустано̀, Французъ, нѣкогда служившій въ войскѣ одного Индѣйскаго раджи и потомъ, съ фантастическимъ титуломъ генерала и значительнымъ богатствомъ, воротившійся въ Парижъ, гдѣ онъ скоро промотался, ѣхалъ въ 1817 году вторично въ Индію, черезъ Сирію, и нашелся въ крайней нуждѣ. Леди Стенгопъ, приняла его въ свой домъ, котораго онъ потомъ сдѣлался управителемъ, пріобрѣвъ себѣ дружбу сострадательной хозяйки. Лустано̀е ще прежде, въ Индіи и во Франціи, занимался Астрологіей и сокровенными науками, и онъ-то посвятилъ свою благодѣтельницу въ тѣ тайны, въ которыя она хотѣла посвятить Г. Ламартина. Этотъ лунатикъ, достигшій уже глубокой старости, живетъ теперь, какъ видно изъ «Писемъ о Востокѣ» Гг. Мишо̀ и Пужула̀, въ Іерусалимѣ; отростилъ себѣ длинную бороду, ревностно упражняется въ кабалистикѣ, и ждетъ, вмѣстѣ съ тамошними Евреями, скораго появленія мессіи.

=

ПЕРІОДЪ САМОЗВАНЦЕВЪ.

Теперь занимаются очень много періодомъ Самозванцевъ,—пишутъ трагедіи, драмы, повѣсти, романы: поэтому весьма кстати показать коротко и какъ-можно простѣе ходъ тогдашнихъ происшествій, чтобы поставить читателей этихъ трагедій, драмъ, повѣстей и романовъ въ возможность судить самимъ объ употребленіи, какое дѣлаютъ сочинители изъ лицъ и событій, ознаменовавшихъ столь любопытную эпоху нашей исторіи.

Около 1601 году, въ Литвѣ, въ домѣ князя Адама Вишневецкаго, явился человѣкъ, который объявилъ себя Димитріемъ, сыномъ Царя Іоанна Васильевича, спасшимся будто въ Угличѣ при покушеніи слугъ Годунова на жизнь его. Вишневецкій, братъ его, тесть послѣдняго—воевода Сандомирскій Юрій Мнишехъ, приняли живое участіе въ судьбѣ самозванца, и донесли объ немъ Сигисмунду III, королю Польскому, прося о помощи. Іезуиты, всесильные тогда въ Польшѣ, еще прежде начали дѣйствовать въ его пользу, вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ Рангони. Они имѣли въ предметѣ, посредствомъ его подчинить папѣ Греческую церковь. Суетные и легковѣрные паны надѣялись получить почести и сокровища отъ Царя, который будетъ обязанъ царствомъ ихъ покровительству, а король могъ думать о возвращеніи потерянныхъ областей, пріобрѣтеніи новыхъ. Какое благопріятное стеченіе обстоятельствъ для дерзкаго!

Однако жъ Сигисмундъ, безъ согласія сейма, не могъ нарушить мира съ Россіей, и дать Самозванцу вспомогательнаго войска. Онъ назначилъ ему только ежегодное жалованье, и велѣлъ Мнишху и Вишне-

вецкимъ составлять рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходъ Сандомирскаго воеводства; внушалъ дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и, торжественно возложивъ съ своей груди золотую цѣпь на Самозванца, отпустилъ его съ двумя іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маетностяхъ Мнишха, уже толпилась шляхта и чернь, чтобъ итти на Москву.

Главою вооруженія былъ старый Мнишехъ; Самозванецъ обѣщалъ взять себѣ дочь его, Марину, въ супружество, и отдать ей Новгородъ и Псковъ въ полное владѣніе, а ему княжества Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ, назначенныхъ для Сигизмунда.

Къ Польской сволочи пристало нѣсколько Московскихъ бѣглецовъ, поселившихся въ Литвѣ. Самозванецъ послалъ звать Донскихъ Казаковъ, которые, бывъ рады всякому случаю грабить, пришли къ нему съ охотою.

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ не приготовился встрѣтить его на границѣ, какъ-будто стыдясь воевать съ бродягою, и надѣялся кончить дѣло переговорами, убѣжденіями, угрозами.

Октября 16, 1604 года, Самозванецъ, разсылая всюду манифесты, вступилъ въ наши предѣлы съ тысячей пятью стами человѣкъ воиновъ и двумя тысячами Донскихъ Казаковъ, кромѣ вольницы Кіевской и Сѣверской.

Въ буйномъ и легкомысленномъ народѣ, подготовленномъ лазутчиками, произошло волненіе. Бродяги, которыми издавна была полна земля Сѣверская, слуги опальныхъ бояръ, разбойники изъ неловленныхъ шаекъ, бѣглецы послѣ указа 1600 года, ненавидѣвшіе Царя, стремились къ Самозванцу со всѣхъ сторонъ,

и умножали его шайку. Одни хотѣли грабить, другіе вѣрили ему въ самомъ дѣлѣ.

Пограничные города, начиная съ Моравска, въ которыхъ было очень мало войска, сдались ему, не бывъ въ силахъ защищаться поодиначкѣ; прочіе стали слѣдовать примѣру. Вездѣ вязали начальниковъ и присылали къ Самозванцу, который принималъ ихъ къ себѣ въ службу, чему они были очень рады, спасаясь этимъ отъ смерти; другіе сами становились въ его ряды, потому что надѣялись возвыситься или удовлетворить своей ненависти къ Борису.

Такимъ образомъ Самозванецъ, увеличивая свои силы, шелъ безпрепятственно впередъ, и наконецъ 26 октября занялъ Черниковъ, котораго не успѣла уже защищать рать, высланная наконецъ Борисомъ съ Басмановымъ и Трубецкимъ.

Воевода Черниговскій, князь Татевъ, не любившій Бориса, вступилъ въ службу къ Самозванцу, который раздѣлилъ найденную казну между своими воинами и тѣмъ усилилъ ихъ ревность.

Изъ Чернигова Самозванецъ пошелъ-было на Новгородъ Сѣверскій, гдѣ заперся Басмановъ, но получилъ сильный отпоръ, несмотря на то, что въ крѣпости было только пять сотъ Московскихъ стрѣльцевъ.

Зато прочіе города и села признавали власть его. Князь Рубецъ-Мосальскій съ дьякомъ Сутуповымъ предалъ крѣпкой Путивль (18 ноября), и сдѣлался съ того времени его любимцемъ и совѣтникомъ. Неменѣе важный Рыльскъ, волость Комарицкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, поддались ему.

Перехвативъ казну, тайно везенную къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ, онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ князю Вишневецкому, чтобъ набирать тамъ новыя дружины.

Борисъ, увидѣвъ такой неожиданный оборотъ, ве-

лѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, и поручилъ начальство надъ ними первому боярину, князю Мстиславскому. Въ церквахъ начали пѣть вѣчную память Димитрію и анаѳему Самозванцу.

Войско шло безъ охоты, въ сомнѣніи, при такихъ быстрыхъ и чудесныхъ успѣхахъ Самозванца и медленныхъ мѣрахъ Бориса, видя множество бояръ и чиновныхъ людей у него въ службѣ, и думая вмѣстѣ съ народомъ, не точно ли онъ сынъ Іоанновъ.

Воеводы были слабаго духа, кромѣ Басманова.

Въ Брянскъ съ большимъ трудомъ собралось около пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Воеводы выступили, и встрѣтились на берегу Десны съ Самозванцемъ, у котораго было двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Декабря 18, произошло сраженіе, и Борисово войско было бъ совершенно разбито, если бъ семь сотъ Нѣмецкихъ всадниковъ, удержавъ стремленіе непріятельскихъ, не спасли лѣваго крыла.

Однако жъ, это было сраженіе, а Самозванецъ и Поляки ожидали сдачи. Поляки увидѣли, что имъ надо будетъ брать съ бою, и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: всѣ бѣжали домой, а съ ними и горестный Мнишехъ. Съ Самозванцемъ осталось не болѣе четырехъ сотъ Польскихъ удальцевъ, кромѣ нашихъ измѣнниковъ. Онъ ушелъ въ Комарницкую Волость, занялъ Сѣвскій острогъ, и началъ вооружать, кого могъ. Дѣла его были очень дурны.

Борисъ пожаловалъ израненнаго Мстиславскаго, и прислалъ вторымъ предводителемъ князя Василія Шуйскаго. Басмановъ, который выступилъ изъ своей крѣпости на помощь Мстиславскому, и по отступленіи его снова въ нейзаключился, былъ вызванъ въ Москву, принятъ съ великими почестями, и награжденъ саномъ думнаго боярина.

Шуйскій, получивъ сильное подкрѣпленіе, съ шестидесятью или семидесятью тысячами пошелъ на Самозванца, который смѣло, имѣя не болѣе пятнадцати тысячъ, вышелъ къ нему на встрѣчу, и напалъ на него подъ Добрыничами. Несмотря на свою храбрость, онъ долженъ былъ уступить, и царское войско, преимущественно при помощи Нѣмцевъ Борисовыхъ, одержало рѣшительную побѣду 21 января. Сволочь Самозванцева была бы истреблена совершенно, если бы воеводы не велѣли остановиться преслѣдователямъ, думая, можетъ-быть, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убитъ.

Но онъ бѣжалъ, сперва въ Рыльскъ, а потомъ въ Путивль. Однако жъ онъ находился въ такой крайности, что оттуда хотѣлъ-было тайно уйти въ Польшу; но наши измѣнники, которымъ не оставалось ни какой надежды безъ него, удержали его, ручаясь за множество единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ государствѣ, и увѣряя, что можно еще поправиться. И въ самомъ дѣлѣ, оплошные воеводы, вмѣсто окончательнаго преслѣдованія, начали казнить попадавшихся къ нимъ измѣнниковъ и угрожать прочимъ, а потомъ, въ такое ненастное время, рѣшились еще дать отдохновеніе усталому войску. Самозванецъ не только спасся, но могъ собираться съ новыми силами.

Борисъ прислалъ гнѣвное слово войску; многіе воеводы оскорбились такою немилостью за свои заслуги, но, по приказанію Царскому пошли, хотя не охотно, съ восьмидесятью тысячами осаждать Кромы, въ которыхъ сидѣло шесть сотъ казаковъ. Осада продолжалась очень слабо, какъ вдругъ Борисъ, 13 апрѣля, послѣ почетнаго обѣда, въ Москвѣ, скоропостижно скончался изшедши кровію,—можетъ-быть отравленный, но не отравившійся. Его смертію пріуготовился успѣхъ Самозванцевъ.

Борисъ благословилъ на царство сына своего Θеодора, которому Москва и присягнула.

Главные воеводы, Мстиславскій и Шуйскіе, были отозваны отъ войска, чтобы засѣдать въ Думѣ.

Военачальникомъ посланъ Басмановъ.

Басмановъ привелъ войско къ присягѣ, но черезъ нѣсколько дней измѣнилъ, и 7 мая передался съ войскомъ Самозванцу, — потому ли, что уже видѣлъ общее нерасположеніе къ юному Θеодору, или потому, что своею измѣною надѣялся пріобрѣсть титло благодѣтеля и друга Самозванцева. Прочіе знатные воеводы, князь Василій и Иванъ Голицыны, Михаилъ Салтыковъ, дѣйствовали заодно съ Басмановымъ.

Измѣна войска рѣшила торжество Самозванца. Едва державшійся до-тѣхъ-поръ въ Путивлѣ, онъ выступилъ 19 мая къ Москвѣ. На пути всѣ уже преклонялись ему, славили Бога за его избавленіе и присягали въ вѣрности.

Въ Москвѣ прежде всѣхъ взяли его сторону Красносельскіе суконщики, которыхъ возмутить прислаты были отъ Самозванца особые чиновники, и которые въ свою очередь возмутили народъ. Θеодоръ былъ сведенъ съ престола 1 іюня. Бояре съ повинною поѣхали въ Тулу на встрѣчу къ Самозванцу, который прислалъ другихъ злодѣевъ умертвить несчастное семейство Годуновыхъ: оно и погибло 10 іюня, кромѣ Ксеніи. Патріархъ Іовъ, другъ ихъ, былъ лишенъ своего сана.

Самозванецъ вступилъ торжественно въ Москву 20 іюня.

Всѣ знатные сановники, Бояре, оказавшіе ему приверженность, особенно опальные бояре временъ Борисовыхъ, Нагіе и Романовы, были пережалованы. Народу объявлены разныя милости. Патріархомъ назначенъ Грекъ, Игнатій, епископъ Рязанскій. Послано почетное посольство въ Выксинскую Пустынь за мни-

мою матерью, инокинею Маѳою, жившею тамъ тринадцать лѣтъ, которая признала его своимъ сыномъ передъ всѣмъ народомъ, и Самозванецъ утвердился, казалось, совершенно на чужемъ престолѣ.

Онъ судилъ и рядилъ въ Думѣ умно, въ сношеніяхъ съ Польскимъ королемъ соблюдалъ достоинство, и не думалъ исполнять своего обѣщанія іезуитамъ о введеніи въ Россіи Римско-Католическаго исповѣданія; даже уклонялся отъ совѣта съ ними, позволивъ однако жъ служить имъ въ Кремлѣ Латинскую обѣдню.

Но домашняя его жизнь была противна нашему праву: онъ презиралъ всѣ Русскіе обычаи, любилъ веселиться съ Поляками, которымъ отдавалъ явное предпочтеніе, и которые своевольничали безнаказанно, сорилъ деньгами, безчинствовалъ.

Бояре, оскорбляемые имъ безпрестанно, воспользовались его дурнымъ поведеніемъ, и начали распускать молву объ его самозванствѣ. Первое лице между ними представилъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, свидѣтель смерти Царевича Димитрія. Слухи дошли до Самозванца, и Шуйскій былъ осужденъ на смерть; но предъ самою казнію помилованъ по ходатайству Царицы матери.

Однако молва, хотя тайная, не умолкала, и Самозванецъ своими поступками подавалъ безпрерывные поводы къ утвержденію о себѣ дурнаго мнѣнія. Прибытіе невѣсты его, Марины, рѣшило все.

Она пріѣхала 1 мая, но уплатѣ Самозванцемъ всѣхъ долговъ Мнишховыхъ. Оставаясь при своемъ исповѣданіи, она была вѣнчана на царство, что весьма не понравилось народу. Въ тотъ же день, на пятницу, на день Св. Николая Чудотворца, Самозванецъ сочетался съ нею бракомъ.

Въ упоеніи отъ брачныхъ празднествъ, видя безпрекословное повиновеніе всѣхъ бояръ, надѣясь на Нѣмецкихъ своихъ тѣлохранителей и Польскихъ го-

стей, которыхъ наѣзжало безпрестанно болѣе и болѣе, онъ не принималъ ни какой осторожности, равно какъ его друзья, хотя уже доходили до него слухи о новомъ заговорѣ.

Главою заговора былъ опять Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ убѣдилъ многихъ бояръ, купцовъ, посадскихъ и военныхъ, ему содѣйствовать, представивъ имъ разительно всю опасность, которою Лжедимитрій грозилъ Церкви, отечеству и имъ самимъ. Положено было ночью, на 17 мая, собраться на Красной Площади, созвать туда народъ и всѣмъ вмѣстѣ итти на «еретика и чернокнижника».

Всѣ мѣры удались, и Самозванецъ былъ убитъ вмѣстѣ съ своимъ наперсникомъ, Басмановымъ, и множествомъ Поляковъ и Нѣмцевъ. Бояре насилу могли утишить мятежъ. Марина Мнишехъ, посольство Сигизмундово и нѣкоторые знатные Поляки были спасены, но отданы подъ стражу.

Царемъ былъ провозглашенъ освободитель отъ Самозванца, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, впрочемъ не по единогласному желанію всѣхъ бояръ и выборныхъ людей, а только по желанію многочисленныхъ его приверженцевъ. Многіе бояре, изъ коихъ одни сами для себя питали надежду, а другіе не любили Шуйскаго, требовали напротивъ отложить избраніе до прибытія въ Москву сановниковъ изъ всѣхъ городовъ; но противная сторона, подкрѣпленная голосами народа, превозмогла, и 19 мая Шуйскій былъ нареченъ Царемъ Русскимъ.

При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, Василій Ивановичъ, по требованію нѣкоторыхъ бояръ, далъ, къ общему изумленію, присягу, дотолѣ неслыханную: 1. не казнить смертію никого безъ суда боярскаго; 2. преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3. въ извѣтахъ требовать прямыхъ уликъ съ очей на

очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо.

Впрочемъ, несмотря на всѣ мѣры Василія, со дня его воцаренія, начались въ Москвѣ безпокойства. Народъ, подущаемый злоумышленниками, безпрестанно волновался. Между-тѣмъ какъ Василій старался убѣдить всю Россію въ самозванствѣ убитаго, они начали распускать слухи, что мнимый Димитрій спасся.

Явный бунтъ открытъ княземъ Шаховскимъ, намѣстникомъ Путивльскимъ, приверженцемъ самозванца. Сѣверскіе города, также его любившіе, тотчасъ повѣрили Шаховскому, у котораго не было еще человѣка готоваго принять имя Димитрія, и не хотѣли отнынѣ слушать ни доказательствъ, ни увѣщаній Василіевыхъ. Собиралось войско. Поляки, услышавъ, объ этомъ новомъ случаѣ грабить Россію, стекались толпами къ Шаховскому. Нѣкто Болотниковъ сдѣлался предводителемъ его передоваго отряда, и въ скорое время дошелъ до Москвы, почти безъ всякаго затрудненія, послѣ одной легкой побѣды, покоряя волею и неволею всѣ города, по дорогѣ и въ окружности, именемъ Димитрія, и умножая свою сволочь новыми измѣнниками и людьми легковѣрными. Князь Скопинъ-Шуйскій отразилъ его однако жъ отъ Москвы 2 декабря, и принудилъ отступить въ Калугу, а потомъ въ Тулу.

Между-тѣмъ Шаховской привлекъ также многіе города на свою сторону даже до Астрахани и Сибири, и призналъ казака Илейку сыномъ покойнаго Царя Ѳеодора Іоанновича, чтобъ воспользоваться помощію Терскихъ и Волжскихъ казаковъ, которые еще при Лжедимитріи начали разбойничать подъ этимъ предлогомъ въ южной сторонѣ. Напрасно поджидая къ себѣ какого-нибудь самозванца изъ Сандомира, откуда его безпрестанно требовалъ Шаховской, пошелъ онъ наконецъ впередъ, вмѣстѣ съ Илейкою, освобо-

ждать Болотникова. Они соединились въ Тулѣ, подъ которою явился самъ Царь съ многочисленнымъ войскомъ. Послѣ продолжительной осады съ 30 іюня 1607 года по 10 октября, онъ взялъ городъ; Болотниковъ, Шаховской, Илейка и прочіе начальники были плѣнены; Илейка былъ казненъ, Болотниковъ умерщвленъ въ темницѣ, Шаховской сосланъ.

Но до взятія Тулы явился уже въ сѣверной сторонѣ новый самозванецъ, такъ долго искапный Шаховскимъ, и теперь присланный Мнишхами. Мѣховецкій, другъ и секретарь перваго обманщика, былъ его руководителемъ. Множество Поляковъ, знатныхъ и незнатныхъ, сопровождали его.

Сѣверскіе города признали его своимъ царемъ. Казаки, искавшіе случая грабить, приходили къ нему толпами. Онъ пошелъ впередъ, разбилъ нѣсколько царскихъ отрядовъ, и, услышавъ о взятіи Тулы, отступилъ.

Василій, думая, что взятіемъ Тулы все кончено, распустилъ значительную часть войска, и спѣшилъ въ Москву, чтобъ успокоить жителей. Василій надѣялся легко управиться послѣ съ Самозванцемъ, а тотъ, собравшись съ новыми силами, выступилъ опять впередъ, взялъ нѣсколько городовъ и расположился зимовать въ Орлѣ. Слѣдуя правилу Болотникова и Шаховскаго, онъ возмущалъ оттуда крестьянъ; объявлялъ свободу и независимость тѣмъ, которыхъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ. Туда прибыли къ нему знатные князья Рожинскій и Адамъ Вишневецкій съ двумя или тремя тысячами всадниковъ, а еще прежде отчаянный наѣздникъ Лисовскій. Рожинскій убилъ Мѣховецкаго и сдѣлался наставникомъ и гетманомъ бродяги. На весну, шайки его разсыпались во всѣ стороны.

Димитрій Шуйскій, братъ Царя, высланный противъ него съ войскомъ, былъ разбитъ совершенно подъ Болховымъ 13 апрѣля. Самозванецъ, послѣ этой побѣды, быстро пошелъ впередъ. Не находя почти ни какого твердаго сопротивленія, онъ приблизился къ самой Москвѣ, обошелъ Скопина, которому наконецъ дано было начальство надъ войскомъ, и расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ него.

Онъ надѣялся однимъ своимъ появленіемъ взволновать столицу и свергнуть Василія. Онъ писалъ грамматы, но грамматы не произвели ни какого общаго дѣйствія ни надъ войскомъ, ни надъ народомъ. Онъ не рѣшался на приступъ, чтобъ не разорить города и не лишиться его сокровищъ, и эта медленность погубила его.

Василій укрѣпилъ городъ, собралъ туда все войско, приготовился защищать, и вмѣстѣ принялъ другія мѣры: онъ вступилъ въ переговоры съ Польскими послами, прибывшими въ Москву ходатайствовать о свободѣ своимъ заточеннымъ соотечественникамъ, согласился на ихъ требованія, и освободилъ даже Мнишха и Марину съ тѣмъ условіемъ, чтобъ всѣ Поляки оставили Самозванца.

Но Поляки обманули его. Плѣнники ихъ, получивъ свободу, уѣхали, а Рожинскій со всѣми своими товарищами остался въ Тушинѣ: еще болѣе, — Марина съ отцемъ своимъ ворочены были съ дороги къ Самозванцу, который выслалъ за ними отрядъ. Марина поневолѣ признала его, 1 сентября, своимъ мужемъ, къ большему соблазну вѣрности народа, такъ, что многіе чиновные люди изъ дальнихъ городовъ и самаго войска Царскаго стали наѣзжать къ Самозванцу.

Въ станѣ его явилось новое лице, Сапѣга, который привелъ съ собою изъ Литвы семь тысячъ самыхъ удалыхъ наѣздниковъ. Онъ совѣтовалъ битвою рѣшить

судьбу Москвы; но Рожинскій, начавшій во время переговоровъ Васильевыхъ сношеніе съ Московскими злоумышленниками, медлилъ, ожидая скорой измѣны. Сапѣга отдѣлился, пошелъ завоевывать внутреннія области Россіи, и приступалъ къ Троицкой Лаврѣ 28 сентября. Лисовскій дѣйствовалъ съ другой стороны.

Василій послалъ Скопина къ Шведскому Королю Карлу IX, врагу Сигисмундову, за помощью, отъ которой прежде, подобно Борису, самъ отказывался; разослалъ грамматы по городамъ за ратными людьми, оставилъ станъ, и заперся въ Москвѣ. Городъ сильно волновался. Число измѣнниковъ увеличивалось безпрестанно. Многіе чиновные люди, видя критическое положеніе Василія и полагая, что Самозванецъ возметъ верхъ, стали перебѣгать явно къ Тушинскому царику. Всѣ города, до которыхъ достигали его шайки, признавали его своимъ царемъ, — Суздаль, Владиміръ, Переяславль, Угличь, Кострома, Галичь, Вологда, тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. За ними послѣдовали Тверь, Бѣлозерскъ, Ярославль. Самозванецъ веселился въ Тушинѣ, и ждалъ послѣдняго успѣха, — бунта въ Москвѣ, чтобъ взять ее безъ сраженія. Перемётчики, которые берегли въ городѣ свои семейства и имущества, утверждали его въ этой надеждѣ, и она въ самомъ дѣлѣ казалась несомнѣнною. Россія находилась въ самомъ крайнемъ положеніи, но новый врагъ помогъ ей выйти изъ него.

Этотъ врагъ былъ Сигисмундъ III. Желая воспользоваться бѣдствіями Россіи, чтобъ вознаградить себѣ завоеваніемъ этого государства потерю наслѣдственнаго престола Швеціи, онъ объявилъ войну въ іюнѣ 1609, и приступилъ къ Смоленску. Запорожскія шайки начали отъ его имени брать Сѣверскіе города, а независимые отъ него конфедераты Польскіе въ Тушинѣ, Рожинскій, Сапѣга и другіе, считавшіе всю

Россію своею добычей, называли дѣйствія Сигисмунда нарушеніемъ правъ своихъ и Самозванцевыхъ, и требовали, чтобъ онъ ее оставилъ. Съ того времени вниманіе ихъ частію отвлеклось отъ Москвы, и раздоръ ихъ съ своимъ королемъ былъ полезенъ Василію.

Другія обстоятельства также стекались въ его пользу: внутренніе города Русскіе, особенно сѣверные и сѣверовосточные, выведенные изъ терпѣнія буйствомъ и грабительствомъ шаекъ Самозванцевыхъ, начали возставать противъ нихъ, признавать снова державу Василія, и слать ему ратныхъ людей. Боярин Ѳедоръ Шереметевъ шелъ отъ Астрахани къ Москвѣ, и возстановлялъ порядокъ по своему пути. Скопинъ-Шуйскій получилъ въ помощь отъ Шведовъ пять тысячъ человѣкъ, и шелъ отъ Новагорода къ Москвѣ, очищая эту сторону отъ Поляковъ и отъ измѣнниковъ. Подъ Калязинымъ онъ разбилъ Сапѣгу, Лисовскаго и Заруцкаго, которые хотѣли-было преградить ему путь.

Гроза на Самозванца собиралась со всѣхъ сторонъ, и онъ принужденъ былъ рѣшиться на приступъ, чтобъ предупредить соединеніе всѣхъ своихъ противниковъ; но онъ былъ отраженъ съ величайшимъ урономъ.

Скопинъ дождался наконецъ 16 сентября, въ Переяславлѣ, Делагардія съ главнымъ его отрядомъ, открылъ сообщеніе съ Москвою, которая томилась голодомъ, и продолжала волноваться, несмотря на послѣдніе успѣхи; занялъ Александровскую Слободу, и разбилъ еще разъ Сапѣгу.

Конфедераты, лишась теперь даже и надежды взять Москву, опасаясь Скопина и голода, укротились и вошли въ сношеніе съ Сигисмундомъ. Король прислалъ къ нимъ изъ-подъ Смоленска посольство, зовя ихъ къ

себѣ на помощь. Послѣ нѣсколькихъ споровъ они сторговались, и обѣщали оставить Самозванца.

Польскіе послы начали тогда же переговоры и съ Русскими боярами, бывшими при Самозванцѣ. Салтыковъ, Рубецъ-Мосальскій и прочіе готовы были на все, чтобъ спастись отъ мести Шуйскаго.

Самозванецъ, узнавъ объ этихъ происшествіяхъ, бѣжалъ 29 декабря въ Калугу, гдѣ находилось много его приверженцевъ. Марина, тщетно желавъ сдѣлать возмущеніе въ войскѣ, которое впрочемъ ее любило, бѣжала туда же 11 февраля 1610 года. Тушинскіе бояре послали посольство къ Сигисмунду съ предложеніемъ вѣнца Владиславу.

Конфедераты долго ожидали исполненія условій отъ короля, и оставили Тушино, опасаясь нападенія отъ Скопина, который приближался къ нимъ, принудивъ Сапѣгу снять осаду Лавры. На пути своемъ къ Смоленску они сражались безпрестанно съ царскими отрядами. Рожинскій умеръ въ Волокѣламскомъ, и по смерти его войско разсѣялось: часть пошла къ Сигисмунду; другая въ Калугу къ Самозванцу, который собиралъ тамъ новыя силы; третья къ Сапѣгѣ, который сталъ между обоими на Угрѣ, и продавалъ и тому и другому свои услуги.

Сигисмундъ, желая Россіи для себя, а не для своего сына, отвѣчалъ Русскимъ посламъ двусмысленно, и требовалъ сдачи Смоленска, котораго Шеинъ, защищавшійся упорно въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, не отдалъ и теперь.

Скопинъ, очистивъ всѣ города отъ враговъ, своихъ и чужихъ, вступилъ въ Москву. Народъ поднесъ ему хлѣбъ и соль, и билъ челомъ за спасеніе Московскаго государства. Скопинъ прислалъ указа Царскаго довершить начатое дѣло, – истребить Лжедимитрія въ Калугѣ, и изгнать Сигисмунда изъ Россіи. Но Шуйскій

медлилъ исполнить его желаніе, ревнуя къ его славѣ и опасаясь, по навѣтамъ своего брата Димитрія, властолюбивыхъ его замысловъ, тѣмъ болѣе, что послѣ первыхъ еще его успѣховъ, Рязанскій Ляпуновъ предлагалъ ему въ Александровской Слободѣ быть Царемъ.

Скопинъ скоропостижно умеръ на пиру у Димитрія Шуйскаго.

Ляпуновъ, въ согласіи съ нѣкоторыми Московскими боярами, началъ новый бунтъ, обвиняя торжественно Димитрія Шуйскаго и самого Василія отравителями Скопина. Рязанскіе города отложились отъ Василія кромѣ Зарайска, удержаннаго княземъ Пожарскимъ.

Сигисмундъ, узнавъ о происшествіяхъ Московскихъ, послалъ туда отъ себя гетмана Жолкѣвскаго на встрѣчу Димитрію Шуйскому, принявшему послѣ смерти Скопина главное начальство надъ войскомъ. Подъ Клушиномъ Жолкѣвскій разбилъ его совершенно. Нѣмецкіе помощники среди сраженія передались Полякамъ, а Делагарди съ своими пошелъ къ Новугороду, обѣщая Царю – новое вспоможеніе, а своему королю – легкое завоеваніе сѣверозападной Россіи для Швеціи.

Жолкѣвскій приближался къ Москвѣ, вошелъ въ сношеніе съ жителями, убѣждалъ ихъ выдать Василія и присягнуть Владиславу.

Съ другой стороны шелъ къ Москвѣ Самозванецъ. Сапѣга, сторговавшись съ нимъ, взялъ его сторону. Они надѣялись предупредить гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи скорѣе сдастся Самозванцу, чѣмъ Сигисмунду, и расположились въ селѣ Коломенскомъ.

Единомышленники Ляпунова дѣйствовали въ Москвѣ, возбуждая народъ противъ Шуйскаго, и вскорѣ усилились.

Они рѣшились убѣдить сообщниковъ Самозванца оставить его и соединиться съ ними. На свиданіи у Данилова Монастыря Москвитяне и измѣнники дали взаимную клятву, – первые оставить Василія, вторые выдать Лжедимитрія; избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Поляковъ.

Этотъ договоръ объявленъ былъ въ Москвѣ, и въ общей думѣ, несмотря на возраженія патріарха Гермогена: положено было бить челомъ Василію, чтобъ онъ оставилъ царство. Василій не соглашался, и былъ постриженъ въ монахи.

Но Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ, и не выдали Самозванца. Жолкѣвскій приближался къ Москвѣ, и сторона Ляпунова и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ Шуйскому, Самозванцу и Полякамъ, желавшая избрать своего Царя, принуждена была уступить сторонѣ князя Мстиславскаго, перваго боярина Думы, который, для скорѣйшаго успокоенія отечества, подалъ голосъ въ пользу Владислава.

Начались сношенія съ Жолкѣвскимъ, который обѣщалъ все отъ имени Сигисмунда, и Москва присягнула Владиславу. Въ города посланы были грамматы.

Сапѣга и его Поляки принуждены были Жолкѣвскимъ оставить Самозванца, и онъ съ Мариною и Заруцкимъ бѣжалъ опять въ Калугу.

Но Сигисмундъ не внималъ представленіямъ гетмана, возбуждаемый его противниками, или ревнуя къ его славѣ, и писалъ къ нему занять Москву именемъ королевскимъ, а не Владиславовымъ.

Изъ Москвы отправлено было посольство къ Сигисмунду съ извѣстіемъ объ избраніи сына его на царство и просьбою о принятіи условій. По устроенію Жолкѣвскаго, послами назначены были князь Василій Голицынъ, котораго духовенство думало прежде избрать на престолъ, и митрополитъ Филаретъ, котораго сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане. Да-

лье, Жолкѣвскій убѣдилъ бояръ, чтобъ они потребовали вступленія Поляковъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто-бы готовой принять Лжедимитрія. Поляки заняли всѣ укрѣпленія и важнѣйшія мѣста.

Сигисмундъ упорствовалъ, не хотѣлъ пустить Владислава, требовалъ Смоленска, и упустилъ случай укрѣпить Россійскій престолъ въ своей династіи. Жолкѣвскій самъ пріѣзжалъ къ нему изъ Москвы, доказывалъ, что воцареніемъ королевича, Московская и Польская держава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, въ противномъ случаѣ грозилъ новою, жестокою войною: все было тщетно; Сигисмундъ, которому надоѣло быть королемъ бурной республики, хотѣлъ самъ царствовать самодержавно, приступилъ къ Смоленску, и былъ отраженъ опять.

Неудовольствіе въ Россіи возрастало: Поляки вели себя хорошо только въ Москвѣ, подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, а въ прочихъ городахъ своевольничали.

Между-тѣмъ Самозванецъ былъ убитъ въ Калугѣ Ногайскимъ княземъ Урусовымъ, по личной злобѣ.

Ляпуновъ возсталъ опять и былъ подкрѣпляемъ въ своихъ дѣйствіяхъ патріархомъ Гермогеномъ. Они начали писать грамматы во всѣ города и звать ратныхъ людей къ Москвѣ, чтобъ избавить ее отъ Поляковъ, — а Московская боярская Дума доносила на нихъ Сигисмунду какъ на крамольниковъ.

Ляпуновъ принималъ къ себѣ на службу всѣхъ, кто ни являлся, — атамана Просовецкаго, главнаго дотолѣ сообщника Лисовскому и который злодѣйствовалъ въ то время во Псковѣ; князя Дмитрія Трубецкаго, атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую; звалъ даже Сапѣгу. Около трехъ мѣсяцевъ готовились, и наконецъ выступили къ Москвѣ, — Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкой изъ Ка-

луги, а Заруцкій изъ Тулы, Просовецкій изъ Суздаля, прочіе съ другихъ сторонъ.

Но прежде нежели они сошлись, Москвитяне поссорились съ Сигисмундовыми Поляками, которые, принявъ всѣ мѣры для укрѣпленія за собою Москвы, сняли съ себя личину охранителей. Изъ драки сдѣлалось сраженіе. Поляки принуждены были уступить и наконецъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ. Двѣ тысячи человѣкъ съ отрядомъ конныхъ посланы были Гонсѣвскимъ во всѣ улицы для зажигательства. Пожаръ продолжался двое сутокъ. Вся Москва выгорѣла. Жители разбѣжались. Поляки заперлись въ Кремлѣ. Гермогенъ былъ заключенъ, а на мѣсто его возведенъ Игнатій, патріархъ Самозванцевъ.

Черезъ недѣлю собрались воеводы къ Москвѣ, и въ числѣ ста тысячъ осадили малочисленную горсть Поляковъ. Начались сраженія, въ которыхъ болѣе всѣхъ дѣйствовалъ Ляпуновъ.

Но между начальниками обнаружилось несогласіе. Рѣшено было избрать, а избраны трое,—Тушинцами Трубецкой, Казаками Заруцкій, прочими Ляпуновъ. Ляпуновъ приступалъ безпрестанно, и стѣснялъ Поляковъ, тщетно ожидавшихъ помощи отъ Сигисмунда, который думалъ только о томъ, какъ бы взять Смоленскъ, и наконецъ взялъ его, когда у Шеина истощились всѣ средства защиты.

Взявъ Смоленскъ, Сигисмундъ уѣхалъ въ Варшаву наслаждаться своею мнимою славою. Несчастный Шуйскій, братья его, Смоленскіе плѣнные, везены были въ тріумфѣ. Шуйскій вскорѣ скончался въ Варшавѣ. Московскіе послы были также заточены. Къ Москвѣ былъ посланъ гетманъ Ходкевичъ.

Русскіе начальники ссорились. Заруцкій сносился съ Гонсѣвскимъ и Мариною, и хотѣлъ жениться на

ней съ условіемъ возвести сына ея на престолъ и въ качествѣ Правителя властвовать вмѣстѣ съ нею.

Ляпуновъ старался сколько возможно образовать правительство, и думалъ объ избраніи государя. Онъ перемѣнилъ прежнее свое мнѣніе и рѣшился избрать иностраннаго принца, именно Шведскаго. Но Делагарди, который дѣйствовалъ тогда на сѣверѣ непріятельски, сдѣлалъ ту же ошибку что Сигисмундъ, и упустилъ время, хотѣвъ для залога овладѣть Новымгородомъ, какъ тотъ Смоленскомъ.

Между-тѣмъ Ляпуновъ, ненавистный почти всѣмъ военачальникамъ, особенно казацкимъ, за его строгость, былъ оклеветанъ предъ ними и убитъ. Заруцкій торжествовалъ. Грабительства и смертоубійства возобновились. Сапѣга долго не приставалъ ни къ Русскимъ, ни къ своимъ. Струсь явился съ подкрѣпленіемъ, и Гонсѣвскій сдѣлалъ вылазку: онъ снова занялъ весь Бѣлой Городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою рѣкою. Струсь вошелъ въ Кремль, а въ послѣдствіи соединился съ ними и Сапѣга, съ побѣдою и запасами.

Россія находилась въ ужасномъ положеніи: вся полуденная была беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Поляковъ, которые, по убіеніи Лже-Димитрія въ Калугѣ, взяли и разорили вѣрные ему города Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе; Астрахань, гнѣздо мелкихъ самозванцевъ, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго царства; Шведы, захвативъ Новгородъ, присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ явился еще новый самозванецъ и грабилъ, и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками.

Ходкевичъ въ ноябрѣ прибылъ съ новымъ вспомогательнымъ отрядомъ къ Москвѣ, и имѣлъ частыя сшибки съ нашими войсками.

Тогда-то прочетныя грамматы, посыланныя изъ Троицкаго Монастыря архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ съ призываніемъ знатныхъ людей къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ Поляковъ, произвели особенное дѣйствіе въ Нижнемъ-Новѣгородѣ. Купецъ тамошній, Козьма Мининъ Сухорукой воспламенилъ всѣхъ своихъ согражданъ. Составилось новое ополченіе, главою котораго былъ избранъ князь Пожарскій, сражавшійся и прежде съ Поляками въ Москвѣ, а теперь проживавшій въ деревнѣ для излеченія ранъ. Пожарскій вмѣстѣ съ Мининымъ пошелъ къ Москвѣ.

Заруцкій старался мѣшать ихъ приближенію, и былъ проклятъ патріархомъ Гермогеномъ; онъ вошелъ было въ связь даже съ Ходкевичемъ, и наконецъ обнаруженный принужденъ былъ бѣжать изъ стана въ Коломну, гдѣ и обвѣнчался съ Мариною.

У Пожарскаго начались споры съ Трубецкимъ, отъ котораго въ сраженіяхъ онъ рѣдко получалъ помощь. Къ нашему счастію между Поляками были также раздоры. Часть ихъ оставила Москву; главный начальникъ, Гонсѣвскій, оскорбленный полковникомъ Струсемъ, ушелъ изъ Москвы съ другой частію; Струсь изъ Кремля не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ Ходкевичемъ, стоявшимъ около города. Сапѣга, истребившій, по свидѣтельству Польскихъ историковъ, до ста тысячъ Россіянъ, умеръ.

Палицынъ примирилъ Пожарскаго и Трубецкаго. Они начали дѣйствовать наступательно, и во всѣхъ сраженіяхъ оставались побѣдителями, такъ что Ходкевичъ принужденъ былъ отступить къ Вязьмѣ. По-

ляки въ Кремлѣ, лишась подвозовъ, терпѣли ужасный голодъ, и наконецъ уступили и согласились сдать Кремль, живя тамъ въ осадѣ около полутора года.

Сигисмундъ въ это время шелъ уже къ Москвѣ, но услышавъ о происшедшемъ, воротился.

Заруцкій, скитаясь нѣсколько времени въ Рязанскихъ предѣлахъ, бѣжалъ въ Украйну, и вся Россія почти очистилась отъ враговъ.

Къ 21 числу февраля, созванъ былъ великій Земскій Совѣтъ, на коемъ положено было возвести на престолъ семнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, племянника Царю Ѳеодору Іоанновичу, по матери Анастасіи, изъ роду Романовыхъ.

Къ нареченному Царю отправлено было посольство въ Кострому, гдѣ онъ, въ Ипатьевскомъ Монастырѣ, пребывалъ вмѣстѣ съ своей матерью, инокинею Марфою Іоанновной, и едва спасъ свою жизнь усердіемъ крестьянина Ивана Сусанина. Апрѣля 19, Михаилъ прибылъ въ Москву, іюля 11 былъ вѣнчанъ на царство, и Россія, въ теченіе семи лѣтъ испытавъ всѣ возможныя бѣдствія, успокоилась, и пріуготовилась къ новой жизни.

ПОГОДИНЪ.

НАЧАЛО РѢКЪ И КЛЮЧЕЙ.

=

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

=

Одинъ изъ удивительнѣйшихъ процессовъ природы, одно изъ великолѣпнѣйшихъ чудесъ преднамѣренія, устроившаго все въ мірѣ съ непостижимою предусмотрительностью и точностью, безпрерывно совершается передъ нашими глазами, и никто ихъ не примѣчаетъ! Мы говоримъ о процессѣ водообращенія въ тѣлѣ земнаго шара, объ этой могущественной жизни воды, которая составляетъ какъ-бы кровь нашей планеты и основаніе всей органической жизни, цвѣтущей на ея поверхности. «Тотъ, кто сомнѣвается въ существованіи Бога, вскричалъ одинъ знаменитый анатомъ, пусть вскроетъ человѣка и разсмотритъ устройство собственнаго своего тѣла!» То самое, и еще съ большимъ величіемъ истины, можно сказать о движеніи воды въ земной природѣ. Вскройте черепъ шара, и посмотрите, какой вѣрный, какой простой, и вмѣстѣ какой дивный, могущественный, разнообразный способъ употребило Провидѣніе для орошенія материковъ, то есть, для доставленія органическому бытію первой его пищи и важнѣйшей его пружины. Огромныя массы воды сложены имъ въ углубленіяхъ и пропастяхъ планеты, которыя мы называемъ океанами и морями. Что была бы жизнь органическая, – растительная и животная, если бъ ни одна частица воды не отдѣлялась отъ этихъ массъ, не взлетала на воздухъ изъ этихъ пропастей, не переносилась, нарочно къ тому приспособленнымъ движеніемъ атмосферы, на сухія земли, для смоченія

ихъ коры и перехода изъ нея въ существа, которыхъ освѣжаетъ она жилы и промываетъ скважины? Та самая капля горькой воды, которая, данною атмосферѣ силою, подымается съ океана въ видѣ незримаго пара, – та самая капля носится потомъ надъ материкомъ въ видѣ облака, доставляетъ ему тѣнь, необходимую для свободнаго дѣйствія отправленій органической жизни, умѣряетъ палящее впечатлѣніе лучей солнца, которые безъ этого сожгли бъ ее, хотя сами ее возбудили, и сообщаетъ питательную влажность воздуху; потомъ она же падаетъ сладкою, благотворною каплею жидкости въ видѣ дождя, смачиваетъ все растительное населеніе почвы, и тутъ же раздѣляется, такъ сказать, надвое, – частію входитъ въ живущія существа и кружитъ въ нихъ вмѣстѣ съ кровію и сокомъ, частію проникаетъ въ нѣдра планеты, и скопляется тамъ съ своими предтечами въ подземные пруды и водохранилища; и потомъ придавленная другою, слѣдующею за ней частицею капли, она же брызжетъ оттуда вверхъ, вылетаетъ сквозь природныя трубы и отверзтія земли, струится по ней ключемъ, становится рѣкою, – первымъ орудіемъ образованности человѣка, – пробѣгаетъ извилистою жилою обитаемыя имъ пространства, поитъ, обогащаетъ его, – и наконецъ обратно втекаетъ въ океанъ, чтобъ опять начать то самое дѣйствіе, тѣ самыя превращенія. Можно ли представить себѣ что-нибудь величественнѣе, что-нибудь искусственнѣе, предусмотрительнѣе и благодѣтельнѣе подобнаго механизма?

Этотъ первый очеркъ теоріи жизни воды, или простѣе правильнаго и постояннаго водообращенія на поверхности и въ тѣлѣ планеты, который мы намѣрены развить во всѣхъ частяхъ простымъ и удобопонятнымъ образомъ, – этотъ первый очеркъ достаточно уже показываетъ, что мы отвергаемъ блистательныя умозрѣнія нѣкоторыхъ естествоиспытателей и о пред-

стоящемъ истощеніи внутренней теплоты земли, и объ изсушеніи ключей и рѣкъ, обрушеніи горъ и погибели органической жизни отъ безводія. Что касается до истощенія теплоты, то мы уже сказали въ прошломъ году, что землѣ нечего опасаться всеобщаго мороза: внутренняя теплота ея не убываетъ, и не истощится; если бъ и истощилась, все-таки жизнь будетъ процвѣтать на поверхности шара, потому что собственный жаръ его почти ни въ чемъ ей не содѣйствуетъ. Относительно изсушенія ключей, мы увѣрены, что они тогда только перестанутъ истекать изъ земли, когда вода потеряетъ способность растворяться въ воздухѣ, когда воздухъ лишится свойства растворять ее, когда онъ будетъ приведенъ въ неподвижное состояніе, волны его остановятся навѣки, вѣтеръ замретъ въ его прозрачныхъ слояхъ и ни что не будетъ переносить облаковъ съ океана въ пространства, господствующія надъ материками, — словомъ, когда дождь не станетъ уже итти на землю. Мы показали, что внутренняя теплота шара не уменьшается, и согласны въ томъ, что ключи происходятъ изъ огромныхъ водоемовъ, сокрытыхъ подъ толстою его корою: изъ этого, иные могли бъ подумать, что, оспаривая въ то же время будущее истощеніе рѣкъ и ключей, мы пристаемъ къ тому мнѣнію, будто внутренняя вода земли имѣетъ нужду во внутренней ея теплотѣ, чтобъ подыматься въ видѣ паровъ сквозь ея слои на вершины горъ и образовать тамъ источники. Отнюдь не говоримъ мы этого. По нашему, дѣло происходитъ гораздо простѣе, и тѣмъ самымъ гораздо удивительнѣе и достойнѣе величія природы. Мы утверждаемъ, что рѣка — просто капля дождя, упавшаго съ воздуха.

Сдѣлаемъ это фактомъ осязательнымъ и очевиднымъ до ясности ариѳметическаго вычисленія. Артезіянскіе колодцы доставятъ намъ много важныхъ поясненій по этому предмету.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при буравленіи земли, вертикально, до извѣстной глубины, встрѣчаютъ хранилища воды, которая поднимается на поверхность, по отверзтію, продѣланному буравомъ: эта вода часто образуетъ высокіе и обильные фонтаны. Водометы, выкопанные человѣческою рукою и даже простые не широкіе колодцы, наполняемые водою, выходящею изъ большой глубины, называются артезіянскими водометами, артезіянскими колодцами или просто буравленными колодцами. Они получили названіе отъ Французской провинціи *Артезіи* (Артуа), гдѣ жители особенно занимались отыскиваніемъ подземныхъ источниковъ, но весьма хорошо извѣстны были древнимъ, которые знали не хуже насъ о существованіи большихъ водоемовъ подъ землею и о свойствѣ воды вылетать оттуда собственною силою, и умѣли устраивать искусственные ключи.

Олимпіодоръ говоритъ, что когда въ Оазисѣ рыли колодцы, глубиною въ 200, 300 и до 500 локтей, изъ отверзтія этихъ колодцевъ вырывались цѣлыя рѣки, которыми земледѣльцы орошали поле.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи артезіянскіе колодцы также были извѣстны съ самыхъ отдаленныхъ временъ. При разрываніи остатковъ весьма древняго города Модены, находятъ свинцовыя трубки, которыя, по всей вѣроятности, имѣли сообщеніе съ древними колодцами. Эти трубки очевидно служили для добыванія въ 30 или 40 аршинахъ глубины, то есть, гораздо ниже нечистыхъ, нездоровыхъ водъ, просачивающихся мѣстами сквозь землю, чистыхъ, ясныхъ ключей, снабжающихъ водою всѣ колодцы новаго города.

Во Франціи самый древній артезіянскій колодезь устроенъ, какъ полагаютъ, въ 1126 году. Онъ находится въ Лиллѣ, въ Артуа, у древняго монастыря Картезіянцевъ.

Жители Сахарской пустыни въ Африкѣ съ давнихъ

временъ знаютъ артезіянскіе колодцы, какъ видно изъ одного мѣста въ путешествіи Ша (Shaw). «Вади-Ригъ, говоритъ онъ, составляютъ нѣсколько деревень въ глубинѣ Сахары. Въ этихъ деревняхъ нѣтъ ни ключей, ни источниковъ. Жители добываютъ воду довольно страннымъ образомъ. Они вырываютъ колодцы на сто, иногда на двѣсти саженъ въ глубину, и всегда находятъ воду въ большомъ количествѣ. Они прокапываютъ для этого разные слои песку и щебня до тѣхъ поръ, пока находятъ камень, похожій на аспидъ и который, какъ имъ извѣстно, находится непосредственно надъ тѣмъ мѣстомъ, которое они называютъ *Бахръ тахтъ эль-ардъ*, или «Моремъ-подъ-землею»: это имя даютъ слоямъ воды, находящимся въ извѣстной глубинѣ подъ почвою. Камень этотъ легко просверлить, и изъ подъ него тотчасъ брызжетъ вода, иногда такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что она заливаетъ работниковъ, хотя ихъ вытаскиваютъ какъ можно скорѣе.»

Въ половинѣ XVII столѣтія Доминикъ Кассини устроилъ въ Фортѣ Урбинскомъ буравленный колодезь, изъ котораго вода, безъ посредства трубокъ, била на пятнадцать футовъ въ высоту, а въ трубкахъ достигала до вершины домовъ.

Эти историческія извѣстія приводимъ мы только для того, чтобъ показать, что понятіе о нахожденіи въ нѣдрахъ земли огромныхъ прудовъ и слоевъ воды не ново; что объ нихъ знали всѣ вѣка и всѣ народы, и что давно уже не трудно было согласиться въ томъ, что они-то и суть непосредственныя начала рѣкъ и ключей, природныхъ и искусственныхъ. Но откуда происходятъ эти внутренніе водоемы? Какъ они тамъ образовались? Эти массы воды заключены ли тамъ со временъ образованія планеты и слѣдственно должны когда-нибудь истощиться, или же накопляются тамъ при насъ, возобновляясь по-мѣрѣ истощенія ихъ

ключами? Послѣднее кажется намъ столько же достовѣрнымъ, сколько оно согласно съ благостью Мудрости, пекущейся о нуждахъ всего созданнаго ею.

Эта мысль привела бъ насъ прямо къ необходимости признать существованіе обширной и многосложной системы путей сообщенія съ океаномъ, развѣтвленныхъ подъ всѣмъ пространствомъ материковъ, если бъ загадка не объяснялась гораздо простѣйшимъ образомъ. Не естественно ли заключить, что вода обыкновенныхъ колодцевъ, артезіянскихъ колодцевъ, и вообще всякихъ ключей не что иное, какъ дождевая вода, которая, проникнувъ щели и другія пустоты земли, достигла до слоевъ непроницаемыхъ и на нихъ остановилась? Между-тѣмъ это мнѣніе не было сначала принято; ему предшествовали теоріи болѣе ученыя, которыя, по справедливости, были впослѣдствіи оставлены. Къ удивленію, онѣ возобновились въ наше время, и объ нихъ говорятъ нынче съ большимъ уваженіемъ во многихъ сочиненіяхъ, гдѣ стараются истолковать явленія, примѣченныя при устроеніи буравленныхъ колодцевъ.

Долго думали, что морская вода, просачиваясь сквозь землю волосяными трубками, необходимо должна была разлиться во внутренности массы материковъ и образовать въ ней водяную площадь, которая, если сбавить съ нея дѣйствіе закона волосяныхъ трубокъ, находится на продолженіи общаго уровня океана.

Предполагали, что пробираясь долгое время тончайшими и извилистыми путями сквозь песокъ, землю и между скалами, морская вода постепенно теряла свою соляность, такъ, что теперь, въ какомъ бы мѣстѣ земли ни начали рыть колодца, вездѣ по необходимости встрѣчаются хранилища прѣсной воды, какъ скоро дно колодца достигло въ почвѣ глубины, находящейся на уровнѣ съ поверхностью моря.

Для опроверженія этой ипотезы нынче уже не ну-

жно приводить въ примѣръ разныхъ безводныхъ колодцевъ, которыхъ дно между-тѣмъ несравненно ниже того пункта, гдѣ должно уже встрѣтить мнимую водяную площадь: можно привести въ примѣръ цѣлую страну, — ту часть Россіи, которую орошаетъ южная Волга. Это обширное пространство земли лежитъ гораздо ниже поверхности Чернаго Моря, и оно не понято водою, и оно не составляетъ даже болота, какъ должно бы быть, если бъ море, безпрерывнымъ просачиваніемъ, безконечно проникало во внутренность земной коры.

Для подкрѣпленія теоріи, которой показали мы неосновательность, употребляли еще другую стихію, — центральную теплоту шара, когда дѣло шло о водѣ ключей, лежащихъ болѣе или менѣе высоко надъ поверхностью моря. Полагали, что внутренніе пары, одни или смѣшанные съ воздухомъ, сгущаясь у поверхности земли, поддерживаютъ въ ней всегдашнюю сырость. Таковы были, въ сущности мнѣнія Аристотеля, Сенеки, Кардона и Декарта: этотъ Философъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Воды про«никаютъ подземными путями до подошвы горъ, от«куда теплота, находящаяся въ землѣ, подымаетъ ихъ «какъ бы въ видѣ паровъ къ вершинамъ этихъ горъ «и образуетъ истоки ключей и рѣкъ.»

Это ученіе, въ которомъ земной шаръ становится перегоннымъ кубомъ, а земляная его оболочка губкою; это ученіе, которое такъ часто поддерживали со временъ Декарта, и теперь снова поддерживаютъ, пренебрегая столь простую идею о происхожденіи ключей и истоковъ отъ дождевой воды, такъ сложно, что очевидно оно было составлено въ пользу какого-нибудь неточнаго или непонятаго наблюденія. И дѣйствительно, мы сейчасъ увидимъ, что происхожденіе его таково, или что по-крайней-мѣрѣ этого рода обстоятельство придало ему нѣкоторый вѣсъ.

Сенека, въ своихъ «Естественныхъ Вопросахъ,» говоритъ, что дождь, какъ бы силенъ онъ ни былъ, никогда не проникаетъ въ землю глубже десяти футовъ; онъ говоритъ, что убѣдился въ этомъ тщательными изслѣдованіями. Надобно ли послѣ этого разыскивать, для чего почитали нужнымъ прибѣгнуть къ внутреннимъ парамъ, когда надлежало объяснить существованіе высоко надъ поверхностью моря водометовъ, которыхъ предполагаемые истоки находятся подъ большими массами земли, въ уровень съ океаномъ?

По опытамъ большей части новѣйшихъ Физиковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, проницаемость земли оказалась еще менѣе того, какъ предполагалъ Сенека. Такъ Маріоттъ говоритъ, что самые сильные лѣтніе дожди проникаютъ вспаханныя земли не болѣе какъ на 6 дюймовъ. Лагиръ убѣдился, что земля, покрытая травою, напитывается водой только на два фута. Тотъ же наблюдатель говоритъ, что глыба обнаженной земли, въ 8 футовъ толщиною, подвергнутая въ теченіе пятнадцати лѣтъ вліянію всѣхъ атмосферныхъ перемѣнъ, не пропустила ни одной капли воды до свинцовой доски, на которой она лежала. Бюффонъ разсматривалъ въ одномъ саду кучу земли въ полторы сажени вышины, до которой нѣсколько лѣтъ никто не дотрогивался, и нашелъ, что дождь никогда не проникалъ въ нее далѣе 4 футовъ. Какъ не вѣрить послѣ этого, что внутренняя вода не могла прійти въ нѣдра шара изъ атмосферы, и что она не пробралась туда другими подземными путями?

Эти наблюденія были бы весьма важны при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи источниковъ, если бы поверхность шара вездѣ была покрыта слоемъ растительной земли; но всякому извѣстно, что верхнюю его оболочку составляетъ во многихъ мѣстахъ песокъ, сквозь который вода проходитъ, какъ сквозь рѣшето; что въ иныхъ, являются обнаженныя скалы, и

что жидкость довольно свободно проникаетъ сквозь ихъ разщелины и трещины. Доказательствомъ удивительной проницаемости земной коры для дождей, можетъ служить обстоятельство, всегда замѣчаемое рудокопами, и особенно Корнуальскими, – что въ рудникахъ, высѣченныхъ въ известковомъ камнѣ, вода въ самыхъ глубокихъ штольнахъ прибываетъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ на поверхности земли пошелъ дождь. Въ подтвержденіе этого можно также привести водометы, которые на приморскихъ берегахъ Франціи бьютъ изъ отвѣсныхъ слоевъ мѣловатаго известковаго камня, и которыхъ сила увеличивается тотчасъ послѣ дождя.

Доводъ, на который преимущественно опирались искавшіе происхожденія подземныхъ водъ въ сгущеніи весьма горячихъ внутреннихъ паровъ, во время прикосновенія ихъ къ холоднымъ верхнимъ слоямъ земли, былъ извлекаемъ изъ обстоятельства, заслуживающаго внимательное разсмотрѣніе: мы говоримъ о мнимомъ существованіи довольно обильныхъ источниковъ на вершинѣ, на высшей полосѣ нѣкоторыхъ горъ. Разгорячившись при словопреніи, ссылались даже на пичтожную Монмартрскую гору подлѣ Парижа. На этомъ холмѣ былъ, а можетъ и теперь есть, источникъ, лежащій только 50 футами ниже самой возвышенной его части. Ни какая вода, говорили защитники мудренаго мнѣнія, не въ состояніи наполнять столь высокаго ключа, если она не подымается снизу въ видѣ паровъ. Между-тѣмъ, по надлежащемъ изысканіи, оказывается, что часть Монмартрскаго холма, лежащая *выше* этого ключа, и которая слѣдственно можетъ сообщать ему простымъ внутреннимъ теченіемъ воды, пролившія на нее во время дождей, содержитъ въ длину до 500, а въ ширину 200 саженъ. Средняя масса дождя, упадающая въ Парижѣ на подобное пространство съ 1 января по 31 декабря, дале-

ко превосходитъ количество воды, изливаемое въ годъ небольшимъ источникомъ, о которомъ здѣсь говорится.

Поэтому, затрудненія надо было искать въ другомъ мѣстѣ, и нѣкоторые писатели указывали на одинъ источникъ въ окрестностяхъ Дижона; но и тамъ также оказалось, что масса воды, падающая на пространство, возвышающееся надъ источникомъ, весьма достаточна для поддержанія его.

Приводили еще въ примѣръ знаменитую гору Венту въ департаментѣ Воклюзскомъ, гдѣ существуетъ источникъ, называемый La Font Feysle, на высотѣ 877 саженъ. Но вершина горы еще 100 саженъ выше источника. Очевидно, что этотъ примѣръ ни къ чему не служитъ, пока годичное количество дождя, росы и снѣга, падающее на часть Венты, лежащую выше источника, не будетъ сравнено надлежащимъ образомъ съ количествомъ воды, которое онъ доставляетъ въ продолженіе года.

Впрочемъ достаточно одного замѣчанія, чтобы уничтожить всѣ умозрѣнія, которыя мы разсматривали отдѣльно: надобно вспомнить, что при большихъ засухахъ почти всѣ источники становятся менѣе обильными, а что нѣкоторые изъ нихъ даже совершенно перестаютъ течь, хотя внутренніе пары и тогда должны были бы какъ обыкновенно подниматься и сгущаться у поверхности почвы.

Одно только справедливое, но слишкомъ далеко простертое, замѣчаніе о малой проницаемости нѣкоторыхъ веществъ, составляющихъ наружную оболочку земнаго шара, продлило существованіе теоріи Аристотеля, Сенеки и Декарта о происхожденіи возвышенныхъ источниковъ. Истинно нелѣпыя идеи о годичномъ количествѣ воды, изливаемой разными источниками, и незнаніе количества дождя, осы и снѣга, падающихъ въ извѣстныхъ странахъ, тоже способствовали укорененію понятія, будто образованіе рѣкъ

должно приписывать въ особенности внутреннимъ парамъ. Въ одной книгѣ, которую Ньютонъ удостоилъ быть ея издателемъ, именно въ «Географіи Бернарда Вареніуса», служившей въ концѣ XVII вѣка руководствомъ въ Кембриджскомъ университетѣ, сказано между прочимъ слѣдующее: «Главныя рѣки произво-«дятъ столь огромное количество воды, что масса, вли-«ваемая каждою рѣкою ежегодно въ море, превы-«шаетъ величиною всю землю !!! Таково, напримѣръ, «количество воды, доставляемое Волгою Каспійско-«му Морю; такъ что вода необходимо должна перехо-«дить внутренними путями изъ моря въ землю.» Многіе утверждали, что количество воды, падающее ежегодно въ видѣ дождя въ бассейнъ Сены,—мы называемъ такъ всю область, въ которой большіе и малые источники впадаютъ въ эту рѣку,—могло равняться количеству воды, изливаемому въ то же самое время Сеною въ море. Перро и Маріоттъ первые изучали этотъ вопросъ, опираясь на опыты, и они нашли, какъ это обыкновенно случается, что неопредѣленныя соображенія ихъ предшественниковъ совершенно противоположны истинѣ. Маріоттъ утверждаетъ, что Сена изливаетъ въ годъ въ море только шестую часть воды, падающей на все пространство ея бассейна въ видѣ дождя, снѣга и росы; остальные пять-шестыхъ должны поэтому или испаряться и образовать облака, или напитывать поверхностную землю, въ которой растенія находятъ себѣ пищу, или наконецъ пробираться по трещинамъ скалъ до внутреннихъ водохранилищъ, изъ которыхъ выходятъ источники.

Количество дождя, падающаго подъ каждою широтою и въ каждомъ мѣстѣ, съ большею точностью опредѣляется прямыми мѣрами.

Растапвая въ удометрѣ снѣгъ, пока онъ еще не успѣлъ испариться, можно также узнать количество жидкости, представляемой упавшимъ снѣгомъ. Эти

опыты были такъ часто повторяемы, что нынче пропорцію снѣговую можно почти опредѣлять глазомѣромъ. Когда снѣгъ шелъ большими хлопьями, то измѣривъ высоту его прежде, нежели онъ ссѣлся, надобно полагать, что, по разтаяніи, высота воды, которая произошла бы оттого, если бы почва была горизонтальна и непроницаема, равнялась бы только десятой части первоначальной высоты снѣга. Мелкій снѣгъ, безъ сомнѣнія, плотнѣе: количество воды, имъ доставляемой, равняется пятой части.

Вода, происходящая отъ града, могла бы быть оставляема безъ вниманія, но какъ градъ рѣдко идетъ безъ дождя, то удометръ представляетъ жидкость того и другаго.

Теперь остается опредѣлить количество росы. Дальтонъ полагаетъ, что толщина слоя воды, которою роса покрываетъ шаръ земной въ годъ, составляетъ около $2^1/_2$ вершковъ. Этотъ результатъ, выведенный изъ опыта, сдѣланнаго Гельсомъ, могъ быть логически принимаемъ за общее правило, когда вѣрили, что роса падаетъ точно такъ же какъ дождь; но со времени изданія творенія Велльса, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что роса не падаетъ; что воздухъ низлагаетъ ее на поверхности, предварительно охлажденныя по причинѣ лучистаго ихъ сообщенія съ небесными пространствами; что свойства тѣлъ, ихъ положеніе и чистота неба имѣютъ величайшее вліяніе на росу,—съ тѣхъ поръ очевидно, что даже и довольно грубое опредѣленіе количества росы, бывающей въ теченіе года въ какой-нибудь странѣ, было бы одною изъ труднѣйшихъ физическихъ задачъ.

Дальтонъ нашелъ, что садовая земля, насыщенная сыростію, содержитъ въ себѣ по объему семь-двѣнадцатыхъ воды. Четверть, даже половина этой воды, можетъ исчезнуть и земля еще не сдѣлается неспособною питать растенія.

Кажется, что въ каждой странѣ количество воды, отнимаемое у водохранилищъ испареніемъ, не много разнится отъ того, которое возвращаютъ имъ дожди. Впрочемъ опыты по этому предмету надобно было бы повторить въ сосудахъ, несравненно болѣе тѣхъ, которые метеорологи доселѣ употребляли. Опыты, произведенные лѣтъ за сто до нашего времени Базеномъ, показываютъ, что испареніе въ землѣ, насыщенной водою, сильнѣе того, которое происходитъ въ чистой водѣ. Этотъ результатъ кажется неестественнымъ; но въ подобныхъ предметахъ можно основываться только на опытахъ.

Въ заключеніе должно упомянуть о замѣчаніи Леслія, которое, не прибавляя ничего къ нашимъ еще весьма несовершеннымъ понятіямъ о причинахъ испаренія, показываетъ намъ въ этомъ явленіи развитіе механической силы, поражающее своею огромностію воображеніе, особенно, когда вспомнишь, какъ безмолвно природа его совершаетъ.

Положимъ, что каждый годъ вода, похищаемая съ земнаго шара испареніемъ, равняется въ каждой странѣ количеству падающаго тамъ дождя. Эта испарившаяся вода распространяется въ атмосферѣ на всѣхъ высотахъ. Представивъ себѣ, что вся эта вода поднялась на извѣстную среднюю высоту, мы не сдѣлаемъ большой разности. Такимъ образомъ годичное испареніе можетъ быть представлено въ своихъ механическихъ дѣйствіяхъ, извѣстною массою воды, поднятою перпендикулярно также на извѣстное число саженъ. Величина подобной работы, которую одинъ человѣкъ могъ бы произвести въ годъ, опредѣлена; сравнивъ эти два результата, мы увидимъ, что испареніе представляетъ работу 80 билліоновъ человѣкъ. Положимъ, что все народонаселеніе земнаго шара составляетъ 800 милліоновъ и что только половина этого числа въ состояніи работать, и мы увидимъ, что сила, употребляемая

природою при образованіи облаковъ, въ двѣсти тысячъ разъ болѣе работы, которую можетъ произвесть весь человѣческій родъ.

Маріоттово исчисленіе, о которомъ мы говорили выше, передѣлано теперь по даннымъ, болѣе точнымъ, особенно въ отношеніи къ количеству воды, доставляемому Сеною. Вотъ вывады, исложенные въ одномъ превосходномъ еще не изданномъ твореніи Г. Дѐсса.

Поверхность бассейна Сены составляетъ около 3,900,000 десятинъ. Вода, падающая въ этотъ бассейнъ, если бъ она не испарялась, не проникала во внутренность земли, если бы почва была вездѣ горизонтальна, составила бы къ концу года жидкій слой, толщиною въ $5'/_4$ вершковъ. Очевидно, что подобный слой составлялъ бы въ объемѣ почти 2,300,000,000 кубическихъ саженъ воды. Сена изливаетъ среднимъ числомъ 25 кубическихъ саженъ въ секунду, или 2,200,000 кубическихъ саженъ въ день, или 804,200,000 кубическихъ саженъ въ годъ. Послѣднее число содержится къ 2,300,000,000 кубическихъ саженъ дождя, падающаго въ бассейнъ Сены, какъ 100 къ 285 или почти какъ 1 къ 3. Такимъ образомъ количество воды, проходящее въ годъ Парижскими мостами, равняется только трети количества падающаго въ видѣ дождя въ бассейнъ Сены. Двѣ трети этой дождевой воды или возвращаются въ атмосферу посредствомъ испаренія, или поддерживаютъ жизнь растеній и животныхъ, или проникаютъ въ высокія земли для снабженія ключей и источниковъ, или наконецъ входятъ въ почву низменныхъ мѣстъ, и утекаютъ въ море посредствомъ рѣкъ подземныхъ.

Этого примѣра достаточно для того, чтобы показать, какъ мало самыя рѣки, когда ихъ изучаешь внимательно, оправдываютъ системы прежнихъ физиковъ. Огромныя массы воды, которыя текутъ въ рѣкахъ

*

изъ внутреннихъ странъ материковъ въ море, вездѣ составляютъ только небольшую часть дождевой воды, падающей на окрестныя страны: очень достаточно воды, проливающейся съ облаковъ на верхнюю часть исполинской горы, чтобъ образовать въ извѣстной высотѣ ея весьма обильный рѣчной источникъ, — а у подножія и подавно! Но мы еще увидимъ далѣе, какимъ образомъ вода внутреннихъ водохранилищъ, помѣщенныхъ глубоко въ землѣ, можетъ подыматься до весьма значительной вышины безъ всякаго содѣйствія центральной теплоты и внутреннихъ паровъ. Должно также вспомнить, что и самыя большія рѣки у истоковъ своихъ — простые ручьи, и что только удаляясь отъ нихъ, увеличиваются въ своемъ объемѣ; а это увеличеніе всегда сообразно обширности бассейновъ, которые съ разныхъ точекъ своихъ склоновъ сливаютъ въ нихъ дождевыя воды рукавами, рѣчками и тонкими жилками воды, струящейся изъ высокихъ береговъ. Сверхъ-того, чѣмъ длиннѣе рѣка и чѣмъ шире ея корыто, тѣмъ большую площадь представляетъ сама она ниспадающей прямо на нее дождевой водѣ, — что также значительно усиливаетъ общую массу водъ ея.

Эти численные доводы послужатъ возраженіемъ и мнѣнію тѣхъ, которые, въ послѣднее время, вздумали очень учено утверждать, что вода артезіянскихъ колодцевъ происходитъ изъ внутреннихъ лужъ, оставшихся подъ почвою отъ допотопныхъ водъ, въ которой были нѣкогда растворены осадочные слои земли, если какая-нибудь земля поддерживала эти воды. Очевидно, что подобное предположеніе заслуживало бы нѣкотораго вниманія только въ такомъ случаѣ, когда было бы доказано, съ одной стороны, что дождевыя воды не довольно обильны для того, чтобы могли служить къ образованію источниковъ, и съ другой, что тѣ же самыя воды не могутъ проникать на боль-

шую глубину въ оболочку нашего шара. Изъ предъидущаго видно, что ни то ни другое не справедливо.

Есть люди, которые, размышляя о возможномъ и скоромъ истощеніи этихъ воображаемыхъ древнихъ водоемовъ, гдѣ воды цѣлыя тысячи лѣтъ стояли неподвижно, думаютъ, что рѣки, ключи и даже артезіянскіе колодцы должны одинъ за другимъ изсякнуть. Но если они поддерживаются атмосферною водою, то существованіе ихъ, такъ же какъ и всѣхъ ключей, зависитъ отъ продолженія на землѣ дождя, снѣга, росы, испаренія.

Я не говорю о землетрясеніяхъ, которыя, разрывая минералогическіе слои скорлупы шара, могутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнить положеніе и обильность подземныхъ водохранилищъ.

Минеральная, твердая скорлупа земнаго шара образовалась не одновременно. Образованіе разныхъ каменныхъ породъ изъ земель, ее составляющихъ, принадлежитъ къ различнымъ эпохамъ, которыя Геологія опредѣляетъ по признакамъ несомнѣннымъ. Надобно однако же замѣтить, что многія изъ ископаемыхъ, которыя Наука почитаетъ одновременными, весьма различествуютъ между собою и внутреннимъ составомъ и наружнымъ видомъ.

Для нашего предмета довольно различить только три главные рода земель, лежащіе одинъ на другомъ и заключающіе въ себѣ многія породы: они суть, идя снизу вверхъ, и переходя отъ древнѣйшаго къ новѣйшему, — почвы первозданныя и переходящія; почвы второстепенныя и почвы третичныя.

Первозданныя почвы мало и рѣдко имѣютъ слоистое образованіе. Это предложеніе не удивитъ, конечно, и тѣхъ, которые со вниманіемъ разсматривали шиферныя почвы, если только они размыслятъ о важной разности скалъ слоистаго и скалъ листоваго образованія. Многіе весьма искусные естествоиспыта-

тели даже сомнѣваются, бываетъ ли когда-нибудь гранитъ расположенъ слоями. Трещины, разсѣлины гранитныхъ скалъ; щели, отдѣляющія одну массу отъ другой, вообще бываютъ не глубоки, не широки и рѣдко находятся въ сообщеніи между собою. Въ первозданныхъ почвахъ просачивающаяся вода можетъ имѣть только весьма ограниченное подземное движеніе; каждый, такъ сказать, ручеекъ оканчиваетъ свое теченіе отдѣльно и не усиливаясь другимъ ручейкомъ. И дѣйствительно опытъ убѣждаетъ насъ, что въ почвахъ этого рода подземные ключи весьма многочисленны, не обильны и скопляются всегда въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ происходитъ просачиваніе дождевой воды.

Излишне было бы исчислять подробно разные роды скалъ, изъ которыхъ состоятъ почвы второстепенныя. Довольно сказать, что эти почвы вообще имѣютъ видъ огромныхъ бассейновъ, то есть, что, занимая большое почти плоское пространство, они возвышаются по краямъ такъ, что обхватываютъ горизонтальную часть свою рядомъ холмовъ или горъ. Мы должны прибавить, что второстепенныя скалы располагаются слоями; что нѣкоторые изъ этихъ слоевъ, иногда очень толстыхъ, состоятъ изъ песковъ частію разобщенныхъ и весьма проницаемыхъ; что возвышаясь по краямъ бассейна, эти слои являются обнаженными на отлогостяхъ холмовъ или горъ; что дождевая вода можетъ, просачиваясь въ нихъ, образовать внутри ихъ водяныя плоскости; что эти плоскости, при большомъ наклонѣ слоевъ, необходимо должны быстро стремиться внизъ; что эти стремящіяся воды мало-по-малу уносятъ съ собою песокъ и даже части ближнихъ скалъ, и что подземныя рѣки должны занять мѣсто твердыхъ массъ и образовать большія пустоты тамъ, гдѣ прежде была сплошная масса.

Въ числѣ второстепенныхъ почвъ, есть одна, мѣло-

ватый известнякъ, которая раздѣляется во всѣхъ направленіяхъ величайшимъ множествомъ трещинъ: потому дождевая вода можетъ удобно проникать въ него и обращаться въ его массѣ до чрезвычайной глубины.

Третичныя почвы всегда бываютъ слоистыя, то есть, состоятъ изъ болѣе или менѣе значительнаго числа слоевъ, лежащихъ одинъ на другомъ и ясно раздѣленныхъ между собою, какъ ряды кирпичной стѣны.

Эти почвы, какъ и почвы второстепенныя, принимаютъ видъ бассейновъ, но обыкновенно менѣе тѣхъ. Ненадобно забывать, что эта почва происходитъ отъ выпрямленія слоевъ. Составныя части третичныхъ почвъ образуютъ окраину холмовъ и возвышеній именно оттого, что слои выпрямляются.

Хотя большая часть бассейновъ второстепенныхъ и третичныхъ образуются отъ выпрямленія слоевъ, которые первоначально лежали горизонтально, бываетъ однако жъ, что осажденіе второстепенныхъ и третичныхъ почвъ происходило въ бассейнахъ уже существовавшихъ и ограниченныхъ массами болѣе древними. Въ этомъ случаѣ разные слои почвъ новѣйшаго образованія идутъ горизонтально до тѣхъ поръ, когда встрѣчаются съ древними скалами, которыя заключаютъ ихъ какъ бы въ кругу. Видѣнъ бываетъ одинъ только верхній слой; онъ одинъ принимаетъ дождь, и такимъ образомъ дождевая вода можетъ проникать въ нижнія части этой массы только сквозь трещины слоевъ, которыми она покрыта; а это обстоятельство неблагопріятное для образованія подземныхъ водяныхъ плоскостей, — неблагопріятное по-крайней-мѣрѣ въ сравненіи съ положеніемъ бассейновъ, которыхъ окраина состоитъ изъ выпрямившихся слоевъ.

При выпрямленіи цѣлой массы почвъ, всѣ слои обыкновенно ломаются, трескаются, раздѣляются на

части; отсюда происходитъ то, что они являются обнаженные на отлогостяхъ и вершинахъ холмовъ. Все это легко можно представить себѣ, перегнувъ десять или двѣнадцать листовъ бумаги, лежащихъ одинъ на другомъ. Въ этомъ видѣ, такъ же какъ и когда бумага лежитъ прямо, верхній листъ покрываетъ весь второй; второй покрываетъ весь третій, и такъ далѣе; но продеремъ эту бумагу близъ перегиба, проведемъ въ ней болѣе или менѣе широкій разрѣзъ, глубиною по-крайней-мѣрѣ въ толщину десяти или двѣнадцати сложенныхъ листовъ, — и каждый изъ нихъ будетъ подверженъ атмосфернымъ перемѣнамъ.

Въ рядѣ слоевъ разнаго рода, которые, составляя третичныя почвы, вездѣ бываютъ расположены въ постоянномъ порядкѣ, находятся во многихъ этажахъ слои проницаемаго песка. Дождевыя воды должны протекать по этимъ слоямъ, во-первыхъ въ наклонной ихъ части, по причинѣ тяжести жидкости, потомъ въ горизонтальныхъ частяхъ, по причинѣ давленія, производимаго водою, которой приподнятыя части слоевъ не позволили еще стечь. Поэтому, во всякомъ мѣстѣ третичныхъ почвъ должно быть столько же подземныхъ водяныхъ плоскостей, сколько въ нихъ есть этажей слоевъ проницаемыхъ, покоящихся на слояхъ непроницаемыхъ.

Въ отношеніи къ расположенію водъ, почвы второстепенныя и третичныя могутъ быть почитаемы за одно и то же, какъ ни важны причины, побудившія геологовъ раздѣлить ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы должны упомянуть здѣсь объ одномъ только различіи между этими двумя родами почвы, — о различіи, на которое указываетъ Г. Бюра въ превосходномъ разсужденіи объ артезіянскихъ колодцахъ, — именно, что во второстепенныхъ почвахъ всѣ явленія происходятъ въ большомъ размѣрѣ, по причинѣ чрезвычайной толщины слоевъ, не столь частаго ихъ перемеженія и

силы низшихъ водяныхъ токовъ. Этимъ объясняется рѣдкость и обильность природныхъ источниковъ во второстепенныхъ почвахъ.

Теперь перберемъ поодиначкѣ всѣ слѣдствія, которыя мы извлекли изъ формы и свойства обоихъ родовъ слоистыхъ почвъ, и посмотримъ, подверждаетъ ли ихъ наблюденіе.

Вода обращается свободно во всѣхъ глубинахъ въ массѣ мѣловатаго известняка. Для убѣжденія въ этомъ стоитъ только указать на безчисленные водометы, которые, на всѣхъ высотахъ, вырываются изъ утесовъ на мысахъ Blanc-Nez и Gris-Nez въ департаментѣ Па-де-кале. Тутъ природа захвачена на дѣлѣ.

Въ слоистыхъ почвахъ существуютъ пустыя пространства, большія пещеры. Видя, какія сложныя пособія искусства должны употреблять люди, чтобы устроить даже въ маломъ размѣрѣ арку или сводъ, который бы въ состояніи былъ выдержать большую тяжесть, многіе не въ силахъ вообразить, чтобы земля могла заключать въ нѣдрахъ своихъ обширные природные своды: но что нужды до такого расположенія нашего ума, когда событія безпрерывно убѣждаютъ насъ въ противномъ?

Кто не слыхалъ о знаменитой скалѣ Торгатской въ Норвегіи, скалѣ, прорѣзанной съ конца въ конецъ отверзтіемъ въ 25 саженъ вышиною и въ 500 саженъ длиною? Что значатъ, въ сравненіи съ этимъ, своды, устроенные человѣческими руками!

Отверзтіе пещеры Гуахаро, въ Карипской долинѣ въ Новомъ-Свѣтѣ, которую Александръ Гумбольдтъ такъ занимательно описалъ, вышиною въ 72 фута, шириною въ 80: эта пещера прорыта въ отвѣсномъ боку огромной скалы особой породы второстепеннаго известняка; она сохраняетъ всѣ размѣры этого свода на пространствѣ 1453 футовъ. Суевѣріе Индѣйцевъ не позволяло проникнуть туда далѣе 1200 футовъ отъ

входа. Рѣка въ 30 футовъ шириною течетъ въ ней по всему пройденному путешественникомъ пространству.

Пещера Адельсбергская въ Карніоліи, въ которую падаетъ рѣка Пойкъ и въ которой воды ея то исчезаютъ, то снова появляются, была уже осмотрѣна любопытными на пространствѣ болѣе восьми верстъ. Большое озеро, черезъ которое нельзя перебраться иначе какъ въ лодкѣ, не позволяло доселѣ простирать разысканій далѣе этого мѣста. Если вѣрить разсказамъ новѣйшихъ путешественниковъ, многія отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ эта пещера, превосходятъ длиною, шириною и вышиною величайшія церкви.

Въ гипсовыхъ формаціяхъ бываютъ также цѣлые ряды гротовъ, соединенные между собою галлереями болѣе или менѣе узкими, и обнимающими иногда огромныя пространства. Въ Саксоніи, гротъ Вимальбургъ имѣетъ сообщеніе съ пещерою Кресфельдскою, удаленною отъ него болѣе чѣмъ на десять верстъ.

Понтоппиданъ говоритъ, что по близости Фридериксгаля, въ Норвегіи, есть въ горѣ отвѣсная трещина, въ видѣ колодца, въ которой паденіе камня, брошеннаго съ верху, продолжается около двухъ минутъ. Если это паденіе совершается прямо; если камень не отскакиваетъ, ударяясь обо что-нибудь, не останавливается то на одной, то на другой выпуклости стѣнъ ямы, то это двухъ-минутное паденіе заставило бы предполагать, что Фридериксгальская трещина глубиною 5 версты и 300 саженъ, то есть 375 саженъ болѣе вышины огромнѣйшей изъ Пиренейскихъ Горъ.

Въ слоистыхъ почвахъ существуютъ огромныя водохранилища, – какъ же иначе назвать, напримѣръ, внутренній прудъ, въ которомъ безпрерывно, то есть, во всякое время года, почерпаетъ воды свои ключъ Воклюзскій? При выходѣ своемъ изъ подземныхъ скалъ, откуда онъ вырывается, онъ образуетъ настоящую

рѣку (Соргу.) Въ самое необильное время онъ, по исчисленію Г. Герена (Guérin) изливаетъ 44 кубическія сажени въ минуту. Въ полую воду онъ доставляетъ въ такое же время втрое болѣе воды, чѣмъ во время засухи, именно 133 кубическихъ сажени. Въ среднемъ состояніи ключа изъ него вытекаетъ по 90 кубическихъ саженъ въ минуту, то есть около 130,000 кубическихъ саженъ въ день, или 47,000,000 кубическихъ саженъ въ годъ, то есть, гораздо болѣе трети кубической версты. Замѣтимъ мимоходомъ, что это количество равнятся всему количеству дождя, падающаго въ этой части Франціи въ цѣлый годъ на пространствѣ 520 квадратныхъ верстъ. Послѣ сильныхъ дождей, когда вода Воклюзскаго источника прибываетъ весьма быстро, она не имѣетъ обыкновенной своей чистоты. Ясно, что прибыль ключа происходитъ отъ дождевой воды, теряющейся въ трещинахъ и извлекаемой оттуда ключемъ. Къ сожалѣнію, далѣе мы ничего не знаемъ. Въ послѣднее время утверждали, что рѣка Дуранса и Воклюзскій водоемъ имѣютъ между собою подземное сообщеніе. Разсматривать эту догадку было бы безполезно, потому что мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ объ уровнѣ разныхъ частей русла этой внутренней рѣки и углубленія, изъ котораго выходитъ Воклюзскій ключъ. По достовѣрнымъ документамъ извѣстно, что въ этомъ углубленіи, между высшимъ и низшимъ стояніемъ воды была разница въ 10 саженъ. Конечно, это объяснить трудно, но никто не имѣетъ права оставить подобнаго обстоятельства безъ вниманія.

Разительнѣйшій примѣръ большаго подземнаго водохранилища съ перемѣннымъ стояніемъ воды, представляетъ Циркницское Озеро въ Карніоліи. Оно въ длину около восьми верстъ, а въ ширину около четырехъ. Въ половинѣ лѣта, когда время стоитъ сухое, поверхность воды этого озера быстро понижает-

ся, и въ нѣсколько недѣль оно совершенно высыхаетъ. Тогда ясно видны отверзтія, въ которыя вода уходитъ; одни изъ нихъ идутъ вертикально, другія наклонно къ пещерамъ, которыми изрыты окрестныя горы. Тотчасъ по сбытіи воды, сосѣдніе жители начинаютъ воздѣлывать дно озера, и мѣсяца черезъ два они косятъ сѣно или жнутъ хлѣбъ тамъ, гдѣ не задолго предъ тѣмъ ловили рыбу. Въ концѣ осени, послѣ дождей, воды выходятъ изъ тѣхъ же природныхъ каналовъ, черезъ которые лѣтомъ исчезли. Это обыкновенный, нормальный порядокъ появленія и исчезанія воды въ Циркницскомъ Озерѣ; но атмосферныя перемѣны часто нарушаютъ этотъ порядокъ. Иногда довольно одного сильнаго бурнаго дождя на горахъ, окружающихъ Циркницъ, чтобы подземное озеро выступило и затопило окрестныя земли.

Другое такое озеро находится въ Россіи, недалеко отъ Каменца-Подольскаго, и, что удивительнѣе, перемѣнное стояніе воды совершаетъ здѣсь свой періодъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Пять, шесть, иногда семь лѣтъ озеро наполнено водою; потомъ вода исчезаетъ въ одно лѣто, оставляя множество рыбъ, особенно лещей, зарытыхъ въ илѣ, и дно озера бываетъ столько же лѣтъ занято пашнями, пока вода опять не появится сквозь трещины, въ которыя ушла. Должно сожалѣть, что въ новѣйшее время никто изъ геологовъ не наблюдалъ этого озера довольно долго, и что свѣдѣнія объ немъ основаны только на разсказахъ мѣстныхъ жителей.

Въ днѣ Циркницкаго Озера, между подземными отверзтіями есть замѣчательное различіе: изъ однихъ выходитъ только вода, изъ другихъ вода и крупная или мелкая рыба; есть еще третій родъ проходовъ, изъ которыхъ появляются прежде всего утки. Эту разность въ *произведеніяхъ*, – прошу извинить за подобное слово, – въ произведеніяхъ различныхъ от-

верзтій Циркницкаго Озера, объяснить не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Труба, или каналъ, проведенный въ почвѣ, котораго внутреннее отверзтіе ниже поверхности подземнаго озера, не можетъ доставить, при выступленіи воды, ничего такого, что живетъ и движется выше нижняго его конца. Утки плаваютъ на поверхности воды, и потому не могутъ выходить сквозь такой каналъ. Если напротивъ нижній каналъ другой трубки находится въ подземномъ воздухѣ, то есть, выше поверхности озера, то очень не мудрено, что подземныя утки прячутся въ нее. Когда эта поверхность начинаетъ возвышаться, вода, мало-по-малу, выталкиваетъ ихъ въ верхнее озеро. Еще легче истолковать, отъ чего изъ нѣкоторыхъ трубокъ или каналовъ никогда не выходитъ рыбы; онѣ могутъ быть широки на верху и очень узки внизу или даже оканчиваться трещинками. Г. Джонъ Руссъ, въ «Путешествіи по Германіи въ 1820, 1821 и 1822 годахъ», не упоминаетъ объ уткахъ, въ числѣ живыхъ существъ, извергаемыхъ нижнимъ озеромъ, сокрытымъ подъ почвою Циркница. Можно бы полагать, что эти жители подземнаго міра истреблены со временъ Вальвазора, то есть, съ 1687 года; но въ Itenerario Джироламо Агапито, напечатанномъ въ Венеціи лѣтъ десять назадъ, сказано, что Циркницкое Озеро rinasce rigurgitando delle anitre senza piume e cieche, – «возрождается каждый годъ, извергая изъ земли утокъ безъ перьевъ и слѣпыхъ.» Въ этихъ же самыхъ подземныхъ Карніольскихъ водахъ найдена странная рыба proteus anguinus, которая возбудила въ такой высокой степени вниманіе естествоиспытателей.

Эти утки, въ то время какъ вода вытѣсняетъ ихъ изъ земли, плаваютъ очень хорошо. Онѣ въ скоромъ времени получаютъ чувство зрѣнія; но перья, черныя вездѣ за исключеніемъ головы, не прежде какъ въ двѣ

или три недѣли выростаютъ на нихъ такъ, чтобы онѣ могли улетѣть. Вальвазоръ посѣтилъ Циркницкое Озеро въ 1687 году. Онъ самъ поймалъ много этихъ утокъ и видѣлъ, какъ мужики ловятъ угрей (mustela fluviatilis), вѣсомъ въ два и три фунта; линей въ шесть и семь фунтовъ; наконецъ щукъ въ двадцать, тридцать и даже сорокъ фунтовъ.

Такимъ образомъ, есть не только подъ землею огромныя водохранилища, но и настоящія озера съ рыбами и утками, какъ на поверхности планеты.

Но Карніолія и южная Россія отнюдь не единственныя страны въ мірѣ, гдѣ существуютъ подземныя водохранилища, населенныя рыбами. Во Франціи есть также, хоть въ меньшемъ размѣрѣ, свои Циркницкія озера. Такъ это уже не случайность, не странный феноменъ безъ видимой причины, а фактъ, поступающій въ разрядъ явленій правильныхъ и такихъ, которыхъ существованіе связано съ свойствомъ земнаго шара, съ его геологическимъ устройствомъ.

Въ «Запискахъ Парижской Академіи Наукъ», 1741, изложено, что близъ Саблѐ, въ Анжу, посреди безплодной пустоши, есть ключъ, или лучше сказать пропасть въ 5 или 4 сажени въ діаметрѣ, которой глубина еще не опредѣлена; что эта пропасть, извѣстная въ той странѣ подъ именемъ «бездоннаго ключа», выступаетъ изъ береговъ, и тогда изъ нея выходитъ множество рыбы, особенно необыкновеннаго рода форелей. «Надобно думать, говоритъ тогда-«шній секретарь Академіи, что вся эта земля состав-«ляетъ какъ бы сводъ озера, лежащаго подъ нею.»

На другой сторонѣ, въ департаментѣ Верхней-Соны, близъ Везуля, есть природное углубленіе, которое называется Frais-Puits и представляетъ явленія того же рода. Лѣтомъ и осенью, когда дня два или три сряду идетъ сильный дождь, вода съ пѣною выбрасывается изъ этого углубленія, и образуетъ потокъ,

который разливается по всей окрестности. Послѣ этого водянаго изверженія, продолжающагося только нѣсколько часовъ, на поляхъ, понятыхъ водою, находятъ иногда щукъ.

Даже и въ плоскихъ странахъ, есть подземныя пустоты, въ которыхъ цѣлыя рѣки поглощаются. Это явленія въ высокой степени возбуждало любопытство древнихъ. Плиній уже говорилъ, что къ числу рѣкъ, исчезающихъ подъ землею, принадлежатъ Алфей въ Пелопонезѣ, Тигръ въ Месопотаміи, Тимавусъ въ землѣ Аквилейской, и прочая, и прочая. Онъ относилъ къ нимъ также и Нилъ, утверждая, что онъ при вступленіи своемъ въ Цезаріянскую Мавританію, исчезаетъ на пространствѣ трехъ дней ходьбы и потомъ на границахъ Ѳіопіи опять на двадцать дней ходьбы. Но мы обратимся къ примѣрамъ, болѣе близкимъ къ намъ, или болѣе изученнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію.

Баберъ, сперва государь небольшаго владѣнія между Семипалатинскомъ и Бухаріею, потомъ основатель династіи Великихъ Монголовъ, свидѣтельствуетъ въ своихъ знаменитыхъ «Запискахъ,» что Сыръ-дарья, огромная рѣка Киргизской Степи, впадающая въ Аральское Море, въ нѣсколькихъ мѣстахъ погружается въ песокъ на большія пространства и уходитъ съ поверхности земли. Извѣстно, что эта пустынная страна плоска и гораздо ниже уровня океана.

Гвадіана вдругъ исчезаетъ въ странѣ ровной, посреди обширныхъ луговъ. Вотъ почему Испанцы, когда похвалишь передъ ними какой-нибудь мостъ не въ ихъ отечествѣ, всегда говорятъ, что у нихъ, въ Эстремадурѣ, есть мостъ, на которомъ можетъ пастись сто тысячъ штукъ рогатаго скота.

Маасъ исчезаетъ въ Базуалѣ. И это исчезаніе происходитъ, какъ кажется, не съ давнихъ временъ. Г. Герикаръ-де-Тюри говоритъ, что прежнее русло, хо-

тя и воздѣланное, еще ясно видно надъ подземнымъ русломъ.

Дрома, въ Нормандіи, совершенно исчезаетъ посреди луга, въ ямѣ саженъ въ 5 или 6 въ діаметрѣ, которая извѣстна въ той странѣ подъ именемъ Fosse-de-Soucy; но рѣка достигаетъ этой пропасти, уже весьма ослабленная. Другія ямы, находящіяся на томъ же лугу, *выпиваютъ* (это мѣстное выраженіе) большую часть ея воды.

Въ той же части Франціи рѣки Рилля, Итонъ, Ора, и прочія, также мало-по-малу исчезаютъ. Въ руслахъ этихъ рѣкъ есть по мѣстамъ ямы, изъ которыхъ каждая поглощаетъ часть воды. Приближаясь къ пропасти, въ которой исчезаетъ окончательно, рѣка обыкновенно уже есть не что иное, какъ слабый ручей.

Не трудно было бы привести и болѣе примѣровъ, даже говоря только о тѣхъ рѣкахъ, которыя исчезаютъ совершенно; а тщательныя измѣренія количества воды въ рѣкахъ, конечно, показали бы множество такихъ, которыя лишаются только части водъ своихъ. Мы увидимъ далѣе, что Лоара должна быть отнесена къ этой категоріи.

Въ слоистыхъ почвахъ часто бываютъ подземныя водохранилища въ различныхъ глубинахъ. Поиски каменнаго угля, предпринятые въ окрестностяхъ Сентъ-Никола въ Аліермонѣ, близъ Діеппа, показали существованіе семи пространныхъ и обильныхъ водохранилищъ. Вотъ ихъ относительное положеніе.

Первое, въ глубинѣ	отъ 12 до 15 саженъ.
Второе	48
Третье	85
Четвертое	100
Пятое	120
Шестое	140
Седьмое	160

Всѣ эти водохранилища одарены большимъ стремленіемъ къ верху.

При устроеніи колодцевъ въ Сентъ-Уанъ, встрѣтили пять отдѣльныхъ водохранилищъ, способныхъ подниматься. Они тоже расположены въ разныхъ ярусахъ почвы, изъ которыхъ верхній находится въ 15, а самый нижній въ 30 саженяхъ подъ поверхностью земли.

Четыре подобныхъ водохранилища открыли буравомъ въ 30 саженяхъ глубины, подъ площадью города Сенъ-Дени.

Въ Турѣ, тоже подъ площадью, нашли три водохранилища, стремящіяся къ верху, одно въ 45, другое въ 55, третье въ 60 саженяхъ глубины.

Въ окрестностяхъ Лондона и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ буравъ проходилъ также сквозь нѣсколько этажей водохранилищъ.

Въ слоистыхъ почвахъ бываютъ иногда, кромѣ стоячихъ водохранилищъ, еще текучія, настоящія подземныя рѣки, бѣгущія довольно быстро въ пустыхъ пространствахъ между разными непроницаемыми слоями.

Подъ именемъ подземныхъ рѣкъ мы не разумѣемъ здѣсь ни тѣхъ рѣкъ, которыя, подобно Пойку въ Карніоліи, низвергаются въ огромныя горныя пещеры, ни тѣхъ, которыя, подобно Гвахаро, изъ нихъ выходятъ. Мы говоримъ о подземной текучей водѣ, которая замѣнила первоначальные слои почвы и совершенно заняла ихъ мѣсто.

Въ самомъ Парижѣ и его окрестностяхъ есть нѣсколько подземныхъ рѣчекъ.

Работники недавно буравили землю для артезіянскихъ колодцевъ въ одномъ мѣстѣ близъ Фонтенебло̀сской заставы. По обыкновенію эта работа шла очень медленно; но вдругъ буравъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ и погружается на три сажени съ половиною. Если бъ не рукоятка, продѣтая въ ушко перваго колѣна и не могшая пройти сквозь продѣланное уже от-

верзтіе, то вѣроятно паденіе еще бы продолжалось. Когда стали вытаскивать щупъ, оказалось, что онъ какъ бы виситъ; что нижній его конецъ не упирается въ твердую почву, и что наконецъ сильное теченіе относитъ его въ сторону. Вода этой подземной рѣки начала бить такъ сильно, что наблюденій продолжать было невозможно.

Въ Сентъ-Уанѣ инженеры убѣдились, что третья изъ пяти открытыхъ ими водяныхъ восходящихъ плоскостей, течетъ въ пустотѣ около аршина вышины. Щупъ опустился тутъ вдругъ на 9 вершковъ. Теченіе этой воды должно быть очень сильно, потому что оно сообщало щупу весьма замѣтное качаніе. Этотъ двойной фактъ,—существованіе и сила теченія, — можетъ-быть также достовѣрно выведенъ изъ другаго любопытнаго явленія: когда сверло съ выбуравленными частицами почвы должно было проходить сквозь третье водохранилище, всѣ эти частицы были тотчасъ уносимы водою. Само собою разумѣется, что стоячія водохранилища не производили ничего подобнаго.

Мы могли бъ привести множество такихъ примѣровъ. Но вотъ еще сильнѣйшее доказательство существованія подземной рѣки.

Тридцатаго января, 1831, вертикальная трубка водомета на площади соборной церкви въ Турѣ, была укорочена на двѣ сажени, и масса извергаемой воды сдѣлалась, разумѣется, больше. Она увеличилась цѣлою третью; но вода, которая была сначала весьма чиста, ускоривъ свое движеніе, сдѣлалась мутною. Нѣсколько часовъ сряду она выбрасывала изъ глубины 50 саженъ обломки растеній, «въ числѣ которыхъ, говоритъ Г. Дюжарденъ, можно было узнать вѣтки тер«новника, въ нѣсколько дюймовъ длиною, почернѣв«шія отъ пребыванія въ водѣ; еще бѣлые корни и «стебли болотныхъ растеній; сѣмена разныхъ родовъ, «сохранившіяся такъ хорошо, что нельзя было пред-

«полагать, чтобы они оставались въ водѣ болѣе трехъ «или четырехъ мѣсяцевъ. Въ числѣ ихъ были сѣмена «болотистой сывороточной травы. По временамъ по- «являлись также раковинки земляныя и прѣсной во- «ды. Все это походило на то, что небольшія рѣки и «ручьи оставляютъ на берегахъ, которые были ими «поняты.»

Изъ того, что зерна, привезенныя въ Туръ, еще не подверглись разложенію, Г. Дюжарденъ заключаетъ, что они находились въ водѣ менѣе года. Но они зрѣютъ осенью, собраны въ январѣ: такимъ образомъ они должны были достичь до мѣста мѣсяца въ четыре. Эти замѣчанія, вѣроятно не будутъ опровергаемы. Мы не смѣемъ сказать того же о мнѣніи Г. Дюжардена, будто вода артезіянскихъ колодцевъ въ Турѣ необходимо должна происходить изъ какой-нибудь сырой долины въ Оверни или Виварѣ.

Не одинъ этотъ естествоиспытатель счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ такой ипотезѣ. «Петръ де ла Валле го- «воритъ, что на Строфадскихъ Островахъ, по разска- «замъ живущихъ тамъ монаховъ, есть фонтанъ, ко- «тораго истокъ долженъ быть въ Морѣ, и который, «по мнѣнію ихъ, проходитъ подъ моремъ съ твердой «земли на острова. И дѣйствительно, изъ фонтана по- «являются иногда, вмѣстѣ съ водою, такія вещи, ко- «торыя могутъ происходить только изъ Мореи. Од- «нажды вышла оттуда тыквяная, обдѣланная сере- «бромъ чашка для питья.» Это мѣсто заимствовано изъ сочиненія Петра Перро, подъ заглавіемъ – «О происхожденіи источниковъ». Въ наше время нельзя разсказывать ничего чрезвычайнаго, безъ оговорки!

То что мы говорили о Турскихъ колодцахъ, неоспоримо доказываетъ, что третья тамошняя подземная водяная плоскость не происходитъ, или по-крайней-мѣрѣ не вполнѣ происходитъ, отъ просачиванія сквозь слои песка. Чтобы эта вода могла уносить раковины и

куски дерева, для этого надобно, чтобы она текла свободно въ настоящихъ руслахъ.

Если бы нужно было прибавить что-нибудь къ изложеннымъ здѣсь доказательствамъ существованія быстрыхъ подземныхъ рѣкъ въ такихъ почвахъ, гдѣ прежде и не подозрѣвали ихъ, мы могли бы привести явленія, происходящія въ знаменитомъ Нимскомъ фонтанѣ.

Въ большія засухи этотъ фонтанъ изливаетъ не болѣе 108 ведеръ воды въ минуту; но когда въ сѣверо-западной части города за десять или двѣнадцать верстъ отъ фонтана идетъ сильный дождь, вслѣдъ за этимъ, вода въ немъ прибываетъ, такъ что вмѣсто 108 ведеръ, въ минуту выходитъ до 8,130 ведеръ, и, несмотря на это чрезвычайное усиленіе теченія, температура воды почти не измѣняется.

Такимъ образомъ, дождь идетъ вдали, въ сѣверо-западномъ направленіи, а Нимскій фонтанъ усиливается! Ясно, что вода его приходитъ издалека, по длиннымъ подземнымъ проводамъ, — что, впрочемъ, доказывается и неизмѣняемостью температуры при самыхъ сильныхъ и самыхъ внезапныхъ приливахъ. Приливъ слѣдуетъ въ скоромъ времени за дождемъ: видно, что вода быстро протекаетъ большія пространства; этого не можетъ быть, когда вода только просачивается, какъ бы ни проницаема была почва. Ясно, что Нимскій фонтанъ заимствуетъ воды свои не изъ долинъ въ отдаленной области, но изъ одной или нѣсколькихъ подземныхъ рѣкъ.

Но какая сила поднимаетъ подземныя воды, и заставляетъ ихъ бить на поверхность земнаго шара? Извѣстно, что если мы нальемъ воду въ трубку, сдѣланную въ видѣ U, она приходитъ въ уровень и стоитъ въ обоихъ колѣнахъ трубки на совершенно равныхъ высотахъ. Положимъ, что лѣвое колѣно этой

трубки вставлено въ обширный резервуаръ, изъ котораго она всегда наполняется; что правое колѣно внизу отрѣзано; что отъ него остается только небольшая вертикальная часть; что наконецъ эта часть заперта краномъ. Если вы откроете этотъ кранъ, вода начнетъ бить изъ праваго колѣна вверхъ, до той высоты, на которой она стояла, когда это колѣно еще не было отрѣзано. Она подымается вверхъ на такое же пространство, на какое прежде была понижена, считая отъ уровня воды въ резервуарѣ, наполняющемъ противоположное колѣно. На самомъ дѣлѣ вода подымается нѣсколько ниже этого; но маловажная разность не уничтожаетъ правила: она зависитъ отъ тренія, отъ сопротивленія воздуха, отъ противоположнаго теченія жидкихъ частицъ, подымающихся и опускающихся.

Эти два опыта осуществлены въ большомъ видѣ въ Турецкихъ *су-терязы* и во всѣхъ фонтанахъ и заведеніяхъ для снабженія водою разныхъ частей города и всѣхъ этажей домовъ. Римляне, когда хотѣли провести воду съ одного холма на другой, строили въ долинѣ между этими холмами, дорого стоющіе мосты на аркахъ, называемые водопроводами. Турки рѣшаютъ туже самую задачу несравненно дешевѣйшимъ образомъ: они проводятъ внизъ по склону перваго холма трубу, сдѣланную изъ кирпича, изъ обожженной глины, изъ какого-нибудь металла; эта труба проходитъ черезъ долину, изгибаясь по ея неровностямъ, и потомъ подымается по склону втораго холма. По закону колѣнчатыхъ трубокъ, о которомъ мы говорили выше, вода съ одного холма, пройдя по этой трубѣ чрезъ всю долину, сама собою подымается на другой холмъ почти на такую же высоту, съ какой спустилась, и уравновѣшивается съ нею. Вотъ почему трубки, превосходно замѣняющія древніе водопроводы, и названы Турками *су-терязы*, «водовѣсами»!

Теперь, продолжимъ трубку только до половины долины, и сдѣлаемъ отверзтіе съ наружной стороны трубки: вода будетъ бить изъ него къ верху, а притомъ до такой высоты, съ какой она опустилась. Такъ устроиваются всѣ фонтаны.

Гидростатическій законъ, котораго мы означили два примѣненія, совершенно независимо отъ формы трубы, по которой жидкость проходитъ. Замѣните круглую трубку эллиптическою, четыреугольною, многоугольною, сдѣлайте трубку тонкую и чрезвычайно длинную, съуживайте ее въ разныхъ мѣстахъ, дѣлайте въ ней какіе вамъ угодно изгибы, несмотря на это она будетъ подниматься до той же высоты, во всѣхъ пунктахъ, гдѣ найдетъ отверзтіе, которое позволитъ ей повиноваться производимому на нее давленію.

Теперь вспомнимъ, какимъ образомъ дождевая вода проникаетъ въ нѣкоторые слои слоистыхъ почвъ; не надобно терять изъ виду, что слои являются обнаженными только на склонахъ или на вершинѣ холмовъ; что они тамъ именно принимаютъ въ себя дождевую воду; вспомнимъ притомъ, что эти водопроводные слои, спустившись съ высотъ, которыя нѣкогда согнули и изломали ихъ, идутъ по долинѣ горизонтально или почти горизонтально; что они часто, какъ-бы заперты между двумя непроницаемыми слоями камня или жирной глины, — и мы тогда поймемъ существованіе подземныхъ водяныхъ плоскостей, находящихся въ положеніи трубокъ *су-теразы* и нашихъ фонтановъ: отверзтіе, пробуравленное сквозь всѣ слои и наконецъ сквозь тотъ, который непосредственно покрываетъ водопроводный слой, сдѣлается вторымъ колѣномъ трубки, имѣющей видъ U, о которой мы говорили, или опрокинутаго сифона, или, если угодно, сутеразы; жидкость будетъ подниматься

по этой пробуравленной дырѣ до той высоты, на которой соотвѣтствующая водяная плоскость стоитъ на склонѣ холма, гдѣ она происходитъ. Такимъ образомъ всякой легко пойметъ, отчего въ извѣстной горизонтальной почвѣ подземныя воды, находящіяся въ разныхъ глубинахъ, могутъ быть одарены неодинаковою силою возвышенія; всякой можетъ объяснить, отчего та же самая водяная плоскость бьетъ въ одномъ мѣстѣ на большую высоту, а далѣе не поднимаетъ и до поверхности почвы. Простыя неровности почвы сдѣлаются достаточною, естественною причиною этой разности.

Это объясненіе поднимания воды въ артезіянскихъ колодцахъ, такъ естественно, что оно первое представилось физикамъ. И дѣйствительно, еще въ 1671 году Кассини говорилъ: «Быть можетъ, эта вода (вода «буравленныхъ колодцевъ въ Моденѣ) течетъ по под«земнымъ каналамъ съ Аппенинской горы, которая «отсюда не болѣе какъ въ десяти миляхъ.» Нынче, вѣра въ эту простую и ясную теорію ослабѣла. Посмотримъ, есть-ли на это достаточныя причины.

Въ Исландіи существуютъ источники, которые бросаютъ на значительную высоту, иногда горячую воду, иногда только столбы паровъ. Причину этого любопытнаго явленія искали сначала въ упругости водяныхъ паровъ; и надобно сказать, что это объясненіе довольно хорошо согласуется со всѣми обстоятельствами, о которыхъ разсказываютъ путешественники. Но изъ того, что въ Исландіи, то есть, по близости дѣйствующихъ волкановъ, пары производятъ фонтаны, слѣдуетъ ли заключать, что въ нашихъ странахъ, гдѣ нѣтъ волкановъ, битье водометовъ изъ земли также зависитъ отъ дѣйствія газа, что единственною причиною ихъ можетъ быть сгущенный воздухъ? Признаюсь, я не вижу необходимости подобнаго слѣдствія. Притомъ надобно замѣтить, что

гейзеры перемежаются, что между двумя послѣдовательными изверженіями, проходитъ довольное время совершеннаго спокойствія, между-тѣмъ, какъ буравленные колодцы бьютъ съ одинакою быстротою цѣлые дни, мѣсяцы, годы? Къ чему же и уподоблять два явленія, такъ несходныя между собою?

Воздухъ сжатый въ подземной пещерѣ, могъ бы выдавливать воду сквозь восходящую трубку буравленнаго колодца не иначе, какъ безпрерывно расширяясь; но расширяясь, онъ лишился бы постепенно своей силы и вода должна была бы течь медленнѣе. Приверженцы этой ипотезы говорятъ, что по временамъ въ подземныя водохранилища проливается количество воды, достаточное для того, чтобы привести все въ первобытное состояніе, такъ, что дѣйствующій воздухъ не можетъ замѣтно ослабѣть въ своей упругости; но эти господа забываютъ, что ихъ вспомогательныя колонны воды могли бы играть роль, которую они имъ назначаютъ, только тогда, когда бы онѣ преодолѣли упругость сжатаго воздуха, – а въ такомъ случаѣ не жидкая ли прибывающая колонна вдавливаетъ воду въ восходящую трубку? Почему же сила, дѣйствующая въ эту минуту, не могла бы быть достаточною навсегда?

Во многихъ машинахъ резервуары газа, и колеса, извѣстныя подъ именемъ маховъ, употребляются для уравненія дѣйствій; но какъ отдѣльные двигатели, они не могутъ производить правильности, постоянства теченія, замѣтныхъ въ буравленныхъ колодцахъ, или искусственныхъ источникахъ, которымъ стоитъ только дать долину, русло и наклонную площадь, и они превратятся въ настоящія, неистощимыя рѣки. Когда-нибудь люди будутъ дѣлать рѣки искусственныя, – мы въ томъ увѣрены: стоитъ только хорошо уразумѣть происхожденіе источниковъ, ихъ законы и теорію образованія рѣкъ. И теперь уже можно дѣ-

лать въ садахъ прекрасныя струи текучей воды и цѣлыя рѣчки, не проводя воды каналами изъ отдаленныхъ мѣстъ и помощію одного бурава.

Оставимъ другія и весьма важныя возраженія, которыя можно противопоставить теоріи, основанной на дѣйствіи резервуаровъ сжатаго воздуха, и разсмотримъ еще одну ипотезу, очень странную, которую однако жъ въ послѣднее время восхваляли.

Водяная плоскость, въ которую погружается восходящая трубка, продѣланная буравомъ, всегда заключается между двумя минералогическими, непроницаемыми слоями. Говорятъ, что высшій изъ этихъ слоевъ, на которомъ лежитъ вся тяжесть верхней земли, необходимо долженъ понижаться и давать жидкость, которую онъ покрываетъ; отъ этого и происходитъ подниманіе воды.

Допустимъ на время, что это мнимое давленіе существуетъ. Тогда надобно разсмотрѣть три случая,— или гнущійся слой будетъ постоянно двигаться сверху внизъ до соприкосновенія со вторымъ непроницаемымъ слоемъ,—или онъ остановится, прежде этого соприкосновенія, въ положеніи равновѣсія,— или будетъ то подниматься, то опускаться. Ясно, что ни одинъ изъ этихъ случаевъ не силенъ объяснить постояннаго теченія нѣкоторыхъ артезіянскихъ фонтановъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно должно бы быть перемежающимся; во второмъ постепенно уменьшаться и наконецъ остановиться; въ первомъ также, рано или поздо, брызженіе должно остановиться, особенно въ тѣхъ многочисленныхъ мѣстахъ, гдѣ водяная плоскость представляетъ толщину небольшую.

Не мудрено было бы собрать здѣсь множество другихъ возраженій, но лучше разсмотрѣть важность единственнаго возраженія, которое дѣлаетъ противъ

уподобленія буравленныхъ колодцевъ опрокинутымъ сифонамъ или Турецкимъ *су-теразы.*

Нѣкоторые изъ артезіянскихъ фонтановъ, напримѣръ Лилльерскій въ Артуа, бьютъ посреди пространныхъ долинъ. Ни съ которой стороны не видно ни малѣйшаго возвышенія: гдѣ же, говорятъ, искать гидростатическихъ колоннъ, которыхъ давленіе принуждало бы подземныя воды подниматься на поверхность земли? Отвѣчаемъ, что ихъ надобно искать, если нужно, и далѣе объемлемаго глазомъ горизонта, за пятьдесятъ, за сто, за сто пятьдесятъ верстъ и даже болѣе. Существованіе подземной водяной плоскости въ четыреста верстъ длиною, можетъ быть важнымъ возраженіемъ только въ глазахъ тѣхъ, которые вопреки свидѣтельству науки, стали бы утверждать, что пространство земли въ четыреста верстъ не можетъ имѣть одинаковаго геологическаго строенія. Впрочемъ вотъ явленіе, которое ясно разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Въ глубинѣ Океана есть источники прѣсной воды, которые бьютъ вертикально до самой поверхности его. Очевидно, что вода этихъ источниковъ течетъ изъ земли по природнымъ каналамъ, идущимъ подъ дномъ моря. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ Англійскій корабль, на которомъ находился Г. Букананъ, нашелъ въ Индѣйскомъ морѣ, при совершенномъ штилѣ, обильный источникъ прѣсной воды въ 125 миляхъ отъ Читтагонга и около 100 миль отъ ближайшаго берега. Если неоспоримое открытіе доводитъ насъ до подобныхъ чиселъ, то возраженія, основанныя на разстояніи, падаютъ сами собою.

Что подземныя рѣки достигаютъ моря такъ же, какъ наземныя, доказательство тому — вліяніе морскихъ приливовъ и отливовъ на колодцы, буравленные внутри областей. Г. Баллье замѣтилъ, что бьющій источ-

никъ Noyelle-sur-Mer, въ департаментѣ Соммы, возвышается и понижается вмѣстѣ съ приливомъ. Тоже самое явленіе должно происходить и во всѣхъ подобныхъ источникахъ, пробуравленныхъ въ окрестностяхъ Аббевиля.

Если бъ и не было средствъ исчислить измѣненія въ стояніи воды, то дѣйствіе прилива и отлива можно также вѣрно замѣчать, измѣряя въ надлежащее время количество воды, доставляемое бьющими колодцами. Такъ напримѣръ въ Фульгамѣ, близъ Темзы, есть буравленный фонтанъ въ пятьдесятъ саженъ глубиною, который доставляетъ то $30^1/_2$, то $17^1/_3$ ведеръ воды въ минуту, смотря по приливу и отливу.

Посмотримъ, такъ ли трудно объяснить это дѣйствіе прилива, какъ кажется съ перваго взгляда.

Если въ стѣнкѣ сосуда, какой бы то формы ни было, наполненнаго жидкостію, мы сдѣлаемъ отверзтіе, весьма малое въ сравненіи съ величиною сосуда, теченіе, которое будетъ происходить чрезъ это отверзтіе, не произведетъ замѣтнаго измѣненія въ давленіи жидкости на стѣны. Два, три отверзтія, десять отверзтій, если только они всѣ вмѣстѣ весьма малы въ сравненіи съ размѣромъ сосуда, также оставятъ давленіе жидкости на всѣ его точки въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ было оно въ состояніи равновѣсія, когда жидкость не имѣла ни малѣйшаго движенія. Предположите теперь, что это отверзтіе, или эти отверзтія сдѣлались побольше, тотчасъ все измѣняется, и размѣръ, который вы имъ дадите, будетъ опредѣлять давленіе жидкости на каждомъ пунктѣ; нежели одно изъ отверзтій уменьшится, теченіе во всѣхъ другихъ сдѣлается обильнѣе.

Эти правила Гидродинамики, совершенно доказанныя, легко могутъ быть примѣнены къ явленію, о которомъ мы разсуждаемъ.

Коль скоро подземная рѣка, изъ которой бьетъ пробуравленный фонтанъ, изливаетъ частію воды свои въ море или въ другую рѣку, подверженную приливу и отливу и притомъ сквозь отверзтіе, довольно большое въ сравненіи съ ея размѣромъ, такъ что ежели это отверзтіе уменьшится, давленіе тотчасъ увеличится на всѣхъ пунктахъ природныхъ или искусственныхъ каналовъ, наполняемыхъ водою этой рѣки: такимъ образомъ теченіе изъ пробуравленнаго отверзтія усилится, если поверхность воды въ морѣ возвысится. Между-тѣмъ ясно, что если приливъ происходитъ на то самое мѣсто, гдѣ подземная рѣка изливаетъ свои воды, то усиленіе наружнаго давленія уменьшитъ количество воды, вытекающей въ данное время; дѣйствіе будетъ то же самое, которое произошло бы при уменьшеніи отверзтія и слѣдствіе должно быть точно такое же: приливъ и отливъ моря будутъ производить соотвѣтствующіе имъ приливъ и отливъ въ артезіянскомъ колодцѣ. И дѣйствительно это явленіе замѣчено и въ Noyelle-sur-Mer, и въ Фульгамѣ. Но довольно объ этомъ.

Изъ всѣхъ ученыхъ вопросовъ, которые были въ послѣднее время разсматриваемы, одинъ изъ любопытнѣйшихъ есть вопросъ о томъ, сохранилъ ли земной шаръ первобытную теплоту свою. Фурье привелъ рѣшеніе этой важной задачи Естественной Философіи къ весьма простому наблюденію: онъ доказалъ, что если бы земля заимствовала всю теплоту свою отъ солнца, то температура слоевъ ея во всѣхъ климатахъ была бы одинакова во всѣхъ достижимыхъ глубинахъ, и сверхъ того она была бы ровна средней температурѣ поверхности. Между-тѣмъ наблюденія, произведенныя во многихъ рудникахъ, не соотвѣтствуютъ этимъ результатамъ. Но эти наблюденія не произвели убѣжденія. Штольна въ рудникѣ представлялась нѣкоторымъ умамъ какъ бы лабораторіею, въ

которой химическія дѣйствія безпрерывно производятъ большое отдѣленіе теплоты. Говорили также, что присутствіе работниковъ, зажженные факелы, пороховые взрывы, и прочая, и прочая, могутъ производить измѣненіе въ температурѣ рудниковъ, и хотя самыя подробныя исчисленія доказали, какъ недостаточны для объясненія явленій всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, многіе однако продолжали сомнѣваться. Наблюденіе, сдѣланное мною въ октябрѣ 1821 года, въ то время какъ я, вмѣстѣ съ Гг. Кольби, Кеторомъ и Матьё, соединялъ посредствомъ геодезическихъ операцій берега Франціи съ берегами Англіи, указало мнѣ на неоспоримое рѣшеніе этой задачи. Я нашелъ, что температура источниковъ, вытекающихъ у подошвы утесовъ Блапъ-не, значительно выше температуры воды въ близкомъ оттуда колодцѣ Монламберскомъ.

Тутъ я увидѣлъ, что опредѣленіе температуры артезіянскихъ фонтановъ, есть предметъ, достойный вниманія: мнѣ казалось, что воды этихъ фонтановъ, особенно если онѣ обильны, необходимо должны, при появленіи своемъ на поверхности земли, сохранять температуру внутреннихъ слоевъ, обыкновенно горизонтальныхъ, между которыми онѣ заключены. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ одной и той же странѣ, если только земля имѣетъ свою собственную теплоту, — а это-то и надобно было доказать, — высшая температура должна быть въ водахъ, которыя бьютъ изъ большей глубины. Поэтому я уже четырнадцать лѣтъ не перестаю собирать, самъ и съ помощію моихъ пріятелей, термометрическіе документы, имѣющіе столь прямое соотношеніе съ исторіею земнаго шара. Надѣюсь, что скоро я въ состояніи буду предложить ихъ публикѣ. Тогда я выведу изъ нихъ и всѣ слѣдствія, которыя при этомъ представляются: здѣсь, при помощи избранныхъ результа-

товъ, я покажу только, что во всѣхъ мѣстахъ температура буравленныхъ колодцевъ выше температуры поверхности земли, и притомъ въ пропорціи одного градуса стоградуснаго термометра на каждые 9—14 саженъ глубины.

Парижъ.

Средняя температура въ Парижѣ на поверхности земли.. + 10°,6.
Температура фонтана Сентъ-Уанскаго..... + 12°,9.
(Глубина 31 сажень.)

Департаменты Сѣверный и Па-де-Кале.

Средняя температура поверхности земли составляетъ около. + 10°,3.
Температура артезіянскаго фонтана Маркеттъ..... + 12°,5.
(Глубина 25 саженъ.)
Артезіянскаго фонтана въ Эрѣ..... + 13°,3.
(Глубина 30 саженъ.)
Артезіянскаго фонтана въ Сенъ-Венанѣ..... + 14°,0.
(Глубина 48 саженъ.)

Ширнессъ, при устьѣ Медвей въ Темзу.

Средняя температура поверхности..... + 10°,5.
Температура артезіянскаго колодца..... + 15°,5.
(Глубина 52 сажени.)

Туръ.

Средняя температура на поверхности..... + 11°,5.
Температура артезіянскаго фонтана..... + 17°,5.
(Глубина 65½ саженъ.)

Изысканія надъ другими буравленными колодцами конечно представятъ тѣ же результаты правильнаго усиленія внутренней теплоты земнаго черепа, какъ скоро ими займутся. Въ Европѣ многіе пробуравленные водометы выбрасываютъ воду изъ глубины отъ 100, до 120 и даже 160 саженъ, какъ напримѣръ въ Сенъ-Никола-д'Аліермонѣ, во Франціи, гдѣ дошли до седьмой водяной плоскости. Въ области Кя-тинъ-фу, по свидѣтельству Дюфрена, Китайцы выбуравливаютъ землю до 275 саженъ, для добыванія соленой воды.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда пробуравишь землю до извѣстной глубины, вдругъ вылетаетъ изъ отверзтія горячая вода, которой температура гораздо

сильнѣе водъ ближайшихъ буравленныхъ колодцевъ: это должно отнести къ особеннымъ свойствамъ мѣстности, тлѣнію разныхъ тѣлъ и броженію газовъ въ смежныхъ пустотахъ почвы.

Нельзя забыть при этомъ, что точно такимъ, образомъ какъ мы заставляемъ дождевую воду, просачивающуюся сквозь земные слои, подыматься изъ внутреннихъ водоемовъ на поверхность материка, можно обратно заставить воду, накопившуюся на его поверхности, пролиться въ пустоты земнаго черепа и образовать тамъ искусственныя водяныя плоскости, которыя прежде не существовали. Отверзтія, увлекающія внутрь земли наружныя водяныя плоскости, которыя, безъ этого пособія, оставались бы на поверхности земли, составляютъ родъ отрицательныхъ артезіянскихъ фонтановъ. Нужда, мать многихъ важныхъ изобрѣтеній, съ ранняго времени подала людямъ мысль подражать въ этомъ природѣ.

Долина Палёнъ (Paluns) близъ Марсели, была обширнымъ болотистымъ бассейномъ. Осушить его посредствомъ поверхностныхъ каналовъ, казалось невозможнымъ. Король Ренѣ приказалъ выкопать множество глубокихъ ямъ, и эти ямы проводили, и проводятъ донынѣ, въ проницаемые слои, лежащіе въ нѣкоторой глубинѣ, воду, которая иначе сдѣлала бы всю эту землю не плодородною. Увѣряютъ, что эти самыя воды, ушедшія въ Палёнскія ямы, протекши нѣкоторое пространство подъ землею, образуютъ фонтаны Міонскаго порта, близъ Касси.

Рѣка Орбъ, въ Жюрасскомъ департаментѣ, приноситъ въ озеро Жу гораздо болѣе воды, нежели сколько можетъ испариться; между-тѣмъ вода въ этомъ озерѣ изъ котораго не вытекаетъ ни одна рѣка, стоитъ почти всегда на одинакой высотѣ. «Это про-«исходитъ оттого, говоритъ Соссюръ, что природа

«устроила въ этомъ мѣстѣ подземные проходы, въ ко-«торыхъ вода озера поглощается и исчезаетъ..... Такъ «какъ для жителей этой долины весьма важно поддер-«живать эти природные стоки воды, безъ которыхъ «пахотныя поля и жилища были бы вскорѣ затопле-«ны, то они тщательно ихъ поддерживаютъ; и даже «замѣтивъ, что они недовольно сильно поглощаютъ «воду, устроиваютъ новые».

«Для этого надобно только выкопать нѣсколько ко-«лодцевъ въ 15 или 20 футовъ глубиною и отъ 8 до «10 шириною, въ тонкихъ и вертикальныхъ слояхъ, «которыхъ вершины остаются обнаженными. Эти ко-«лодцы называются воронками..... Воды, поглощае-«мыя всѣми этими воронками, выходятъ потомъ изъ «земли, и образуютъ прекрасный источникъ (также «называемый Орбою) верстахъ въ трехъ ниже сѣвер-«ной оконечности озера.» При этомъ теченіи на про-странствѣ трехъ верстъ, воды, поглощенныя землею, спускаются на 103 сажени.

Эта проницаемость почвы можетъ даже принести большую пользу промышленности и здоровью горо-довъ.

Одинъ крахмальный фабрикантъ въ Вилльтанёзѣ, недалеко отъ Сенъ-Дени, избавился зимою 1832 года, посредствомъ колодца пробуравленнаго до нѣкото-рыхъ слоевъ поглощающей земли, отъ 16,000 ведеръ въ день нечистой воды, которой вонь подавала поводъ къ жалобамъ и вѣроятно принудила бы его перене-сти свое заведеніе въ другое мѣсто. Послѣ пятимѣсяч-наго поглощенія на днѣ колодца нашли сверломъ одинъ только песокъ, и колодецъ съ тѣхъ поръ дѣй-ствуетъ какъ при самомъ началѣ.

Содержатели Бондійской живодерни избавляются такимъ же образомъ каждыя сутки отъ 100 кубичес-кихъ метровъ воды, которая мѣшаетъ ихъ работамъ.

Инженеръ Мюло чрезвычайно замысловато воспользовался поглощающимъ свойствомъ нѣкоторыхъ каменистыхъ слоевъ, для рѣшенія задачи, весьма важной для города Сенъ-Дени. Вода фонтана, вырытаго на почтовой площади, служила лѣтомъ къ очищенію ея, но при наступленіи морозовъ на мостовой скопился ледъ, который препятствовалъ свободному обращенію экипажей. Это заставило-было отказаться отъ прорытія колодца на другой площади, какъ Г. Мюло придумалъ для отвращенія такого неудобства замысловатое средство, которое мы опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Превосходная вода изъ слоя, лежащаго въ 28 саженяхъ глубины, подымается металлической трубкою извѣстнаго діаметра. Другая трубка, значительно толще этой, обнимаетъ ее, и погружается въ 24 саженяхъ глубины въ другую воду, годную въ питье, но однако же не столь чистую, какъ первая. Вода, находящаяся въ 24 саженяхъ глубины, можетъ подыматься только въ пустомъ пространствѣ, остающемся между обѣими трубками. Наконецъ третья трубка, значительно толще второй, обнимаетъ ее, и спускается до одного поглощающаго слоя. Такимъ образомъ по пустому пространству, остающемуся между среднею и крайнею трубкою, не подымается ничего, но напротивъ зимою по немъ спускается во внутренность земли вода двухъ первыхъ восходящихъ источниковъ, которая остается безъ употребленія и, разлившись по улицѣ, могла бы образовать толстый пластъ льда. Впрочемъ, какъ въ этомъ случаѣ поглощаемая вода чиста, то она бы не подала повода къ возраженіямъ, которое произвело въ Виллътанезѣ и Бонди опасеніе, чтобы вода сосѣднихъ колодцевъ не была испорчена просачиваніемъ нечистотъ.

Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ явленіямъ, замѣченнымъ при буравленіи земнаго черепа. Въ Блинге-

лѣ, въ долинѣ Тернуазъ, изъ трехъ пробуравленныхъ въ 1820 году отверзтій, первое сдѣлалось прекраснымъ фонтаномъ, а въ двухъ другихъ не оказалось ни капли воды, хоть всѣ были весьма близко одно отъ другаго.

Въ Лиллѣ, въ Сенъ-Полѣ и въ Сенъ-Венанѣ замѣчена также неправильность.

Въ Бетюнѣ, отверзтіе, пробуравленное въ 10 саженяхъ почвы новаго образованія и 5 саженяхъ известняку, произвело фонтанъ самой чистой воды. Въ саду сосѣдняго дома точно такое же отверзтіе не доставило ни капли воды, хотя было углублено еще на 15 саженъ въ известнякѣ.

Но такъ ли удивительны, какъ многіе полагаютъ, эти явленія, которыхъ можно было бы собрать гораздо болѣе?

Надобно вспомнить, что подземныя воды образуютъ водяныя большія плоскости только въ промежуткахъ между отдѣльными минералогическими слоями; что напротивъ въ самой серединѣ этихъ пластовъ, даже и наименѣе сплошныхъ, какъ напримѣръ въ мѣловатомъ известнякѣ, вода обращается только по нѣкотораго рода желобкамъ, между которыми остаются массы мѣла, совершенно плотнаго и непроницаемаго. Если буравленное отверзтіе пройдетъ въ одинъ изъ этихъ желобковъ, вода болѣе или менѣе подымается, смотря по давленію, претерпѣваемому жидкостью. Ежели же вы попадете на плотную массу известняка, то работа ваша пропала, — но все-таки этотъ результатъ не представляетъ ничего удивительнаго. Если вмѣсто того, чтобы искать воды во внутренности, или даже только въ верхней части мѣловаго пласта, отверзтіе углубили до непроницаемаго слоя, на которомъ онъ покоится, тамъ встрѣтили бы уже не желобки, но цѣлую водяную плоскость, и успѣхъ работы не подлежалъ бы ни какому сомнѣнію.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и между прочимъ въ Турѣ, можно надѣлать колодцевъ столько и такъ близко одинъ отъ другаго, какъ вамъ угодно, и они не будутъ вредить другъ другу. Напротивъ того въ другихъ мѣстахъ каждый новый колодезь уменьшаетъ произведеніе ближнихъ колодцевъ, или понижаетъ въ нихъ стояніе воды.

Это различіе не покажется удивительнымъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые хорошо поняли предложенное нами объясненіе дѣйствія приливовъ на артезіянскіе фонтаны. Они увидятъ, что въ первомъ случаѣ сумма восходящихъ трубокъ весьма мала въ сравненіи съ водяною плоскостію, въ которую онѣ проходятъ; что во второмъ случаѣ сравнительная маловажность размѣра, необходимая для того, чтобы гидростатическое давленіе оставалось въ прежней силѣ, не существуетъ. Такимъ образомъ, эти явленія будутъ нѣкоторымъ образомъ только повѣркою гидродинамическаго закона, о которомъ мы уже говорили.

Два артезіянскіе фонтана, устроенные на бумажной фабрикѣ Г. Делагарда близъ Куломмьѐ, возвысились болѣе чѣмъ на аршинъ въ засухи 1823 года, то есть, когда большая часть обыкновенныхъ источниковъ изсякла. Это явленіе, хотя оно продолжалось только нѣсколько дней, не менѣе того весьма замѣчательно,—и объясненіе его еще не найдено. Надобно прибавить, что послѣ этого, воды обоихъ фонтановъ начали мало по малу понижаться, однако же не опустились ниже обыкновеннаго.

Однажды, при оттепели, случившейся послѣ сильнаго снѣга, Г. Дегирандъ, Шокскій меръ, былъ разбуженъ необычайнымъ шумомъ. Онъ сошелъ въ садъ, и къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ, что находящійся тамъ артезіянскій фонтанъ былъ втрое выше обыкновеннаго, что продолжалось только пять или шесть часовъ. Это явленіе кажется намъ новымъ

доказательствомъ того, что подъемъ воды изъ внутренности земнаго черепа на его поверхность, въ видѣ ключей, истоковъ, фонтановъ, дѣйствительно происходитъ отъ гидростатическаго давленія. Во время этого явленія оттепель могла наполнить во всю ихъ длину трещины въ землѣ, лежащей выше деревни,—трещины, которыя обыкновенно, даже и въ дождливое время, не заключаютъ въ себѣ воды или по крайней-мѣрѣ не содержатъ непрерывныхъ массъ ея. А всякому извѣстно, что достаточно струи самой малой, даже волосковатой, для произведенія сильнаго давленія въ неопредѣленной жидкой массѣ.

Въ Рошелѣ, въ 32 саженяхъ отъ морскаго берега, есть буравленный колодезь, въ которомъ восходящая водяная плоскость, встрѣченная буравомъ, не поднялась на поверхность земли: она остановилась на $2^1/_2$ саженяхъ ниже. Вся глубина этого колодца составляетъ до 95 саженъ. Четыре года высота этой жидкой колонны въ $92^1/_2$ саженп не измѣнялась значительно; но въ 1833 году, когда колодезь хотѣли углубить высота воды начала чрезвычайно сильно измѣняться, то убывая, то прибывая. Иногда въ одинъ день она упадала на 22 саженп, а на слѣдующее утро бывала только въ 2 или 3 саженяхъ отъ своей обыкновенной точки. Чтобы можно было сдѣлать какое-нибудь заключеніе о причинахъ этихъ измѣненій, столь странныхъ по неправильности и по важности своей, надобно было бы наблюдать ихъ болѣе.

Не одна вода стоитъ огромными лужами въ пластахъ, образующихъ слоеную оболочку нашего шара, или прорываетъ себѣ въ нихъ подземныя русла: иныя пустоты его наполнены летучими парами.

Случается, что фонтанщики, ища въ землѣ воды, вмѣсто ея встрѣчаютъ большіе резервуары газа, который быстро и сильно поднимается на поверхность земли. Этотъ газъ обыкновенно бываетъ горючій иног-

да это чистый водородъ, но большею частію углеводородъ, то есть, тотъ самый газъ, который самъ собою отдѣляется отъ каменнаго угля и производитъ въ ломкахъ такія ужасныя послѣдствія, и который нынче употребляютъ для освѣщенія.

Въ Китаѣ много подобныхъ колодцевъ. Газъ, отдѣлявшійся изъ того, который нѣсколько лѣтъ назадъ видѣлъ Аббатъ Имберъ, былъ проведенъ длинными трубками подъ триста котловъ, гдѣ его зажигали. Тамъ не употребляли никакого другаго средства выпариванія. Улицы, рынки, мастерскія были освѣщены этимъ же газомъ, приведеннымъ на мѣсто посредствомъ бамбуковыхъ трубокъ.

Во многихъ деревняхъ Сѣверной Америки освѣщаютъ улицы и дома струями газа, безпрерывно выходящаго уже нѣсколько лѣтъ изъ углубленій, сдѣланныхъ для отысканія воды.

Плиній говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Изъ горы Хи«меры, близъ Фаселиса, безпрерывно выходитъ пла«мя, которое горитъ день и ночь.» Оно снова отыскано въ 1811 году Г. Бофоромъ. Это явленіе заслуживаетъ упоминанія по своей древности.

Въ 1833 году, въ Италіи, недалеко отъ Болоньи, при сверленіи артезіанскаго колодца въ глубинѣ 10 саженъ, вдругъ хлынула толстая струя углекислаго водороднаго газа, который былъ огненнымъ фонтаномъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Вообще резервуары газа, находящіеся во внутренности земли, производятъ обыкновенно фонтаны не долговременные. Въ Кормелѣ, изъ буравленнаго отверзтія, началось вдругъ такое сильное отдѣленіе водорода, что работники принуждены были удалиться; но чрезъ трое или четверо сутокъ не было уже и слѣдовъ этого газа. То же явленіе, съ тѣми же самыми обстоятельствами, происходило близъ Тріеста.

Болѣе или менѣе скорое истощеніе этихъ огненныхъ фонтановъ можетъ служить послѣднимъ доказательствомъ того, что мы доселѣ сказали о движеніи воды сквозь и внутри земнаго черепа. Газы заключены въ его пустотахъ и пещерахъ; они не кружатъ и не возобновляются, тогда какъ вода, упавшая съ облаковъ, подобно крови въ нашихъ жилахъ безпрерывно струится внутрь сквозь пласты большими трещинами и тончайшими трубками, и оттуда обратно восходитъ на поверхность земли, льется по ней, улетаетъ съ нею въ воздухъ, и тамъ опять соединяется съ тучами. Это благодѣтельное водообращеніе, великое колѣно органической жизни, составляетъ одно изъ чудеснѣйшихъ звеньевъ безконечно-сложнаго сцѣпленія круговращательныхъ движеній, которое мы называемъ міромъ: не будь этого процесса, поверхность материковъ или была бы постоянно покрыта слоемъ воды въ пять, шесть вершковъ толщиною, — потому что вѣроятно такова средняя высота воды, упадающей на нихъ въ теченіе года въ видѣ дождя, снѣга и града, — или органическая жизнь не существовала бы на сушѣ.

=

ОПИСАНІЕ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДІЙ Г. РОДЖЕРА.

1.

ЧУГУННО-ЖЕЛѢЗНЫЙ ПЛУГЪ.

Это превосходное земледѣльческое орудіе, о которомъ упомянули мы во введеніи въ «Исторію преобразованія Русскаго помѣстья», изобрѣтено было и употреблялось Г. Роджеромъ въ Кагулѣ, имѣніи покойнаго канцлера графа Румянцова. Оно, какъ всѣ изобрѣтенія Г. Роджера, отлично-умнаго и знающаго свое дѣло сельскаго хозяина, необыкновенно полезно для хлѣбопашества и, что всего важнѣе, весьма годно для Русскаго.

Орудіе это превосходно тѣмъ, что прочно, легко, вѣрно и отмѣнно красиво; сверхъ-того дешево и удобно для поправки. Въ немъ нѣтъ ничего деревяннаго, и его можно сработать скорѣе, нежели деревянный плугъ. По десятилѣтнему опыту мнѣ извѣстно, что въ чугунно-желѣзномъ плугѣ можетъ портиться только дышло, — именно нѣсколько погнуться вверхъ или на бокъ. Но одинъ ударъ молота поправляетъ орудіе. Стирается еще нижній полозокъ, *B*. (см. чертежъ). Нужно запасаться лишнимъ полозкомъ при отливкѣ чугуна. Дѣйствуетъ этотъ плугъ чрезвычайно ровно и чисто, и употребляется у меня самого съ полнымъ успѣхомъ. Работникъ не затрудняется ручками, какъ въ деревянномъ, которыхъ не возможно передѣлать по росту, разъ установивъ ихъ. Желѣзныя ручки могутъ получать изгибъ, понизиться, повыситься и расшириться, какъ угодно. Отъ двухъ, трехъ ударовъ молота, они дѣлаются впору большому и малому работнику.

Въ этомъ плугѣ, для хорошаго паханья, нѣтъ и не нужно ни какихъ цѣпочекъ, какъ въ Теэровскомъ, ни какихъ колесъ, какъ въ Малороссійскомъ, по совершенной правильности литаго орудія. Винтъ *3*, приноситъ двоякую пользу: онъ придерживаетъ ножъ, или рѣзецъ, въ самой срединѣ, *e*, и не допускаетъ плуга зажирать при паханьи жнивину въ *k*, подъ плугъ, который отъ того выскакиваетъ: жнивина, останавливаясь на винтѣ, легко сваливается. Весь плугъ

вѣситъ три пуда и десять фунтовъ. Дышло, *вв*, гребенки, *жжж*, ручки, *хх*, съ распорками и винтами, *дд* и *бб*, съ лемешомъ, *т*, съ пластинкою, *пп*, всѣ желѣзные, вѣсятъ пудъ и двадцать шесть фунтовъ; остальное изъ чугуна, именно корпусъ, *А*, полозокъ, *ВВ*, крыло *Д*, вѣсятъ пудъ и двадцать четыре фунта.

Какъ это прекрасное орудіе дешево, можно судить изъ слѣдующаго обстоятельства: въ Твери, въ лавкѣ тамошняго купца М. К. Свѣтогорова, весь чугунный приборъ къ плугу стоитъ шесть рублей. Желѣза на плугъ не пойдетъ болѣе, какъ рублей на семь. Такъ, за тринадцать рублей можно имѣть вѣковѣчное, превосходное земледѣльческое орудіе. По личному моему опыту, для пятипольнаго плодопеременнаго полеводства, считая по двадцати пяти десятинъ въ каждомъ полѣ, нужно восемь плуговъ, — издержка ничтожная на орудіе, самое важное для отличной обработки земли.

2.

ТРИ БОРОНЫ СЪ ЖЕЛѢЗНЫМИ ЗУБЬЯМИ.

Эти бороны также дѣйствовали въ Кагулѣ, двумя лошадьми, но разумѣется не крестьянскими. Двѣ первыя бороны (см. чертежъ, *1* и *2*), точно того размѣра, какія были въ Кагулѣ; третья, *3*, употребляется въ казенной волости Мологинѣ, Старицкаго уѣзда, гдѣ промышленные крестьяне еще усовершенствовали это орудіе, приспособивъ его къ своему быту и своей землѣ. Мологинскіе поселяне, которые прежде, при своемъ помѣщикѣ, Г. Юрьевѣ, были первые въ уѣздѣ по богатству и промышлености, извѣстны доселѣ отличною выдѣлкою саней, телѣгъ, колесъ, ведеръ, ушатовъ и другихъ деревянныхъ издѣлій. Удивительно, что въ одной только этой волости употребляются бороны съ желѣзными зубьями, точно такъ же какъ одни только сосѣди ихъ Луковьяне, тоже казенной волости, сѣютъ въ большомъ количествѣ картофель. Всѣ обширные огуменники заняты у Луковьянъ картофелемъ; конопли не сѣютъ вовсе; у инаго крестьянина выкапывается по сту четвертей картофелю — и у Луковьянъ, живущихъ

рядомъ съ Мологинцами, нѣтъ съ желѣзными зубьями боронъ! Наоборотъ, Мологинцы не промышляютъ картофелемъ! Они сѣютъ его весьма мало, только для себя, а не на продажу. Такъ сильны привычки у нашего простаго народа! Несмотря на очевидную выгоду у сосѣда, полезное улучшеніе не переходитъ съ поля на поле безъ понужденія.

Роджерова борона имѣетъ двадцать желѣзныхъ зубьевъ четверогранныхъ и вѣситъ пудъ и десять фунтовъ. Мологинская имѣетъ 25 зубьевъ, плоскихъ; она квадратная, больше Роджеровой и вѣситъ пудъ. Мологинскою бороною захватывается больше мѣста и земля боронуется лучше и скорѣе, по причинѣ лишнихъ пяти зубовъ. Соображеніе Русскихъ крестьянъ удивительное: они долго не рѣшаются перенять, но тотчасъ приладятъ и улучшатъ перенятое. Можно ручаться, что если бъ наши мужички имѣли передъ глазами хоть нѣсколько образцовъ плодопеременнаго полеводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ, они бы живо переняли его, улучшили бъ и приспособили изумительно къ своему быту и средствамъ.

У меня дѣйствуютъ Мологинскія бороны порознь, не соединяя ихъ по три рядомъ, такъ какъ землепашество производится крестьянскими лошадьми. Кто употребляетъ своихъ, господскихъ лошадей, какъ К. М. Полторацкій въ своемъ селѣ Грузинахъ, Новоторжскаго уѣзда, тотъ еще съ большимъ успѣхомъ можетъ дѣйствовать вмѣстѣ тремя боронами, запрягая двѣ лошади.

3.

Распашникъ, пашущій и боронующій въ одно время.

Орудіе безцѣнное. Оно дѣйствуетъ тремя лошадьми при одномъ работникѣ, и употребляется вмѣсто двоенія послѣ перваго взмета плугомъ или сохою. Распашникъ пашетъ тѣмъ, что большими желѣзными зубьями онъ проникаетъ до самаго материка пашни, а боронуетъ тѣмъ, что совершенно разрыхляетъ пашню своимъ движеніемъ, и выдираетъ всѣ, самые глубокіе, корни сорныхъ травъ. Распашникъ сберегаетъ много работниковъ, исполняя дѣло сохи

и обыкновенной съ желѣзными зубьями бороны, но съ большимъ успѣхомъ. Сохою и плугомъ работникъ можетъ сдѣлать непропашку, которую трудно иногда усмотрѣть самому дѣятельному прикащику, потому что непропашка заваливается пластомъ земли; сохою и плугомъ онъ можетъ, если захочетъ, взять мелко пашню; но распашникомъ нельзя погрѣшить ни въ томъ ни въ другомъ: онъ вездѣ пройдетъ по пашнѣ, дѣйствуя вдоль и поперегъ.

Вотъ расчетъ работамъ сохою, бороною и распашникомъ. Послѣ перваго взмета пашню слѣдуетъ бороновать. Становятъ обыкновенно для этого —

На 1 десятину —	4 бороны,	2 работниковъ,	4 лошади
Для вторичнаго паханія	3 сохи,	3 работниковъ,	3 лошади.
Вторично забороновать	2 бороны,	1 работника,	2 лошади.
Всего.....		6 работниковъ,	9 лошадей.

Все это дѣлаетъ распашникъ, но гораздо лучше и съ большею выгодою для пашни. Борона съ желѣзными зубьями не можетъ такъ далеко проникнуть въ землю, ни такъ хорошо разрыхлить, ни такъ много выдрать сорныхъ травъ, какъ распашникъ. При дѣйствованіи сохою вывѣтривается и высыхаетъ влажность пашни, что вредно въ сухіе годы. Кромѣ-того, какая разница въ числѣ работниковъ!

Распашникъ запрягается тремя лошадьми, на смѣну которымъ для суточнаго дѣйствованія приводятся еще три лошади. Слѣдственно для двухъ распашниковъ потребно 12 лошадей.

Два распашника проходятъ до полудня полторы десятины, и послѣ полудня до вечера еще проводятъ поперегъ тѣ же полторы десятины при двухъ работникахъ.

Но чтобъ обработать полторы хозяйственныхъ десятины, то есть, дважды забороновать и поддвоить сохою землю, для этого требуется, по приведенному здѣсь расчету —

		9 работниковъ,	15 лошадей.
Съ распашникомъ довольно	2	—	12 —
Разница		7 работниковъ,	1 лошадь.

Это лучшее доказательство неоцѣненныхъ выгодъ дѣйствованія въ земледѣліи усовершенствованными орудіями.

Д. Шелеховъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ЛЕНТИНОВА ШОКОЛАТА

ОТЪ ЧАХОТКИ СУХОТКИ И ВСЯКАГО РОДА РАЗСЛАБЛЕНІЙ.

Въ 1819 году сдѣлался у насъ подъ этимъ именемъ извѣстенъ шоколатный порошокъ, приготовляемый аптекаремъ Имзеномъ; впослѣдствіи, когда академикъ Шереръ доказывалъ въ Nordiſche Annalen der Chemie, что знаменитый Лентинъ никогда подобнаго состава не предлагалъ, Г-нъ Имзенъ тогда же объявилъ, что этотъ порошокъ есть собственное его изобрѣтеніе, которое и доселѣ приготовляется имъ исключительно какъ секретъ. Вѣроятно, большей части нашихъ читателей извѣстно, какою славою пользуется, а особливо пользовался этотъ составъ. Нимало не умеьшая его достоинства, скажемъ даже, что эта слава была заслуженная; но съ тѣмъ вмѣстѣ считаемъ обязанностію присовокупить, что шоколатный порошокъ Г. Имзена вовсе не есть тайна, а просто шоколатъ съ Исландскимъ мхомъ и другими слизистыми, питательными и пряными веществами, приготовленіе котораго давно уже извѣстно въ Европѣ.

Шоколатъ сей бываетъ двухъ видовъ, съ пряностями и безъ пряностей. Вотъ способы приготовленія того и другаго:

Шоколатъ изъ Исландскаго мха. — Возьми фунтъ поджаренныхъ, очищенныхъ отъ внѣшней шелухи, истолченныхъ на холоду и просѣянныхъ сквозь сито бобовъ какао, пять унцій сахара изъ Исландскаго мха, приготовленнаго предварительно по способу, ниже сего показанному; двѣ драхмы истолченнаго въ мелкій порошокъ салепнаго корня, и восемь унцій обыкновеннаго сахару раффинаду; сотри все это въ мраморной или стеклянной ступкѣ, и храни для употребленія.

Шоколатъ изъ Исландскаго мха съ пряностями. — Возьми

Сахару изъ Исландскаго мха	5 унцій.
Истолченнаго въ порошокъ какао, какъ выше сего показано	1 фунтъ.
Бѣлаго сахару въ порошкѣ	8 унцій.
Толченаго салепнаго корня	3 драхмы.
Корицы въ порошкѣ	1 драхму.

Гвоздики.....	10 гранъ
Чернаго Перувіанскаго бальзама.....	½ драхмы
или, порошка Толютанскаго бальзама.	1 драхму

Смѣшавъ, сдѣлай изъ всего этого однородный порошокъ.

Какъ тотъ, такъ и другой шоколаты могутъ быть приготовлены не только въ порошкѣ, но и въ плиткахъ. Для этого надобно поджаренные и очищенные бобы какао толочь въ горячей мраморной ступкѣ до тѣхъ поръ, пока они превратятся въ густое и мягкое тѣсто, къ которому присоединить прочія истертыя въ порошокъ вещества, и снова хорошенько стеревъ, выложить тѣсто въ теплыя жестяныя формы или въ бумажныя коробки.

Шоколатъ изъ Исландскаго мха съ пряностями преимущественно употребляется въ грудныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ слабостію и недѣятельностію легкихъ, какъ-то: въ застарѣломъ катаррѣ легкихъ, мокротной чахоткѣ, продолжительномъ кашлѣ, одышкѣ стариковъ, также въ изнурительныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ слабостію всего тѣла и въ болѣзняхъ нервныхъ, сопровождаемыхъ судорогами. При раздраженіи же дыхательныхъ органовъ, при твердомъ и скоромъ пульсѣ и лихорадочныхъ движеніяхъ, равно какъ и при кровотеченіи употреблять его не должно: въ такихъ случаяхъ болѣе приличенъ тотъ же шоколадъ, только безъ пряностей.

Для приготовленія сахара изъ Исландскаго мха, — возьми фунтъ этого растенія, облей его 8-ю фунтами холодной воды, и намачивай въ стекляномъ или глиняномъ сосудѣ въ продолженіе 6 часовъ; потомъ воду сцѣди и налей свѣжую; такимъ образомъ повторяй это до тѣхъ поръ, пока вновь налитая вода не будетъ болѣе имѣть горькаго вкуса, на что потребно около трехъ дней. Обмытый Исландскій мохъ вари въ 10 фунтахъ воды, покуда онъ совершенно разварится; жидкость процѣди сквозь суконку, а остатокъ сильно выжми, и къ отвару прибавь фунтъ сахару раффинаду. Полученную смѣсь поставь на легкій огонь и выпаривай до густоты экскракта, безпрестанно помѣшивая ее деревянною лопаткою; потомъ вылей жидкость въ теплыя жестяныя или въ бумажныя формы,

и поставь ихъ въ теплое мѣсто, пока масса совершенно высохнетъ; тогда истолки ее въ порошокъ и просѣй сквозь мелкое сито. Получится такъ называемый сахаръ Исландскаго мха.

Приготовленный по сему способу шоколатъ обойдется несравненно дешевлѣ приготовляемаго въ аптекѣ Г. Имзена, дѣйствія же того и другаго совершенно одинаковы; ибо какъ, сказано уже, составъ ихъ одинъ и тотъ же.

Въ заключеніе не безполезнымъ считаемъ сообщить извлеченіе изъ напечатаннаго съ дозволенія Медицинскаго совѣта наставленія, съ которымъ продается Г-мъ Имзеномъ шоколатъ изъ Исландскаго мха.

«*Польза шоколота.* По истощеніи тѣла первическими и гнилыми лихорадками, тяжелыми ранами и всякою потерею крови, также въ сухоткѣ, бывающей послѣдствіемъ кори, красухи, коклюша; въ подагрѣ, ревматизмѣ, водяной болѣзни, золотухѣ, рахитизѣ и въ венерической болѣзни, послѣ употребленія меркуріальныхъ средствъ, нѣтъ вѣрнѣе способа къ укрѣпленію и выздоровленію, какъ ежедневное употребленіе сего и на вкусъ пріятнаго напитка. Въ кровавомъ поносѣ, гемороѣ, истерикѣ, ипохондріи, хлорозѣ и теченіи бѣли, онъ тѣмъ преимуществуетъ, что слизистыми частями своими, принося чрезвычайную пользу, не производитъ запору. Для молодыхъ стариковъ и для разслабленныхъ онаніею или другою невоздержностію, также и послѣ тяжкихъ родовъ, это — спасительное средство. Отъ кашля и всякихъ чахотокъ, особенно мокротныхъ, часто его одного достаточно; даже въ самой сильной чахоткѣ онъ облегчаетъ, особливо при сухомъ кашлѣ съ колотьемъ.»

Приготовленіе и употребленіе. Взять двѣ чайныя ложки порошка на одну шоколатную чашку, налить кипяткомъ и хорошенько смѣшать; вотъ все приготовленіе этого шоколата, однако жъ лучше его варить. Пить по одной чашкѣ поутру и послѣ обѣда, съ сухарями или безъ оныхъ, съ яичнымъ желткомъ или съ сахаромъ, съ однимъ молокомъ или безъ молока, или же пополамъ съ молокомъ и водою. *Н. Ф.*

=

СПОСОВЪ ИСТРЕБЛЯТЬ МУХЪ.

Увѣряютъ, будто-бы слѣдующимъ образомъ можно скорѣе всего освободиться отъ мухъ, которыя иногда до того распложаются въ комнатахъ и кухняхъ, что никому не даютъ покою. Нарѣзавъ листьевъ обыкновеннаго орляка или орлинаго папоротника (pteris aquilina) и связавъ ихъ пучками, развѣсить на потолкѣ въ кухнѣ, столовой или другой комнатѣ гдѣ много мухъ — эти досадныя насѣкомыя во множествѣ садятся на папоротникъ. Поздно вечеромъ, когда уже совсѣмъ смеркнется, должно всѣ эти вѣники осторожно снять и вмѣстѣ съ мухами бросить въ огонь. Такимъ же образомъ, говорятъ, можно освобождаться и отъ комаровъ, посѣщающихъ жилища наши въ лѣтнее время. *Н. Ф.*

=

СРЕДСТВО СОХРАНЯТЬ НА ЗИМУ ЖИВЫЕ ЦВѢТЫ.

Отобравъ нѣсколько самыхъ лучшихъ и здоровыхъ цвѣточныхъ почекъ, готовыхъ распуститься, срѣжь ихъ острыми ножницами, оставивъ при каждой почкѣ стебель длиною дюйма въ три; срѣзъ залѣпи сургучемъ, и когда почки нѣсколько сожмутся, заверни каждую изъ нихъ отдѣльно въ лоскутокъ бумаги и такимъ образомъ храни въ сухомъ мѣстѣ. Зимою, или когда вздумаешь, чтобы цвѣтокъ распустился, возьми съ вечера сбереженную почку, отрѣжь залѣпленный сургучемъ конецъ стебля, и поставь его въ воду, въ которой распущено немного селитры или простой поваренной соли: на слѣдующій день почка развернется, и цвѣтокъ явится во всей естественной красотѣ своей, сохраняя даже и свойственный ему запахъ. *Н. Ф.*

=

Веджеровская тройная борона 20 зубьев.

20 зуб.

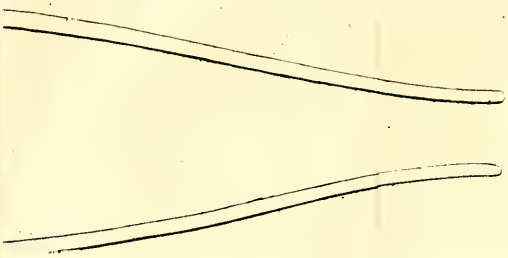
20 зуб.

15 зуб.

Веджеровский распашник Scarifikator.

Веджеровский плугъ.

ficator.



Исторія пугачевскаго бунта. *Санктпетербургъ, 1835. Двѣ части.*

Несправедливо было бы требовать отъ сочинителя, живущаго такъ близко къ эпохѣ описываемаго происшествія, выполненія всѣхъ условій, которыхъ требуетъ Исторія: чтобы обнять взоромъ все пространство значительнаго событія, необходимо стать отъ него въ извѣстной отдаленности; перспектива такъ же нужна историку, какъ и живописцу. На близкомъ разстояніи собираются только подробности, которыя со временемъ могутъ служить превосходными матеріялами для Исторіи. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на «Исторію Пугачевскаго бунта», изданную А. С. Пушкинымъ. Авторъ не имѣлъ даже доступа къ подлинному дѣлу о Пугачевѣ, которое, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, хранится запечатанное въ Санктпетербургскомъ Государственномъ Архивѣ, и онъ предоставляетъ исправить и пополнить свой трудъ будущему историку, болѣе его счастливому въ этомъ отношеніи. Но нельзя не воздать ему полной похвалы и не быть благодарнымъ за совѣстливое и тщательно изготовленное сообщеніе тѣхъ бумагъ и свѣдѣній, которыя находились въ его рукахъ и для собранія которыхъ предпринималъ онъ изысканія на мѣстѣ самого происшествія, долго покрытаго молчаніемъ и наконецъ сдѣлавшагося темнымъ, почти неизвѣстнымъ нынѣшнему поколѣнію. Эти бумаги, принимая въ расчетъ разницу въ плотности печати разныхъ частей книги, занимаютъ почти семь-осьмыхъ всего сочиненія: къ нимъ приложена въ началѣ историческая статья, въ которой авторъ изобразилъ ихъ содержаніе ясно, живо и съ возможною краткостью, и она составляетъ послѣднюю одну-осьмую цѣлаго. Сочинитель конечно и самъ не удивится тому, что мы его «Исторію» называемъ только историческою статьею: по своему объему, который занимаетъ сто шестьдесятъ восемь

страницъ крупной печати, она равняется пяти листамъ «Библіотеки для Чтенія»; многія изъ статей этого журнала были обширнѣе. Съ другой стороны и самое событіе,—бунтъ обольщенной и пьяной черни въ отдаленной провинціи, продолжавшійся нѣсколько мѣсяцевъ, не имѣвшій ни какого вліянія на общую судьбу государства, ни въ чемъ не измѣнившій хода ни внѣшней, ни внутренней политики, не можетъ быть предметомъ настоящей Исторіи, и, въ крайнѣмъ случаѣ, составляетъ только ея печальную страницу, которой, понесчастію, мы не въ правѣ вырвать, но которую властны перекинуть при чтеніи, не расторгнувъ тѣмъ связи повѣствованія о цѣлой эпохѣ, не разстроивъ въ мысли ряда блестящихъ и утѣшительныхъ событій, образующихъ истинную, прагматическую Исторію того времени. Какъ бы то ни было, названіе, которое мы придаемъ этому творенію, ни сколько не уменьшаетъ ни его внутренняго достоинства, ни цѣны услуги, оказанной его авторомъ. Въ сочиненіяхъ, которыя, по свойству ихъ предмета и обстоятельствъ писателя, не окончательны и не могутъ требовать для себя монументальнаго титла «Исторіи», которыя не связываютъ своего содержанія съ массою происшествій цѣлаго періода, съ ихъ обширною и сложною винословностью, съ современнымъ состояніемъ образованности, нравовъ и умовъ,—въ такихъ сочиненіяхъ любопытность и новость разсказываемыхъ подробностей, вѣрное и откровенное ихъ изложеніе, и цѣль его, благонамѣренная и выполненная со тщаніемъ, вообще сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ достоинства книги, и одни обезпечиваютъ ей почетное мѣсто въ народной литературѣ. И въ этомъ отношеніи, первый историческій опытъ знаменитаго нашего поэта вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ особеннаго рода творенія, вышедшаго изъ-подъ его пера, потому что не возможно было ни предпринять труда съ похвальнѣйшимъ намѣреніемъ, ни со-

вокупить большаго числа любопытныхъ фактовъ и анекдотовъ на полуторѣ сотнѣ страницъ, ни дать имъ точнѣйшей и вмѣстѣ занимательнѣйшей формы.

Авторъ превосходно объясняетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ событія въ историческомъ отношеніи, именно, что Пугачевъ былъ только — орудіе мятежной партіи «Несогласныхъ», то есть, казаковъ, которые не хотѣли подчиниться преобразованіямъ, вводимымъ въ устройствѣ ихъ войска.

«Пугачевъ не былъ самовластенъ, говоритъ авторъ исторіи. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца, неимѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ одѣхъ рубахахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. «Улица моя тѣсна,» говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына. Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удавили его, и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. «Онъ пошелъ,» отвѣчали ему, «къ своей матушкѣ внизъ по Яику.» Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣле-

*

ны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ, и обнялись. Тѣла ихъ, брошенныя въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

«Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пѣстунъ Пугачева. Онъ именовался фельдмаршаломъ, и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ графомъ Панинымъ, Чумаковъ графомъ Орловымъ. Отставной артиллерійской капралъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгой порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, обѣщался правительству, привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія; но, пріѣхавъ въ Берду, оказался однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменый рукою палача, съ поздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку, или закрывался рукавомъ, какъ-будто защищаясь отъ мороза. Вотъ какіе люди колебали государствомъ!»

Когда Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками и выданъ генералъ-поручику Маврину, онъ съ перваго слова признался ему во всемъ. Маврикъ приказалъ привести прежнихъ его товарищей, содержавшихся въ оковахъ, и самозванецъ громко сталъ ихъ уличать, говоря: «Вы погубили меня: вы нѣсколько «дней сряду меня упрашивали принять на себя имя «покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а «когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ «вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ

«вѣдома моего и даже вопреки моей волѣ.» Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Пугачевъ однако жъ былъ не безъ твердости въ волѣ, ни безъ дарованій. Изысканія автора бросаютъ большой свѣтъ на личный характеръ и природныя способности этого разбойника. Но мы упомянули о Харловой: исторія этой несчастной женщины ужасна, и безъ всякихъ украшеній вымысла составляетъ полный романъ.

«Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную. На дорогѣ встрѣтилъ онъ капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому, комендантомъ Нижне-Озерной, маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ крѣпость Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили, и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, Государь,» сказалъ ему старый казакъ: «неравно изъ пушки убьютъ.»—Старый ты человѣкъ! отвѣчалъ самозванецъ: развѣ пушки льются на Царей?—Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ это время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника, и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться; и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, были не-

умолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился, и самъ надѣлъ на себя петлю. На другой день Пугачевъ выступилъ, и пошелъ на крѣпость Татищеву.

«Въ этой крѣпости начальствовалъ полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 сентября, Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подъѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ не слушаться бояръ и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіеся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженные осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Биловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсѣкли голову. Съ Елагина, человѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало, и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили. Дочь ихъ, наканунѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителю, распоряжавшему казнію ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата.»

Дикій другъ несчастной жертвы не слишкомъ былъ постояненъ въ любви: привязанность его къ Харловой не помѣшала ему, посреди лужъ крови, разбоевъ и опасностей войны, предаться влеченію новой, и еще нѣжнѣйшей, страсти.

«Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: Помилуй, Государь, дочь наша не княжна, не королевна; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ однако, въ началѣ

Февраля, женился на Устиньѣ, наименовалъ ее императрицей, назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали, послѣ Государя Петра Ѳеодоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на Яицкую крѣпость.»

Мы видѣли, изъ прежде приведенной выписки, плачевную кончину Харловой. Свадьба Пугачева, котораго первая жена была еще въ живыхъ и находилась тогда въ Казани, едва не стоила нашей Словесности преждевременной потери одного изъ превосходнѣйшихъ ея украшеній. Самозванецъ желалъ отпраздновать свое супружеское счастіе приступомъ къ осажденной его толпами Яицкой крѣпости, въ которой мужественно защищался полковникъ Симоновъ.

«Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. Двадцатаго января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ баттареею, устроенною при *Старицѣ* прежнемъ руслѣ Яика.) Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валъ; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ подпоручикъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлалъ вылазку, очистилъ ровъ, и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и его храбраго сподвижника, Капитана Крылова, но

и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ!»

Состояніе осажденнаго Оренбурга, послѣ безпрерывныхъ неудачъ съ мятежниками, было таково, что угроза свирѣпаго казака равнялась величайшей опасности. Тамъ давно уже боролись съ голодомъ и унынiемъ духа.

«Рейнсдорпъ требовалъ съѣстныхъ припасовъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ объ немъ ни какого извѣстія, будучи отрѣзанъ отвсюду, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка, высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разъѣзжающихъ ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сею военной хитростію, хотя имъ было не до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу.....

«Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался, и то самымъ тайнымъ образомъ, за двадцать пять рублей (серебромъ). По предложенію Рычкова, академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ, стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.....

Страхъ бѣднаго губернатора, которому въ продолженіе шестимѣсячной осады мятежниками ничто неудавалось, былъ такъ великъ, что когда Голицынъ разбилъ самозванца у Татищевой, когда избавитель

уже почти стоялъ у стѣнъ Оренбурга, и бунтовщики сами прислали къ Рейнсдорпу съ предложеніемъ выдать ему Пугачева, тотъ не хотѣлъ еще вѣрить своему счастію, опасаясь какой-нибудь хитрости, и отвергъ ихъ желаніе. Эта нерѣшимость продлила бѣдствія Россіи еще нѣсколькими мѣсяцами.

Между-тѣмъ отецъ юнаго поэта претерпѣвалъ въ Яицкой крѣпости, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ и своими подчиненными, неслыханныя страданія. Картина бѣдствій гарнизона и его освобожденія составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ смятеній.

«Девятаго марта, на разсвѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки было уничтоженіе новой баттареи, сильно безпокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну баттарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды, и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вы

терпливать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено: нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ, и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ-отъ-часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося на вѣсъ, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностью грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи, ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ, напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчаст-

ныхъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

«Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глинсою уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертью. Рѣшились всѣ до одного, кромѣ совершенно изнеможенныхъ, итти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить,—бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступа не было, — хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

«Во вторникъ, въ день, назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило», говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ся ужасъ, «какъ-будто мы съѣли по куску хлѣба.» Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей. Вдругъ, въ пятомъ часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные поняли, что мятежники разбиты и бѣгутъ; но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборной колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ припялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишетъ очевидецъ, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже

этотъ день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи, благодарили Бога, поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. Семнадцатаго апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго тридцатаго декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.»

Съ того времени мятежъ и поприще войны перенеслись на Волгу. Почти непостижимо, до какой степени въ Пугачевѣ, простомъ, безграмотномъ казакѣ, вдругъ развились воинскія дарованія. При первомъ извѣстіи о приближеніи Голицына, самозванецъ оставляетъ Яицкъ и Оренбургъ, и летитъ къ Татищевой Крѣпости, которую самъ разорилъ въ предъидущемъ году. «Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія,» говоритъ авторъ, «мигомъ замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, который не ожидалъ отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ.» Со времени побѣга своего на Волгу, безпрерывно разбиваемый Михельсономъ, онъ черезъ нѣсколько дней опять являлся предводителемъ сильнаго и стройнаго отряда. Однажды Михельсонъ, вдругъ увидѣвъ передъ собою войско Пугачева, не могъ вообразить, чтобъ это были остатки сволочи, разсѣянной наканунѣ, и принялъ его, какъ самъ говоритъ въ донесеніи, «за корпусъ генералъ-маіора Декалонга.» Признаться, и мы не можемъ вообразить, какъ происходили эти превращенія, которыя уже выходятъ изъ предѣловъ дарованій и довольно похожи на волшебство. Должно полагать, что авторъ не имѣлъ достаточно данныхъ для того

чтобы объяснить ихъ. Мы приведемъ свѣдѣнія, представляемыя исторіею бунта, объ устройствѣ силъ самозванца и картину главной его квартиры въ ноябрѣ, 1774.

«Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ были Яицкіе казаки, и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное (25,000) множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена, кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла ни какого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ человѣкъ. Жалованье получали одни Яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Кормъ и лошадей доставали отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частные разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія, особенно артиллерійскія, происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали Государя Петра Ѳеодоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольникомъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему, кланялись въ землю, и перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства, Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣленныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дво-

рянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ Оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копье, кричали: «Господа казаки! пора вамъ одуматься и служить Государю Петру Ѳеодоровичу.» Другіе звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: «У нашего батюшки вина много!» Изъ города противу нихъ выѣзжали наѣздники, и завязывали перестрѣлки иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ, пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ,—и едва не попался въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ устцы.»

Характеръ этого грубаго изверга представляетъ весьма странную смѣсь неслыханной природной жестокости и мгновенныхъ проблесковъ чувства. По взятіи Ильинской крѣпости, гдѣ погибъ маіоръ Заевъ, почти всѣ его офицеры и двѣсти солдатъ, мятежники погнали остальныхъ въ ближнюю Татарскую деревню.

«Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты были поставлены на колѣна. Онъ сказалъ имъ: «Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте!» Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить эти смиренныя имена. — За чѣмъ вы шли на меня, на вашего Государя? спросилъ побѣдитель. — «Ты намъ не Государь,» отвѣчали плѣнники: «у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ.» Они тутъ же были повѣшены. Потомъ привели капитана Башарина: Пугачевъ не сказалъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. «Коли онъ былъ до васъ добръ,» сказалъ самозванецъ, «то я его прощаю.» И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки.»

Въ Казани привели къ нему реформатскаго пастора. Разбойникъ узналъ въ немъ того самого сострадательнаго человѣка, который прежде давалъ ему милостыню, когда онъ ходилъ въ оковахъ по улицамъ Казани, ожидая утвержденія приговора къ кнуту и каторгѣ за воровство и убійства. Онъ не только пощадилъ жизнь его, но еще посадилъ его на коня, пожаловалъ въ свои полковники, и увелъ съ собою. Пасторъ едва черезъ нѣсколько дней успѣлъ отдѣлаться отъ его благодарности и возвратиться въ Казань. Но подлѣ этой черты благодарности, гдѣ онъ забывалъ даже принятое на себя званіе, должно тотчасъ поставить двѣ противоположныя черты, – одну истинно Турецкаго коварства въ мести, когда онъ велѣлъ тайно задушить своего вѣрнаго пріятеля, Лысова, съ которымъ поссорился напьянѣ; потомъ примирился и пилъ дружески еще за нѣсколько часовъ до его казни, – другую холоднаго и насмѣшливаго звѣрства въ поступкѣ съ злополучнымъ астрономомъ Ловицемъ. Онъ нашелъ его на южной Волгѣ, и сталъ распрашивать. въ чемъ именно состоитъ званіе астронома, Ловицъ объяснилъ, что онъ. по званію своему, занимается исчисленіемъ звѣздъ. Пугачевъ, въ отвѣтъ, велѣлъ, повѣсить его «поближе къ звѣздамъ.»

Авторъ, въ приложеніяхъ къ первому тому, помѣстилъ отысканный имъ списокъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ жертвъ свирѣпости этого злодѣя и его сообщниковъ.

Мы замѣтили между разсказываемыми подробностями событія два анекдота, относящіеся къ юности знаменитаго Державина, и выпишемъ ихъ здѣсь, несмотря на разительное несходство ихъ между собою. Въ первомъ случаѣ, обнаруживающемъ удивительную смѣлость и присутствіе духа, онъ былъ еще подпоручикомъ.

«Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось.»

Спустя пять мѣсяцевъ Державинъ былъ уже поручикъ гвардіи.

«Узнавъ о взятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія. Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ въ село Малыковку, чтобы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

«Перваго августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, которыя должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить баттареи и итти на-встрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились, — и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать коменданта. Бошнякъ остался неколебимъ, повторяя, что онъ

ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставивъ его, пріѣхалъ въ магистратъ, и предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но никто его не слушалъ. Памятникомъ этихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому коменданту.

«Четвертаго августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, что бы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ, и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ на-встрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они припяли его, стоя на колѣнахъ. Услышавъ отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставивъ защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка.»

Мы желали бъ еще предложить нашимъ читателямъ прекрасное своей простотою и живостью описаніе бѣдствія Казани, взятой мятежниками, но боимся, чтобы, умножая выписки, не исчерпать всего сочиненія, и заключимъ ихъ допросомъ пойманнаго Пугачева, въ Симбирскѣ:

«Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. — Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.—

«Емельянъ Ивановъ Пугачевъ,» отвѣчалъ тотъ. — Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ. — «Я не воронъ,» возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно: «я воронепокъ, а воронъ-то еще летаетъ.»—Надобно знать, что Яицкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтивъ, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія.»

Мы нашли въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» слишкомъ много любопытнаго и занимательнаго, чтобъ за удовольствіе, доставленное намъ и нашимъ читателямъ заплатить ея сочинителю, неблагодарностью, упреками; и только мимоходомъ изъявимъ наше сожалѣніе о нѣкоторыхъ неправильностяхъ языка и небрежностяхъ слога, оставшихся случайно подъ перомъ автора и забытыхъ его внимательностью. Кому жъ и учить насъ образцовой чистотѣ Русскаго языка и изящности выраженій, если не автору «Исторіи Пугачевскаго бунта»?

=

МАЙ, 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Стихотворенія Алексѣя Зилова. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-8., стр. 115.*

До сихъ поръ Г. Зиловъ печаталъ только свои басни, и въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили уже о пятой части его «Басень». Что сказать объ его мелкихъ стихотвореніяхъ? Мы скажемъ только то, что одно изъ нихъ, найденное случайно въ нашихъ бумагахъ, мы помѣстили въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч. Слѣдственно, между его стихотвореніями встрѣчаются и такія, которыя можно прочитать съ удовольствіемъ. Въ этомъ собраніи есть, напримѣръ, небольшая пьеса «Ободреніе».

«Что за раздумье мнѣ одинокому?
Всталъ, встрепянулся какъ ясный соколъ!
Нѣтъ, не поддамся року жестокому;
Съ горемъ съ-издѣтства я дружество свелъ.

Помню, бывало, счастье проглянетъ, —
Тутъ и бѣда. Но бѣда не одна!
Вспыхнетъ ли сердце, — дѣва увянетъ;
Тронулъ цѣвницу, — порвется струна;

Нѣгѣ ль предамся, — громь загрохочетъ;
Стану ль трудиться, — во всемь перекоръ.
Счастье со мною сжиться не хочетъ!
Строгъ непреложной судьбы приговоръ'

Что за раздумье мнѣ одинокому?
Всталъ, встрепянулся какъ ясный соколъ!
Нѣтъ, не поддамся року жестокому;
Съ горемъ съ-издѣтства я дружество свелъ.

Полно же, дѣва, томные взгляды
Мнѣ несчастливцу украдкой бросать!
Я не желаю здѣшней отрады;
Мнѣ на землѣ ужъ не вѣкъ вѣковать.

Горе земное — чистое злато:
Въ вѣчности радость я горемъ куплю.

Пусть же здѣсь сердце стиснуто, сжато:
Много терпѣлъ я, — не много стерплю.

Что за раздумье мнѣ одинокому?
Всталъ, встрепянулся какъ ясный соколъ!
Нѣтъ, не поддамся я року жестокому;
Съ горемъ съ-издѣтства я дружество свелъ.»

Эти стихи очень милы, какъ ни печально ихъ содержаніе. Нѣсколько другихъ стихотвореній могутъ заслужить такую же похвалу.

Въ то самое время, какъ у насъ печаталась пьеса Г. Зилова «Весна», онъ издалъ ее въ этомъ собраніи. Въ собраніи она гораздо длиннѣе; въ Б. для Ч., она гораздо короче. Мы предпочитаемъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она въ Б. для Ч.

Мы должны еще поблагодарить Г. Зилова зато, что у него нѣтъ предисловія.

Опыты въ стихахъ Михаила Деларю. *СП.-бургъ, въ тип. Д. Внтшней Торговли, 1835, въ-8., стр. 152.*

Г. Деларю собралъ и издалъ—

Все, что отъ отроческихъ дней
И юношества дней кипучихъ,
Въ порывахъ нѣжныхъ иль могучихъ,
Изверглось изъ груди.....
Веселья клнкъ, и вопль печали,
И славы рокотъ громовой,
Чѣмъ струны сердца трепетали,
Что волновало духъ порой.

Г. Деларю владѣетъ стихомъ очень мило. Его гекзаметры особенно плавны и звучны. Изъ числа опытовъ его въ этомъ родѣ, намъ наиболѣе нравится молитва къ ангелу-хранителю:

«Ангелъ-хранитель, внемли мольбу умиленнаго сердца!
Будь покровителемъ юноши въ бурномъ житейскомъ волненьѣ;
Сердце отъ ранъ огради, и помысловъ чистыхъ, высокихъ
Душу исполни мою! Когда же болѣзненнымъ хладомъ
Сердце сожмется, повѣй на него теплотою отрадной,
Да не изсохнетъ оно подъ дыханьемъ бездушнаго свѣта!

О, не покинь меня и во снѣ ты; но съ умиленьемъ
Тихо къ возглавью приникнувъ, мой сонъ осѣняй, и со крыльевъ
Всѣй благодатью на тѣло и духъ мой: пусть утѣшенье
Сны золотые вливаютъ въ грудь молодаго счастливца!
Если жъ порокъ поднесетъ мнѣ сосудъ свой, исполненный желчи,
Ангелъ-хранитель, не дай устамъ прикоснуться къ отравѣ!
Буйное сердце уйми: пусть токомъ кровавымъ облившись,
Черныя думы искупитъ оно живымъ сокрушеньемъ;
И въ минуту раскаянья, о мой небесный товарищъ,
Въ мощныя длани пріявши меня, умчись въ безпредѣльность...»

Переводъ одного мѣста изъ Овидія заставляетъ желать, чтобы Г. Деларю передалъ намъ всѣ его «Превращенія». Этотъ отрывокъ чрезвычайно удаченъ и быть можетъ составляетъ лучшія страницы его книги, которая впрочемъ вся вообще читается съ пріятностью.

Сирота, *романтическая повѣсть въ стихахъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 117–78.*

Я былъ въ любви уважаемъ,
Недавно въ чинѣ повышаемъ.....

Нѣтъ, это не хорошо! Постойте, я пріищу вамъ что-нибудь получше:

«На все Лизета согласилась,
Пошла, забывъ и воротилась,
Назначивъ такъ, чтобъ я пришелъ,
И по сигналу самъ увелъ;
А я ужъ буду на готовѣ,
Тебя узрю въ своей свободѣ.
Возьму что нужно я въ походъ,
На всякой случай червой годъ.....»

Фуй, это еще хуже! Но нѣтъ, постойте: тутъ есть хорошія вещи.

«Поѣхалъ мѣсто я принять,
А за женой хотѣлъ послать;
Совѣтъ ей далъ въ деревню ѣхать,
Самъ обѣщался не замѣшкать.
Пріѣх.....»

Нѣтъ, ужъ болѣе ничего не покажу. Спрячу книжку у себя, и буду хранить ее какъ рѣдкость. Признательно сказать, поэма иперболически безграмотная.

*

Басни Н. Цитовича. *СП.-бургъ, въ тип. Крайя. 1835, въ-8., стр. 28.*

Звѣри Г. Цитовича неповоротливы, упрямы, заносчивы, неостры, царапаются изподтишка, и говорятъ по-Русски съ сильнымъ Малороссійскимъ акцентомъ.

Библіотека романовъ и историческихъ Записокъ, *издаваемая книгопродавцемъ* Ф. Ротгапомъ, *на 1835 годъ. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-12. Три части, стр. 244 – 247 – 218.*

Два мѣсяца тому назадъ, мы говорили мимоходомъ о предполагаемомъ здѣсь изданіи «Библіотеки романовъ,» и не усомнились одобрить это намѣреніе, которое обѣщало доставить средство къ пріятному препровожденію времени тѣмъ, кто предпочитаетъ книгу висту или глупому разговору, что еще хуже виста. Теперь, мы съ удовольствіемъ присовокупляемъ, что начало выполненія утверждаетъ въ насъ мысль о пользѣ предпріятія и позволяетъ предсказать ему заслуженный успѣхъ.

Въ первыхъ трехъ частяхъ «Библіотеки романовъ» которыя мы уже имѣемъ въ рукахъ, находится плѣнительный романъ миссъ Эджеворгъ, «Елена». Этотъ первый выборъ весьма удаченъ. Въ прошломъ году, лишь только «Елена» вышла въ Лондонѣ, мы съ восхищеніемъ говорили объ ней нашимъ читателямъ, и впослѣдствіи привели объ ней отзывы лучшихъ Англійскихъ и Французскихъ журналовъ, которые единогласно отдавали ей такую же справедливость. Простота разсказа, естественность завязки и характеровъ, сильный и трогательный интересъ цѣлой повѣсти и притомъ занимательность подробностей ставятъ «Елену» на ряду съ лучшими Англійскими романами. Прочтите ее только, и сравните съ произведеніями нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ!

Въ подобномъ предпріятіи главное дѣло – выборъ романовъ и достоинство перевода.

Что касается до выбора, то мы уже упомянули, какія имена и какіе романы должны войти въ составъ этого собранія. Обѣщаны Куперъ, Бальзакъ, изъ котораго надобно умѣть

выбирать, Манцони, Сильвіо-Пеллико, и другіе. Манцони могъ бы быть исключенъ изъ списка: это скучный романистъ. Мы совѣтовали бъ замѣнить его Вашингтономъ Ирвингомъ, милою и умною леди Блессингтонъ, какимъ-нибудь сочиненіемъ леди Декръ. Мы бы совѣтовали издателямъ перевести намъ, но перевести очень хорошо, «Ватека» Г. Бекфорда и его Sketches of Italy, Spain and Portugal, — сочиненія прелестныя и написанныя удивительнымъ слогомъ. Веселый и прекрасный талантъ Г. Гука (Hook) достоинъ также знакомства съ нашей публикою. А Бульверъ? Будемъ ли имѣть его «Послѣдніе дни Помпеи?» Но мы желали бъ, чтобы издатели не ограничивались одними новѣйшими твореніями. Если хотятъ доставить истинное удовольствіе читающей публикѣ, они должны поискать новыхъ вещей между мастерскими твореніями стараго времени, которыхъ никто у насъ не знаетъ. Конечно, послѣдній романъ миссъ Эджевортъ превосходенъ, — но что онъ значитъ въ сравненіи съ ея Absentee, котораго красоты подали Вальтеру Скотту мысль писать романы, съ ея The Patronage, который оставилъ такое сильное впечатлѣніе во всѣхъ, кто читалъ его въ молодости? Эти неподражаемыя картины домашней жизни, для нынѣшняго поколѣнія читателей романовъ въ Россіи, были бы новѣе самой «Елены». Во всякомъ случаѣ, знаменитыя имена, приведенныя въ программѣ «Библіотеки романовъ,» ручаются въ хорошемъ составѣ собранія. Но бѣда, если издатели попадутъ на второстепенныхъ романтиковъ, на теперешнихъ Французскихъ писателей, на Массона, или Мишель-Ремона, на Друино, на Лакруа-Библіофила, на Ансело, на Альбитта, на Сулье, Сю, Гозлана и другихъ, подобныхъ имъ повѣствчиковъ, у которыхъ все дѣло — въ ужасѣ, въ безсмысленномъ скептицизмѣ, въ неестественности завязки, невѣроятности чувствъ и положеній; у которыхъ собраны всѣ крайности, и нѣтъ ничего человѣческаго!

Переводъ «Елены» хорошъ. Этотъ романъ, на всѣхъ своихъ страницахъ, говоритъ языкомъ живымъ, свѣтскимъ, образованнымъ. Слава Богу! А то мы ужасно опасались, что «Библіотека романовъ,» желая насъ потѣшить пріятнымъ чтеніемъ, заговоритъ съ нами «книжнымъ языкомъ». Мы не

можемъ описать той радости, какую ощутили, увидѣвъ, что въ этой книгѣ нѣтъ книжнаго языка. Отъ всего сердца поздравляемъ издателей съ этимъ шагомъ къ хорошему вкусу и настоящей изящности. Наконецъ есть надежда, что книги будутъ у насъ говорить какъ люди! Мы только этого и добиваемся. Мы только объ этомъ и молимъ небо, чтобы наконецъ у насъ не было книжнаго языка, какъ у Татаръ, Турокъ или Персіянъ, чтобъ былъ одинъ языкъ и одинъ умъ. Скажите сами, господа: къ чему намъ книжный языкъ, послѣ того какъ мы уже выбрили бороды? Къ чему намъ мертвая, вылитая изъ гробоваго свинцу фразеологія, когда мы уже воскресли и живемъ, когда языкъ воскресъ вмѣстѣ съ нами и живетъ также новою жизнію, когда между нами и нашимъ языкомъ уже нѣтъ другаго посредника кромѣ мысли, словомъ, когда мы и языкъ отселѣ неразлучны и должны быть представителями другъ друга въ образованномъ свѣтѣ?

Книги Русскія! говорите точно такъ, какъ говорятъ люди Русскіе. Пусть изъ васъ узнаетъ весь свѣтъ, что мы, принимая перо въ руки, не стыдимся того языка, которымъ разговариваемъ съ нашими женами, сестрами и дѣтьми, которымъ разсуждаемъ между собою о благодѣствіи, успѣхахъ и надеждахъ Россіи, которымъ пересказываемъ нашимъ сыновьямъ побѣды нашего оружія и учимъ ихъ любить Царя и отечество.

Изданіе «Библіотеки романовъ,» однако жъ, могло быть изящнѣе.

Современныя повѣсти модныхъ писателей. *Собраны, переведены и изданы* Ѳедоромъ Кони. *Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. V и 230—207.*

Модныхъ писателей? Странная похвала! У людей, модный писатель значитъ—тотъ, котораго, прочитавши, тотчасъ забываютъ и бросаютъ въ уголъ, какъ помятый чепчикъ. Но Г. Кони, извѣстный переводчикъ Французскихъ водевилей, такъ привыкъ къ куплетамъ и остротамъ, что теперь не можетъ уже ни сочинить заглавія для книги, ни перевести самой плохой повѣсти, безъ остроты.

На послѣдней страницѣ его книги мы нашли еще слѣдующее NB: *Опечатки* — замѣтитъ каждый читатель. *Погрѣшности* — отыщутъ журналисты.

Эту услугу, безъ-сомнѣнія, окажутъ переводчику тѣ журналы, которые всегда носятъ съ собою крючекъ вѣтошника, чтобы выгребать имъ погрѣшности изъ литературныхъ стоковъ, и которые производятъ ими мелочную торговлю на толкучемъ рынкѣ брани. Мы не хотимъ марать себѣ рукъ, ни отнимать хлѣбъ у этихъ журналовъ.

Г. Кони увѣряетъ, что вся изящная Словесность выразилась нынче во Франціи повѣстями и разсказами; что Бальзакъ, Гюго, Жаненъ и Дюмо дали ей новую форму и свою, особенную, усатую, молодецкую физіономію, и что онъ, Г. Кони, хочетъ познакомить Русскую публику съ этими усатыми, молодецкими писателями. Для этого онъ собираетъ, переводитъ и издаетъ повѣсти Альбита, Фушѐ, Демана, Мюрѐ и Манюэля, у которыхъ еще нѣтъ усовъ. Истинно вѣрное средство познакомить публику съ усатыми писателями! Въ этихъ двухъ частяхъ нѣтъ ни одного сочиненія Гюго и Жанена, и есть только по одной, какъ нарочно самой плохой, повѣсти Бальзака и Дюма. Какъ ни старался Г. Кони, а изо всей стаи Бальзаковыхъ повѣстей онъ поймалъ за усъ только его «Испанскую честь», которую и втащилъ въ свой сборникъ.

Г. Кони душевно увѣренъ, что переводъ нѣсколькихъ «модныхъ» повѣстей — очень важное предпріятіе, и онъ воздаетъ себѣ за него неслыханныя похвалы въ предисловіи. Что жъ Г. Кони скажетъ въ похвалу себѣ, когда онъ откроетъ perpetuum mobile?

Избранные листки изъ Англійскаго Зрителя *и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданій того же рода. Съ Англійскаго. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8. Книжка V, стр. 87.*

Нравственныя правила, преподаваемыя этою книжкою, имѣютъ высокое достоинство. Статьи Аддисона дышатъ вообще самой утѣшительной философіей и искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Выборъ статей вообще очень удаченъ и переводъ очень хорошъ.

Отелло, *фантастическая повѣсть, Г. Гауфа. Переводъ съ Нѣмецкаго. Изданъ Д. Наглиновскимъ. СП.-бургъ въ тип. Вингебера, 1835, въ-12, стр. 119.*

Въ маленькихъ Нѣмецкихъ городахъ бываютъ случаи, въ которыхъ очень успѣшно дѣйствуютъ магнитизмъ, предопредѣленіе, театръ, и другія сверхестественныя силы.

Г. Гауфъ разсказываетъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Въ городѣ * * *, который желающіе могутъ отыскать въ географіи, за каждымъ представленіемъ Отелло умиралъ кто-нибудь изъ фамиліи герцога ровно черезъ семь дней. Въ театральныхъ журналахъ съ точностью записаны разительные примѣры уморительнаго вліянія этой оперы на фамилію герцога.

Но герцогиня Софья не вѣрила отмѣткамъ театральнаго режиссера, не вѣрила дурному глазу Отелло, и упросила мать свою, чтобъ опера была дана. Мать покорилась требованіямъ дочери, Отелло данъ, и Софья умерла черезъ семь дней послѣ представленія.

Эту исторію мы читали, лѣтъ десять назадъ, въ одномъ изъ покойныхъ Московскихъ журналовъ.

У Гауфа есть хорошія, и занимательныя, и живо написанныя повѣсти; но «Отелло» къ нимъ не принадлежитъ.

Сынъ жены моей. *Романъ. Сочиненіе* Поль-де-Кока. *Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 230–210.*

Пришло наконецъ время, что романы Поль-де-Кока сдѣлались во Французской словесности образцами чистой нравственности и примѣрной благопристойности. Въ этомъ отношеніи, «Сынъ моей жены» конечно стоитъ гораздо выше «Барнава» Г. Жанена, выше нежели «Изволятъ тѣшиться» Г. Виктора Гюго, несравненно выше «Анжели» Г. Александра Дюма. Сообразивъ одно съ другимъ, Поль-де-Кокъ теперь самый благопристойный и самый нравственный писатель во Франціи!

Мы не станемъ разсказывать содержанія «Сына моей жены»: вы знаете, что романы Поль-де-Кока только читаются, но никогда не пересказываются.

Маркизъ по-неволѣ *или все на оборотъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланная съ Французскаго* П. С. Ѳедоровымъ. *Представлена въ первый разъ на И. С. Петербургскомъ театрѣ 19 ноября 1834 года, въ пользу актера Г. Самойлова 6. СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8, стр. 56.*

Въ «Британіи» то есть, во Франціи, – въ Бретани, живетъ баронъ, который рѣшился отдать дочь свою Люсинду за какого-то маркиза, и живетъ маркизъ, который вздумалъ испытать будущую жену передъ свадьбой, явясь въ домъ ея подъ ливреею лакея. На бѣду жениха, къ барону пріѣзжаетъ рекомендоваться лакей Шампань; его принимаютъ, честятъ, кормятъ, поятъ, чуть-чуть не женятъ. Приходитъ настоящій маркизъ; его гонятъ; онъ въ отчаяніи; наконецъ Шампань узнанъ, маркизъ женится на Люсиндѣ, Шампань на ея горничной Сусаннѣ, и съ радости поетъ дурные куплеты.

Все это отнюдь не занимательно. Переводчикъ, видно, и самъ чувствовалъ это, потому что, для развеселенія читателя, приложилъ къ водевилю портретъ Г. Дюра.

Начальныя правила Русской Грамматики, *изданныя* Николаемъ Грчемъ. *Изданіе четвертое. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 145.*

До сихъ поръ разошлось уже тридцать тысячъ экземпляровъ этой Грамматики.

Нѣмецко-Русскій Словарь, *составленный по лучшимъ и новѣйшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ списка употребительнѣйшихъ именъ мужскихъ и женскихъ, географическаго словаря и пространной таблицы неправильныхъ Нѣмецкихъ глаголовъ. Составленный* Обществомъ любителей обоихъ языковъ. *СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелляріи, 1835, въ-16. Часть вторая, стол. 1318.*

Это послѣдняя часть преполезнаго и нужнаго сочиненія, о которомъ мы уже отозвались въ прошломъ году съ весьма выгодной стороны. И теперь нельзя не похвалить вторично усердія и точности, съ которыми соста-

вленъ этотъ словарь. Мы не сравнимъ его ни съ лексикономъ Гейма, ни съ книгою Г. Шмидта. Онъ превосходитъ ихъ и своей полнотою, и типографскою исправностью.

Краткій Священный Словарь, *составленный И. Россійской Академіи членомъ, протоіереемъ* Алексѣемъ Маловымъ. *СП.—бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1835, въ-8., стр. 396.*

Тщательный и полезный трудъ, которому пріятно отдать справедливость. Почтенный сочинитель этой книги объясняетъ въ ней кратко, но ясно и опредѣлительно, собственныя имена и названія разныхъ предметовъ, встрѣчаемыя въ книгахъ Св. Писанія, литургическую терминологію іерархическіе титулы и многія преданія Церкви. Мы надѣемся, что этотъ краткій словарь только предвѣстникъ пространнаго и полнѣйшаго, въ который авторъ внесетъ всѣ плоды безчисленныхъ и многолѣтныхъ изысканій ученой Европы по части библейской археологіи. Этотъ первый опытъ удостовѣряетъ насъ, что подобное предпріятіе было бы выполнено ученымъ и изящнымъ перомъ его съ всею точностью, съ полнымъ и несомнѣннымъ успѣхомъ.

1. Обзоръ Политической Исторіи Хазаровъ. Сочиненіе Григорьева. *СП.—бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ 8., стр. 34.*

2. О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ. *стр. 59.*

Обѣ эти брошюры предвѣщаютъ для историческихъ наукъ въ Россіи примѣчательно трудолюбивое перо и рѣшительную способность къ правильнымъ ученымъ изслѣдованіямъ. Молодой оріенталистъ, который даритъ насъ этими разсужденіями объ исторіи Хазаровъ и походахъ Руссовъ на Востокъ, вѣроятно не ос авитъ счастливаго направленія своего ума къ ученой части избраннаго имъ поприща, но будетъ ревностно, заниматься ею и впередъ. Между-тѣмъ, мы прочитали оба его сочиненія съ большимъ удовольствіемъ, не только какъ доказательство хорошаго употребленія времени въ настоящемъ, но и какъ залогъ высшихъ пользъ для отечественной исторіи и для науки Востока въ будущемъ.

Картина Кавказскаго края, *принадлежащаго Россіи, и сопредѣльныхъ оному земель; въ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, финансовомъ и торговомъ отношеніяхъ. Сочиненіе* Платона Зубова. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера. 1835, въ-8. Часть вторая, стр. 270.*

Мы обѣщали полюбоваться на новую картину Г. Зубова, когда она будетъ совершенно кончена. Но она еще не кончена: кромѣ этой второй части, будутъ изданы еще двѣ, и притомъ безденежно.

Записки Герцогини Абрантесъ, *или Историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, Директоріи, Консульствѣ, Имперіи и Возстановленіи Бурбоновъ. Переведенныя съ Французскаго* Ксенофонтомъ Полевымъ. *Москва, въ тип. Августа Семена, 1835, въ-8. Томъ первый, стр. VIII и 374.*

Мы уже нѣсколько разъ говорили о содержаніи и достоинствѣ «Записокъ» Г-жи Жюно, герцогини Абрантесъ,— даже о самой Г-жѣ Жюно, и, чтобы не повторяться, отсылаемъ читателей къ двумъ статьямъ Смѣси,—«Парижскія скиццы» (No 4.) и «Герцогиня Абрантесъ и леди Блессингтонъ» (No 7).

Тогда, какъ въ Парижѣ выходитъ послѣдній, шестнадцатый томъ подлинника этой безконечной и презанимательной сплетни, у насъ выходитъ первый томъ перевода. Слѣдственно мы еще не потеряли дорогаго времени, и можемъ похвалиться передъ Нѣмцами и Англичанами, что перевели «Записки герцогини Абрантесъ» въ то самое время какъ и они. Если бы они вздумали упрекать насъ въ томъ, что мы занимаемся такими пустяками, мы можемъ сказать имъ — Вмѣстѣ съ вами, господа!

Но это не пустяки. Записокъ Г-жи Абрантесъ не должно смѣшивать съ толпою тѣхъ поддѣльныхъ признаній, которыя, подъ названіемъ «мемуаровъ» безпрерывно появляются въ Парижѣ, ни съ историческими преданіями каммердинера, повара и горничной Наполеона. Герцогиня Абрантесъ, жена генерала, потомъ маршала Жюно, почти неразлучнаго съ Наполеономъ, вблизи видѣла и семейство На-

полеона, и революцію, и консульство, и имперію, и Бурбоновъ. Степень, которую она занимала въ обществѣ и при дворѣ, даетъ ей большое право на вниманіе читателя, а любезность ея болтовни, совершенно женской, часто очень умной, обезпечиваетъ его удовольствіе, хотя и нельзя положиться на ея безпристрастіе. Она слишкомъ горячо защищаетъ себя и своихъ; хвалитъ до невѣроятности друзей и покровителей, и готова сказать — Никто не зналъ Наполеона кромѣ меня, — и дѣйствительно она иногда этимъ проговаривается.

Записки начинаются едва ли не съ потопа. Подробности о родоначальникахъ фамиліи герцогини довольно скучны; нѣкоторые утверждаютъ, что онѣ и довольно сомнительны. Герцогиня Наполеоновской имперіи хочетъ непремѣнно происходить отъ Византійскихъ императоровъ. У всякаго свой вкусъ! Впрочемъ, оно довольно вѣроятно. Ежели только прародители Г-жи Жюно вышли изъ Востока, такъ объ этомъ и спорить нечего, потому что на Востокѣ всѣ происходятъ отъ Византійскихъ императоровъ. Но она гораздо болѣе намъ нравится, когда переходитъ къ сношеніямъ своимъ съ семействомъ Наполеона: тутъ интересъ возбуждается въ высокой степени. Она видѣла великаго человѣка еще ребенкомъ. Описывая всѣ обстоятельства тѣсной связи между ея семействомъ и Наполеономъ, она подмѣшиваетъ въ свой разсказъ множество анекдотовъ о посторонніхъ, часто весьма незначительныхъ лицахъ; эти анекдоты бросаютъ любопытный свѣтъ на тогдашнее состояніе общества во Франціи, но въ Русскомъ переводѣ большая ихъ часть могла бъ быть выпущена, безъ ущерба для занимательности сочиненія.

Переводъ не блестящъ, но читается легко и пріятно. Изданіе чисто и красиво: оно будетъ состоять изъ шестнадцати томовъ.

Путешествіе Барона Александра Гумбольдта по Америкѣ, *съ Геологическими и Климатологическими изслѣдованіями Азіи. Переведь съ Нѣмецкаго* И. Нероновъ. *СП.–бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ въ-8., стр. 140.*

Г. Нероновъ подаетъ нашимъ переводчикамъ такой при-

мѣръ, который заслуживаетъ съ ихъ стороны полнаго вниманія и крѣпкаго размышленія. Если переносить творенія иностраннаго пера въ нашу литературу, такъ ужъ по-крайней-мѣрѣ приносить плоды великихъ умовъ и обширныхъ познаній, а не сказки, не повѣсти, не пустые романы не сплетни о людяхъ и происшествіяхъ, чуждыхъ нашему сочувствію. Переводъ такого творенія, каково то, которое Г. Нероновъ собирается сдѣлать доступнымъ Русской публикѣ, радуетъ насъ болѣе чѣмъ пятьдесятъ оригинальныхъ повѣстей и романовъ. Книжка, которой заглавіе здѣсь выписано, есть только пятая часть знаменитаго сочиненія подъ этимъ названіемъ. Она содержитъ въ себѣ только «Взгляды на природу». Прочія части, говоритъ переводчикъ, послѣдуютъ за нею. Чтобъ вполнѣ оцѣнить всеобщность познаній, замысловатость видовъ и удачность сближеній Г. Гумбольдта, надобно быть коротко знакомымъ почти со всѣми науками; но чтобы воспользоваться, и просвѣтиться его соображеніями, довольно внимательнаго чтенія,—такъ онъ ясенъ и простъ въ своихъ разсужденіяхъ. Мы возвратимся къ этому «Путешествію», какъ скоро выйдутъ слѣдующія части, и постараемся познакомить нашихъ читателей съ богатымъ его содержаніемъ.

Часы благоговѣнія *для спопѣшествованія истинному Христіанству и домашнему богопочтенію. Бѣсѣды для юношества. Переводъ съ Нѣмецкаго четырнадцатаго изданія. СП.-бургъ, въ тип. заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1835, въ-8., стр. 221. Часть третья.*

Извѣщая о выходѣ третьей части это превосходнаго сочиненія, въ похвалу ей мы не можемъ ничего прибавить къ тому, что уже сказали о двухъ первыхъ. Родители которые ищутъ хорошаго чтенія, для подрастающихъ дѣтей, могутъ дать имъ въ руки предпочтительно эту книгу.

Лѣсоохраненіе, *или Правила сбереженія растущихъ лѣсовъ. Сочиненіе* Петра Перелыгина, *ученаго лѣсничаго при департаментѣ Имуществъ и дѣйствительнаго члена обществъ И. Вольнаго Экономическаго, для Поощренія Лѣснаго Хозяйства и Санктпетербургскаго Минералогическаго. Издано иждивеніемъ Общества для Поощренія*

Лѣснаго Хозяйства. СП-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1835, въ-8., стр. XII–280.

Ученый сочинитель присоединилъ къ собственнымъ своимъ, многолѣтнимъ опытамъ по лѣсной части, наблюденія Бехштейна, Шиллинга, Лауроппа, Гартиха, Мейера и другихъ. Весь его трактатъ раздѣленъ на три части: въ первой онъ говоритъ объ охраненіи лѣсовъ отъ вреда, причиняемаго человѣкомъ; во второй, отъ вреда, производимаго органическою природою; въ третьей, отъ вреда, наносимаго неорганическою природою.

Охраненіе казенныхъ лѣсовъ рачительно производится, на основаніи правилъ, предписанныхъ Лѣснымъ Уставомъ; но лѣса, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ, подвержены нерѣдкимъ опустошеніямъ, по незнанію или небрежности хозяевъ. Для нихъ-то особенно будетъ полезна книга Г. Перелыгина, какъ лучшее на Русскомъ языкѣ собраніе правилъ о лѣсоохраненіи.

Краткія наставленія во врачебной наукѣ, *или краткій систематическій курсъ Медицины. Карманная книга, переведенная съ сочиненія Г. генералъ-хирурга Тедена, съ Нѣмецкаго языка, и пополненная изъ новѣйшихъ сочиненій* К. Ц., *и содержащая Анатомію, Физіологію, Патологію, Фармакологію, Терапію и Хирургію. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 363.*

Этотъ карманный курсъ Медицины, составленный по руководству Тедена, весьма уважаемому въ арміяхъ, пополненъ, по части Хирургіи и Терапіи, изъ хирургій Рихтера, Кализена, Гильдебранта и Буша, и изъ терапій Геккера, Гуфланда и Консбурга.

Врачебный словарь, *изъясняющій принятые въ Медицинѣ Греческіе и Латинскіе термины, съ прибавленіемъ краткихъ біографическихъ очерковъ извѣстныхъ древнихъ врачей, составленный докторомъ медицины, надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ* Александромъ Никитинымъ, *и Медико-хирургической Академіи членомъ-корреспондентомъ и общества Русскихъ врачей въ Санкт-*

петербургѣ членомъ и секретаремъ. СП.-бургѣ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-12., стр. IV–620.

Сочиненіе очень полезное для молодыхъ врачей и для тѣхъ, которые читаютъ физіологическія книги. Должно однако сожалѣть, что опредѣленія терминовъ и біографическіе очерки древнихъ врачей иногда черезчуръ коротки.

Фармакографія *или Химико-фармацевтическое и Фармако-динамическое изложеніе приготовленія и употребленія новѣйшихъ лекарствъ. Изданная* Александромъ Нелюбинымъ, *докторомъ медицины, академикомъ, и ординарнымъ профессоромъ при И. СПетербургской Медикохирургической Академіи, членомъ медицинскаго Совѣта, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ. Изданіе третіе, вновь разсмотрѣнное, исправленное и умноженное. СП.-бургѣ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней стражи, 1835, въ 8. Томъ второй, стр. XV–524.*

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— У книгопродавца А. Ф. Смирдина вышла, подъ названіемъ «Увеселительной Азбуки», тетрадь прелестныхъ и очень умныхъ рисунковъ, по которымъ дѣти могутъ учиться чтенію. Это цѣлая эпопея азбуки! Подъ каждою буквою алфавита находится миленькая группа тѣхъ фигуръ и предметовъ, которыхъ названія въ Русскомъ языкѣ начинаются тою же буквою. Дитя, забавляясь, отгадываетъ ихъ, и вмѣстѣ узнаетъ употребленіе буквы, нарисованной вверху. Эта замысловатая выдумка можетъ служить увеселеніемъ и для самой маменьки: объясняя дитятѣ фигуры, ихъ дѣйствія, связь совокупленныхъ предметовъ и свойства каждаго изъ нихъ въ особенности, воображенію ея представится тысяча занимательныхъ фантазій, которыя пріятно развлекутъ и ученика и учительницу. Напримѣръ, подъ буквою *Д. Дѣти* играютъ *Дощечкой*, и не смотрятъ на *Доску*, которая стоитъ передъ ними. *Дверь* — видѣнъ прекрасный *Дворецъ*. *Дерево* растетъ подлѣ *Дома*. Дыня ле-

житъ для тѣхъ, которые будутъ прилежно учиться. Кто жъ этотъ мальчикъ, что стоитъ на *Диванѣ*, надувшись, опустивъ рукава, непріятный, толстый, неуклюжій? Да это видно и по лицу, что онъ *Дуракъ*!

—Романъ Г. Степанова, «Постоялый дворъ, Записки покойнаго Горянова», обѣщанъ былъ къ концу мѣсяца, — и не вышелъ! А мы ожидаемъ его съ величайшимъ петерпѣніемъ, которое будетъ понятно всякому, кто только прочитаетъ прелестную статью того же автора, «Прихоть», помѣщенную въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч. Эта статья насъ удивила, и своимъ слогомъ, своей милою, изящною веселостью, и остроумною мыслію, на которой она основана. Прочитайте, и скажите сами! Право, судя по этому превосходному началу, надобно поздравить Русскую словесность, да и насъ, съ открытіемъ пріятнаго и образованнаго дарованія!.... Но мы поклялись, никогда не хвалить слишкомъ чьихъ бы то ни было началъ, съ тѣхъ поръ какъ наша похвала принесла несчастіе одному прекрасному дарованію. Мы молчимъ. Между-тѣмъ, доставьте намъ, пожалуйста Александръ Петровичъ, еще одну такую «Прихоть»

— Второе изданіе «Фантастическихъ Путешествій Барона Брамбеуса» также еще не вышло, но, говорятъ, уже готово.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. Давно уже не говорили мы о Французскомъ Институтѣ, который однако жъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми учеными сословіями въ Европѣ. Это потому, что первое ученое сословіе въ Европѣ съ нѣкотораго времени ничего не дѣлаетъ. Кажется, что господа академики слишкомъ заняты ничтожною политикой, которая въ это мгновеніе обуреваетъ всѣ головы во Франціи. Уже два мѣсяца, бо́льшая часть записавшихся для чтенія разсужденій не отвѣчаютъ на перекличку, которую дѣлаетъ президентъ каждый понедѣльникъ. Надобно однакожъ поискать, какими новыми истинами обогатились Науки со времени послѣдняго нашего отчета.

1. *Новое ударное ружье.* Докторъ Гёртлу (Heurteloup), изобрѣтатель остроумныхъ литотритическихъ способовъ, представилъ Академіи ударное ружье, изъ котораго можно дѣлать по восьмидесяти выстрѣловъ, не перемѣняя затравки. Этотъ чрезвычайно простой механизмъ наконецъ разрѣшаетъ, кажется, вопросъ, которымъ такъ часто занимались со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія: къ быстротѣ присоединяетъ онъ совершенную безопасность, и можно надѣяться, что при его содѣйствіи, пистонъ и гремучій порошокъ войдутъ во всеобщее употребленіе. Извѣстно, что многочисленные опыты, дѣланные доселѣ по этой части, не имѣли совершенно удовлетворительныхъ послѣдствій, и что ни одна Европейская Держава не вооружила еще войскъ своихъ ударными ружьями.

Правда, что гремучія затравки дѣлаютъ выстрѣлъ вѣрнѣе, быстрѣе и дальнометнѣе, и рѣдко даже во время дождя ударное ружье осѣкается или долго не даетъ огня. Но эти выгоды, такъ высоко цѣнимыя охотниками, сопряжены съ большими неудобствами для войска. Во-первыхъ, при заряжаніи не выигрывается ни сколько времени, а колпачки составляютъ излишекъ въ солдатской лядункѣ. Во-вторыхъ нужна нѣкоторая осторожность при утвержденіи колпачка, и кромѣ-того, кажется, что блескъ, производимый воспламененіемъ гремучаго пороха, мѣшаетъ солдатамъ, когда они стрѣляютъ по-взводно или плутонгами.

Изобрѣтеніе Г. Гёртлу не имѣетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ. Оно основано на возможности пересѣчь пластинкою часть гремучаго порошка и не дать ей воспламениться. Г. Гёртлу дѣлаетъ длинный колпачекъ изъ трубки мягкаго металла, наполненный гремучимъ порохомъ; съ одного раза часть трубочки отдѣляется острой пластинкою, которая по ней ударяетъ, и почти въ ту жъ минуту пистонъ бьетъ по маленькому отдѣленному колпачку, и тотъ воспламеняется. Разумѣется, здѣсь все дѣло въ томъ, чтобъ вложить металлическую трубочку въ прикладъ какъ слѣдуетъ и подвигать ее къ станку посредствомъ особеннаго механизма. Г. Гёртлу исполнилъ это самымъ простымъ и остроумнымъ образомъ. Ружье, представленное имъ коммиссіи, состоящей изъ генерала Ронья, Арагò и Сегьѐ, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ.

Какимъ образомъ Г. Гёртлу перешелъ отъ Литотритіи къ изобрѣтенію огнестрѣльнаго оружія; какъ пришла ему въ голову мысль объ этомъ новомъ инструментѣ, который называетъ онъ *китиптеромъ*, kitipteur, какъ наконецъ вздумалось ему, послѣ того что онъ спасалъ людей, усовершенствовать способъ къ ихъ истребленію, этого мы отнюдь не беремся объяснить. Правда, отъ хирургическаго до убійственнаго орудія, не такъ далеко, какъ вообще полагаютъ, и быть-можетъ наконецъ до того усовершенствуютъ средства истребленія, что не будетъ стоить труда убивать другъ друга. Если бъ искусство дошло до такой степени, что можно бъ было взрывать по тридцати и по сороку тысячъ человѣкъ разомъ, тогда вѣроятно, всѣ перестали бы драться.

2. *Литотритія, или камнетреніе.* Кстати о Парижскихъ литотриторахъ. Имъ много дѣла и безъ ударныхъ ружей, и безъ воспламеняющихся колпачковъ; едва достаетъ у нихъ силъ на защиту себя отъ жаркихъ нападеній, которымъ подвергаются они въ Парижской Медицинской академіи. Читатели наши вѣроятно помнятъ, какія пренія возбудилъ этотъ способъ истреблять каменную болѣзнь, лѣтъ за восемь здѣсь въ Петербургѣ, когда Г. Сѐ пріѣхалъ къ намъ изъ Парижа съ намѣреньемъ ввести въ Россіи литотритію, которую выдавали тогда за великое открытіе и за

удовлетворительнѣйшее рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ хирургическихъ вопросовъ. Отличнѣйшіе наши операторы отважились тогда оспоривать преимущества новаго способа передъ старымъ: за то по возвращеніи въ Парижъ, Г. Сѐ объявилъ ихъ завистливыми и отсталыми, — но вотъ теперь и въ самомъ Парижѣ лучшіе хирурги рѣшительно отвергаютъ мнимую благодѣтельность литотритіи, которая получила столько вѣнковъ отъ тамошней Академіи Наукъ, и которой слава огласила всю подсолнечную. Они утверждаютъ, что эта операція отнюдь не такъ невинна, не такъ сладка и безопасна, какъ угодно было разсказывать, и что въ большей части случаевъ лучше прибѣгать къ бистурію и къ старинному способу Брата Космы, чѣмъ къ камнетренію. Трезубые щипцы Г-на Леруа д'Этіолля, перкуторъ Г. Гёртлу и столько другихъ остроумныхъ изобрѣтеній для превращенія камня въ порошокъ на мѣстѣ, кажется, не нѣжнѣе Дюпюитренова двойнаго литотома. Антилитотриторы опираются на неопровержимыхъ доказательствахъ. Они перечли по пальцамъ больныхъ, ввѣрявшихся искуснѣйшимъ литотриторамъ, Гг. Сивіалю, Гёртлу, Леруа, Амюза, и прочая, и на повѣрку вышло, что не малое число подвергшихся операціи оставили въ рукахъ этихъ господъ не одни свои кампи. Г. Вельпо̀, хирургъ больницы Charité, первый поднялъ тревогу, и былъ крѣпко поддержанъ Г. Сансономъ. Послушать литотриторовъ, говоритъ Г. Вельпо̀, такъ камнетреніе не причиняетъ почти ни малѣйшаго страданія и больные не подвергаются отъ него ни какой опасности; они зовутъ ихъ къ себѣ самымъ умильнымъ голосомъ, и обѣщаютъ скорое и вѣрное исцѣленіе, а между-тѣмъ изъ 85 больныхъ, которымъ Г. Сивіаль дѣлалъ операцію въ 1827 году, выздоровѣли только 42; въ 1830 году изъ 24 человѣкъ выздоровѣло 13, и въ недавнемъ времени изъ 53 больныхъ получили исцѣленіе только 30. Напротивъ того, камнеизсѣченіемъ Дюпюитренъ спасъ 295 человѣкъ изъ 356 Братъ Косма спасалъ по 81 изо 100, Г. Субербьель 116 изъ, 155, и такъ далѣе.

Должно однако сказать, что, и послѣ этого невыгоднаго сравненія, Гг. Сансонъ и Вельпо признаются, что сами предпочли бы литотритію, если бъ имъ довелось подвергнуть

ся операціи отъ небольшаго камня при благопріятномъ состояніи здоровья. Впрочемъ Гг. Дюбуа и Ляфранъ поступили въ подобныхъ обстоятельствахъ точно также. Оба эти хирурга предпочли литотритные инструменты бистурію, которымъ сами владѣютъ съ большимъ успѣхомъ. Несмотря на то, Г. Вельпо утверждаетъ, что по числовымъ выводамъ камнеизсѣченіе должно быть общимъ способомъ, а литотритія только исключеніемъ.

3. *Движеніе крови въ волосковатыхъ сосудахъ.* Докторъ Пуазёль сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ наблюденій объ этомъ предметѣ.

Наблюдая въ волосковатыхъ сосудцахъ лягушекъ движеніе кровяныхъ шариковъ въ водяной жидкости, гдѣ они плаваютъ, можно замѣтить, что не всѣ они имѣютъ одинаковую скорость, и это заставило нѣкоторыхъ предполагать, что шарики заключаютъ въ самихъ себѣ начало движенія, независимое отъ сообщаемаго имъ сердцемъ. Мнѣніе это подкрѣпляли тѣмъ, что они продолжаютъ двигаться нѣсколько времени по устраненіи отъ нихъ дѣйствія этого органа. Но изъ новыхъ опытовъ Г. Пуазёля выходитъ, что сердце и упругость сосудовъ единственные дѣятели кровообращенія въ волосковатой системѣ.

Что касается до неравенства въ быстротѣ шариковъ, оно зависитъ отъ того, что тѣ изъ нихъ, которые кружатъ около стѣнокъ сосудца, погружены въ слой жидкости, почти неподвижный, тогда какъ шарики, обращающіеся въ серединѣ сосудца, увлекаются быстрымъ потокомъ. Это общій гидравлическій фактъ, замѣчаемый во всѣхъ безжизненныхъ трубкахъ, способныхъ смачиваться влагою, которая движется въ ихъ внутренности.

Холодъ, увеличивая толщину этого неподвижнаго слоя, чувствительно замедляетъ скорость обращенія.

Г. Пуазёль изслѣдовалъ дѣйствіе внѣшняго давленія на движеніе шариковъ. Извѣстно, что нѣкоторыя животныя, какъ напримѣръ рыбы и отчасти млекопитающія земноводныя, ныряютъ саженъ на сорокъ подъ воду и въ такомъ случаѣ выносятъ давленіе отъ семи до восьми атмосферъ. Чтобъ привести въ подобное положеніе животныхъ,

которыхъ онъ хотѣлъ наблюдать, Г. Пуазёль придумалъ пневматическій снарядъ, въ которомъ посредствомъ насоса можно было производить давленіе отъ трехъ до восьми атмосферъ. Сквозь стекло наблюдалъ онъ теченіе крови въ разныхъ обстоятельствахъ, и удостовѣрился, что при одинаковости прочихъ условій, быстрота его остается все та же, какимъ перемѣнамъ ни подвергалось бы давленіе.

ЛУЧЕМѢРЪ ГЕРШЕЛЯ. Мы не имѣемъ еще описанія этого инструмента, но самое имя изобрѣтателя и любопытные факты, которые могутъ быть слѣдствіемъ его употребленія, заставляютъ насъ сообщить то, что мы сами объ немъ узнали. Сиръ Джонъ Гершель, находящійся, какъ извѣстно, на Мысѣ Доброй Надежды, пишетъ оттуда къ бывшему секретарю Королевскаго Общества Ученыхъ въ Лондонѣ, Г. Годсону, о выводахъ метеорологическихъ своихъ наблюденій, которыми занимается онъ повидимому такъ же усердно, какъ и астрономическими, составляющими главную цѣль его путешествія.

«Не знаю, говоритъ онъ, между прочимъ, въ письмѣ своемъ отъ 8 января, упоминалъ ли я вамъ когда-нибудь объ моемъ актинометрѣ «лучемѣрѣ», а я давно употребляю этотъ инструментъ для непосредственнаго измѣренія силы солнечныхъ лучей. Слѣдующій примѣръ можетъ дать вамъ нѣкоторое понятіе о ясности неба и теплотѣ солнца въ здѣшнемъ краѣ: дѣйствіе солнечныхъ лучей, замѣченное мною третьяго-дня, простиралось до 48 градусовъ 75 минутъ, а въ Англіи, въ обыкновенный хорошій день, оно бываетъ не болѣе 25 градусовъ 30 минутъ.

«Я нахожу, что этотъ инструментъ чрезвычайно вѣренъ и точенъ въ своихъ показаніяхъ; испытавъ его въ теченіе одинпадцати лѣтъ, могу рѣшительно сказать, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли. По-этому я въ непродолжительномъ времени представлю Королевскому Обществу подробное описаніе его устройства и употребленія.»

ИЗМѢРЕНІЕ БЫСТРОТЫ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Извѣстный профессоръ Вигстонъ (Wheatstone) дѣлалъ недавно въ Лон-

донскомъ Королевскомъ Коллегіумѣ (Kings College) прекрасные и остроумные опыты надъ быстротою, съ которою электрическая жидкость распространяется по металлическимъ проволокамъ. Въ зданіи народной галлереи протянулъ онъ мѣдныя проволоки въ $^3/_4$ версты длиною: онѣ сообщались съ электрическою машиною, и представляли нѣсколько разрывовъ, гдѣ можно было наблюдать въ подвижномъ зеркалѣ переходъ электрической искры изъ одного конца въ другой. Зеркало было устроено такимъ образомъ, что дѣлало нѣсколько сотъ поворотовъ въ секунду, которые тотчасъ же означались и доставляли возможность опредѣлять самомалѣйшіе промежутки времени. Г. Витстонъ доказалъ такимъ образомъ, что быстрота, съ которою электрическая жидкость пробѣгаетъ мѣдную проволоку, превосходитъ почти цѣлою третью скорость свѣта въ пространствѣ. Изъ наблюденій аберраціи неподвижныхъ звѣздъ и затменія Юпитеровыхъ спутниковъ намъ извѣстно, что свѣтъ пробѣгаетъ въ одну секунду 280,000 верстъ и отъ солнца достигаетъ къ намъ въ восемь минутъ слишкомъ; но электрическая жидкость пробѣгаетъ, по опытамъ Витстона, 420,000 верстъ въ секунду, такъ что если бъ можно было протянуть отъ земли къ солнцу мѣдную проволоку, то эта жидкость достигла бъ его въ $5^1/_2$ минутъ. Изслѣдованія Г. Витстона принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ въ опытной Физикѣ: желательно, чтобъ они были повторены другими наблюдателями.

НОВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ МАГНИТНОЮ СТРѢЛКОЮ. Извѣстно, что знаменитый Геттингенскій ученый, Гаусъ, изобрѣлъ снарядъ для точнѣйшаго наблюденія космическихъ и земныхъ вліяній на склоненіе и уклоненіе магнитной стрѣлки посредствомъ качающейся иглы, изъятой отъ дѣйствій всякаго металла и даже близости наблюдателя. Подобный снарядъ устроенъ теперь профессоромъ Марксомъ въ Брауншвейгѣ. Выводы Геттингенскихъ и Брауншвейгскихъ наблюденій оказывались доселѣ совершенно согласными. Перваго ноября прошлаго года обѣ магнитныя стрѣлки двигались, какъ обыкновенно, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не уклонились отъ средняго направленія почти ни

на минуту. Но на другой день онѣ такъ же согласно заколебались, и послѣ девяти часовъ утра вдругъ передвинулись на 22 минуты отъ своего первоначальнаго направленія, какъ бы получивъ одинъ общій толчокъ. Какое особенное событіе въ природѣ произвело столь необыкновенную неправильность? Это намъ еще не извѣстно; однако жъ, какъ познаніе барометрическихъ перемѣнъ усовершилось послѣ долголѣтнихъ наблюденій до такой степени, что по однимъ измѣненіямъ въ высотѣ ртути мы достовѣрно заключаемъ о предстоящей перемѣнѣ погоды, вѣтра, и прочая, такъ можемъ мы надѣяться, что и теорія магнитныхъ уклоненій скоро достигнетъ того совершенства, которое доставитъ намъ способы заключать съ равной достовѣрностью о другихъ, быть-можетъ еще и незамѣченныхъ нами дѣйствіяхъ природы и даже космическихъ событіяхъ.

ВТОРИЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ КАПИТАНА РОССА КЪ ПОЛЮСУ. Наконецъ вышло давно ожиданное описаніе новѣйшей попытки къ отысканію сѣверозападнаго прохода, то есть, къ оплытію Америки съ сѣверной стороны. Извѣстно, что это было частное предпріятіе. Англійское правительство утомилось наконецъ многочисленными экспедиціями, которыя стоили дорого и оканчивались всегда безуспѣшно. Между-тѣмъ этотъ географическій вопросъ привлекалъ общее вниманіе до такой степени, что съ прискорбіемъ услышали объ оставленіи его нерѣшеннымъ. Несмотря на трехвѣковыя неудачныя покушенія, многіе еще надѣялись, что можно отыскать проходъ въ Заливѣ Принца Регента. За дальнѣйшимъ предѣломъ котораго достигалъ корабль Fury и у противоположнаго берега, около мыса Торнегена, къ которому доходили Беринговымъ проливомъ, видно было открытое море, а эти двѣ точки раздѣляются небольшимъ пространствомъ, то есть, нѣсколькими стами верстъ. Основываясь на этихъ данныхъ, капитанъ Россъ рѣшился еще разъ испытать счастія, — или отыскать проходъ, если онъ существуетъ, или доказать, что его нѣтъ, по крайней-мѣрѣ въ Регентовомъ Заливѣ.

Частное лице,—Лондонскій гражданинъ Г. Бутъ ,— взяло на себя всѣ издержки экспедиціи. Капитанъ Россъ заклю-

чалъ изъ опыта, что пароходъ будетъ ему всего полезнѣе, потому что въ этихъ сѣверныхъ широтахъ, когда море вскроется, вѣтеръ обыкновенно бываетъ противный, притомъ и малое углубленіе такого судна даетъ ему большое преимущество передъ паруснымъ. Купили пароходъ Victory, снабдили его новыми патентованными машинами, и въ маіѣ 1829 года онъ вышелъ изъ Темзы съ другимъ судномъ, которое должно было везти за нимъ всѣ припасы до Залива Принца Регента. Черезъ нѣсколько часовъ новый механизмъ оказался негоднымъ, такъ что его наконецъ вынули и бросили въ море, а на другомъ суднѣ взбунтовался экипажъ, и не хотѣлъ плыть далѣе. Несмотря на всѣ эти и на многія другія непріятныя обстоятельства, капитанъ Россъ не терялъ рѣшительности. Въ іюлѣ достигъ онъ Девисова Пролива, и остановился для починокъ въ Датскомъ селеніи Голстейнборгѣ, гдѣ встрѣтилъ его самый дружелюбный пріемъ. Двѣнадцатаго августа увидѣли они то мѣсто, гдѣ корабль Fury потерпѣлъ крушеніе, и даже палатку, въ которой экипажъ жилъ на берегу.

«Оставленное здѣсь соленое мясо и овощи нашли мы въ совершенной цѣлости. Корзины были сложены въ двѣ кучи, и хотя провели четыре года на открытомъ воздухѣ, однако ни мало не потерпѣли. Вино, водка, сахаръ, хлѣбъ, мука и какао были въ хорошемъ состояніи, даже лимонный сокъ и пикольсы почти не попортились.»

Но корабля Fury не было и слѣдовъ! Въ сентябрѣ путешественники должны были остановиться на зимовку, потому что все море вокругъ покрылось льдомъ.

«Какая унылая картина! Несмотря на ослѣпительную бѣлизну, этотъ край льдовъ и снѣга всегда былъ и всегда будетъ скучнымъ, печальнымъ, однообразнымъ, пустыннымъ, наводящимъ грусть и тоску; умъ цѣпенѣетъ и перестаетъ заботиться и думать, лишенный всего того, что хотя бы изрѣдка возбуждало его своей новостью; здѣсь передъ нимъ только однообразіе, безмолвіе и смерть. Самое поэтическое воображеніе не найдетъ картинныхъ подробностей тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей пестроты, гдѣ ни что не движется, ни что не измѣняется, гдѣ все и всегда одно и то же, — печально, холодно и тихо.» Къ счастію, однообразіе ихъ зим-

ней жизни одушевилось немного появленіемъ въ сосѣдствѣ нежданыхъ гостей.

«Я пошелъ въ ту сторону, гдѣ мнѣ ихъ указали, и скоро увидѣлъ четверыхъ Эскимосовъ у небольшой ледяной горы, недалеко отъ берега и съ милю отъ корабля. Они спрятались за нее, какъ скоро меня увидѣли, а когда я сталъ подходить, то вышли вдругъ цѣлымъ строемъ человѣкъ до тридцати: поодаль къ берегу былъ еще одинъ человѣкъ и кажется, сидѣлъ въ салазкахъ. Я послалъ сказать командору Россу, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ съ людьми, которымъ однако жъ велѣно было оставаться въ отдаленіи. Между тѣмъ я приблизился къ нимъ одинъ на разстояніе двухъ сотъ шаговъ, и увидѣлъ, что всѣ они были вооружены дротиками и ножами, но луковъ и стрѣлъ я не замѣтилъ.

«Зная, что привѣтствіе у нихъ — *Тайма, тайма*! я поздоровался съ ними на ихъ собственномъ языкѣ, и мнѣ отвѣчали тѣмъ же въ одинъ голосъ: человѣкъ, сидѣвшій отдѣльно, вызванъ былъ впередъ. Когда приспѣли ко мнѣ наши, мы подошли еще ближе и бросили ружья съ крикомъ —*Аджа, тайма*: такъ, слышали мы, обыкновенно открываютъ здѣсь дружескія сношенія. Эскимосы побросали свои ножи и дротики, кричали — *Аджа*! и протягивали руки, чтобъ показать, что они безоружны. Но такъ какъ они не трогались съ мѣста, то мы сами подошли къ нимъ, и обняли поочередно всѣхъ, стоявшихъ напереди, а они отплатили намъ тою же учтивостью. Все это доставляло имъ повидимому много удовольствія, и они выражали его смѣхомъ, крикомъ и странными тѣлодвиженіями: мы тотчасъ вошли у нихъ въ совершенную довѣренность.

«Опытность командора Росса была намъ очень полезна. Узнавъ отъ него, что мы Европейцы — Коблунѣ, Эскимосы отвѣчали, что они люди Иппюйтъ. Всѣ они были хорошо одѣты, по большей части, въ превосходныхъ оленьихъ кожахъ: верхнее платье у нихъ двойное, и спереди закрываетъ тѣло отъ подбородка до половины лядвей, а сзади начинается откидною шапкой, и оканчивается у икры клиномъ. Рукава закрывали пальцы. Изъ двухъ шкуръ, которыя составляли платье, нижняя была шерстью къ тѣлу, а верхняя на выворотъ. На нихъ было по двѣ пары сапо-

говъ, обѣ шерстью внутрь, а сверхъ ихъ длинные шаровары изъ оленьей кожи; у нѣкоторыхъ на сапогахъ были еще башмаки и шаровары не изъ оленьей, а изъ тюленьей кожи.

«Подъ этимъ вьюкомъ одежды, они казались гораздо больше, чѣмъ были въ самомъ дѣлѣ. У всѣхъ видѣли мы дротики, похожіе на трость, съ деревяннымъ или костянымъ шаромъ на одномъ концѣ и съ роговымъ остріемъ на другомъ. Разсмотрѣвъ ихъ, мы нашли, что они составлены изъ мелкихъ кусочковъ дерева или изъ костей животныхъ, весьма искусно сплоченныхъ. Ножи были костяные или роговые и такъ тупы, что не могли причинить большаго вреда; но мы скоро замѣтили, что у нихъ за спиною были другіе съ желѣзными остроконечіями, а нѣкоторые и съ лезвеями изъ этого металла. Одинъ оказался сдѣланнымъ изъ клинка Англійскаго складнаго ножа съ клеймомъ мастера, и былъ оправленъ въ видѣ кинжала....

«Троихъ ввели мы къ себѣ въ каюту, и они безпрестанно обнаруживали знаки удивленія. Картинки прежнихъ путешествій, представлявшія ихъ соотечественниковъ, доставили имъ большое удовольствіе, и они тотчасъ узнали въ нихъ свое племя. Но зеркала были по-обыкновенію главнымъ источникомъ удивленія, особенно, когда они увидѣли себя въ большомъ во весь ростъ. Почти столько же изумила ихъ лампа и подсвѣчники; но они ни разу не выказали желанія присвоить что-нибудь себѣ, хотя принимали подарки съ явными признаками благодарности. Имъ не нравилось наше маринированное мясо, но одинъ изъ нихъ съѣлъ кусочекъ, какъ-будто изъ послушанія, и сказалъ, что очень хорошо; однако, переспрошенный командоромъ Россомъ, онъ признался, что сказалъ неправду: послѣ этого и всѣ прочіе бросили свои куски, какъ скоро имъ позволили. Тотъ же самый человѣкъ, когда поподчивали его деревяннымъ масломъ, выпилъ его съ большимъ удовольствіемъ, и похвалилъ уже въ самомъ дѣлѣ.

«Этотъ день былъ для насъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ, потому что мы совсѣмъ было потеряли надежду встрѣтить здѣсь обитателей, тогда какъ отъ однихъ туземцевъ могли мы почерпнуть географическія свѣдѣнія, необходимыя для продолженія нашего путешествія. Пусть философы поло-

маютъ голову надъ этой малочисленной, уединенной ордою, занимающею такой безплодный, дикій, несносный край, и однако жъ цвѣтущею силами, здоровьемъ и всѣмъ, что составляетъ здѣсь не только богатство, но даже роскошь: они были такъ же обильно снабжены съѣстнымъ припасомъ, какъ и прочими необходимыми для нихъ вещами.»

На другой день капитанъ отправился съ визитомъ къ нимъ въ деревню.

«Она состояла изъ двѣнадцати снѣжныхъ юртъ, построенныхъ въ углубленіи маленькаго залива на берегу, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ нашего судна. Онѣ были похожи на опрокинутые водоемы и расположены безъ всякаго порядка: у каждой была длинная и кривая пристройка, родъ сѣней, и при входѣ стояли женщины съ дѣвочками и ребятишками. Насъ скоро пригласили посѣтить этихъ дамъ, для которыхъ мы запаслись бусами и иглами: раздача этихъ драгоцѣнностей тотчасъ прогнала робость, которую онѣ обнаружили при первомъ нашемъ появленіи.

«Сѣни, всегда длинныя и обыкновенно изгибомъ, вели къ главному покою, въ видѣ круглаго купола, который былъ футовъ десяти въ поперечникѣ, если предназначался для одного семейства, а если для двухъ, то былъ продолговатый, и при такой же ширинѣ имѣлъ въ длину футовъ пятнадцать. Насупротивъ дверей была насыпь изъ снѣгу, въ два съ половиной фута вышины, занимавшая треть всего пространства, ровная сверху, покрытая разными шкурами и служившая постелью или спальнею для всей семьи. На концѣ ея сидѣла хозяйка противъ лампады, гдѣ, по общепринятому обычаю здѣшняго края, въ жиру горѣлъ мохъ и давалъ столько пламени, что отъ него было и свѣтло, и жарко: вообще комната была совершенно *комфортабельна*. Надъ лампадою стояло каменное блюдо съ оленьимъ и тюленьимъ мясомъ и жиромъ; кажется, что этого запаса было вездѣ вдоволь. Все прочее,—платья, утварь и съѣстное, валялось вездѣ разбросано, и служило яснымъ доказательствомъ, что по-крайней-мѣрѣ порядокъ не въ числѣ Эскимосскихъ добродѣтелей.....

«Касательно ихъ снѣжныхъ юртъ я долженъ прибавить, что днемъ свѣтъ проходитъ въ большую овальную льдину,

вставляемую почти на половинѣ ихъ высоты въ восточной сторонѣ кровли, а впрочемъ мы замѣтили въ нихъ мало разнообразія. По причинѣ темноты, мы разглядѣли уже въ послѣдствіи, что середи каждыхъ сѣней былъ особенный ходъ въ собачью кануру. Легко можно было догадаться, что внѣшнее отверзтіе обращается во всѣ стороны, такъ что всегда можно ставить его за вѣтеръ. Юрты только что были сдѣланы; я думаю, не прошло еще и сутокъ: по этому можно себѣ представить, какъ быстро идутъ здѣсь архитектурныя работы. Мы удостовѣрились, что лѣтомъ Эскимосы зарываютъ часть съѣстныхъ припасовъ въ снѣгъ для употребленія ихъ зимою. Доселѣ не замѣчали у нихъ этого обыкновенія,—почему, мнѣ неизвѣстно.

«Женщины ихъ вовсе не пригожи; но по-крайней-мѣрѣ не уступаютъ мужьямъ своимъ, и ведутъ себя такъ же хорошо, какъ они. Всѣ, которыя старѣе тринадцати лѣтъ, замужемъ, и въ каждой юртѣ было такихъ по три или по четыре, не знаю, одной ли семьи, но кажется, что при каждой старой женѣ держатъ здѣсь по нѣскольку молоденькихъ. Онѣ были малы ростомъ, одѣты не такъ хорошо, и не такъ опрятны какъ мужчины; особенно волосы у нихъ были склочены и въ безпорядкѣ. Лица ихъ кротки, и, какъ у мужчинъ, оживлены румянцемъ: одна тринадцати-лѣтняя дѣвочка показалась намъ очень не дурна собою. Всѣ татуировались болѣе или менѣе, особенно на лбу, по обѣимъ сторонамъ рта и на подбородкѣ: это украшеніе состояло въ однѣхъ чертахъ безъ всякихъ фигуръ, и слѣдственно сходствовало съ обычаемъ сѣверозападныхъ Эскимосовъ, описанныхъ разными путешественниками.»

Двадцатаго января солнце явилось въ первый разъ послѣ пятидесятидневнаго отсутствія. Около того же времени капитанъ Россъ и его спутники имѣли случай удостовѣриться, что новые ихъ знакомцы не такъ честны и безкорыстны, какъ они сперва полагали.

«У меня пропало большое увеличительное стекло, и подумавъ хорошенько, я сталъ подозрѣвать колдуна Отукейю, который такъ успѣшно заговаривалъ зубы нашему лекарю. Подозрѣніе мое подтвердилось послѣ тѣмъ, что онъ не хотѣлъ пустить меня къ себѣ въ домъ въ послѣднюю

бытность мою въ деревнѣ. Когда онъ самъ пришелъ къ намъ съ распухшею щекой и просилъ его вылечить, я сказалъ ему, что онъ болепъ отъ волшебнаго стекла, и долженъ возвратить его непремѣнно. Онъ тотчасъ сознался, и обѣщалъ принесть покражу на слѣдующій день, а я увѣрялъ его, что иначе и другая щека у него распухнетъ.... Бѣдный колдунъ такъ перепугался, что принесъ не только стекло, но крючокъ и острогу, за которые я вымѣнялъ у него лукъ; чтобъ эта острастка имѣла полное свое дѣйствіе, я согласился на обратную мѣну.»

Вскорѣ послѣ этого происшествія Эскимосы добровольно отдали путешественникамъ всѣ похищенныя у нихъ, мелочи. Виною такого общаго раскаянія были ружейные выстрѣлы, дѣланные для опытовъ надъ распространеніемъ звука. Одинъ изъ Эскимосовъ, бывшій съ камандоромъ Россомъ на обсерваторіи, спросилъ его, что «говорятъ ружья» и узнавъ, что они называютъ по имени воровъ, похитившихъ съ корабля разныя вещи, онъ побѣжалъ сказать объ этомъ въ деревнѣ: сдѣлали сходку, и положили возвратить Каблунѣ все украденное.

Къ сожалѣнію мы можемъ только упомянуть здѣсь о многочисленныхъ поискахъ командора Росса для открытія сѣверозападнаго прохода, по ему назначено было достигнуть западнаго берега Америки сухимъ путемъ, а не водою. Послѣдняя и самая удачная экспедиція привела его на разстояніе двухъ сотъ миль отъ мыса Торнегена.

«Передъ нами былъ океанъ, котораго мы искали, — цѣль всѣхъ нашихъ надеждъ и усилій; свободное пространство, по которому мечтали мы прежде обогнуть Американскій материкъ, и которое могло бы доставить намъ торжество, составлявшее предметъ многотрудныхъ, продолжительныхъ поисковъ для насъ самихъ и для нашихъ предшественниковъ. Все сдѣлало бы это море въ нашу пользу, если бъ не воспрепятствовала сама природа; — если бъ цѣпь озеръ была сплошнымъ проходомъ и долина свободнымъ путемъ сообщенія между восточнымъ и западнымъ морями. По-крайней-мѣрѣ мы удостовѣрились въ невозможности: желанное море было у нашихъ ногъ; намъ предстояло плыть по немъ въ скоромъ времени; и если мы обманулись въ пер-

вопачальныхъ ожиданіяхъ, то утѣшались нѣсколько отрадною мыслію, что устранили всѣ сомнѣнія, успокоили всѣ напрасныя чаянія, увидѣли, что гдѣ Богъ сказалъ — Нѣтъ! тамъ человѣку остается лишь покорствовать и благодарить за то, что дано ему Промысломъ!»

ЭСКУРІАЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА. Ежели чѣмъ-либо просвѣщенные Европейскіе писатели заслужили упрекъ въ грубой и невѣжественной несправедливости, такъ это приговоромъ своимъ по дѣлу Омара и Александрійской библіотеки. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы, при первомъ удобномъ случаѣ, не бросалъ на могилу этого Аравитянина своей горсти ругательныхъ эпитетовъ за мнимое сожженіе умственныхъ сокровищъ древняго міра: почему жъ никто не говоритъ о томъ, что мы, просвѣщенные Европейцы, отплатили тою же монетою Аравитянамъ? Преданіе пламени Александрійской библіотеки Омаромъ, или точнѣе его полководцемъ Амру, который будто-бы отоплялъ ея книгами *четыре тысячи* баней, отличается всѣми условіями порядочной басни, тѣмъ болѣе, что уже въ началѣ V вѣка Орозій видѣлъ тамъ однѣ пустые шкафы, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что Испанцы торжественно сожигали Арабскія библіотеки, оставшіяся на ихъ землѣ по изгнаніи Мавровъ.

Арабскіе короли, которые въ продолженіе двухъ-сотъ семидесяти девяти лѣтъ владѣли въ Испаніи имперіею Западныхъ Омміадовъ, постоянно пеклись о процвѣтаніи литературы и художествъ. Въ 999 году Аль-Хакемъ, король Кордуанскій, основалъ Мерванскую библіотеку, названную такимъ образомъ потому, что она находилась въ Кордуѣ во дворцѣ этого имени: въ ней считалось болѣе 60,000 томовъ. Книги были расположены по предметамъ, а по́лки украшены надписями, приличными каждому роду книгъ. Каталогъ, состоявшій изъ сорока четырехъ томовъ въ листъ, содержалъ въ себѣ заглавія книги, мѣсто ея въ библіотекѣ, имя сочинителя, время его рожденія и смерти. То была первая публичная библіотека, и учрежденіе публичныхъ библіотекъ въ Испаніи должно отнести къ этому времени. Слѣдуя примѣру первой столицы, Малага, Гренада, Се-

вилла, Кадиксъ, Альмейра и многіе другіе города старались превзойти другъ друга многочисленностью и пышностью своихъ библіотекъ и академій. Вскорѣ на Испанскомъ полуостровѣ открыто было для публики болѣе семидесяти библіотекъ. Исчисленіе и подробное описаніе ихъ находится въ Арабскомъ сочиненіи, писанномъ въ началѣ XIV столѣтія, подъ заглавіемъ «Литературный Указатель.»

Между-тѣмъ какъ Арабскіе владѣтели такъ ревностно пеклись объ успѣхахъ наукъ и литературы, ничего не сдѣлано было христіанскими королями Испаніи, чтобы спасти отъ истребленія временемъ и войною драгоцѣнные остатки своихъ народныхъ преданій. Эскуріальская библіотека была первымъ заведеніемъ, основаннымъ съ этою цѣлію. Филиппъ II, воздвигнувъ это обширное зданіе, собралъ въ немъ небольшую библіотеку, назначенную для употребленія монаховъ, которые должны были тамъ обитать. Не прежде какъ въ двѣсти лѣтъ эта библіотека сдѣлалась однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ собраній. Филиппъ III, вступивъ на престолъ, не пренебрегалъ ни чѣмъ, чтобы совокупить въ залахъ Эскуріала литературныя сокровища, разсѣянныя въ остальныхъ частяхъ Испаніи, но пріобрѣтеніе знаменитаго собранія Арабскихъ рукописей, которымъ славится это книгохранилище, произошло внѣ государства случайно, и довольно страннымъ образомъ. Въ 1611 году два Испанскіе корабля, крейсировавшіе у Варварійскихъ береговъ, овладѣли близъ Сале двумя судами, принадлежащими Марокскому императору Мулей-Зейдану. Въ числѣ предметовъ, составлявшихъ грузъ судовъ, было нѣсколько ящиковъ съ тремя тысячами рукописей, купленныхъ на Востокѣ, по повелѣнію этого государя, покровительствовавшаго искусствамъ и наукамъ, — рукописей еще драгоцѣнныхъ но уже не принадлежащихъ золотому вѣку Арабской учености, которой плоды большею частію погибли на Востокѣ отъ невѣжества Турокъ, на Западѣ отъ невѣжества и фанатизма Испанцевъ. Мулей-Зейданъ былъ очень огорченъ этою потерею, и предлагалъ за книги, захваченныя кораблями Филиппа III, 70,000 червонцевъ выкупа. Испанскій король соглашался, но требовалъ сверхъ-того освобожденія всѣхъ христіанскихъ

невольниковъ, находящихся въ Марокскихъ владѣніяхъ. Мулей-Зейданъ охотно принялъ предложеніе, и Испанія навсегда лишилась бы доставшагося ей сокровища, если бъ мятежъ Мулей-Шейха, императорскаго племянника, не произвелъ въ Марокке междоусобной войны. Такимъ образомъ рукописи остались въ Европѣ. Къ несчастію, болѣе половины ихъ погибло во время пожара, который въ 1671 году разрушилъ часть Эскуріала; но и остатокъ составляетъ еще богатѣйшее въ свѣтѣ собраніе. Одинъ Англійскій оріенталистъ посѣтилъ въ прошломъ году эту библіотеку, и мы приведемъ слова его о нынѣшнемъ ея состояніи.

«Эскуріальская библіотека состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣленій, – изъ нижней библіотеки, верхней библіотеки и хранилища рукописей. Первое и самое большое отдѣленіе имѣетъ три обширныя залы, и одна изъ нихъ длиною въ двадцать семь саженъ и шириною болѣе нежели въ четыре сажени. Въ ней заключается около 18,000 волюмовъ, въ томъ числѣ 700 рукописей Греческихъ, Латинскихъ и Испанскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ седьмому и осьмому столѣтіямъ. Въ верхней библіотекѣ почти такое же число волюмовъ: она служитъ дополненіемъ къ нижней, и состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ статей библіографическихъ. Иностранцамъ обыкновенно показываютъ нѣсколькихъ готическихъ экземпляровъ Библіи, богато раскрашенныхъ; но когда являются посѣтители, о которыхъ извѣстно, что они не еретики, монахи становятся нѣсколько сообщительнѣе. Это случилось и со мною, когда я осматривалъ Эскуріалъ. Отецъ библіотекарь зналъ навѣрное, что я catolico, apostolico y romano; онъ взглянулъ на меня съ таинственнымъ видомъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я за нимъ послѣдовалъ, и повелъ меня въ какую-то часовню. Тамъ, отдернувъ занавѣсъ, онъ показалъ мнѣ книгу, написанную, по его словамъ, собственною рукою Св. Августина, другую Святымъ Іоанномъ Златоустымъ и нѣсколько рукописей, начертанныхъ святою Ferrera de Semo.

«Важнѣйшая часть Эскуріальской библіотеки та, въ которой заключаются рукописи. Зала, въ которой онѣ хранятся, обширна и шкафы весьма красивы. Судя по каталогу, она далеко не вся состоитъ изъ Арабскихъ рукописей. Въ ней

находится также множество манускриптовъ Греческихъ и Латинскихъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, показываемыхъ любопытнымъ въ этой залѣ, есть Коранъ, писанный въ половинѣ девятаго столѣтія, разноцвѣтными литерами, для одного изъ первыхъ Кордуанскихъ королей. Монахъ, которому поручено храненіе рукописей, не умѣя отвѣчать на многочисленные мои вопросы, разсудилъ за лучшее ввѣрить мнѣ ключи и позволить разсматривать что вздумается, и я вполнѣ воспользовался этимъ позволеніемъ.

«Всѣ эти рукописи расположены въ большомъ порядкѣ, и каталогъ ихъ составленъ хорошо, такъ что я въ короткое время просмотрѣлъ очень много. Я однако же долженъ умѣрить похвалы мои однимъ замѣчаніемъ. Рукописи хорошо переплетены, и снаружи содержатся весьма чисто, но внутри наполнены пылью. Эта разрушительная пыль не была отряхаема съ 1807 года, когда извѣстный Испанскій оріенталистъ, донъ Франсиско Антоніо Конде, просматривалъ ихъ для составленія своего сочиненія о владычествѣ Арабовъ надъ Испаніею. Кромѣ 1631 рукописи, внесенной въ каталогъ, есть еще нѣсколько неполныхъ, исхищенныхъ изъ пламени. Вотъ все, что остается намъ отъ ученыхъ трудовъ народа, который, въ теченіе осьми вѣковъ, стоялъ въ первомъ ряду просвѣщенныхъ націй. Рука вандализма содѣйствовала времени въ разрушеніи этихъ блестящихъ остатковъ.»

Мы говорили въ началѣ этой статьи объ Омарѣ, котораго прославили литературнымъ Геростратомъ, за сожженіе, впрочемъ весьма сомнительное, полокъ, на которыхъ прежде расположены были рукописи Александрійскаго «Музеума,» великолѣпные даръ Птоломеевъ и Хитонія, добыча, награбленная въ Тирѣ, Раисѣ и Пергамѣ, и расхищенная еще до пришествія Арабовъ. Настоящій Омаръ,—Омаръ не подлежащій ни какому сомнѣнію ни спору, есть Su Eminença донъ Хименесъ Сиснероса. По приказанію кардинала Хименеса Сиснероса *восемьдесятъ тысячъ* томовъ Арабскихъ рукописей было сожжено на площади въ Кордуѣ: это въ восьмеро больше противъ того, что полагаетъ Георгій Синкеллъ въ знаменитой Александрійской библіотекѣ. Это варварское auto-daſé продолжалось нѣсколько дней; тутъ конечно погибли и тѣ важныя творенія, которыя мы теперь знаемъ только по за-

главіямъ; тутъ превращены въ золу славные Арабскіе переводы Греческихъ авторовъ; тутъ наибольшею частію разрушены ученые труды четырехъ столѣтій, а немногія оставшіяся сочиненія, исчезли съ Маврами, которые унесли ихъ съ собою въ изгнаніе. Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти потери, Эскуріальская библіотека заключаетъ въ себѣ богатые, еще неразработанные рудники. «Я съ любопытствомъ пробѣжалъ здѣсь, говоритъ ученый путешественникъ, между прочимъ два сочиненія, — «Записки благороднаго сочинителя» и «О славныхъ мужахъ Испаніи», — первое Шегабъ-эддина эль-Омари, а второе Алія эль-Гарнати: оба они разсуждаютъ объ изобрѣтеніи пороха, о началѣ употребленія его при военныхъ дѣйствіяхъ, и оба согласно признаютъ его плодомъ не-Европейскаго искусства, — утверждая, что порохъ былъ принесенъ Персами, которые заимствовали его у Китайцевъ, и что Аравитяне въ первый разъ прибѣгнули къ нему при осадѣ Мекки Хаджазомъ въ 691 году отъ Р. Х. Но всѣ эти сокровища потеряны для науки: Испанское правительство всегда почитало это заведеніе исключительною собственностію здѣшнихъ монаховъ, а они рѣдко допускаютъ туда ученыхъ. Между-тѣмъ какъ Лондонское Азіятское Общество и другія подобныя общества въ Англійской Индіи, во Франціи и въ Германіи, дѣлаютъ все что только возможно, чтобы воскресить восточную литературу, въ Испаніи рѣдко встрѣтишь человѣка, занимающагося Арабскимъ языкомъ, и онъ преподается только въ одномъ классѣ Іезуитомъ, который самъ плохо знаетъ даже начальныя основанія этого языка.»

ПРОЕКТЪ СТРАХОВОЙ КОМПАНІИ НА АКЦІЯХЪ ДЛЯ ПОКОЙНИКОВЪ. Недостатокъ земли въ Англіи заставляетъ прибѣгать къ страннымъ затѣямъ. И этотъ недостатокъ такъ великъ, что земли тамъ мало не только для пропитанія живыхъ, но и для обители мертвыхъ. Почва Лондонскихъ кладбищъ постепенно поднялась гораздо выше первобытнаго своего положенія, и гроба нынче уже такъ близко одинъ отъ другаго, что, всякой разъ какъ роютъ новую могилу, изъ земли выходятъ чрезвычайно испорченныя испаренія, которыя производятъ вредное вліяніе на окре-

стныхъ жителей. Цѣлые грузы человѣческихъ костей ежегодно вывозятся нѣсколькими кораблями изъ Лондона въ сѣверныя части Англіи, гдѣ ихъ толкутъ и потомъ употребляютъ на удобреніе земли. Въ приморскихъ городахъ Шильдсѣ и Сундерландѣ придуманъ забавный способъ для вознагражденія недостатка земли подъ могилы: городовыя думы этихъ городовъ принуждаютъ корабли, приходящіе въ тамошніе порты, складывать баластъ свой на кладбищахъ. Такимъ образомъ первоначальная почва покрылась уже нѣсколькими слоями земли и для новыхъ гостей-покойниковъ изготовились новые ярусы помѣщенія.

Теперь, для сбереженія земли въ Лондонѣ, нѣкто Г. Вильсонъ придумалъ выстроить огромную пирамиду, которая могла бы нѣсколько вѣковъ сряду принимать бренные остатки жителей столицы. Его проектъ, несмотря на гигантскіе свои размѣры и на трудность выполненія, заслуживаетъ любопытства. Этотъ, какъ говорили Египетскіе Греки, «трупоградъ», necropolis, будетъ нѣчто ужасно монументальное. Тутъ не будетъ ни деревцевъ, ни зелени и ни какихъ игрушекъ свѣтской архитектуры, такъ мало соотвѣтствующихъ идеямъ смерти и вѣчности. Представьте себѣ исполинскую гранитную пирамиду, впятеро выше Хеопсовой, величайшей изъ Египетскихъ пирамидъ: ея основаніе будетъ занимать площадь въ 9,000,000 квадратныхъ футовъ, а вершина возвышаться на 1800 футовъ, то есть, болѣе чѣмъ на *полверсты*, надъ поверхностію земли. Мы повторяемъ эти размѣры по Англійскимъ журналамъ, отнюдь неручаясь, чтобъ это не была шутка: издатели Revue Britannique однако жъ приняли ее за чистыя деньги. Вотъ каковъ долженъ быть общій видъ этого безпримѣрнаго памятника.

Фундаментъ пирамиды долженъ состоять изъ нѣсколькихъ слоевъ камней, связанныхъ между собою цементомъ. Во внутренность зданія надобно будетъ проникать четырьмя дверями, устроенными на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ. Начиная съ фундамента до вершины пирамиды будетъ девяносто четыре этажа (двадцатью двумя больше Вавилонскаго столпа). Въ каждомъ изъ этихъ этажей, раздѣленныхъ на нѣсколько частей корридорами, будетъ помѣщаться ярусами извѣстное

число гробовъ, соразмѣрное его пространству: такъ въ нижнемъ этажѣ можетъ быть уставлено 147,300 гробовъ, въ верхнемъ только 480. По исчисленіямъ Г. Вильсона, все зданіе можетъ вмѣстить въ себѣ 5,167,104 гроба. Такимъ образомъ, полагая, что въ Лондонѣ умираетъ ежегодно 27,000 человѣкъ, этотъ дивный трупоградъ наполнится не ранѣе двухъ вѣковъ. Въ отношеніи къ сбереженію земли, проектъ Г. Вильсона, конечно, представляетъ большую выгоду, потому что при обыкновенномъ способѣ погребанія, на помѣщеніе 5,000,000 гробовъ нужно было бы около четырехъ сотъ десятинъ, между-тѣмъ какъ основаніе пирамиды Г. Вильсона занимало бы только восемь десятинъ (!!!). Скажемъ еще нѣсколько словъ о внутреннемъ расположеніи этого зданія: просторные корридоры должны вести въ средину строенія, откуда общій душникъ (ventilator) будетъ возобновлять воздухъ даже въ малѣйшихъ частяхъ его. Къ четыремъ главнымъ переходамъ будутъ примыкать разныхъ размѣровъ переходы, которые посредствомъ наклонныхъ площадей имѣютъ служить сообщеніемъ между этажами. Нижняя часть зданія назначается для большихъ гробницъ и склеповъ: тутъ будутъ возвышаться статуи и блистать вся пышность искусствъ. Въ глубинѣ будетъ часовня, а по бокамъ контора для расчета съ покойниками, квартиры для сторожей, смотрителей и прочихъ. Такимъ образомъ ни малѣйшее пространство не останется безъ употребленія и внутренность пирамиды будетъ походить на огромный улей, въ которомъ каждая ячейка — могила. Но главнѣйшее удобство ея то, что покойники будутъ въ ней въ совершенной безопасности: никто не пошевелитъ ихъ костей, и прахъ ихъ останется навсегда неприкосновеннымъ, равно какъ всѣ ихъ титулы, вырѣзанные на мраморныхъ и гранитныхъ доскахъ. По смѣтѣ Г. Вильсона на сооруженіе этого мавзолея потребуется 2,500,000 фунтовъ стерлинговъ (37,500,000 рублей); но какъ, по всей вѣроятности трудно было бы собрать вдругъ столь огромную сумму, то архитекторъ предлагаетъ особый родъ производства постройки. Онъ хочетъ воздвигать пирамиду по-немногу, чтобы каждое поколѣніе трудилось, на свои деньги, надъ этимъ общимъ памятникомъ. Между-тѣмъ Г. Вильсонъ полагаетъ, что его можно бы

окончить въ девяносто и даже въ двадцать лѣтъ, если бы капиталовъ было достаточно. По его мнѣнію, какъ это дѣло торговое, то строители могутъ выручить свои деньги, слѣдующимъ образомъ: полагая, говоритъ онъ, что число умирающихъ простирается ежегодно въ Лондонѣ до 30,000 и что только 10,000 изъ нихъ будутъ хоронимы въ пирамидѣ съ платою за каждую могилу по 10 фунтовъ (250 рублей), — кто не дастъ этой ничтожной суммы, чтобъ застраховать прахъ свой отъ разсѣянія и имя свое отъ забвенія?— Доходы будутъ простираться въ годъ до 100,000 фунтовъ стерлинговъ, а въ столѣтіе до 10,000,000 (250,000,000 рублей). А какъ пирамида будетъ стоить только 2,500,000 фунтовъ, то акціонеры получатъ 7,500,000 фунтовъ стерл. барыша, что будетъ слишкомъ достаточно для покрытія ихъ капиталовъ и съ процентами: акціи на трупоградъ могутъ черезъ полгода возвыситься вдвое и втрое.

МѢНОВАЯ ТОРГОВЛЯ ИДЕЯМИ И РЕПУТАЦІЯМИ. Съ какою быстротою, замѣчаетъ одинъ Англійскій журналъ, нынче обращаются и обмѣниваются плоды ума человѣческаго! О, эта умственная мѣна происходитъ не только между сосѣдственными народами, но отъ полюсовъ къ экватору, отъ одного края свѣта до другаго. Америка заимствуется отъ Европы; Европа почерпаетъ новыя вдохновенія изъ Азіи; Азія снабжается понятіями у Европы и Америки. Изящныя произведенія, остроумныя мысли, покрытыя рукоплесканіями въ одной изъ Европейскихъ столицъ, вскорѣ послѣ того возбуждаютъ тотъ же восторгъ въ Нью-Іоркѣ, въ Ріо-Янейро, въ Гобарто-Тоунѣ или въ Калькуттѣ. Ихъ забиваютъ въ ящики на таможенныхъ набережныхъ Европы, и онѣ плывутъ въ отдаленныя земли вмѣстѣ съ сельдями, сукномъ и сыромъ: тамъ мѣняютъ ихъ на хлопчатую бумагу, шелкъ, чай и сахаръ, берутъ еще въ придачу нѣсколько мѣстныхъ мыслей, и все это летитъ на парусахъ въ Европу. Народы торгуютъ своими идеями и репутаціями сочинителей, такъ же какъ произведеніями своей почвы или промышлености. Это обращеніе такъ дѣятельно, такъ быстро, такъ безпрерывно, что его даже не замѣчаютъ, и нѣтъ ни одного журнала, который бы отмѣчалъ

столь любопытное движеніе ума вокругъ свѣта, какъ-будто оно не важнѣе для исторіи просвѣщенія, чѣмъ повышеніе и пониженіе фондовъ и цѣны товаровъ. Всѣ эти событія разсѣяны, и никто ихъ не собираетъ: только по временамъ политическія повременныя изданія небрежно вставляютъ ихъ въ свои столбцы посреди скучныхъ преній палатъ, уличныхъ происшествій и домашнихъ сплетней. Lancelot Independant, журналъ, издаваемый въ южномъ Новомъ Валлисѣ, сообщая намъ прейсъ-курантъ Австральской шерсти, разсказываетъ, что актрисы Богъ-вѣсть какого Европейскаго театра, нѣкто Г-жи Рудловъ и Ремансъ, ангажированы на Гобартъ-Тоунскій театръ, и что дебюты ихъ были чрезвычайно блестящи: онъ прибавляетъ, что нѣсколько туземныхъ Австральскихъ пьесъ изготовляются къ представленію, и что дирекція театра полагаетъ большія надежды на драму «Рейнскій разбойникъ». Вотъ, до чего дошли ссыльные! Въ Кантонѣ намѣреваются издавать Китайскій переводъ Penny-Magazine со всѣми картинками. Американскіе дикари, Чироки, изобрѣтаютъ для себя азбуку, и печатаютъ на своемъ языкѣ классическія произведенія Европейской литературы. Въ журналѣ «Сингапурская лѣтопись», посреди означенія цѣнъ индиго и шерсти, недавно разсказывали, что одинъ браминъ занимается переводомъ поэмъ Данта, въ то же самое время, какъ Парижскіе журналы, наполненные описаніемъ баловъ, маскарадовъ и бунтовъ, мимоходомъ объявляли о переводѣ Конфуція, издаваемомъ Г-мъ Понтье. Почти тогда же Аугсбургская газета, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о пожарѣ въ Константинополѣ и о заведеніи новой пивоварни въ Веймарѣ, возвѣщала, что улемы переводятъ на Турецкій языкъ нѣкоторыя изъ ученыхъ книгъ западной Европы, а въ Journal de Francfort, въ промежуткѣ длиннаго разсужденія о Прусскомъ тарифѣ, говорили, что Г. Гаммеръ перевелъ творенія Турецкаго поэта Фазли, и что Гг. Семеле и Тасси въ Парижѣ издаютъ переводы, одинъ Гулистана Сада, другой мечты Индѣйскаго поэта Вали. Вотъ какъ пишутъ исторію ума человѣческаго!

НОВЫЙ РОДЪ МЕДВѢЖЬИХЪ ШУБЪ. Капитанъ Марріетъ знаетъ удивительные анекдоты. Вотъ, что ему разсказывалъ

одинъ Англійскій шкиперъ, часто посѣщавшій берега Гренландіи для ловли китовъ.

«Я помню, говоритъ Г. Торнбуллъ въ премиломъ и презанимательномъ сочиненіи Г. Марріета, JacoB Faithfull: помню, что однажды чуть не съѣли меня заживо лисицы, —и, повѣришь ли, самымъ удивительнымъ образомъ! Я былъ тогда подшкиперомъ на «Гренландскомъ кораблѣ», то есть, на кораблѣ, который обыкновенно ходилъ въ Гренландію. Мы были уже три мѣсяца на промыслѣ, и наловили двѣнадцать китовъ. Видимъ, что дѣло идетъ хорошо: мы прикрѣпились «ледяными» якорями къ огромной ледяной горѣ, носились съ нею по морю во всѣ стороны, какъ въ подвижной гавани рыскали въ шлюпкахъ въ окрестностяхъ судна, и ловили рыбу, гдѣ попадется. Однажды утромъ мы вышли на берегъ Гренландіи съ пойманнымъ уродомъ, вскарабкались съ нимъ на небольшой мысъ, весь покрытый глыбами льду, и только что бросили въ море остовъ распластаннаго кита, какъ матросъ, бывшій на сторожѣ, закричалъ намъ, что огромная бѣлая медвѣдица съ медвѣженкомъ плывутъ къ нашей горѣ,—а около нея, въ полумилѣ отъ насъ не болѣе, трепетали еще остатки убитой рыбы. Дѣлать намъ было нечего,—мы семеро пошли охотиться-исготовясь еще прежде на лисицъ, которыхъ собралось сотни около китовины. Погода была тихая: мы скоро подошли къ медвѣдицѣ; она хотѣла было уйти, но медвѣженокъ не могъ успѣть за нею по льду, и она должна была воротиться. Чтобы не выпустить ее изъ рукъ, мы застрѣлили медвѣженка, и тогда ужъ могли быть увѣрены, что она не разстанется съ нами, пока сама погибнетъ или передушитъ всѣхъ насъ. Никогда не забуду, какъ она рычала надъ медвѣженкомъ, исходившимъ кровью; мы между-тѣмъ посылали въ нее пулю за пулей. Наконецъ она обернулась, взревѣла съ пронзительнымъ хрюкомъ, который услышалъ бы, кажется, за милю, и, сверкая глазами, бросилась прямо на насъ. Мы встрѣтили ее сомкнутымъ рядомъ, уставивъ пики ей въ грудь, но она была такъ велика и такъ сильна, что столкнула всѣхъ насъ, и двое упали: къ счастію другіе остались на ногахъ, и успѣли всадить ей въ животъ три пули, отъ которыхъ она свалилась. Никогда въ жизни

не видалъ я такого огромнаго звѣря. Не хочу хвастать, а право, иной быкъ не годится ей въ подметки. Мы не знали, что съ нею дѣлать: вѣтеръ заходилъ съ сѣвера, и пошелъ сильный снѣгъ. Товарищи мои рѣшились тотчасъ воротиться къ судну, какъ и слѣдовало, а я думалъ, что мятель скоро пройдетъ; не хотѣлось мнѣ упустить изъ рукъ славнаго мѣха, и я началъ сдирать его, зная, что если оставлю тутъ на нѣсколько часовъ, то лисицы, которыя напрасно поджидали, что кита выброситъ на закраину, скоро подберутся къ медвѣдямъ и перепортятъ всю шкуру. Товарищи отправились къ кораблю, и какъ нарочно поднялась такая вьюга, что они сбились съ дороги и вѣкъ бы не нашли ея, если бъ съ корабля не звонили въ колоколъ. Я скоро увидѣлъ, что сдѣлалъ большую глупость: мятель не только не проходила, а безпрестанно усиливалась, и прежде, чѣмъ я успѣлъ содрать четверть шкуры, окоченѣлъ всѣмъ тѣломъ до такой степени, что и радъ бы итти, да не могъ. —Пришлось замерзнуть! подумалъ я.—Наконецъ я смекнулъ, какое мнѣ осталось средство. Я ужъ ободралъ медвѣдю все брюхо, не разрѣзывая мяса: тутъ я пропоролъ его, выпотрошилъ, и угораздился влѣзть во внутренность; потомъ стянулъ отверзтіе и тотчасъ почувствовалъ, что мнѣ тамъ очень тепло и хорошо: животное еще не остыло. Эта уловка спасла меня: я слышалъ, что Французы дѣлали то же самое въ Русскомъ походѣ,—убивали лошадей и укрывались въ нихъ отъ ненастной погоды. Могу васъ увѣрить, сударь, что лучшей шубы и желать нельзя. Я купилъ въ Архангельскѣ медвѣжью, сшитую по Русскому фасону, которая и теперь у меня, но она вполовину не такъ мягка, не такъ тепла и отрадна, какъ была моя Гренландская. Хорошо! я лежалъ въ ней этакъ съ полчаса, какъ вдругъ толчки и пинки со всѣхъ сторонъ доложили мнѣ, что лисицы трудятся надъ моимъ убѣжищемъ. И точно лисицы! Я чаю, ихъ были тутъ три сотни: онѣ шарили во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ и нѣкоторыя просовывали острыя носы свои въ отверзтіе, которымъ я влѣзъ; но я успѣлъ выпуть свой ножъ и сталъ пырять имъ въ дерзкія рыла наглянокъ: иначе онѣ скоро бы меня выкушали. Злодѣйки прогрызли толстую шкуру, и начали рвать мясо.

Впрочемъ я не слишкомъ боялся ихъ зубовъ, думая, что мнѣ стоитъ только выскочить, и онѣ вѣрно всѣ разбѣгутся. Правда, что двѣсти или триста голодныхъ чертовокъ, вмѣстѣ, могли быть и посмѣлѣе; но меня пуще всего безпокоило то, что онѣ проѣдятъ мой домъ, и я погибну отъ холода, или начнутъ рвать изъ меня куски, и поневолѣ заставятъ выскочить. Наконецъ въ верхней части трупа образовалось окно, и меня защищали только медвѣжьи ребра, сквозь которыя часто проглядывали оскаленные зубы, и уже теребили мою тюленью фуфайку. Я только-что хотѣлъ закричать, чтобъ пугнуть ихъ, какъ услышалъ залпъ изъ пяти или шести ружей, и нѣсколько пуль ударили въ моего медвѣдя,—но къ счастію мимо меня. Я тотчасъ закричалъ во все горло, и стрѣльба прекратилась. Товарищи мои мѣтили въ лисицъ, отнюдь не полагая, чтобъ я былъ въ медвѣдѣ. Я выползъ; вьюга перестала, и съ корабля нарочно пришли искать меня. Братъ мой, который также былъ на этомъ суднѣ, присоединился къ людямъ, отправленнымъ для поиска, и онъ совсѣмъ было потерялъ надежду увидѣть меня въ живыхъ. Бѣдняга! его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, а какъ онъ бросился тогда ко мнѣ на шею, даромъ что я былъ весь въ крови! Такъ вотъ, сударь, какая исторія.

«Я часто привожу себѣ на память этотъ случай, особенно зимою, когда мнѣ холодно,—и тогда мнѣ страхъ хочется полежать хоть четверть часа въ медвѣдѣ.»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Angélo Malipiegi, *Анджело Малипіери*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, Г. Виктора Гюго.

При появленіи новой драмы Г. Виктора Гюго, Парижскіе литераторы прежде покупали каждый полную бутылку чернилъ,—одни съ тѣмъ, чтобъ выписать ее до послѣдней капли на брань,—другіе съ тѣмъ, чтобъ выписать на восторги. Теперь это прошло: теперь, когда появится его драма, Гг. Пишо, Планшъ и Этьенъ, три великіе Парижскіе Аристарха, тотчасъ разбранятъ ее; Г. Жаненъ пересмѣстъ ее при случаѣ, по поводу какого-нибудь водевиля; прочіе господа расхвалятъ ее въ мелкихъ журналахъ и листкахъ,— и

дѣло вмѣстѣ съ драмой предоставляется «суду Божію». Вообще, три важнѣйшіе литературные журнала и четыре главныя газеты приняли правиломъ говорить о драмахъ Г. Гюго съ возрастающимъ презрѣніемъ, тогда какъ мелкія повременныя изданія, модные журналы, летучіе листки, рѣшились быть отъ нихъ въ постоянномъ восхищеніи. Здѣсь Викторъ Гюго царствуетъ, — царствуетъ надъ умами модистокъ, субретокъ, конторщиковъ, всего чернаго народа читателей; тамъ онъ сброшенъ съ пьедестала, какъ кумиръ прежнихъ язычниковъ, и оплеванъ своими же жрецами. Мы передаемъ читателямъ этотъ результатъ нашихъ наблюденій надъ Французскою журналистикою, чтобъ дать имъ точное понятіе о состояніи драматической критики въ Парижѣ, — единственной критики, какая тамъ еще существуетъ. Между-тѣмъ должны мы сказать что-нибудь и о примѣчательномъ замѣшательствѣ, происшедшемъ въ ходѣ этой критики отъ появленія послѣдней драмы Г. Гюго. Revue de Paris, одинъ изъ трехъ главныхъ журналовъ, который всегда бранилъ театральныя пьесы этого писателя, вдругъ началъ хвалить ихъ: онъ превозноситъ, то есть, почти превозноситъ, не только «Анджело Малипіери,» но и «Лукрецію Борджія», и «Марію Тюдоръ», и «Изволятъ тѣшиться», и все прочее; онъ утверждаетъ, вопреки прежнимъ своимъ мнѣніямъ, что критика не понимаетъ драмъ Г. Гюго, что она не умѣетъ судить объ нихъ, даже не имѣетъ права судить. Въ остолбененіи, обезумленные, какъ вкопанные, вы спросите — что жъ это такое? Ничего, такъ! Обыкновенный случай. Вы помните Г. Граніе-де-Кассаньяка? Того, который недавно отличался въ томъ же самомъ журналѣ своими колкими, «строгими» разборами, который отдѣлывалъ по порядку Виктора Гюго, Александра Дюма, Карла Нодіе, Библіофила Жакоба, Юлія Жанена, и прочая, и прочая, который рѣзалъ всѣмъ матку-правду, и обѣщалъ рѣзать ее регулярно всякія двѣ недѣли? Мы ему предсказывали, что этимъ путемъ онъ недалеко уйдетъ. И дѣйствительно, издатели Revue de Paris, боясь разсориться со всѣми «знаменитостями» за разборы Г. Кассаньяка, отказались принимать его статьи въ свой журналъ. Онъ замолкъ, молчалъ долго, и въ молчаніи размышлялъ о сравнительной

выгодѣ истины и лести. Результатъ размышленій оказался не въ пользу истины, — и тотъ самый Г. Кассаньякъ, который такъ рѣзко, умно, насмѣшливо разобралъ все ученіе Г. Гюго въ статьѣ «Школы нынѣшней Французской Словесности» (Б. для Ч. № 12), тотъ самый Г. Граніс-де-Кассаньякъ, персмѣнивъ ноты и понизивъ голосъ тремя октавами, постъ теперь, что критика ничего не смыслитъ объ его драмахъ и не въ правѣ имѣть объ нихъ сужденіе. Вотъ вся исторія! Доказательства Г. Кассаньяка очень неловки, какъ всѣ доказательства, дѣланныя на заказъ.

Изъ всѣхъ критикъ, которыя напечатаны въ Парижѣ о послѣдней драмѣ Г. Гюго, самая замѣчательная, — Г. Густава Планша. Мы выпишемъ ее всю изъ Revue des deux mondes, какъ по причинѣ многихъ весьма основательныхъ сужденій, которыя въ ней содержатся, такъ и потому, что тутъ есть нѣкоторыя любопытныя подробности о состояніи и духѣ Парижскихъ литературныхъ партій.

Голосъ имѣетъ — Г. Густавъ Планшъ!

«Какъ теперь прикажете говорить объ Анджело? Вопросъ важный и требуетъ разсмотрѣнія внимательнаго, потому что ученики, приверженцы и пріятели Г. Виктора Гюго нынче уже не обвиняютъ критики въ старовѣрствѣ, въ привязанности къ обветшалымъ идеямъ: они просто говорятъ, что критика не имѣетъ права судить о Г. Викторѣ Гюго. Обвиненія въ старовѣрствѣ годились тогда развѣ, когда Академія Надписей и Словесности умоляла прошеніемъ Карла X оградить своей властію Французскій театръ отъ нашествія романтизма, — и тогда господа Гюго-поклонники поступали очень хитро, налагая одну, общую иронію на всѣхъ безъизъятія противниковъ «Эрнани,» старовѣровъ и нестаровѣровъ. Нынче, споръ идетъ уже не о томъ; никто уже не взываетъ къ прошедшему для сопротивленія расколу, никто уже не воюетъ ни за Аристотельскіе законы, ни за военную выправку Александрійскаго стиха, и литературная діалектика уже не во имя Цицины и Британника нападаетъ на драматическія произведенія Г. Виктора Гюго. Всѣ попытки, какъ бы смѣлы онѣ ни были, возбуждаютъ нынче всеобщее участіе. Г. Гюго обѣщалъ возродить театръ, и ему предоставлена полная свобода выполнить мысль свою. Къ чему же, смѣявшись надъ

негодованіемъ толпы, презиравъ всякое сравненіе, вздумалъ онъ, устами учениковъ своихъ, отвергать права критики? Въ этомъ и состоитъ единственная мысль всѣхъ царедворцевъ этого литературнаго властелина: это для него сладостнѣйшее изъ ласкательствъ, и этимъ именно его всякое утро утѣшаютъ и привѣтствуютъ.

«Для драматической верховной власти, еще очень недавно родившейся и еще не освященной всеобщею покорностію, это ужъ слишкомъ отважно!

«Г. Гюго не происходитъ ни отъ кого, кромѣ самого себя; у него нѣтъ предковъ, не будетъ и наслѣдниковъ. Онъ хочетъ быть уважаемъ какъ основатель новой династіи въ поэзіи, но никому не обѣщаетъ занимаемаго имъ трона. Послѣ него поэтическіе народы будутъ погружены въ мракъ и смятеніе. И вотъ почему разсмотрѣніе его дѣйствій — не что иное какъ богохульство. Кто смѣетъ судить объ немъ, тому анаѳема. А вы знаете, что у новообращенныхъ отъ анаѳемы до побитія каменьемъ очень не далеко!

«Вступленіе Г. Виктора Гюго на престолъ Французской поэзіи послѣдовало лѣтъ восемь назадъ: онъ самъ возвѣстилъ объ этомъ манифестомъ,—въ предисловіи къ Кромвелю.

«Такъ какъ я не имѣю пріѣзда ко двору Г. Виктора Гюго, то долженъ былъ распрашивать приближенныхъ его литературнаго величества, въ чемъ именно состоитъ ученіе о неспособности критики судить объ его дѣяніяхъ. Вотъ что узналъ я. Понимать Г. Гюго значитъ одобрять его безусловно, и наоборотъ. Разсматривать достоинство его произведеній, сожалѣть объ отсутствіи въ его драмахъ вѣроподобія, чувствовать несообразности, не восхищаться заказною странностью метафоръ — значитъ покаяться въ невѣжествѣ, признаться, что вы еще не посвящены въ таинства. Но вамъ, вѣроятно, любопытно было бы узнать, въ чемъ состоитъ это посвященіе. Такъ и быть, я не поступлю, какъ Фонтенель: правая рука моя полна истинами, — я не зажму ея. Чтобы постигнуть таинственный смыслъ драмъ Г. Виктора Гюго, надобно прежде всего хорошенько обдумать слова Магомета — «Вѣрьте, или я васъ всѣхъ велю посадить на колъ». Великій пророкъ Викторъ Гюго, изволите видѣть, требуетъ почитанія нераздѣльнаго, вѣры полной,

пылкой, А—рабской, покорности безграничной. Если вы еще сохраняете ересическое уваженіе къ какимъ-нибудь знаменитымъ покойникамъ или къ именамъ, славящимся попыпѣ, то не ищите чести посвященія: вы не достойны, чтобы на васъ низошла благодать, вы напрасно стали бы размышлять, и долговременнымъ, трудолюбивымъ чтеніемъ приготовляться къ постиженію его вѣщаній; вы никогда не дойдете далѣе смысла буквальнаго и мертваго; ясновидѣніе ваше не проникнетъ духа новаго закона. Выметите, какъ не нужный соръ, всѣ воспоминанія, толпящіяся въ святилищѣ вашей мысли; вычеркните изъ книги вашей совѣсти всѣ свѣтлыя имена, которыя въ продолженіе тридцати вѣковъ, являлись въ человѣческомъ семействѣ; смиритесь предъ своимъ ничтожествомъ; пожалѣйте о прошедшемъ, въ которомъ Г. Виктора Гюго еще не было; порадуйтесь за вѣки грядущіе, въ которыхъ онъ будетъ жить, и вы сопричтетесь къ ученикамъ его.

«Онъ откроетъ вамъ то, чего не вѣдаетъ толпа безсмысленная: отчего, напримѣръ, имѣя подъ руками событія и людей, переданныхъ намъ Исторіею, онъ нисколько до нихъ не касается; зачѣмъ передѣлываетъ онъ по своему поколѣнія давно минувшія, которыя ученые считали извѣстными и о которыхъ они ровно ничего не знали. Онъ скажетъ вамъ, отчего покинулъ онъ исторію Испаніи въ XVII вѣкѣ, изъ которой хотѣлъ-было что-то сдѣлать. Оттого, что объ этой эпохѣ Испанской исторіи, во Французскихъ библіотекахъ есть только достовѣрные документы, оффиціяльные памятники, но нѣтъ ни одного пасквиля, ни одной трактирной пѣсни, ни одной сатиры, написанной какимъ-нибудь прогнаннымъ придворнымъ или продажною прелестницею. Стыдъ и срамъ падетъ на голову правительства, которое не потрудится доставить Г. Гюго эти безцѣнныя пособія и помочь ему писать по нимъ драмы. О чемъ же хлопочутъ эти Палаты? Стряпаютъ финансовые законы, между-тѣмъ какъ имъ бы слѣдовало посвятить себя служенію Г. Гюго. Каково вамъ кажется прошеніе, поданное въ Палату Депутатовъ о томъ, чтобы Французскій посланникъ въ Мадритѣ уполномоченъ былъ порыться въ тамошнихъ библіотекахъ? Секретарямъ посольства, вмѣсто того, что любезничать въ Прадо, придется от-

нынѣ собирать эту слизистую искру, которую Г. Гюго намѣренъ оплодотворить своимъ геніемъ!

Вы узнаете, что, когда представляютъ его драму, помыслямъ поэта, помысламъ священнымъ и неприкосновеннымъ, нѣтъ ни какого дѣла до негодованія зрителей. Риѳмы, которыя онъ, по благости своей, собираетъ для нашего наслажденія и назиданія, не подлежатъ оцѣнкѣ нашего вкуса. Въ театрѣ, онъ собственно отворяетъ намъ двери дворца своего, зажигаетъ для ослѣпленныхъ глазъ нашихъ люстры и канделабры галерей своихъ: мы у него въ гостяхъ; онъ допускаетъ насъ на свои пиры, и намъ нейдетъ охуждать устройство этого празднества. Будьте довольны или сидите дома. Если вы вздумаете чертить углемъ каррикатуры на стѣнахъ палатъ, смѣяться надъ танцами, распрашивать какъ старо вино, которое подаютъ вамъ, — вы неучъ, невѣжда, человѣкъ невоспитанный, — извольте убираться вонъ.

«Правда, что воля Г. Виктора Гюго объявляется не имъ, а его учениками, но она не менѣе того тверда и непреклонна. Критика знаетъ, чего ей ожидать, и если вздумаетъ опять приняться за разсужденіе, то должна пенять сама на себя.

«Между-тѣмъ и теперь еще есть не одна упрямая совѣсть, не одна упорная память, которыя осмѣливаются сравнивать Виктора Гюго съ Корнелемъ и даже не краснѣютъ отъ этого святотатства. Иные, самые дерзкіе, доходятъ даже до того, что требуютъ отъ него отчета въ обязанностяхъ, принятыхъ имъ на себя въ 1827 году. Вы, говорятъ они, обѣщали намъ обратить исторію въ драму, а съ тѣхъ поръ какъ сцена принадлежитъ вамъ, исторія для вашего надменнаго генія какъ-будто не существуетъ. Неужели же вы хотѣли усыпить насъ сказками, чтобъ во время сна нашего возложить на главу свою вѣнецъ поэзіи?

«Но нѣтъ ли какихъ-нибудь средствъ доказать право публики судить о произведеніяхъ Виктора Гюго? Я изложилъ съ дипломатическою точностью ученіе, принятое при дворѣ его, и теперь долженъ высказать съ такою же искренностью мнѣніе большинства, которое то же кое-что знаетъ о предметахъ, его занимающихъ.

«Если бы Г. Гюго, вмѣсто того, чтобы выкраивать изъ

исторіи драмы и романы или, лучше сказать, занимать изъ лѣтописей названія своихъ драмъ и романовъ, назывался Галилеемъ, Ньютономъ или Гершелемъ; если бы онъ провелъ лучшіе годы свои въ трудолюбивомъ уединеніи, и вдругъ явился бы свѣту съ новою теоріею небесной механики, — о, тогда онъ могъ бы сказать толпѣ—Ты не въ правѣ судить обо мнѣ. Если бы онъ для собственнаго своего, скупаго и жаднаго, глаза составилъ рѣдкія и не извѣстныя свѣту увеличительныя стекла; если бы онъ основалъ на своихъ собственныхъ открытіяхъ формулы неопровержимыя, онъ также безъ сумасбродства могъ бы сказать, даже и небольшому числу ученыхъ—Вы не имѣете права судить обо мнѣ; вы не знаете, съ чего я началъ; не знаете, по какимъ путямъ, мною самимъ проложеннымъ, прошелъ я; молчите и ждите. Но ткань, на которой фантазія Г. Виктора Гюго выводитъ всѣ дивные узоры, въ рукахъ у каждаго. Онъ не изобрѣлъ ни семейства, ни отечества; не создалъ чувствованій, которыя приводятся имъ въ движеніе. Основа, надъ которой онъ трудится иголкою, или шелковая, или шерстяная. Онъ не похищалъ руна таинственнаго барана, чтобы изъ него соткать свою багряницу. Мѣдь, изъ которой выливаетъ онъ свои статуи, почерпнута изъ рудника, не для него одного, но и для всѣхъ насъ доступнаго. Пусть онъ придаетъ металлу ученыя формы, пусть запечатлѣваетъ свое твореніе печатью всемогущаго генія; но если статуя, подъ которою онъ подписываетъ свое имя, изображаетъ одного изъ насъ, ваятель необходимо долженъ подвергнуться нашему суду. Если герои его не принадлежатъ ни къ какой странѣ, ни къ какой породѣ, равнодушная толпа не приметъ даже на себя труда забыть ихъ: она не станетъ на нихъ смотрѣть.

«Если критика не имѣетъ права судить о Г. Викторѣ Гюго, какъ увѣряютъ его послѣдователи, то драмы учителя необходимо должны быть выше человѣчества, — то есть, божественны или чудовищны. Въ неумолимой дилеммѣ, въ которую пововодитель заключается, есть только эти два трудные выхода.

«Не мудрено понять, что души робкія и доброжелательныя почтительно преклоняются передъ важною осанкою

Г. Гюго ; что умы юные и склонные къ энтузіазму принимаютъ волю за могущество и прилѣпляются къ судьбѣ отважнаго нововводителя; что тупеядныя гордости обвиваются вокругъ надменности учителя и тщеславятся его надеждами: все это очень просто, и могло быть предвидѣно. Вокругъ нововводителей всегда собирается толпа шумящихъ любопытныхъ, которые сами не сражаются, а только глядятъ на сражающихся; не устремляются на встрѣчу мечей, но мужественно проклинаютъ побѣжденнаго еще прежде его паденія, и благодарятъ небо за торжество, не стоившее имъ ни какихъ опасностей. Но умы независимые имѣютъ полное право защищать закладъ свой, а въ спорѣ между критикою и поэтомъ, закладомъ служитъ достоинство ума человѣческаго.

«И вотъ почему мы намѣрены говорить объ Анджело съ полною свободою и откровенностію.

«Не всѣ характеры въ этой пьесѣ одинакимъ образомъ развиты; Анджело и Родольфо не такъ рѣзко выставляются, какъ Тисбе и Катерина. Ясно видно, что авторъ хотѣлъ въ особенности обратить вниманіе на этихъ двухъ женщинъ. До поднятія занавѣса услужливые друзья автора строгимъ и торжествующимъ голосомъ говорили: «Нынѣшній разъ, господа, вы будете удивлены какъ нельзя болѣе. Гюго низпровергнетъ всѣ предсказанія; онъ покажетъ вамъ, до чего можно дойти въ анализѣ страстей. Онъ мало дѣйствуетъ на чувства, но за то съ неожиданною смѣлостію роется въ человѣческомъ сердцѣ.» Во всемъ театрѣ не было ни одного зрителя, который бы не торопилъ своими желаніями исполненія этого дивнаго обѣщанія. Но посмотримъ, не обманулось ли дружество.

Тисбе — актриса; она возбуждаетъ восторгъ и зависть; она богата, изобрѣтательна въ расточительности; но она печально раздѣляется между двумя любовями: она откровенно — любовница Анджело, который тиранствуетъ въ Падуѣ отъ имени Венеціянской республики; но эта великолѣпная ливрея, какъ свинецъ давитъ ей грудь. Сердце ея навсегда принадлежитъ Родольфу, который подъ именемъ ея брата, живетъ вмѣстѣ съ нею. Но какъ и для чего заключила она этотъ постыдный торгъ? Какъ рѣшилась она продать кра-

соту свою? Мы этого не знаемъ. Гордость или нищета повергли ее въ объятія Анджело? Предавъ тѣло, не сохранила ли она души своей? Не хочетъ ли она усмирить своими ласками разъяреннаго тигра, который терзаетъ Падую? Не скрываетъ ли она подъ безпечною прелестницею мстительной Юдиѳи? Поэтъ намъ этого не сказываетъ. Тисбе терпитъ справедливое наказаніе: тотъ, кого она любитъ, ее презираетъ. Родольфъ, котораго она хотѣла бы приковать къ себѣ, за которымъ она ревниво присматриваетъ, за которымъ она безпрерывно слѣдуетъ, съ надменнымъ отвращеніемъ принимаетъ ея докучныя ласкательства. Онъ хотѣлъ бы сбросить съ себя эту любовь, какъ изношенное платье. Какія черты составляютъ характеръ Тисбе? Что таится въ глубинѣ души ея? Романическая ли преданность, или эгоизмъ развратницы? Что любитъ она въ Родольфѣ? Красоту ли, юность, или мужество? Покинутаго ли хочетъ она утѣшить, или гордаго заставить пасть къ стопамъ своимъ? Не думаю, чтобы кто-либо въ состояніи былъ рѣшить эти вопросы.

«Катерина, въ ранней юности обвѣнчанная съ Анджело, всякой день призываетъ, какъ небесное видѣніе, милый образъ одного кавалера, котораго она нѣкогда знала и снова неожиданно встрѣтила на балѣ. Она безъ гнѣва, но не безъ слезъ, терпитъ непреклонную власть мужа. Она не можетъ безъ страха слышать голосъ своего повелителя, но питаетъ религіозное уваженіе къ клятвѣ, ею данной. Она страдаетъ безмолвно, и не видитъ, что концемъ ея страданій могло бы быть преступленіе. Увидѣвъ снова любовника, котораго поцѣлуи представлялись въ мечтахъ ея, она съ дѣтскою непредусмотрительностію предается благополучію. Полагаясь на чистоту свою, она не можетъ вѣрить мщенію, которое носится надъ ея головою; она не постигаетъ наказанія за вину, которой не сдѣлала.

«Анджело, намѣстникъ, поставленный Венеціянскою республикою, желѣзнымъ жезломъ управляетъ въ Падуѣ. Какъ превосходный теоретикъ, онъ хладнокровно объясняетъ самъ себѣ всю мерзость своего деспотизма. Онъ разитъ, чтобы не быть пораженъ. Онъ налагаетъ на стенящій городъ неумолимую свою руку; онъ слишкомъ робокъ, чтобы рѣ-

шиться на милость, которой ему не простили бы. Онъ тиранъ подчиненный и преданный властелинамъ, отъ которыхъ посланъ; трепещущая рука его не могла бы подписать приказа о помилованіи. Онъ знаетъ, что отмѣна смертной казни навсегда погубила бы его въ мнѣніи Совѣта Десяти. Онъ не заблуждается на счетъ внушаемаго имъ ужаса. Онъ самъ себя стыдится, и старается пріобрѣсть любовь Тисбе, вѣроятно для того, чтобы заглушить крики своего развращеннаго сердца. Онъ покупаетъ красоту ея, и хочетъ, чтобы она любила его за его деньги. Но его, какъ и большую часть богатыхъ эгоистовъ. обманываютъ какъ глупца.

«Родольфо, которому Тисбе наскучила, преслѣдуетъ Катерину, жену тирана; но въ объятіяхъ прелестницы онъ не научился искусству покорять упорную добродѣтель. Въ немъ вся неопытность разврата. Полюбивъ Катерину, онъ вступилъ въ міръ, для него новый. Безразсудная его пылкость не устраняетъ опасностей, но только умножаетъ ихъ.

«Вотъ лица, изъ которыхъ Викторъ Гюго составилъ свою новую драму. Никогда еще, я думаю, нерѣшительность характеровъ не вела прямѣе этого къ нерѣшительности самого сюжета. Разборъ Анджело есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ, которыя разсудокъ можетъ предложить себѣ.

«Послѣ объясненія Анджело съ Тисбе, сцены живой, нѣжной, замысловатой, изящной, является таинственый человѣкъ, шпіонъ Совѣта Десяти, Омодеи, и проникаетъ горесть Тисбе. Она одна; онъ свободно подходитъ къ ней, какъ-будто давно знакомъ съ нею. Онъ предлагаетъ и обѣщаетъ ей доказать невѣрность Родольфа. Тисбе, не страшась гнѣва Анджело, признается незнакомому человѣку и въ любви своей, и въ ревности. Ей надобно только получить отъ Анджело ключъ, который отворяетъ всѣ двери. Омодеи уходитъ, и Тисбе выманиваетъ всемогущій ключъ. Эта сцена, такъ же какъ и первая, хорошо приведена и хорошо расположена. Въ первомъ дѣйствіи замѣтна тщательность выраженія, необыкновенная у Г. Виктора Гюго. Но надежды слушателей были вскорѣ обмануты: три слѣдующіе акта прежалки. Не достаетъ духу ихъ разсказывать, и не рѣшаешься порицать при видѣ этой звонкой и надменной ничтожно-

сти, которая старается прикинуться драмою и только оглушаетъ.

«Тисбе входитъ къ Катеринѣ; по безпокойству, изображенному на лицѣ супруги Анджело, она угадываетъ, что Родольфо тутъ, хоть и не видитъ его; но она когда-то поклялась умирающей своей матери быть преданною тому, у кого окажется крестикъ, который какъ святыня переходилъ въ ихъ домѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, исразъ былъ обливаемъ дѣтскими ея слезами, и отданъ какой-то неизвѣстной особѣ въ знакъ благодарности. Этотъ крестикъ передъ нею; она видитъ его у Катерины. Ревность ея вдругъ умолкаетъ предъ непарушимою клятвою. Анджело входитъ, и пылкая Тисбе, вмѣсто того, чтобы обличить передъ нимъ свою соперницу, Катерину, говоритъ ему о какомъ-то выдуманномъ заговорѣ.

Но плащъ Родольфа, который забыли спрятать, потому что въ драмахъ всегда забываютъ плащи, обвиняетъ Катерину въ глазахъ мужа. Тисбе уводитъ Анджело, чтобы дать соперницѣ своей время спасти своего любовника, но тиранъ неумолимъ: онъ хочетъ смерти жены своей, и требуетъ у любовницы яда вѣрнаго и быстраго. Тисбе является великодушною до конца. Она убѣждаетъ Катерину выпить ядъ, и замѣняетъ его сильнымъ усыпительнымъ. Опіумъ теперь въ модѣ: его покупаютъ всѣ въ Англійской лавкѣ, у Вилліама Шекспира. И какъ Шекспировскій опіумъ отличной доброты, то Катерина ту же минуту погружается въ сонъ. Готова могила, которая должна принять ее, готовъ и саванъ, въ который облекутъ усопшую, и Анджело веселится своею местью, считая ее полною.

«Катерина перенесена къ Тисбе: супруга Анджело, рѣшившаяся пожертвовать жизнію, лежитъ безъ чувствъ на постели его любовницы. Родольфо, узнавъ о казни любимой имъ женщины, прибѣгаетъ къ Тисбе. Онъ яростнымъ, прерывистымъ голосомъ ее распрашиваетъ; онъ требуетъ отъ нея жизни, которую она прервала. Тисбе произноситъ слова гнѣва и ненависти къ своей соперницѣ. Родольфо болѣе не сомнѣвается: онъ закалываетъ Тисбе, и едва только она испустила послѣднее дыханіе, какъ Катерина вдругъ пробуждается и бросается въ объятія Родольфа.

«Позвольте васъ спросить: что это такое, если не буль

варная мелодрама? Перечтемъ по пальцамъ: ключъ, крестикъ, плащъ, баночка съ ядомъ, опіумъ, наружная смерть, и вдругъ прыжокъ изъ гроба въ объятія любовника. Не полный ли финалъ репертуара, прославившаго бульварные театры! Тиранъ, прелестница, сбиръ, шпіонъ, — все тутъ есть. Омодеи, который зажегъ пожаръ, убитъ въ половинѣ пьесы, по точному примѣру жида въ Маріи Тюдоръ. Анджело уже не является, какъ скоро жена его заснула сномъ, который, какъ онъ надѣется, будетъ вѣчнымъ. Точь-въ-точь сказка «Рауль Синяя-Борода!»

«Путь, пройденный Г. Викторомъ Гюго отъ Гернани до Анджело, чрезвычайно длинепъ. Какимъ образомъ Г. Гюго спустился съ высотъ лирической поэзіи до подмостковъ мелодрамы? Какимъ образомъ, возвѣстивъ при звукѣ трубномъ вступленіе исторіи на театръ, дошелъ онъ до того, что созпдалъ для празднаго любопытства лица, которыя не принадлежатъ ни какой странѣ, ни какому времени.? Правда ли, какъ разглашаютъ его пріятели, что онъ съ намѣреніемъ нарушаетъ исторію, или что онъ безпрерывно искажаетъ ее для того, чтобы поддерживать интересъ и производитъ неожиданныя развязки? Но если это признаніе искреннее, то оно не что иное какъ признаніе въ немощности. Драматическое искусство въ рукахъ Г. Виктора Гюго сдѣлалось ученымъ искусствомъ фокусъ-покусовъ. Актеры его между безчисленными дверями размалеванной холстины, играютъ ту же самую роль, какъ шарики подъ стаканами.

«Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, Шекспиру и Шиллеру, было просторно посреди историческихъ и героическихъ преданій. Отъ Электры до Валленштейна ни одинъ великій поэтъ не пренебрегалъ исторіею, какъ плащемъ слишкомъ узкимъ для него. Но сквозь эту дырявую падменность проглядываетъ жалкое намѣреніе. Г. Викторъ Гюго избѣгаетъ исторіи не для того, чтобы владычествовать надъ нею, но для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ увернуться и отъ человѣчества, которое, во всѣхъ эпохахъ своего существованія, повинуется законамъ постояннымъ и непреодолимымъ. Придавая Италіи XVI вѣка правы небывалые, онъ собственной своею властію даетъ себѣ право создавать лица нигдѣ

невиданныя. Онъ уважаетъ только декораціи и костюмъ. Лишь бы только предоставили въ его распоряженіе готическую залу и полдюжины шитыхъ камзоловъ, онъ разомъ, кстати или не кстати, приведетъ вамъ свою вѣчную антитезу,—страсть въ порокѣ и великодушіе въ униженіи. Лукреція Борджія, Марія Тюдоръ и Анджело принадлежатъ къ одному семейству,—но только не къ семейству рода человѣческаго. Это цѣлое поколѣніе болтливыхъ чудовищъ. Дочь Александра VI перемѣнила роль, и называется Тисбе. Марія Тюдоръ перемѣнила роль, и называется Анджело. Первообразы этихъ невозможныхъ трагедій расположены въ воображеніи Г. Виктора Гюго какъ штемпели собранія монетъ. Когда нужно отчеканить изображеніе героя или прелестницы, ему стоитъ только перемѣнить имя; рѣзецъ остается праздными не углубляется въ сталь. Одинъ неизмѣнный профиль, служитъ для всѣхъ знаменитостей и для всѣхъ распутствъ.

«Послѣ этого, критикѣ остается только одно оружіе противъ драматическихъ произведеній Г. Виктора Гюго: это оружіе—молчаніе. Когда пренія не будутъ болѣе производить шума вокругъ мелодрамъ, которыя онъ бросаетъ на сцену, онѣ по справедливости сдѣлаются добычею равнодушія и скуки. Лишившись противниковъ, онъ принужденъ будетъ отступать.»

Мы нарочно заставили говорить все время Г. Густава Планша, чтобъ тѣ, которые у насъ слѣпо раболѣпствуютъ передъ именемъ Виктора Гюго, видѣли, какъ объ немъ судятъ теперь въ самомъ Парижѣ. Самое изложеніе содержанія этой драмы показываетъ всю ея нелѣпость. О нравственности и говорить нечего. Если авторъ имѣлъ въ виду какое-нибудь нравоученіе, такъ развѣ то, что наложница—существо добродѣтельнѣе самой добродѣтельной жены. Другаго вывода нельзя сдѣлать изъ этой исторіи. Г. Планшъ однако забываетъ сказать, что въ новой драмѣ Г. Виктора Гюго есть мѣста, отличающіяся большимъ тсатральнымъ эффектомъ. Сцена, въ которой Анджело, послѣ мнимой смерти Катерины, отдаетъ приказанія объ ея погребеніи и въ то самое время объясняетъ рѣщику подробности своего герба, должна поражать зрителей. Въ чтеніи, она несносна, тѣмъ болѣе, что это пошлое средство производить ужасъ

помощію искусственнаго смѣшенія погребальныхъ обрядовъ съ пустяками, уже надоѣло и не ново даже въ драмахъ самого Г. Гюго.

2. Le Monomane, *Помѣшанный на одной точкѣ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Дюверіе.

Этотъ Г. Дюверіе, съ позволенія сказать, сенсимонистъ. Проповѣдавъ долгое время новую религію, онъ наконецъ замѣтилъ, что новыя религіи нынче не въ ходу, и, по примѣру многихъ своихъ сотоварищей сенсимонистовъ, рѣшился быть полезнымъ чѣмъ-нибудь свѣту. Оттого онъ сталъ писать мелодрамы, и теперь, для вящшей пользы, написалъ «Помѣшаннаго на одной точкѣ».

Парижскіе критики хлопочутъ, чтобы пропикнуть «высокій тайный смыслъ» драмы Г. Дюверіе, а это просто пошлая нелѣпость, одна изъ тѣхъ пошлыхъ нелѣпостей, которыя порождаются сотнями въ больныхъ мозгахъ, откуда выходитъ большая часть новѣйшихъ драматическихъ произведеній во Франціи. Герой драмы Г. Дюверіе, — уже второй драмы,—человѣкъ пораженный кровожаднымъ помѣшательствомъ. Вы знаете, что дѣлаютъ этого рода помѣшанные! Печальные, суровые, они рѣжутъ въ лѣсу дѣтей, убиваютъ въ одинъ и тотъ же вечеръ у камина отца, жену, все свое семейство. Это несчастные, у которыхъ воспитаніе не сгладило шишекъ черепа! Теперь положимъ, что этотъ несчастный, на основаніи законовъ френологіи непреодолимо наклоненъ къ убійству, кровопролитію, а между-тѣмъ правила нравственности и добродѣтели, почерпнутыя въ воспитаніи, безпрестанно твердятъ ему, что проливать кровь, убивать—грѣшно, какая борьба начнется въ немъ между человѣкомъ природнымъ и человѣкомъ искусственнымъ. Какое соглашеніе произойдетъ между его правилами и его инстинктомъ? Это именно сенсимонистъ Дюверье и хочетъ показать въ своей драмѣ, и показать посредствомъ способа самаго убѣдительнаго и безошибочнаго,—сомнамбулизма. И если ужъ доводы Френологіи, доводы сомнамбулизма, театральныя истины, на васъ не подѣйствуютъ, то вы невѣрный, и никогда не сдѣлаетесь сенсимонистомъ. Тогда вы заслуживаете только, чтобы васъ

безъ вины отправилъ на висѣлицу такой прокуроръ, каковъ Г. Балтазаръ, помѣшанный на одной точкѣ. Благоволите быть извѣстны, что философическая драма Г. Дюверіе есть не только манифестъ противъ смертной казни, любимая тема сенсимонистовъ и Г. Виктора Гюго, но и манифестъ противъ всякаго человѣческаго правосудія, тоже любимая тема вышерѣченнаго философа, Г. Виктора Гюго и другихъ философовъ того же прихода. Г. Дюверіе хочетъ показать вамъ, что есть люди, родившіеся съ желвакомъ убійства, невольно жаждущіе причинять смерть другимъ, и вы можете сами вообразить, что будетъ, ежели такого помѣшаннаго, что весьма вѣроятно, сдѣлаютъ прокуроромъ или засѣдателемъ при какомъ-нибудь уголовномъ судѣ. Тогда—бѣда невиннымъ! Такой прокуроръ или судья отправитъ на висѣлицу всѣхъ подсудимыхъ, виновныхъ и невинныхъ. И вотъ почему юстиція и суды должны быть уничтожены. Что вы можете сказать противъ этого?

Балтазаръ—прокуроръ при Кольмарскомъ уголовномъ судѣ, и слыветъ чиновникомъ отличнымъ, честнымъ, строгимъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Твердость Балтазара вскорѣ подвергается испытанію. Законъ постигаетъ одного преступника, который самъ повинился въ отравленіи. Напрасно Леонтина, обожаемая Балтазаромъ жена, тщетно старый докторъ Симонъ, опекунъ Леонтины, и племянникъ его докторъ Клоде, просятъ его остановить приговоръ, пославъ прошеніе къ королю о помилованіи: онъ не соглашается, потому что у него есть на черепѣ шишка убійства. И подѣломъ! Этотъ преступникъ самъ во всемъ признался, самъ разсказалъ подробно всѣ обстоятельства своего злодѣянія и привелъ доказательства. Прокуроръ долженъ былъ требовать для него смертной казни; судъ исполнилъ свое дѣло, приговоривъ его къ смерти; обвиненному остается только помириться со своей совѣстью, а не ожидать помилованія за отравленіе. Но Г. Дюверіе не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Вотъ что придумалъ Г. Дюверіе, чтобы помрачить поведеніе столь прямое и столь честное. Онъ привелъ ясновидящую, которая во время своего сна объявляетъ, что обвиненный невиненъ. Жалкое средство! Право, оракулы

древнихъ трагедій несравненно лучше этого. Балтазаръ не хочетъ вѣрить ясновидящей, и требуетъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ. Приговоръ исполняется, и повторяемъ, весьма законно: преступникъ самъ признался въ отравленіи.

Между-тѣмъ изъ Парижа получается письмо, въ которомъ невинность казненнаго подтверждается: преступникъ не онъ. И въ то самое время, нѣкто Патруччіо упалъ съ лошади, разбился, и его принесли къ доктору Симону, который живетъ у своего зятя, прокурора Балтазара. Балтазаръ пораженъ этими исторіями; въ умѣ его бродятъ страшныя грезы, и ночью, въ припадкѣ лунатизма, онъ съ закрытыми глазами встаетъ съ постели, беретъ одинъ изъ хирургическихъ инструментовъ молодаго доктора Клоде, который тоже живетъ у него, и отправляетъ Патруччіо на тотъ свѣтъ. Все это, какъ изволите видѣть, потому, что у прокурора Балтазара есть на головѣ шишка. Онъ умерщвляетъ виновныхъ и невинныхъ, днемъ и ночью,—днемъ посредствомъ юстиціи,—ночью, прогуливаясь во снѣ по дому.

На другой день поднимается шумъ: являются жандармы и слѣдственный судья, начинаются допросы и протоколы. Балтазаръ, и не подозрѣвая самого себя въ убійствѣ, непремѣнно хочетъ отыскать преступника. Искусство его является въ разысканіи слѣдовъ преступленія, и подозрѣнія падаютъ на Г. Клоде, который эту ночь не ночевалъ дома. Улики очень сильны, а между тѣмъ Г. Клоде совершенно невиненъ; онъ не только ничего худаго не сдѣлалъ въ эту ночь, но еще занимался, по мнѣнію Г. Дюверіе, преполезнымъ и достопохвальнымъ дѣломъ—заговоромъ противъ существующаго во Франціи порядка. И вотъ невинный Клоде взятъ подъ стражу, по приказанію Г. Балтазара, который будетъ имѣть удовольствіе повѣсить еще одного невиннаго, и притомъ своего роднаго и короткаго пріятеля,—а все потому, что онъ, Г. Балтазаръ, помѣшанный на одной точкѣ и сверхъ того прокуроръ.

Г-на Клоде приводятъ въ судъ. Балтазаръ произноситъ противъ него прекрасную рѣчь, и требуетъ смертной казни, и тутъ начинается сцена, противная всѣмъ правиламъ

судопроизводства. Является старый докторъ Симонъ, требуетъ, чтобы засѣданіе объявлено было секретнымъ, и предсѣдатель на это соглашается. Къ чему же это? Докторъ Симонъ, зная, что у Балтазара на головѣ подъ парикомъ, есть шишка убійства, и что онъ подверженъ припадкамъ сомнамбулизма, начинаетъ магнетизировать его въ полномъ присутствіи. Симонъ проводитъ два раза руками передъ лицемъ прокурора, тотъ засыпаетъ, и во время сна магнитически пишетъ признаніе въ своемъ преступленіи. Удивительно, какъ семейно отправляется въ Кольмарѣ юстиція. Вслѣдъ за этимъ, предсѣдатель и судьи взяли шляпы и разошлись.

Министръ юстиціи узнаетъ въ Парижѣ эту Кольмарскую исторію; онъ приказываетъ сомнамбулу-прокурору ѣхать для здоровья путешествовать; родные совѣтуютъ ему тоже, но требуютъ, чтобы онъ ѣхалъ одинъ, безъ жены и безъ дочери: они узнали, что помѣшанный на одной точкѣ Балтазаръ во снѣ не разъ покушался умертвить и жену и дочь. Балтазаръ упрямится, и не хочетъ ѣхать одинъ. Но вечеромъ, при послѣднемъ свиданіи съ женою, ему приходитъ такая страшная охота задушить бѣдную Леонтину ея же волосами, что онъ отравляетъ себя, выпивая склянку опіума, которая была у него спрятана въ колыбели его дитяти.

Послѣдняя черта этого сбора нелѣпостей, которому приписываютъ «высокую философію», показываетъ только въ Балтазарѣ человѣка самаго честнаго, одареннаго величайшею добродѣтелью: какъ судья, онъ былъ строгъ и справедливъ, пока не зналъ пагубныхъ свойствъ своего сомнамбулизма;—теперь узнавъ объ нихъ, онъ лишаетъ себя жизни, чтобы не сдѣлаться преступникомъ, съ сознаніемъ возможности этого. Такъ что же значитъ манифестъ Г. Дюверіе противъ человѣческаго правосудія?

«Помѣшанный на одной точкѣ» былъ выслушанъ до конца съ большимъ вниманіемъ. Въ числѣ зрителей находилось множество сенсимонистскихъ бородъ. Представленіе продолжалось цѣлыхъ семь часовъ, и эту прекрасную пьесу даютъ часто въ Парижѣ.

5. La traite des noirs, *Торгъ неграми*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, съ большимъ спектаклемъ и балетомъ, Гг. Денойе и Альбуаза.

Извѣстно, что, подражая Англичанамъ, Французы принялись нынче толковать съ удивительнымъ жаромъ, и въ палатахъ и въ журналахъ, о невольничествѣ негровъ во Французскихъ колоніяхъ, хотя во всѣхъ необозримыхъ Французскихъ колоніяхъ негровъ—невольниковъ состоитъ на лице не болѣе сорока штукъ. Всѣ хлопочутъ о томъ, какъ бы отыскать поболѣе добродѣтелей у черныхъ, поболѣе пороковъ у бѣлыхъ; многіе даже стараются доказать, что все бѣлое,—за исключеніемъ только бѣлыхъ негровъ,—недостойно жизни; что бѣлый честный человѣкъ не что иное какъ негръ больной или слишкомъ старый, чтобы быть чернымъ; что на нашей бѣлой сторонѣ всѣ низости и пороки, а на ихъ черной сторонѣ всѣ чувства благородныя и великодушныя.

Не должно будетъ и удивляться, если послѣ всѣхъ этихъ рѣчей, пасквилей, драмъ, мелодрамъ, романовъ и повѣстей въ пользу черныхъ и противъ бѣлыхъ, всѣ Парижане вдругъ вымажутъ себѣ лица Англійскою ваксою, чтобы однажды навсегда перестать быть бѣлыми. И теперь ужъ, особенно послѣ прекрасной рѣчи Г. Изамбера въ Палатѣ Депутатовъ, Парижанки, отличающіяся любовью къ совершенствованію человѣчества и къ движенію, берутъ любовниковъ не иначе какъ изъ негровъ.

Если мы излагаемъ всѣ эти глупыя драмы и мелодрамы, всѣ эти выходки противъ судебной власти, противъ брака, противъ бѣлыхъ,—то единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы образумить страстныхъ обожателей новѣйшей Французской словесности, показавъ, до какой степени умственнаго униженія и безпорядка въ мысляхъ дошелъ въ этой странѣ классъ, владѣющій перомъ и служащій представителемъ общественнаго ума.

Капитанъ Леонаръ помѣшанъ на неграхъ точно такъ же, какъ прокуроръ Балтазаръ помѣшанъ на убійствѣ. По какому-то случаю капитанъ Леонаръ взялъ къ себѣ на корабль грузъ негровъ; но при самой сдачѣ товара по при

надлежности, онъ сажаетъ всѣхъ своихъ негровъ на шлюпки, а корабль его тонетъ.

Адмиралъ Леонара, бывъ свидѣтелемъ этого поступка, могъ бы велѣть разстрѣлять его: таковъ морской законъ. Но онъ только лишаетъ его чиновъ, и тутъ капитанъ Леонаръ принимается проклинать все бѣлое: бѣлыхъ адмираловъ, бѣлыхъ прокуроровъ, бѣлые суды, бѣлое общество. Онъ клянется въ вѣчной непримиримой ненависти ко всѣмъ учрежденіямъ бѣлымъ и бѣлесоватымъ, и на первый случай набираетъ ватагу негровъ, и дѣлается пиратомъ, бѣло-чернымъ.

Чтобы имѣть бѣлый корабль, Леонаръ, предводительствуя своими неграми, умерщвляетъ Богъ-вѣсть сколько Англійскихъ матросовъ и офицеровъ, хотя, принимая въ должное соображеніе ихъ мундиръ, они бѣлы только отъ шляпы до галстуха, а далѣе до самыхъ пятъ красны. Спрашивается, что бы онъ сдѣлалъ съ Австрійцами, которые бѣлы и лицемъ и мундиромъ!

Леонаръ называетъ корабль свой «Правосудіемъ,» и пускается воевать на морѣ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, негромъ Баркамомъ. Этотъ господинъ Баркамъ—негръ очень свирѣпый, но очень благородный. Готовясь на опасности, онъ хочетъ еще разъ повидаться въ Африкѣ съ своимъ отцемъ, своею женою и своимъ королемъ; отцемъ чернымъ, женою черною, и королемъ тожъ. Баркамъ пріѣзжаетъ на родину въ то самое время, когда король его продаетъ своихъ черныхъ подданныхъ одному честному купцу, который осматриваетъ ихъ съ ногъ до головы, какъ лошадей или рогатый скотъ. Добрые негры пляшутъ, борются и занимаются разными другими гимнастическими упражненіями. Добрый король снисходительно показываетъ ихъ покупщику. Онъ отдаетъ свой товаръ за нѣсколько сабель, нѣсколько пистолетовъ и нѣсколько ножичковъ. По сдачѣ товара, купецъ клеймитъ добрыхъ негровъ раскаленнымъ желѣзомъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не совсѣмъ достовѣрно. Къ счастію, посреди этого гнуснаго торга является негролюбивый капитанъ Леонаръ. Онъ возвращаетъ этимъ несчастнымъ неграмъ свободу и чуть-чуть не беретъ въ плѣнъ и свирѣпаго ко-

роля Радама; но свирѣпый король Радамъ прячется за огромную деревянную ящерицу, фетиша, къ которому онъ питаетъ глубочайшее уваженіе.

Счастливый своимъ подвигомъ, капитанъ Леонаръ возвращается съ плѣнными на корабль свой. Но у него на кораблѣ скрывается предатель, злой человѣкъ, хотя и негръ. Этого негра зовутъ Маркуфомъ. За первую вину Леонаръ наказалъ Маркуфа, за вторую приказываетъ убить его какъ бѣлаго. Въ это же самое время честный негръ Баркамъ проситъ Леонара отмстить за смерть отца его Тинъ-Кина. А убійца отца Баркама не кто иной какъ братъ Леонара, капитанъ торгующій невольниками. Леонаръ чуть-чуть не былъ принужденъ поступить съ братомъ, какъ Брутъ поступилъ съ дѣтьми; но краснорѣчіе его восторжествовало надъ мстительностію Баркама.

Эта прекрасная драма оканчивается превосходнымъ морскимъ сраженіемъ. Леонаръ, встрѣтивъ корабль, наполненный черными невольниками, палитъ въ него лѣвымъ и правымъ бортомъ. Корабли сходятся, сцѣпляются, экипажи идутъ на абордажъ, дерутся, – бой во всей формѣ. Наконецъ черный корабль побѣждаетъ корабль бѣлый, и всѣ бѣлые поглощаются ненавистнымъ моремъ.

4. Une chauvière et son coeur! *Хижину, и его сердце!* Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Скриба и Делафорѣ.

Замѣтьте, что когда Г. Скрибъ ставитъ въ заглавіи восклицательный знакъ — !, это значитъ — пронія. Люби, или умру! Хижину и его сердце! Все это страшныя ироніи. И надъ чѣмъ же Г. Скрибъ такъ насмѣхается, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался академикомъ? Надъ любовію, изъ которой онъ вылилъ двѣсти водевилей! Надъ добрыми, простодушными дѣвушками въ зеленомъ передникѣ, которыхъ онъ прежде всегда выдавалъ замужъ за полковниковъ! Теперь Г. Скрибъ предался вдругъ ужасному скептицизму, и уже не вѣритъ въ добродѣтель зеленаго передника.

Дѣло вотъ въ чемъ. Восемь лѣтъ тому назадъ лордъ Вольси пашелъ подъ ногами у лошадей своихъ, которыя чуть было его не задавили, самую миленькую дѣвочку, какую только можно себѣ представить; голубоглазую, свѣт-

лорусую, и бѣлую — это ужъ само собою разумѣется. Англичанинъ, который любитъ хорошенькихъ дѣвочекъ, беретъ ее къ себѣ въ коляску, и скачетъ. Тогда этому ребенку было десять лѣтъ, а теперь ребенку лѣтъ восемнадцать. Прекрасная барышня, — стройна, мила и задумчива, какъ слѣдуетъ. Лордъ Вольси, тотъ самый, который поднялъ ее на большой дорогѣ, обожаетъ Дженни. Мало этого, лордъ Вольси умоляетъ Дженни, чтобъ она позволила превратить себя въ миледи: бездѣлица! Леди Вольси! Оно не дурно. Тѣмъ болѣе, что лордъ Вольси прекрасный молодой человѣкъ, одѣтый со вкусомъ, покорный, невзыскательный и умоляющій о томъ, что могъ бы просто приказать. И въ самомъ дѣлѣ, не принадлежитъ ли мамзель Дженни лорду Вольси? Вѣдь онъ нашелъ и поднялъ ее на большой дорогѣ? Но нѣтъ, лордъ Вольси хочетъ получить Дженни только отъ нея самой, и будетъ ждать отвѣта ея до завтра.

Оставшись наединѣ, Дженни по обыкновенію погружается въ задумчивость; она вспоминаетъ о шинкѣ, гдѣ протекло первое ея дѣтство. Какъ она была счастлива! Она бѣгала, прыгала, пѣла пѣсеньки, ѣла вкусный черный хлѣбъ съ ветчиннымъ саломъ, пила славное черное пиво, гуляла по солнцу и по мѣсяцу, встрѣчала и провожала путешественника, любовалась на шумное веселье крестьянина Милый шинокъ! И особенно, особенно любила она отъ всей души пригожаго Джона Гриппа. Джонъ Гриппъ, вотъ былъ умница! вотъ умѣлъ занять! вотъ было на что посмѣяться! Возьмите вы Джона Гриппа: хорошенькій, статный, стройный, чистосердечный, отважный, — и какъ умѣетъ онъ любить! Что лордъ Вольси передъ Джономъ Гриппомъ! Милый Джонъ! И вотъ миссъ Дженни вскружило головку; ея маленькое сердце натужилось, и кричитъ, что есть силы — Не хочу лордовъ! Прочь замки! Прочь богатства! Не хочу ничего! Хижину и его сердце!

Первое дѣйствіе, какъ видите, не что иное, какъ остроумное введеніе ко второму. Бросившись такимъ образомъ въ буколику, юная и прелестная Дженни скидаетъ съ себя нарядъ барышни, одѣвается въ грубое платье, обувается въ деревянные каты вмѣсто миленькихъ, шелковыхъ башмачковъ, — но она все таки прелестна. Какъ не быть пре-

лестной въ двадцать лѣтъ! Однако мамзель Дженни боится, что она еще не довольно хороша для Джона Гриппа.

Второе дѣйствіе этой маленькой драмы исполнено занимательности. Вы въ шинкѣ очаровательнаго Джона Гриппа. Вдругъ видимъ, онъ входитъ: это онъ, точно онъ! Какъ не узнать его? Онъ царь деревни. Онъ самый отважный питухъ въ цѣломъ околоткѣ. Онъ самый отчаянный игрокъ на двадцать миль въ окружности. Сейчасъ видно, что онъ богатъ и богатаго отца сынъ. Онъ тщеславенъ, повѣса, вспыльчивъ, прожорливъ, себялюбивъ, корыстенъ, болтливъ, насмѣшливъ, волокита, — впрочемъ добрый сынъ.

Вдругъ маленькая ручка стучитъ въ двери: это миссъ Дженни. Она послушалась головы и сердца; бросила замокъ для хижины, и пришла просить мѣста служанки въ шинкѣ Джона Гриппа. Во-первыхъ она видитъ Джона,—и она счастлива. Джонъ тоже ее видитъ, но Джонъ голоденъ, и спрашиваетъ ѣсть; Дженни накрываетъ на столъ для своего милаго Джона. И тутъ тысяча прелестныхъ подробностей. Скатерть претолстая, стулья прежесткіе. Джонъ Гриппъ пьетъ безъ милосердія; серебра на столѣ нѣтъ вовсе, — и что за посуда! Миссъ Дженни безпрестанно забываетъ роль служанки: она такъ долго была знатной дамою! Сначала Джонъ Гриппъ очень забавляется изумленіемъ Дженни. Потомъ, наѣвшись и напившись досыта, Джонъ подходитъ къ прелестной Дженни. Онъ пожалъ ей руку такъ, что она завизжала; онъ треплетъ ее такъ нѣжно, что у ней плечо омертвѣло; онъ выпиваетъ двѣ бутылки вина за ея здоровье: это со стороны физической. Джонъ Гриппъ немножко перемѣнился, думаетъ себѣ Дженни: но у него такое доброе сердце. И въ ту жъ минуту Джонъ Гриппъ показываетъ Дженни свое сердце. Джонъ Гриппъ скупецъ, игрокъ, корыстолюбецъ, своевольникъ, лгунъ, себялюбивый и порочный. Джонъ Гриппъ хочетъ жениться за деньги на старухѣ: что жъ за бѣда! говоритъ онъ миленькой Дженни: «ты будешь моя любушка!» Тутъ пуританка Дженни совсѣмъ вышла изъ терпѣнія. Такъ вотъ этотъ милый Джонъ, этотъ очаровательный Джонъ Гриппъ! Такъ вотъ ея греза, ея счастіе, ея идеалъ! А между-тѣмъ вино разобрало Джона; онъ лѣзетъ цѣловать Дженни силою: Дже-

ни въ страшномъ испугѣ бѣжитъ отъ него со всѣхъ ногъ и бросается изъ окошка съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не возвращаться въ эту хижину. Хижину и его сердце!

Наконецъ, чтобъ досказать вамъ всю исторію, миссъ Дженни приходитъ въ замокъ, и только о томъ и думаетъ, какъ-бы ей выйти замужъ за лорда Вольси. Теперь она любитъ лорда, — во-первыхъ за его особу, — а потомъ за его замокъ, за прислугу, за славныхъ лошадей, за его отличные пріемы, за нѣжный взглядъ, за благородный звукъ голоса. Она его любитъ, она выходитъ за него замужъ, но вмѣстѣ женитъ и Джона Гриппа, которому ни разу не пришло въ голову, какого онъ лишился благополучія.

Водевиль очень милъ и исполненъ остроумія.

5. Les Boudeurs, *Досадующіе*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Лонпре.

Это однако жъ не водевиль, а комедія, хотя въ ней и поютъ. И притомъ хорошая комедія, забавная какъ нынѣшнее общество во Франціи. По заглавію уже можно догадаться, что рѣчь идетъ о досадѣ Французскаго дворянства на нынѣшнее Французское правленіе и о спеси купцевъ, лавочниковъ и ремесленниковъ, которые заняли и при Дворѣ и въ правленіи мѣсто прежнихъ герцоговъ, графовъ и маркизовъ.

Досадующіе Г-на Лонпре суть нѣсколько благородныхъ жителей Сен-Жерменьскаго предмѣстія. Революція ихъ удивила, оскорбила и загнала въ ихъ Нормандскій замокъ. Въ этомъ древнемъ жилищѣ томится цѣлая куча маркизовъ, виконтовъ, бароновъ, кавалеровъ, графинь, маркиз и виконтессъ. Вотъ уже четыре года, какъ всѣ они вздыхаютъ потихоньку о Тюильрійскомъ замкѣ, его балахъ, его великолѣпіи. Они думали сначала, что старый замокъ безъ нихъ повалится и бальныя свѣчи погаснутъ, но между-тѣмъ вотъ уже четыре года, а замокъ все еще не повалился. Другіе балы заступили мѣсто прежнихъ баловъ, и новый дворъ замѣнилъ людей прежняго двора; и этотъ новый дворъ, состоящій изъ людей невоспитанныхъ, бѣситъ ихъ и подаетъ имъ поводъ къ шуткамъ и насмѣшкамъ. Между-тѣмъ годы летятъ. У двадцатипяти-лѣтней графини не выходитъ

изъ головы, что ей ужъ скоро тридцать, а она еще ни разу не танцовала на придворныхъ балахъ; пятидесяти-лѣтній виконтъ съ горестію помышляетъ о томъ, что вотъ уже четыре года, какъ онъ безполезенъ для государства и юность его гибнетъ безъ пользы. Въ такомъ плачевномъ положеніи находится благородное общество Г. Лонпре.

Однажды, какъ эти господа и госпожи раздосадовались и начали скучать больше обыкновеннаго, къ нимъ пріѣзжаютъ Г. и Г-жа Дюгорже, капитаны національной гвардіи. Мы не напрасно говоримъ — капитаны, потому что, если бы мы сказали — капитанъ, въ единственномъ числѣ, это могло бы относиться только къ Г-жѣ Дюгорже. И дѣйствительно, она капитанъ; она говоритъ не иначе какъ *нашъ баталіонъ*, *наша рота*; она истинный командиръ роты лавочниковъ и сапожниковъ, которые гордятся своимъ гадкимъ мундиромъ не менѣе того, какъ Г. Дюгорже своими эполетами уличнаго капитана. Этотъ Г. Дюгорже политическій пройдоха, который ладитъ со всѣми возможными правительствами. Сначала и ему и женѣ его, истинному капитану, какъ-то неловко въ этомъ благородномъ, вѣжливомъ обществѣ, но потомъ они такъ успѣшно проповѣдуютъ хозяевамъ своимъ, графамъ и графинямъ, баронамъ и баронессамъ, о томъ, какъ безразсудно въ нынѣшнее время придерживаться во Франціи какихъ бы то ни было правилъ, что сильно потрясаютъ вѣрованіе господъ досадующихъ, и господа досадующіе очень бы рады были сдѣлаться людьми безъ правилъ, если бъ только этотъ переходъ могъ совершиться съ соблюденіемъ свѣтскихъ приличій.

Вдругъ Рибервили узнаютъ, — такъ зовутъ досадующую фамилію, — узнаютъ, что дядя ихъ, герцогъ Рибервиль именованъ первымъ министромъ. И досадующіе втайнѣ радуются, досадующія (въ женскомъ родѣ) уже воображаютъ себѣ, какъ онѣ будутъ нарядны и прелестны на первомъ балѣ въ Тюильри; досадующіе (въ мужескомъ), заказываютъ себѣ по секрету старинные придворные мундиры.

Всѣ эти господа и госпожи сходятъ съ ума, и отправляются въ Парижъ.

Тамъ всѣ они интригуютъ. Они не стучатся, а скребут-

ся въ двери Тюильри, и съ нетерпѣніемъ ждутъ дня-представленія. Въ этомъ второмъ актѣ нѣтъ ни дѣйствія, ни драматической занимательности, но оно наполнено очень ѣдкими и остроумными эпиграммами. И эти эпиграммы сыплются на всѣхъ безъ разбора: на графинь, герцогинь, баронессъ, виконтессъ, на банкировъ, купцовъ, адвокатовъ и лавочниковъ. — «Да *я* скорѣй возьму *его* въ отставку, нежели соглашусь на это!» говоритъ госпожа Дюргоже о своемъ мужѣ. Портной приноситъ придворное платье; маркизъ, по старой привычкѣ, говоритъ ему — «братецъ». Но этотъ портной владѣлецъ, избиратель, присяжный и служитъ въ національной гвардіи; онъ обижается, что съ нимъ говорятъ «какъ съ какимъ нибудь презрѣннымъ разночинцемъ»; онъ бросаетъ платье маркизу въ лице и говоритъ ему: «Знайте, сударь, что во Франціи всѣ *богатые* равны въ глазахъ закона.»

Наконецъ въ третьемъ дѣйствіи всѣ прежніе досадовавшіе, отправляются на балъ въ Тюильрійскій замокъ, который будетъ имъ очень радъ и заставитъ виконтессу танцовать съ портнымъ ея мужа, портнымъ владѣльцемъ, избирателемъ, присяжнымъ и сержантомъ національной гвардіи.

6. Manette, *Манетта*, водсвиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Балра и Габріэля.

Манетта—дѣвушка не совсѣмъ почтенная: она въ одно время обманываетъ унтеръ-офицера, солдата и почталіона. Сначала, почталіонъ любилъ было не Манетту, а сестру ея, вдову Валентину; но однажды онъ видѣлъ, что какой-то мужчина вылѣзаетъ изъ окна Г-жи Валентины; въ другой разъ онъ видѣлъ, что унтеръ-офицеръ обнимаетъ Г-жу Валентину; въ третій разъ онъ видѣлъ, что солдатъ обнимаетъ Г-жу Валентину; въ четвертый разъ онъ видѣлъ, что солдатъ и унтеръ-офицеръ дерутся за Г-жу Валентину. Увидѣвъ все это, бѣдный почталіонъ сталъ просить руки, не Г-жи Валентины, а Манетты. А тутъ-то и бѣда. Окно, изъ котораго вылѣзалъ какой-то мужчина, было окно Манетты; унтеръ-офицеръ обнималъ Г-жу Валентину за Манетту; солдатъ то же; дрались они за Манетту, и драка кончилась благополучно только потому, что унтеръ-офицеръ

доказалъ солдату, что Манетта его любитъ, и солдатъ доказалъ унтеръ-офицеру, что Манетта его любитъ. Манетта, какъ вы изволите видѣть, плохой сюжетъ для водевиля, и мы право не знаемъ, что тутъ забавнаго — заставить честнаго почталіона на ней жениться!

Къ счастію Манетта на сцену не является: будетъ и того, что вы наслаждаетесь лицезрѣніемъ солдата, унтеръ-офицера, почталіона и сестры Г-жи Манетты.

7. La croix d'or, *Золотой крестикъ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Дюнети и Ружмоне, съ присовокупленіемъ всѣхъ другихъ водевилей того же имени.

Вы знаете, что года два назадъ, Были заразили весь Парижъ. Писали только Были, читали только Были. Не было ни одного матушкина сынка, который бы не написалъ Были; не было ни худенькой, ни толстенькой, ни молодой, ни старушки, которая бы не написала своей Были. Свѣтъ наполнился авторами повѣстей; повѣсти сыпались градомъ. Были бездны повѣстей, пропасти повѣстей, — пропасти зіяющія, всегда отверзтыя, вѣчно ненасытныя; каждый бросалъ въ эту пропасть Быль или Повѣсть, и пропасть не закрывалась. Однако жъ наконецъ и повѣстная пропасть нашла своего Курція, сказочника неутомимѣе и безжалостнѣе всѣхъ другихъ, сказочника изъ сказочниковъ, однимъ словомъ Бальзака; онъ хотѣлъ бросить въ пропасть возъ повѣстей и былей, и упалъ въ нее самъ, и пропасть закрылась, — и съ тѣхъ поръ не слышно ни о повѣстяхъ, ни о быляхъ. И онъ одинъ только въ глубинѣ пропасти все еще разсказываетъ сказки, были и повѣсти.

Но какъ для того, чтобы писать театральныя пьесы, надобно имѣть идеи, то люди стали рыться въ общей могилѣ забытыхъ повѣстей 1833 года. Одному молодому человѣку посчастливилось, послѣ многотрудныхъ изысканій, отрыть тамъ повѣсть не дурную. Если бы онъ былъ поосторожнѣе, то преспокойно состряпалъ бы изъ нея водевиль и никто бы и не догадался, что сюжетъ не его, а взятъ изъ повѣсти «Арабелла.» Къ несчастію, радуясь своей находкѣ, онъ слишкомъ рано похвастался ею, и разгласилъ свое счастіе. Боясь, чтобы кто-нибудь не овладѣлъ этимъ сюжетомъ, онъ напечаталъ въ маленькомъ журналѣ,

L' Entre-acte, маленькое объявленьеце слѣдующаго содержанія:

«Въ театрѣ *** идутъ репетиціи водевиля въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ «Золотой крестикъ». Этотъ водевиль, отъ котораго дирекція театра надѣется большихъ доходовъ, заимствованъ изъ прелестной повѣсти Г. Мориса «Сентъ-Аге.»

Бѣдный молодой человѣкъ попался какъ ворона въ супъ. Это объявленіе не предупредило контрафакцію, а породило ее. Жадная толпа драматическихъ писателей, воспользовавшись его указаніемъ, принялась отыскивать и читать повѣсть Г. Сентъ-Аге. Вся эта жадная толпа, какъ и первый открытель, нашла въ этой повѣсти готовый водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Свое берешь, гдѣ ни найдется: эти господа, спѣша и торопясь, схватились за добро по двое и по трое, и на всѣхъ театрахъ явилось разомъ по водевилю подъ заглавіемъ «Золотой крестикъ», водевилю, который заимствованъ изъ прелестной повѣсти Г. Мориса Сентъ-Аге и отъ котораго дирекція надѣется большихъ доходовъ. Пять или шесть подобныхъ водевилей были играны на одной недѣлѣ, а забавнѣе всего то, что первый открытель объявилъ, что водевиль его уже учатъ, когда онъ только еще писалъ его; и онъ не успѣлъ еще его кончить, какъ тотъ же сюжетъ былъ уже на нѣсколькихъ театрахъ.

Какъ бы то ни было, а повѣсть Г. Сентъ-Аге дѣйствительно, если не прелестна, то по-крайней-мѣрѣ очень пріятна, написана хорошо, и занимательна безъ ужасовъ.

Одинъ молодой семинаристъ проходилъ въ 1812 году черезъ деревню Круасси. Конскрипція только что похитила изъ этой бѣдной деревни всѣхъ мужчинъ, которые были въ состояніи носить оружіе. Во всѣхъ хижинахъ было горе. Хорошенькая, шестнадцати-лѣтняя Христина плакала о своемъ братѣ, который отправлялся въ походъ. А въ то время итти въ походъ или умереть было почти одно и то же. И дѣвушка плакала. И у ней не было ни какихъ средствъ спасти брата. А этотъ братъ былъ единственною опорою, надеждою, кормильцемъ цѣлаго семейства. Въ отчаяніи своемъ бѣдняжка снимаетъ съ шеи золотой крестикъ своей матери, и говоритъ вслухъ: «Золотой мой крестикъ тому, кто

пойдетъ въ походъ за брата, и рука моя тому, кто принесетъ мнѣ изъ похода этотъ крестикъ.» При этихъ словахъ, глаза ея были омочены слезами, грудь вздымалась; она была истинно прекрасна. Но увы, въ то время мужчина былъ товаръ дорогой и рѣдкій. Надобно бы десять тысячъ такихъ золотыхъ крестиковъ какъ у Христины, а у ней былъ только одинъ. Въ деревнѣ никто не слыхалъ словъ ея. Одинъ только нашъ молодой семинаристъ, спрятавшись за деревомъ, услышалъ это предложеніе и обѣщаніе. Онъ былъ человѣкъ мужественный, и постыдился бы не пойти даромъ туда, куда другихъ посылали насильно. Онъ принялъ крестикъ Христины; и пошелъ въ походъ за ея брата. И это было тѣмъ прекраснѣе съ его стороны, что онъ не видѣлъ ни омоченныхъ слезами глазъ, ни вздымающейся ея груди, онъ не зналъ, хороша ли и какъ хороша она; только голосъ ея проникъ въ его сердце.

Онъ былъ съ большою армісю въ Россіи, видѣлъ, какъ она среди снѣговъ растаяла и какъ Наполеоновскій орелъ раненъ былъ на смерть.

Между-тѣмъ въ деревнѣ Круасси о немъ часто думали. Христина втайнѣ его любила, хотя они едва другъ друга видѣли. День и ночь она о немъ думала. Твердая и постоянная, она все ждала его; она знала, что онъ рано или поздо воротится. Она знала, что онъ принадлежитъ ей, она принадлежитъ ему. И дни проходили, и мѣсяцы одинъ за другимъ исчезали, и Наполеонъ исчезъ, и Наполеонъ упалъ, а она все еще ждала его.

Наконецъ онъ возвратился въ Круасси. Бѣднякъ возвращался издалека. Онъ шелъ изъ Сибири, шелъ одинъ и печально: онъ всего лишился, и багажей и славы, и друзей, и даже членовъ, отмороженныхъ въ Россіи: онъ уберегъ одинъ только крестикъ Христины. И этотъ золотой крестикъ открылъ ему и домъ, и сердце, и объятія Христины.

Вотъ и вся эта простая исторія; ее играли въ одинъ день на двухъ театрахъ.

8. La chasse aux maris, *Ловля мужей*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Люрпия и Солара.

Это довольно остроумная, но холодная и дурно расположенная пьеска. Въ одномъ старомъ домикѣ въ Бурбонѣ, Г. Мовьетъ ждетъ изъ Парижа гостей, которые должны провести у него лѣто. Почтенный Г. Мовьетъ живетъ въ большой дружбѣ со своею сосѣдкою, Г-жею Барбо, у которой три дочери невѣсты, Луиза, Жюльета и Наида Барбо. Теперь въ домѣ Г. Мовьета большая тревога, въ душѣ Г-жи Барбо большое волненіе. У Г. Мовьета остановился какой-то Парижанинъ, молодой человѣкъ, милліонщикъ и холостой — прекрасная партія для одной изъ дочерей Г-жи Барбо.

Дѣло однако жъ въ томъ, что этотъ молодой человѣкъ совсѣмъ не милліонеръ, а просто юный поэтъ, который вдался въ средніе вѣка, гонялся за стрѣльчатыми арками, позолоченною рѣзбою, и расписными окнами, а за нимъ гонялись неумолимые кредиторы. Этого поэта зовутъ Луазо, но онъ скрывается подъ именемъ Ремона. Едва только поселился онъ у Г. Мовьета, какъ всѣ сестры на него напали, и каждая хочетъ за него выйти. Наида протягиваетъ ему руку, Жюльета подставляетъ щеку, Луиза увлекаетъ въ кусты. Ремонъ, или лучше сказать Луазо, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ милліонщикъ, позволяетъ любить себя сколько кому угодно. Наконецъ является судебный приставъ, и Ремонъ, чтобы избавиться отъ пристава, женится на самой хорошенькой изъ трехъ дѣвицъ Барбо.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Мы упомянули въ прошломъ мѣсяцѣ о путешествіи лорда Филинга по Испаніи, — Scènes de la vie castillane. Это Французскій дипломатъ, который притворяется Англичаниномъ, и путешествуетъ себѣ на счетъ читателя, — что всегда позволяетъ автору сдѣлать большое сбереженіе своего ума. Онъ проѣхалъ Испанію, и примѣтилъ въ ней множество Испанцевъ и Испанокъ, не считая мериносовъ; былъ на скачкахъ, присутствовалъ при травлѣ быковъ, узналъ бездну любовныхъ затѣй, наглядѣлся на великолѣпные обряды, которыми сопровождаются тамъ казни преступниковъ, и видѣлъ, какъ Испанцы душатъ нынче другъ друга. Помнится,—ежели только мы не ошибаемся,— онъ даже самъ задушилъ одного. Однимъ словомъ, лордъ Филингъ провелъ время, какъ кажется, очень весело въ Ис-

паніи. Болѣе ничего не узнаете вы изъ этой скучной книги, которую такъ расхвалили.

— Гапри Монніе издалъ напротивъ томъ Proverbes et scènes populaires, который заставляетъ смѣяться отъ чистаго сердца.

—О романѣ Marie, ou l'Esclavage aux Etats-Unis, мы теперь ничего не скажемъ, потому что намѣрены дать изъ него извлеченіе въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч.

— Новыхъ романовъ — цѣлый коробъ: заглавія ихъ можно видѣть въ спискѣ новыхъ Французскихъ книгъ. Вы найдете тамъ одинъ романъ Мишель-Ремона, одинъ Г-жи Евгеніи Фоа, и одинъ Г-жи Боденъ, — и больше ничего не найдете.

— Въ статьѣ «Французскій театръ въ Парижѣ», помѣстили мы длинное разсужденіе о новой драмѣ Г. Виктора Гюго, и здѣсь можемъ пройти ее молчаніемъ, отъ котораго она, впрочемъ, не сдѣлается лучшею.

— Но чѣмъ говорить о романахъ и сказкахъ, намъ гораздо пріятнѣе извѣстить собирателей хорошихъ книгъ о предпринятомъ въ Парижѣ новомъ изданіи Lettres Édifiantes: это важное сочиненіе сдѣлалось, какъ извѣстно, столь рѣдкимъ, что многіе ученые уже не могли пріобрѣсти его для своихъ библіотекъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Г. Больверъ, знаменитый, то есть, Г. Эдуардъ Литтонъ Больверъ, издалъ, подъ заглавіемъ The student, два тома мелкихъ своихъ сочиненій, которыя по большей части были уже напечатаны въ разныхъ журналахъ. Приверженецъ нововведеній послѣдовалъ въ этомъ случаѣ старому закоренѣлому обычаю статьеписателей —собирать воедино свои disjecta membra, разбросанные члены, которые впрочемъ никогда не могутъ составить ничего цѣлаго и часто болѣе теряютъ, чѣмъ выигрываютъ отъ подобнаго соединенія. Какъ бы то ни было, этой книгѣ пророчатъ величайшій успѣхъ въ гостиныхъ, гдѣ Г. Больверъ любезничаетъ и отпускаетъ остроты: онъ человѣкъ свѣтскій, и водится только съ лордами. Г. Больверъ самъ объявилъ своимъ читателямъ, что здѣсь обращается онъ «болѣе къ чувству, нежели къ уму, болѣе утверждаетъ, чѣмъ

доказываетъ; пишетъ скорѣе для тѣхъ, кто готовъ съ нимъ согласиться, чѣмъ для тѣхъ, кого должно еще убѣдить.» Никто не въ правѣ упрекнуть автора, зачѣмъ онъ сдѣлалъ такъ, а не иначе; однако можно высказать объ этомъ свое мнѣніе. Намъ кажется, что пѣтъ такого заблужденія, котораго бы нельзя было оправдать слѣпымъ чувствомъ,—и ссылаться, въ случаѣ нужды, на грезы воображенія какъ на дѣйствительность, не то ли самое, что вѣрить въ блуждающихъ мертвецовъ, потому что въ темнотѣ бываетъ страшно? Впрочемъ, въ этомъ собраніи есть многія статейки, которыя можно читать съ удовольствіемъ.

— Г. Джонъ Пуль, авторъ «Поля Прая» и прочая, издалъ подобно Г. Больверу собраніе своихъ Scetches and recollections; но онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые дорожатъ своимъ именемъ и трудятся надъ чистотою отлива своихъ прекрасныхъ мыслей. Г. Пуль особенный мастеръ схватывать характеры: читая эти очерки, вы невольно убѣждаетесь, что дѣйствующія лица его именно таковы, какими онъ ихъ описываетъ.

— Романъ The Captive, автора «Братьевъ Пильгримовъ,» исполненъ тѣхъ воинственныхъ подробностей, которыя привлекли бы вниманіе лѣтописца блаженныхъ рыцарскихъ временъ. Онъ займетъ всякаго, кто не гонится за тонкимъ очертаніемъ характеровъ или за глубокими, освѣщающими мыслями, лишь бы витязи были вооружены, какъ слѣдуетъ, и кони ихъ убраны; лишь бы возлюбленныя были довольно нѣжны, довольно смѣлы или довольно луказы; лишь бы не было недостатка въ подъемныхъ дверяхъ, въ потерянныхъ дѣтяхъ, въ таинственныхъ свиткахъ, и тому подобномъ. Въ своемъ родѣ романъ дѣйствительно хорошъ, а всякій родъ, кромѣ скучнаго, заслуживаетъ найти себѣ читателей.

— Къ довольно значительному числу Англійскихъ прозаическихъ писательницъ присоединилась еще новая, — Г-жа Нортонъ, и въ видѣ диплома на это званіе представила двѣ повѣсти, The Wife и Woman's reward, которыя заслужили лестные отзывы со стороны лучшихъ Англійскихъ журналовъ, хотя и напоминаютъ немного романы прошедшаго времени. Woman's reward — главная, и по объему и по за-

нимательности: она отличается многими прекрасными чертами истиннаго чувства. Герой и героиня — сироты, дѣти негоціанта, умершаго на островѣ Мадерѣ и поручившаго ихъ при смерти попеченію сестры своей, которая старѣе ихъ немногими годами. Достигнувъ зрѣлаго возраста, Марія Дюпрѐ жертвуетъ всѣмъ, — спокойствіемъ, отечествомъ даже обѣтомъ, даннымъ жениху,—для истиннаго или мнимаго счастія ея брата. Этотъ братъ — тщеславное, блестящее созданіе, исполненное страстей и чудныхъ притязаній, приводитъ подругу своего дѣтства на край гибели, истощаетъ все ея терпѣніе, и наконецъ женится тайнымъ образомъ на дочери одного знатнаго человѣка, которая такъ же блистательна и такъ же упряма, хотя и не такъ бездушна, какъ онъ самъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого брака вѣчныя ссоры между мужемъ и женою, и обѣ стороны безпрестанно прибѣгаютъ къ посредничеству сестры, которая уже поздно получаетъ вознагражденіе за всѣ свои печали. Кажется, сочинительница имѣла цѣлію показать въ этой повѣсти, что счастіе женщины ни въ случайномъ, произвольномъ замужествѣ, ни въ приторной, пастушеской любви, а въ прочномъ, постоянномъ спокойствіи духа. Въ заключеніе мы замѣтимъ, что Г-жа Нортонъ никогда еще не писала такихъ милыхъ стиховъ, какими она украсила настоящее свое произведеніе.

— Г. Джемзъ, авторъ довольно извѣстнаго романа Richelieu, издалъ теперь новый подъ заглавіемъ The Gipsy, въ которомъ видно болѣе развязности и менѣе искуственности, чѣмъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ. Г. Джемзъ любитъ изображать людей безстрастныхъ, съ благородными чувствами, но холодныхъ какъ май въ Петербургѣ. Однако жъ героиня его книги, цыганка Фарольдъ, созданіе замѣчательное: вообще женщины у него чрезвычайно милы, и сцены домашняго быта, въ которыхъ онѣ играютъ главную роль, дышатъ жизнію.

— Г. Джемзъ Монтгомери, стихотворецъ, особенно уважаемый тѣмъ многочисленнымъ классомъ читателей, для котораго не доступенъ ни Байронъ, ни Муръ, ни Вордсвортъ, и о которомъ вообще такъ мало заботятся лучшіе писатели, издалъ собраніе мелкихъ стихотвореній, отличающихся силою чувства, прямодушіемъ и простотою. Сочиненія это-

го поэта, едва извѣстныя внѣ Англіи, принадлежатъ тамъ къ числу самыхъ многочитаемыхъ.

— Извѣстная миссъ Митфордъ выдала три тома своихъ «Очерковъ областнаго городка», изъ которыхъ мы уже сообщили нашимъ читателямъ одинъ отрывокъ («Честные люди», Б. для Ч., № 12), заимствованный изъ «Блаквудова магазина.»

— Изъ новыхъ путешествій самыя замѣчательныя — «Второе плаваніе въ арктическія страны», капитана Росса, и «Десять лѣтъ въ южной Африкѣ», одного господина, котораго имени никакъ нельзя выразить Русскими буквами. Англійскія заглавія этихъ сочиненій выставлены въ спискѣ новыхъ книгъ. Изъ перваго, мы помѣстили любопытный отрывокъ въ» Смѣси» этой книжки; изъ втораго сообщимъ нѣкоторыя мѣста въ будущей.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ. Г. Раупахъ, прежде профессоръ Главнаго Педагогическаго Института въ Пстербургѣ, нынче Нѣмецкій Марпво Пиксереекуръ, Скрибъ и всѐ что вамъ угодно, осердился на гомсопатовъ, и написалъ на нихъ комедію, хотя самъ придерживается строгой гомсопатической экономіи, когда дѣло идетъ о примѣси остроумія къ его пьесамъ.

Эта шутка, представленная въ концѣ прошлаго года подъ заглавіемъ Die feindlichen Brüder oder Homöopath und Allopath, «Братья враги, или Гомеопатъ и аллопатъ», основана на взаимной любви двоюродныхъ братца и сестрицы, — сына аллопатическаго аптекаря и дочери гомеопатическаго доктора. Короткій пріятель молодыхъ любовниковъ, потаріусъ Тиле, надѣется помирить антипатическихъ братьевъ, если сведетъ ихъ вмѣстѣ, и для этого увѣряетъ каждаго изъ нихъ, что другой сумасшедшій. Они отправляются навѣстить другъ друга по этому случаю, и съѣзжаются дорогою въ городѣ, гдѣ живетъ ихъ сестра. Въ пылу разговора аптекарь роняетъ свертокъ бумаги; другъ влюбленныхъ, Тиле, подымаетъ его, и говоритъ: «Вы что-то потеряли, Г. аптекарь. Что это такое?» Между-тѣмъ бумага развернулась на полтора аршина: это аллопатическій рецептъ.

«Аптекарь. Маленькой рецептикъ! Я выписалъ его ми-

моходомъ для себя. Я, знаете, немножко осипъ отъ вѣтра, а предосторожность не мѣшаетъ.

«Тиле *(пробѣжавъ рецептъ.)* Черезъ четверть часа по стакану. Это порядочно!

«Аптекарь. Ахъ, почтенный Г. нотаріусъ, въ эти ужасныя времена, когда язва гомеопатіи такъ быстро разливается, несчастному аптекарю пріятно хоть самому проглотить весь запасъ свой!

Тиле. Ваша правда. Романы и аптеки часъ отъ часу упадаютъ въ цѣнѣ.

«Аптекарь. Охъ, охъ, охъ! Еще лѣтъ десять тому назадъ можно было нажить тридцать тысячъ талеровъ, а нынче не наживешь и двадцати пяти.

«Тиле. Авсе вѣдь эхидное племя, гомеопаты! Заѣли хлѣбъ у аптекарей!

«Аптекарь. Эхидное племя? Прекрасно сказано! *(Беретъ его за руку.)* Однако есть еще добродѣтель на земномъ шарѣ. Пріѣзжайте вы къ намъ въ Наумбургъ, Г. нотаріусъ, да захворайте хоть немного: ручаюсь, дадутъ столько лекарства, что вамъ ни за что не одолѣть.»

Теперь взглянемъ на гомеопата. Сцена представляетъ нумеръ въ гостинницѣ. Двѣ кровати раздѣлены тонкой перегородкою. Слуга Фиттигъ свѣтитъ доктору въ его комнату.

Докторъ. Лей еще, лей еще! Надо же какъ-нибудь запить вашъ мерзкій ужинъ *(пьетъ.)* Какого вина велѣлъ я подать бездѣльникъ?... А?

«Фиттигъ. Рудесгеймскаго, сударь.

«Докторъ. Такъ чудные же вы географы. Вѣрно вы передвинули Рудесгеймъ въ другое мѣсто.... Это вино подмѣшано Наумбургскимъ. Стыдно такъ поддѣлывать! Тутъ рѣчь не объ обманѣ; обманъ—дѣло наживное; пусть каждый промышляетъ по-своему: а надо помнить, что по правиламъ разсудительной Медицины всякое лекарственное средство, слѣдственно и вино, должно давать чистое, безъ малѣйшей примѣси. Знаешь ли ты, что такое гомеопаты и аллопаты

«Фиттигъ. Нѣтъ-съ. Лопаты я знаю-съ.....

«Докторъ. О, невѣжество!

«Фиттигъ. Извините, сударь, если я не такъ сказалъ.

«Докторъ. *(посмотрѣвъ на него, говоритъ ласково).*

Ты кажется малой славный, и здоровъ; совершенно здоровъ, какъ волъ?

«Фиттигъ. Благодаря Бога! Если бъ и карманъ мой обстоялъ такъ же благополучно....

«Докторъ. Если карманъ твой слабъ, не худо было бъ подкрѣпить его? Напримѣръ, хоть талеромъ?

«Фиттигъ. Ужъ и очень не худо, сударь. Да какъ?

«Докторъ. Сиди всю ночь у меня въ комнатѣ, и не спи.

«Фиттигъ. Хоть эти комнаты не много и въ сторонѣ отъ другихъ, но могу васъ увѣрить, сударь, что домовыхъ здѣсь нѣтъ, и вамъ бояться нечего.

«Докторъ. Полно бредить! Мнѣ надо наблюдать тебя.

«Фиттигъ *(про себя)*. Вотъ-те на! Да онъ, знать, какой-нибудь астрономъ, что ли. *(Вслухъ)* И, сударь, что вамъ напрасно безпокоиться! Мы вѣдь люди простые: на насъ звѣздъ не увидите.

«Докторъ. Какъ? Въ бреду? *(Щупаетъ у него пульсъ.)*

«Фиттигъ *(про себя)*. Нѣтъ! Видно я ошибся.

«Докторъ. Совершенно правиленъ. Ты здоровъ какъ рыба! Чудо, какъ здоровъ!.... Что жъ? хочешь остаться со мною? Тебѣ больше ничего не дѣлать, какъ сидѣть преспокойно на мѣстѣ.

«Фиттигъ. И не спать. Хоть бы пожаловали, сударь, два талера.

«Докторъ. Ну, два, такъ и быть. Когда жъ ты придешь?

«Фиттигъ. Часа черезъ два, если будетъ можно.

«Докторъ. Такъ и надобно: ранѣе не подѣйствуетъ. Смотри, честное слово! *(Отворяетъ маленькій ларчикъ съ лекарствами, вынимаетъ скляночку и ложку.)*

«Фиттигъ. Ужъ будьте увѣрены!—Вы сударь хотите принимать лекарство?

«Докторъ. Нѣтъ, это для тебя.

«Фиттигъ Для кого? Для меня? Вѣдь вы сейчасъ изволили сказать, что я здоровъ какъ рыба?

«Докторъ. Да! И потому-то я хочу сдѣлать тебя искусственно больнымъ, чтобъ потомъ наблюдать, что съ тобою будетъ.

«Фиттигъ. Хе, хе! да это плохія шутки. Спокойной ночи, сударь! *(уходитъ).*

«Докторъ *(останавливая его).* Послушай, любезный; постой. Всѣ лекарства должно испытывать на здоровыхъ, прежде чѣмъ давать ихъ больнымъ. Прими это лекарство, чтобы мнѣ удостовѣриться, произведетъ ли оно трепетаніе сердца, тоску, судороги, головокруженіе, притупленіе чувствъ и дурноту.

«Фиттигъ. Помилуйте, сударь, какъ это можно! У меня чувства и безъ того не слишкомъ остры: за чѣмъ мнѣ ихъ притуплять. Возьми на себя всякой немочи, — и изъ чего же? изъ двухъ талеровъ!

«Докторъ. Ну, вотъ тебѣ червонецъ, любезный.

«Фиттигъ. Не соглашусь и за сто червонцевъ. *(Хочетъ уйти; докторъ прижимаетъ его къ углу.)*

«Докторъ. Слушай же, другъ мой: ты окажешь этимъ услугу наукѣ. *(Наливаетъ лекарства въ ложку.)*

«Фиттигъ. Провались она! Мое дѣло услуживать пріѣзжимъ. Наука пусть сама себѣ услуживаетъ.

«Докторъ *(поднося лекарство).* Прими, голубчикъ! Прими, ради страждущаго человѣчества.

«Фиттигъ. Помилуйте! Съ насъ и то берутъ каждый мѣсяцъ по грошу на бѣдныхъ: чего еще страждущему человѣчеству?

«Докторъ. Безчувственный варваръ! Проглоти это, каннибалъ, проглоти! Или.... *(Фиттигъ выталкиваетъ ложку, и ускользаетъ у доктора изъ-подъ рукъ).*

«Докторъ *(одинъ).* Варварство, мракъ и невѣжество у насъ въ Германіи! И однако жъ какимъ яркимъ свѣтомъ могъ бы озариться этотъ край, колыбель гомсопатіи!..... *(надѣваетъ халатъ и колпакъ.)* Дай, одѣнусь попокойнѣе, и приготовлю лекарство для бѣднаго брата. Я не видалъ его, но готовъ побиться объ закладъ, что угадываю родъ его болѣзни Онъ всегда былъ меланхоликъ, а эти задумчивые господа, когда помѣшаются, бываютъ обыкновенно бѣшены и неистовы такъ, какъ смирные люди всегда задорливы подъ хмѣлькомъ. Постой! Вотъ мысль! Вотъ блестящая мысль! Вотъ лучъ свѣта! Великая мысль! Вино лишаетъ человѣка чувствъ, и производитъ въ немъ родъ помѣшательства: не

должно ли оно быть вѣрнымъ средствомъ отъ этой болѣзни? Если такъ,—а оно должно быть такъ,—я себя обезсмертилъ. *Вынимаетъ оловянный пестикъ изъ своего ларчика, и ставитъ ихъ противъ себя).* Въ этомъ гранѣ одна десятитысячная доля лекарства *(кладетъ ее въ изготь)*; теперь, если смѣшать ее съ девяносто девятью гранами молочнаго сахара *(сыпаетъ его изъ коробочки въ изготь)*, каждый гранъ будетъ содержать одну милліонную долю лекарства, — пріемъ ужасно сильный, — но противъ сильной болѣзни предстоитъ и дѣйствовать! Я увѣренъ, что онъ въ жесточайшей степени бѣшенства.»

Но мы устаемъ выписывать. Для любопытствующихъ знать развязку, мы скажемъ, что аптекарь остановился въ смежной комнатѣ, и братья такъ перепугали другъ друга, или точнѣе каждый самъ себя, что выскочили изъ оконъ, и въ халатахъ, колпакахъ и туфляхъ бросились къ полицеймейстеру, у котораго былъ въ это время балъ. Тилс, находившійся въ числѣ гостей, уговариваетъ полицеймейстера отослать ихъ обоихъ въ домъ сумасшедшихъ, и заставляетъ братьевъ доказать здоровое состояніе ихъ разсудка тѣмъ, что они обнимаются и подписываютъ брачный договоръ дѣтей своихъ. Самая остроумная мысль этой комедіи состоитъ въ томъ, что, несмотря на присутствіе и участіе въ дѣлѣ доктора и аптекаря, въ концѣ пьесы никого изъ дѣйствующихъ лицъ не похоронили.

Мѣсто не позволяетъ намъ заняться въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ другими новостями Нѣмецкой словесности, которыхъ впрочемъ очень мало.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

HISTOIRE DE FRANCE, depuis la Restauration, par *Charles Lacretelle.* 4 vol.

LE CONSULAT ET L'EMPIRE ou histoire de la France et de Napoléon Bonaparte de 1799 à 1815; par *M. A. C. Thibaudeau.* 10 vol. par souscription.

HISTOIRE D'ANGLETERRE, depuis l'invasion de Jules César jusqu'à nos jours, par *D. Hume* et ses continuateurs *Smollet, Adolphus, Aikin*

etc., avec des notes, des additions et des corrections de *Thierry*, *Guizot*, *Lingard*, *Hallam*, *Armand Carrel*, *etc.* 3 vol.

MÉLANGES HISTORIQUES ET LITTÉRAIRES, par M. le baron *de Barante*, pair de France, membre de l'académie française. 3 vol.

ROME AU SIÈCLE D'AUGUSTE, ou voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste, et pendant une partie du règne de Tibère, par M. *L. Charles Dezobry*. 4 vol.

LA SYRIE, L'EGYPTE, LA PALESTINE ET LA JUDÉE, considérées sous leur aspect historique, archéologique, éthnologique, descriptif et pittoresque, par MM. le baron *Taylor* et *Louis Reybaud*. 1 vol. 100 gravures en acier.

VOYAGE PITTORESQUE DU LUXOR, par M. *De Joannis*, lieutenant de vaisseau. 1 vol. Avec un Album.

SOUVENIRS DE TRENTE ANNÉES DE VOYAGES à Saint-Domingue, à diverses colonies étrangères et au continent de l'Amérique, par *A. de Laujon*. 2 vol.

LE GLOBE, atlas classique universel de géographie ancienne et moderne d'après MM. *Dufour*, *Jomard*, *Balbi*. 1 vol., in-4.

RECUEIL GÉNÉRAL DES ANCIENNES LOIS FRANCAISES, depuis l'an 420 jusqu'à 1789; avec des dissertations relatives aux sources du droit, aux lois fondamentales de la première race, etc., par MM. *Isambert*, *Decrusy* et *Taillandier*. 30 vol. Par souscription.

ENQUÊTE COMMERCIALE. Edition officielle, publiée par les soins de M. *Duchatel*, ministre de commerce. 3 vol.

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE de méchanique industrielle, résumé des traités de Christian, Poncelet, d'Aubuisson, Coriolis, Hachette, Lanz et Bétancourt, Charles Dupin, Borgnis, Guenivau, Leblanc, etc., par M. *Stéphane Flachat*, ingenieur civil. 1 vol., avec des planches.

MANUEL D'ORNITHOLOGIE ou tableau systématique des oisaux qui se trouvent en Europe, par *C. J. Temminck*. 3me partie.

L'ART DE L'ESSAYEUR, par M *Chaudet*, ex-essayeur des monnaies de France. 1 vol.

LA CITÉ DES HOMMES, par *Adolphe Dumas*. 1 vol.

AU PIED DE LA CROIX, par *Justin Maurice*, auteur des Pensées du ciel. 1 vol.

ODES D'HORACE, traduites en vers français par *B. L. C.* 1 vol.

ANGELO MALIPIERI, tyran de Padoue, drame, par *Victor Hugo*. 1 vol.

LE MONOMANE, drame par *Charles Duveyrier*. 1 vol.

ERARD DU CHATELET, roman par M. le comte *A. de Pastoret*. 2 vol.

LE MARI DE LA REINE, 1542—1546, roman par *E. L. Guérin*, auteur d'Une actrice et de la Fleuriste. 2 vol.

LE PRÊCHE ET LA MESSE, roman-chronique de guerres de religion pendant le seizième siècle; par *A. de Tronslitz* et *L. F. L'Héritier.* 2 vol.

BLANCHE DE SAINT-SIMON, ou France et Bourgogne, roman par M. *Antony Thouret.* 1 vol.

LA JUIVE, histoire du temps de la régence, par Mme *Eugénie Foa.* 2 vol.

SAVINIE, roman par Mme *Camille Bodin* (Jenny Bastide), auteur de la Cour d'Assises. 2 vol.

PEUT-ÊTRE, roman par *Alph. Darton.* 1 vol.

LA LAMPE DE FER, roman par *Michel Masson* (Michel Raymond.) 2 vol.

BUDIC-MUR, marine du quatorzième siècle, par *Ernest Mesnard.* 2 vol.

VOYAGES ET AVENTURES en Espagne, scènes de la vie castillane et andalouse, par lord *Feeling.*

BIBLIOTHÈQUE ANGLO-FRANÇAISE, ou collection des poètes anglais les plus estimés, avec la traduction française en regard, par MM. *Ampère*, fils, *Chateaubriand*, *Chasles*, *Coquerel*, *Custines*, *Arlincourt*, *Guizot Jay*, *Jussieu*, *Jullien* de Paris, *Saint-Marc-Girardin*, *Saulnier*, *Villemain*, Mmes *Belloc*, *Nodier-Menessier*, *Tastu*, etc., avec des imitations en vers français des plus beaux morceaux de la poésie anglaise par Voltaire, Collardeau, Chénier, etc., et une histoire complète de la littérature anglaise, par M. *O'Sullivan.* 30 à 33 vol. Par souscription.

Англійскія.

THAUMATURGIA, or, Elucidations of the marvellous. By an *Oxonian.* 1 vol.

TRACTS, LEGAL AND HISTORICAL, with other antiquarian matter, chiefly relative to Scotland. By *John Riddell*, Esq. 1 vol.

TEN YEARS IN SOUTH AFRICA, including a particular description of the wild sports of that country. By Lieut. *J. W. D. Moodie.* 2 vols.

SECOND VOYAGE OF DISCOVERY tho the arctic regions. By Captain *Ross*, R. N. 1 vol., 4to with numerous plates.

HISTORY OF THE BRITISH COLONIES. By *R. Montgomery Martin*, Esq. Vol. IV.

SKETCHES AND RECOLLECTIONS. By *John Poole*, Esq. 2 vols.

THE WIFE, and Woman's reward. By the Hon. Mrs *Norton.* 3 vols.

THE GYPSY, a tale. By the author of Richelieu, etc. (Mr James) 3 vols.

A POETS PORTFOLIO, or minor poems. By *James Montgomery.* 1 vol.

BELFORD REGIS, or Sketches of a country town. By *Mary Russel Mitford.* 5 vols.

THE STUDENT, a Series of papers. By the author of Eugene Aram. 2 vols.

THE CAPTIVE, a novel. By the author of the Pilgrim Brothers. 3 vols.

=

МОДЫ.

Парижъ. Май.

Это ужъ рѣшено: Лоншанское гулянье не будетъ болѣе поприщемъ, на которомъ пробуютъ моды, и моды могутъ рѣшать свою участь гдѣ имъ угодно. Въ послѣдніе годы, оно имѣло уже мало вліянія на шляпки и капоты, а въ нынѣшнемъ не имѣло никакого.

Слѣдственно моды остаются совершенно тѣ же какъ въ прошломъ году. Въ покроѣ платьевъ, капотовъ и шляпокъ не замѣтно почти ни какой разницы, кромѣ тѣхъ легкихъ измѣненій, которыя личный вкусъ каждой придумываетъ для соглашенія наряда съ лицемъ или таліей.

Нѣкоторыя дамы изъ класса «разряжающихся впухъ», стараются правда ввести въ употребленіе разныя выдумки, но съ такихъ дамъ свѣтъ высокаго стиля не беретъ примѣра. Одинъ модный журналъ приводитъ по этому случаю слѣдующій, непреложный афоризмъ современнаго вкуса: «плохія модистки *изобрѣтаютъ*; отличная модистка только *улучшаетъ*.»

— Изъ одиннадцати платьевъ десять дѣлаются въ видѣ капота или пеньуара.

— Платья длинны, но безъ преувеличенія: ежели ножка хороша, надобно, чтобы хоть часть ея была видна.

— Шведскія перчатки въ большомъ употребленіи для утренняго наряда; по-полудни господствуютъ желтыя перчатки, а ввечеру нѣжнаго перловаго цвѣта.

— Шотландскія (клетчатыя) ленты и матеріи пользуются большою милостью у щеголихъ хорошаго тона. Самые модные цвѣта — палевый и зеленый.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ
ДЕСЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. *А. С. Пушкина*..... 5.
Сибирскій казакъ, Баллада. Часть вторая. *П. П. Ершова.* 11.
Побѣда Вакха. *Г. Сорокина*..... 22.
Послѣдній день, поэтическая картина. *А. Тимоѳеева.* 151.
Русская пѣсня. *П. П. Ершова*..... 171
Мальвина. *И. И. Козлова*..... 172.
Призраки. Изъ Виктора Гюго. *М. Сорокина*..... 175
Весна. *А. Зилова*..... 180.

ПРОЗА.

Три жениха. Провинціальные очерки. *М. Н. Загоскина* 25.
Стамбульскіе оригиналы. *Г. Базили*..... 101.
Потерянная для свѣта повѣсть. *А. Бѣлкина*..... 134.
Бѣда, если бъ не медвѣдь. Повѣсть. *М. А. Маркова.* 185.
Провинціяльные Актеры, повѣсть. *А. Вельтмана*.... 208.
Прихоть, повѣсть. *А. П. Степанова*..... 241.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Волшебный ключъ, повѣсть *Г. Крузе*. Изъ *Taschenbuch der Freundschaft und Liebe*..... 1.
Поѣздка въ Луговыя степи. Новѣйшее сочиненіе Вашингтона Ирвинга, *A Tour on the Prairies*..... 44.
Послѣдній романъ Г. Бальзака. Статья Г. Юлія Жанена..... 62
Записки покойнаго Доктора. Г. Гаррисона. Жена Баронета. Изъ *The diary of a late Physician*..... 67.
Амброзіянскія Ночи, Г. Гогга. Ночь LXXI..... 121.
Деревенскія забавы столичнаго зѣваки. Изъ *New Monthly Magazine*..... 138.
Ламартинъ у леди Стенгопъ. Изъ Souvenirs impressions,etc, *par M. de Lamartine*..... 158.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Японія. Изъ *Quarterly Review*..... 1.
Морозъ-ли истребилъ Французскую Армію въ 1812 году? *Д. В. Давыдова*..... 28.
Галлеева комета, Статья Г. Араго. Изъ *Annuaire du Bureau des longitudes 1835*..... 54.
Періодъ Самозванцевъ. *М. П. Погодина*..... 57.
Начало рѣкъ и ключей. Статья Г. Арагò..... 78.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Свекло-сахарная промышленость и новыя методы производства. *Г. Лялина*..... 1.
Отчетъ свекло-сахарнаго завода *Гг. Лялиныхъ*..... 17.
Картофель. Происхожденіе и важность картофеля въ сельскомъ хозяйствѣ, способъ сохранять его въ большихъ количествахъ безъ подваловъ, въ обыкновенныхъ житницахъ; употреблять въ пищу, хотя бы и перемерзъ, и изъ перемерзшаго печь хлѣбъ лучшій чѣмъ изъ варенаго. *Д. П. Шелехова*..... 30.
Исторія преобразованія Русскаго помѣстья, съ трехпольнымъ зерновымъ полеводствомъ, въ Англійское, съ пятипольнымъ плодоперемѣннымъ. Введеніе. *Д. П. Шелехова*..... 38.
Приготовленіе колпачковъ для ударныхъ ружей (fusil à percussion). *Н. П. Филипова*..... 51.
Испытанное средство отъ запоя. (Сальваторіево лекарство). *Н. П. Филипова*..... 54.
Описаніе земледѣльческихъ орудій Г. Роджера. — 1. Чугунно-желѣзный плугъ. — 2. Три бороны съ желѣзными зубьями. — 3. Распашникъ, пашущій и боронующій въ одно время. (Съ рисункомъ.) *Д. П. Шелехова*..... 57.
Приготовленіе Лентинова шоколата, отъ чахотки, сухотки и всякаго рода разслабленій. *Н. П. Филипова*..... 61.
Способъ истреблять мухъ..... 64.
Средство сохранять на зиму живые цвѣты..... –

V.

КРИТИКА.

Стихотворенія Е. Баратынскаго..... 1.
Свѣтославичъ Вражій-Питомецъ, Г. Вельтмана..... 9.
Исторія Пугачевскаго бунта..... 21.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1835. Новыя книги..... 1.
Разныя извѣстія..... 29.
Май, 1835. Новыя книги..... 28.
Разныя извѣстія..... 45.

VII.

СМѢСЬ.

Май.

Опыты надъ термометромъ подъ землею..... 1.
Замѣчательный рыбій уродъ..... 3.
Среднее продолженіе жизни въ разныхъ возрастахъ.. —.
Плясучая болѣзнь..... 4.
Пребываніе Наполеона въ Берлинѣ, изъ записокъ очевидца. *В. И. Панаева*..... 9.
Празднества въ Гердварѣ и Джегернатѣ, въ Индіи... 15.
Новѣйшее путешествіе въ Исландію..... 19.
Бедуинскіе турниры..... 21.
Вестминистерскіе обои..... 22.
Древнія Египетскія картины..... 25.
Кѣмъ и какъ издается газета Times..... 28.
Число журналовъ въ сѣверной Америкѣ..... 31.
Фабрикація драмъ и водевилей въ Парижѣ..... 32.
Французскій театръ въ Парижѣ:
Charlotte Brown. Les beignets à la cour. Le père Goriot, и проч. Le cheval de bronze, новая опера Г. Скриба, музыка Обера..... 35.

Италіанскій театръ:
Марино Фаліеро, музыка Доницетти ..... 48.
Словесность во Франціи ..... 51.
Словесность въ Англіи ..... 52.
Словесность въ Германіи ..... 55.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія ..... 59.
Моды ..... 63.

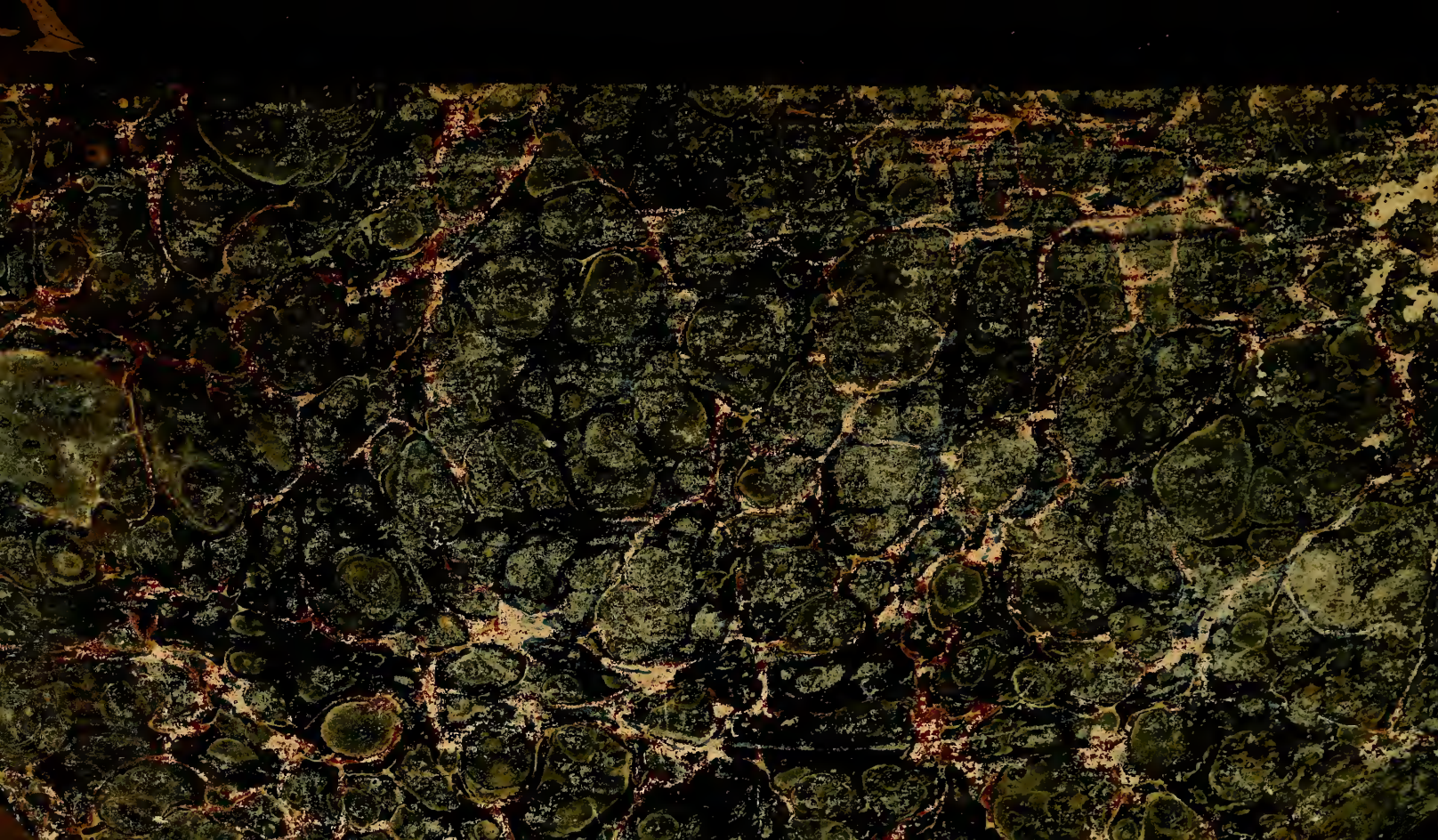
Іюнь.

Парижская Академія наукъ:
1. Новое ударное ружье ..... 65.
2. Литотритія, или каменотреніе ..... 66.
3. Движеніе крови въ волосковатыхъ сосудахъ ... 68.
Лучемѣръ Гершеля ..... 69.
Измѣреніе быстроты электричества ..... —.
Новыя наблюденія надъ магнитною стрѣлкою ..... 70.
Вторичная экспедиція капитана Росса къ полюсу ..... 71.
Эскуріальская библіотека ..... 78.
Проектъ страховой компаніи на акціяхъ для покойниковъ 82.
Мѣновая торговля идеями и репутаціями ..... 85.
Новый родъ медвѣжьихъ шубъ ..... 86.
Французскій театръ въ Парижѣ:
Angélo Malipieri, новая драма Г. Виктора Гюго. Le monomane. La traite des noirs. Une chaumière новый водевиль Г. Скриба. et son coeur!, Les boudeurs. Manette, новый водевиль Г. Баяра. La croix d'or. La chasse aux maris ..... 89.
Словесность во Франціи ..... 117.
Словесность въ Англіи 118
Словесность въ Германіи 121
Новыя книги, Французскія и Англійскія ..... 125.
Моды ..... 128.

=

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.10
ch.2